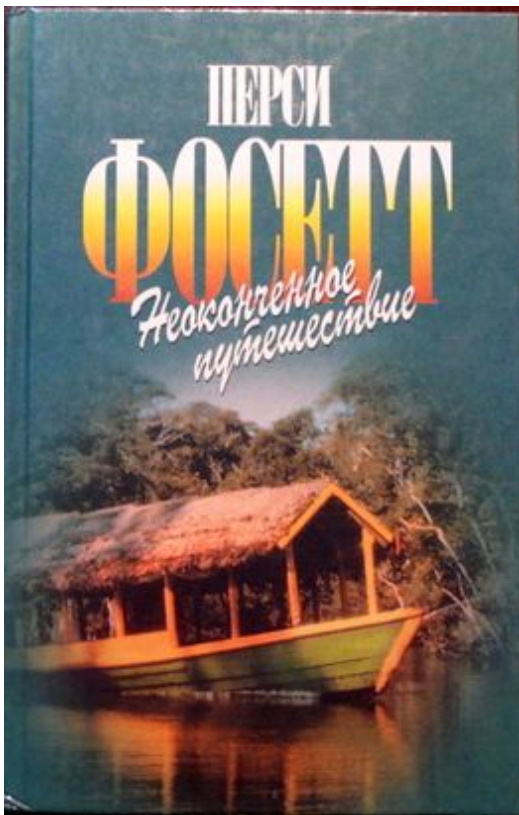

A painting of a tropical landscape. In the foreground, several palm trees with dark trunks and green fronds are visible. A river flows through the center of the scene, reflecting the sky. A small boat with a person is on the river. The background shows a hazy, colorful sky with shades of orange, red, and blue, suggesting a sunset or sunrise. The overall style is impressionistic.

Эдвард Россетт

НЕОКОНЧЕННОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ

Annotation

Выдающийся английский путешественник П. Г. Фосетт совершил в начале нашего века восемь экспедиций в глухие труднодоступные районы центральной части Южной Америки. В результате этих экспедиций были нанесены на карту многие реки Боливии, Парагвая, Бразилии, уточнены границы между этими государствами, исследованы территории, долгое время остававшиеся «белыми пятнами» на картах мира.

Книга П. Г. Фосетта — это яркий, красочный рассказ о дикой природе южноамериканских тропиков, о населении этих мест, о нравах и порядках, которые господствовали в то время в странах Южной Америки.

-
- [Перси Фосетт](#)
 - [Пролог](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Эпилог](#)
- [Английские меры, встречающиеся в тексте](#)
- [В поисках древних цивилизаций](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)

- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)

- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)

- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)

- [158](#)
 - [159](#)
 - [160](#)
 - [161](#)
 - [162](#)
 - [163](#)
 - [164](#)
 - [165](#)
 - [166](#)
 - [167](#)
 - [168](#)
 - [169](#)
 - [170](#)
 - [171](#)
-

Перси Фосетт
Неоконченное путешествие

Пролог

Удивительная история!

С сожалением я перевернул последнюю страницу рукописи, словно распростился с близким другом. В течение нескольких дней я проводил часы второго завтрака в конторе, как замороженный читая эту повесть, недавно попавшую в мое распоряжение. Даже трудности дешифровки бисерного почерка не могли нарушить ощущения, будто я сам принимаю участие в этом рискованном предприятии, так как мысленно я сопровождал отца в его экспедициях, делил с ним трудности и лишения, видел его глазами поставленную им перед собой великую цель и вместе с ним переживал одиночество, разочарования и триумфы.

Глядя из окон моей конторы на свинцовые облака, на пасмурную картину перуанской зимы у побережья, я всем нутром ощутил необъятность Южной Америки. Там, за барьером Анд, громоздившихся к востоку над низким потолком истекающих слезами облаков, лежат огромные дикие пространства, враждебные и угрожающие, тщательно скрывающие свои тайны от всех, кроме самых отчаянных смельчаков. Реки, вяло текущие по сумасшедше закрученным руслам между молчаливых занавесей джунглей^[1] — мутные реки, полные смерти; леса, где животных можно слышать, но не видеть; кишмя кишасщие змеями топи; скудные, посещаемые лихорадкой пустынные местности; дикари, готовые поразить своими отравленными стрелами любого, кто нарушит их уединение, — обо всем этом я уже знал вполне достаточно, чтобы мысленно следовать за отцом по страницам этой рукописи, которая вводила меня то к временам варварского каучукового бума со всем сопутствующим ему произволом и жестокостями, то к молчаливым и неисследованным пограничным рекам, и, наконец, на поиски затерянных остатков когда-то могучей цивилизации.

Рукопись не являлась для меня чем-то совершенно новым. Помнится, отец работал над нею еще до того, как я уехал в Перу в 1924 году, и время от времени читал некоторые выдержки из своего труда. Однако эти записки так и не были им закончены. Оставалось дописать финальную часть — кульминационный пункт, которым должна была явиться последняя экспедиция. Но девственный лес, допустив заглянуть в свою душу, потребовал взамен плату — жизнь отца. Страницы этой рукописи, над которой отец трудился, полный надежды на удачное завершение экспедиции, сделались душераздирающей реликвией трагедии, существа которой мы не могли выяснить.

Если факт смерти не доказан, не так легко поверить, что одного из членов семьи больше никогда не увидишь. Моя мать, владевшая этой рукописью, была твердо убеждена, что наступит день и ее муж вместе со старшим сыном вернутся. В том, что она так думала, нет ничего удивительного. Вести о судьбе экспедиции приходили одна за другой, некоторые заслуживали доверия, другие казались фантастическими, но среди них не было ни одной безусловно достоверной. Однако не только уверенность, что отец сам напишет заключительную часть рукописи, задерживала публикацию этих записок. Крайне желательно было также по возможности держать в тайне предполагаемое местонахождение объекта его поисков, причем не из ревности к его славе, а потому, что он сам, не желая, чтобы другие рисковали из-за него жизнью, завещал нам делать все возможное, всеми способами препятствовать посылке спасательных экспедиций, если его группе не удалось бы вернуться назад.

Более пятнадцати лет прошло с тех пор, как отец отправился в свою последнюю, роковую экспедицию в Мату-Гросу^[2], и вот предо мной лежит все, что от нее осталось. Раньше я не представлял себе в полном объеме все то, что он сделал в Южной Америке. Мне, конечно, были известны основные события и факты, но отсутствовали многие необходимые материалы, которые дали бы возможность объединить все, что знаю, в единое целое.

— Ты, наш единственный оставшийся в живых сын, должен получить все его бумаги, — сказала мать, доставая из чемодана и вручая мне его дневники, письма и рукопись.

Один за другим я брал эти материалы с собой на службу и внимательно изучал их в обеденный перерыв. В Южной Америке этот перерыв длится долго, и полагающиеся два часа покоя я использовал не для еды,

а для того, чтобы заняться своими делами. Так перерыв стал у меня обычным временем для изучения материалов отца и их обработки.

Я закончил читать рукопись с твердым решением опубликовать ее — насколько возможно довести до конца ту цель, которую ставил себе отец, когда писал ее. Этой целью было пробудить интерес к тайне потонувшего материка, которая, если ее раскрыть, могла бы изменить все наши представления о древнем мире. Я чувствовал, что пришло время полностью рассказать историю путешествий полковника Фосетта.

Но мир был охвачен войной. Железная дорога, на которой я работал инженером-механиком, служила военным целям, и вскоре, после того как я с энтузиазмом принялся перепечатывать рукопись на машинке, обстоятельства стали отнимать у меня большую часть свободного времени. Возможно, это принесло пользу делу. Лишь только вернулось подобие нормального существования, я смог убедиться, что для завершения задуманного потребуется очень много труда и одними лишь занятиями в часы досуга мне не обойтись. Для подготовки рукописи к публикации необходимо было уделить ей нераздельное внимание. Поэтому работа над книгой не была завершена до тех пор, пока я окончательно не расстался с дорогой.

Искусный художник мог бы написать целую повесть на материале только одного из рассказанных эпизодов. Я колебался — насыщать ли эту книгу столь большим количеством эпизодов, в особенности когда нет заключительной, кульминационной части всей повести. Однако мне здесь не нужно добиваться стилистических красот, говорил я себе, повесть должна быть рассказом самого автора о деле его жизни и пережитых им приключениях, просто и безыскусно излагаемым, правдивым отчетом о фактах и событиях.

«Мечтатель Фосетт» — звали его многие. Возможно, они были правы. Так всякий человек — мечтатель, если живое воображение рисует ему возможности открытий, выходящих за пределы принятых в науке положений. Именно мечтатель оказывается исследователем, а исследователь становится первооткрывателем. Однако отец был человеком практического склада и в свое время отличился как солдат, инженер и спортсмен. Его рисунки получили признание Королевской академии. Он играл в крикет, защищая спортивную честь своего графства. Нечего удивляться тому, что молодой артиллерийский офицер, который в двадцать лет построил без посторонней помощи две великолепные гоночные яхты и получил патент на открытый им принцип сооружения судов, известный под названием «ихтоидная кривая», благодаря чему увеличивалась скорость судна, был приглашен солидной фирмой яхтостроителей на должность консультанта-проектировщика а впоследствии достиг выдающегося успеха в тяжелом и рискованном деле определения границ между тремя государствами, которые во время великого каучукового бума оспаривали их в кровопролитных стычках. Да, это так — он мечтал; но его мечты были основаны на разуме, и он был не из тех, кто жалеет силы, когда надо подтвердить теорию фактами.

«Фосетт — мистик!»

Возможно, это обвинение или намек на эксцентричность, которой пытались объяснить его настойчивость в преследовании своей цели, многими считавшуюся не чем иным, как причудой. Но ведь всякий человек рискует прослыть мистиком, если он стремится познать нематериальное. Он не делал секрета из своего интереса к оккультизму, и это ставили ему в вину. Подразумевалось, что нельзя серьезно относиться к тому, кто способен верить во всякие «психические

фокусы». Столь же легко можно осудить и других уважаемых представителей мира науки и искусства! В конце концов он был исследователем, человеком пытливого ума и жаждал познания через все доступные каналы. Был ли он мистиком или нет, его деятельность как географа заслужила научное признание и отражена в официальных картах.

Но когда он путешествовал, и мечтатель, и мистик в нем растворялись в исследователе, археологе и этнографе. Результатам экспедиций и посвящена главным образом его рукопись. Несколько публикаций о них уже появилось в печати. Время от времени отец посылал из отдаленных районов подробные письма матери; требовались месяцы, чтобы эти письма могли достичь цивилизованного мира. В текст книги я включил цитаты из этих писем, а также записи из дневников, которые охватывают все экспедиции вплоть до последней.

Появится ли на свет отчет о его последнем, трагическом путешествии? Может быть, его еще найдут — кто знает?

Брайн Фосетт

Глава 1

Потерянные рудники

Мурибеки

*Голос, как совесть больная, долгие
ночи и дни.*

*Шепотом мне повторяя, вечно звучал
позади,*

*Что-то сокрыто. Найди же. Смело за
Грань загляни.*

*То, что пропало за Гранью, — ждет
тебя. Встань и иди.*

Редьярд Киплинг. Исследователь

Когда Диего Альварес, борясь с мертвой зыбью Атлантики, добрался до земли на обломках своей разваливающейся каравеллы, перед ним, изнемогающим от усталости, предстал берег, совершенно незнакомый португальцам XVI века.

Всего лишь двадцать четыре года назад Колумб открыл Новый Свет и разжег воображение испанских авантюристов. После темной ночи средних веков заря знания только занималась: весь мир представлял собой тайну, и перед путешественниками в дальние страны раскрывались все новые чудеса. Нельзя было провести грань между легендой и реальностью; искатели приключений смотрели на все незнакомое взглядом, искаженным суевериями.

Здесь, на берегу Бразилии, где сейчас расположена Баия, его могло ожидать все что угодно. Там, за вершинами вон тех поросших лесом утесов, должны быть удивительные вещи, и он, Диего Альварес, первым

из белых увидит их. Не грозит ли опасностью встреча с коренными жителями, быть может, теми самыми получудовищами-полулюдьми, которые, по преданию, живут в этих краях? Ведь с ними волей-неволей придется иметь дело, когда понадобится пища и вода.

Дух первооткрывателя побудил португальского моряка присоединиться к этому злополучному путешествию, он гнал Альвареса все дальше, и ничто, кроме смерти, не могло остановить его.

Диего единственный из всего экипажа уцелел после кораблекрушения. Берег, на который он попал, был населен каннибалами тупинамба. Надо полагать, Альварес избежал участи быть съеденным, потому что был для индейцев странной, необыкновенной личностью, и они сочли, что демонстрация такого диковинного пленника послужит их славе и даст им преимущество перед соседними племенами. Своим спасением он обязан главным образом индейской девушке из племени покаонтас, по имени Парагуасу, которая, влюбившись в него, стала одной из его жен, наилюбимейшей среди прочих.

В течение многих лет португалец жил у индейцев. В это время в Бразилию стали во множестве прибывать его земляки, и Альварес установил дружественные отношения между ними и дикарями. Ему удалось привести Парагуасу в лоно церкви, а ее сестру выдать замуж за другого португальского авантюриста. Сын ее сестры, родившийся в этом браке, Мелшиор Диас Морейра большую часть своей жизни провел с индейцами и был известен у них под именем Мурибеки. Он открыл много рудников и накопил несметное количество серебра, золота и драгоценных камней. Искусные мастера из племени тапуйя делали из них изумительные украшения, наполнявшие завистью сердца ранних поселенцев, прибывших из Европы.

У Мурибеки был сын — Роберио Диас. Еще мальчиком он познакомился с рудниками — источником богатств отца. Примерно в 1610 году Роберио Диас предложил все рудники королю Португалии Дому Педру II взамен титула маркиза Дас Минас. Диас показывал королю богатые образцы серебряной руды и соблазнял его рассказами о том, что там, в Южной Америке, серебра больше, чем железа в Бильбао. Ему не совсем поверили, но королевская алчность была достаточно велика, и Дом Педру распорядился составить грамоту о новом маркизате.

Если Роберио Диас льстил себя надеждой, что ему удастся покинуть португальский двор маркизом, то он жестоко ошибся. Слишком хитер был старый Дом Педру II. Грамоту опечатали, и она была отправлена на одном корабле с Диасом с указанием вручить ее только после того, как рудники будут показаны. Но и Диас, в свою очередь, подозревал неладное. Он был не из тех, кто слепо верил слову короля. Когда экспедиция была уже недалеко от Баии, ему удалось убедить офицера, командующего отрядом, вскрыть конверт и показать ему грамоту. В ней значилось, что Диасу присваивается чин капитана королевской службы и ничего больше, ни одного слова о маркизате. Это решило дело. Диас отказался показывать рудники, взбешенный офицер силой доставил его обратно в Баию и бросил в тюрьму. Диас пробыл в заключении два года, после чего ему разрешили купить свободу за 9000 крон. Он умер в 1622 году и унес тайну рудников с собой в могилу. Диего Альварес скончался за много лет до этого, Мурибека тоже давно умер, а индейцы даже под самыми жестокими пытками отказывались говорить о рудниках. Дому Педру II оставалось лишь проклинать себя за неразумный обман да вновь и вновь перечитывать официальные донесения о пробах образцов тех руд, которые привез с собой Роберио Диас.

Тайна рудников была утрачена, и специальные экспедиции из года в год рыскали по стране, сиюсь обнаружить их. Все эти экспедиции постигла неудача: уверенность в существовании рудников угасла и стала достоянием легенды, но тем не менее всегда находились смельчаки, готовые пойти на риск голодной смерти и встречи с враждебно настроенными дикарями за возможность открытия новой Потоси^[3].

Район, лежащий за рекой Сан-Франсиску, португальским колонистам того времени был столь же мало известен, как леса Гонгужи теперешним бразильцам. Вести исследования было крайне трудно. Много сил уходило на борьбу с непокорными индейцами, стрелявшими отравленными стрелами из недоступных укрытий; из-за нехватки продовольствия невозможно было организовать достаточно крупные экспедиции, способные обезопасить себя от нападений. И все же одна за другой они пускались в путь и в большинстве случаев пропадали без вести. Назывались эти экспедиции «bandeiras»^[4], или «флагами», так как снаряжались государством, сопровождалась правительственными войсками и обычно целым штатом миссионеров. Время от времени в такие предприятия пускались и частные лица. Они вооружали достаточное количество рабов негров, брали с собой индейцев в качестве проводников и исчезали в сертанах^[5] на многие годы, часто навсегда.

Люди романтического склада ума — а большинство из нас именно таковы — смогли бы воссоздать на основе рассказанного немало захватывающих, ни с чем не сравнимых историй. Я сам нашел одну такую историю в старинном документе и поныне хранящемся в Рио-де-Жанейро и, располагая доказательствами его подлинности, полученными из разных источников, безоговорочно верю ему. Я не намерен предлагать здесь дословный перевод этого странного отчета-донесения —

неразборчивая рукопись на португальском языке во многих местах порвана, но во всяком случае начало этой истории относится к 1743 году, когда некий уроженец Минас-Жераис^[6] — имя его не сохранилось — решил заняться поисками потерянных рудников Мурибеки.

Франсиско Рапозо — для удобства рассказа как-нибудь придется его назвать — не настолько боялся диких зверей, ядовитых змей, индейцев и насекомых, чтобы отказаться от попытки обогатить себя и своих спутников, подобно тому как испанцы в Перу и Мексике обогащались каких-нибудь двести лет тому назад. Отважные люди были эти первые поселенцы — быть может, и суеверные, но забывавшие обо всем, когда речь шла о золоте.

Продвигаться с вьючными животными через бездорожье глубинных районов страны было очень трудно. Без конца приходилось пересекать реки и болота, трава на пастбищах была слишком груба — все это да еще непрестанные атаки вампиров вскоре прикончили животных. Холодный климат сменялся жарким, за страшной засухой следовал настоящий потоп. Тяжелое снаряжение приходилось нести на себе. Однако Рапозо и его люди не обращали внимания на эти помехи и, полные надежд, все дальше продвигались в глубь дикой страны.

Лишь позднее я точно выяснил, где они проходили. В основном они шли в северном направлении. В те времена еще не существовало карт этой страны, и ни один из членов отряда не имел ни малейшего представления об искусстве ориентировки на суше, поэтому на описания пути, данные в этом отчете, никак нельзя положиться. Индейцы сопровождали их от одного пункта до другого и подсказывали, как идти дальше. Иногда португальцы попросту брели в неизвестность, целиком полагаясь на то, что случай выведет их к вожделенной цели. В духе всех

первооткрывателей они жили охотой и рыбной ловлей, питаясь также фруктами и овощами, которые удавалось украсть с полей у индейцев или выпросить у дружелюбно настроенных племен. Скучное это было существование, так как животные в южноамериканских дебрях очень пугливы. Но в те времена люди были менее требовательны, чем в наши дни, и, следовательно, более выносливы.

Рапозо и его спутники целых десять лет бродили в дебрях целыми и невредимыми. Не считая индейцев, которые время от времени присоединялись к ним и исчезали, когда им заблагорассудится, отряд состоял всего из восемнадцати человек. Возможно, этим объясняется, почему они остались в живых. Обычно бандейрас насчитывали по меньшей мере 500 человек, и есть сведения об отряде в 1400 человек, ни один из которых не вернулся. Кучка людей может прокормиться там, где большой отряд ждет голодная смерть.

Пришло время, и Рапозо вновь двинулся на восток, направляясь к прибрежным поселениям. Люди устали от бесконечных скитаний и были обескуражены неудачей поисков. Рапозо был готов поверить, что рудники — миф, а его компаньоны уже давно пришли к этому убеждению. Отряд шел по болотистой, покрытой густыми зарослями местности, как вдруг впереди показалась поросшая травой равнина с узкими полосками леса, а за нею — зубчатые вершины гор. В своем повествовании Рапозо описывает их весьма поэтично: «Казалось, горы достигают неземных областей и служат треном ветру и даже самим звездам». Тот, кому приходилось много месяцев подряд двигаться по однообразно плоской равнине, легко поймет поэтическую восторженность Рапозо.

Это были необычные горы. Когда отряд стал подходить ближе, их склоны озарились ярким пламенем: шел дождь, и заходящее солнце отсвечивалось в мокрых

скалах, сложенных кристаллическими породами и дымчатым кварцем, обычным для этой части Бразилии. Глазам искателей богатств горы показались усеянными драгоценными камнями. Со скалы на скалу низвергались потоки, а над гребнем хребта повисла радуга, словно указывая, что сокровища следует искать у ее основания.

— Знамение! — вскричал Рапозо. — Смотрите, мы нашли сокровищницу великого Мурибеки!

Пришла ночь — и люди были вынуждены сделать привал, прежде чем достигли подножия этих удивительных гор. На следующее утро, когда взошло солнце, они увидели перед собой черные, грозные скалы. Это несколько охладило их пыл, но вид гор всегда волнует душу первооткрывателя. Кто знает, что можно увидеть с самой высокой горной гряды?

Глазам Рапозо и его товарищей их высота казалась огромной, и когда они достигли подножия, то увидели пропасти с отвесными стенами, по которым невозможно было подняться. Весь день они искали пути наверх, перебираясь через груды камней и расщелины. Вокруг было множество гремучих змей, а средства против укуса их бразильских разновидностей не существовало. Утомленный тяжелым переходом и необходимостью быть непрестанно настороже, Рапозо решил сделать привал.

— Мы прошли уже три лиги и все еще не нашли пути наверх, — сказал он. Пожалуй, лучше вернуться назад, на наш старый маршрут, и искать дорогу на север. Как по-вашему?

— Надо стать на ночлег, — слышался ответ. Давайте отдохнем. Хватит с нас на сегодня. Вернуться можно и завтра.

— Отлично, — сказал предводитель, — тогда пусть двое из вас — Жозе и Манюэль — отправятся за дровами для костра.

Люди разбили лагерь и расположились отдыхать, как вдруг из зарослей донеслись бессвязные возгласы и треск. Все вскочили на ноги и схватились за оружие. Из чащи выскочили Жозе и Маноель.

«Patrao, patrao^[7], — закричали они. Путь наверх! Мы нашли его!

Бродя в невысоких зарослях в поисках дров для костра, они увидели высохшее дерево, стоявшее на берегу небольшого ручья. Лучшего топлива нельзя было и желать, и оба португальца направились к дереву, как вдруг на другом берегу ручья выскочил олень и тут же исчез за выступом скалы. Сорвав с плеч ружья, они со всех ног бросились за ним. Если б они убили его, им хватило бы мяса на несколько дней!

Животное исчезло, но за скалой они обнаружили глубокую расщелину в стене ущелья и увидели, что по ней можно взобраться на вершину горы.

И об олене, и о дровах тотчас забыли. Лагерь был свернут, люди вскинули на плечи поклажу и отправились вперед, предводимые Маноелем. С удивленными возгласами искатели приключений один за другим вошли в расщелину и убедились, что дальше она расширяется. Идти было трудно, хотя местами дно расщелины напоминало что то вроде старой мостовой, а на ее гладких стенах виднелись полустершиеся следы обработки каким-то инструментом. Друзы кристаллов и выходы белопенного кварца создавали у людей такое ощущение, будто они вступили в какую-то сказочную страну; в тусклом свете, скупом льющемся сверху через спутанную массу ползучих растений, все представлялось им таким же волшебным, как тогда, когда они впервые увидели горы.

Через три часа мучительно трудного подъема, ободранные, задыхающиеся, они вышли на край уступа, господствующего над окружающей равниной. Путь отсюда со гребня горы был свободен, и скоро они стали

плечом с плечу на вершине, пораженные открывшейся перед ними картиной.

Внизу под ними на расстоянии примерно четырех миль лежал огромный город.

Они отпрянули и бросились под укрытие скал, надеясь, что жители города не заметили их фигур на фоне неба: это могло быть поселение ненавистных испанцев. Перед ними мог быть и Куско — древняя столица Перу, где жили инки^[8] — высокоцивилизованный народ, сопротивляющийся вторжению европейских захватчиков. А может, это просто португальская колония? Или остатки Орижес Прокажес — оплота таинственных тапуя^[9] — народа, который обнаруживал несомненные признаки некогда высокой цивилизации.

Рапозо ползком поднялся на гребень скалы и лежа осмотрел местность вокруг. Горная цепь простиралась с юго-востока на северо-запад; дальше к северу виднелся подернутый дымкой сплошной лесной массив. Прямо перед ним расстилалась обширная равнина, вся в зеленых и коричневых пятнах, местами на ней блестели озера. Каменистая тропа, по которой они пришли, продолжалась на другой стороне хребта и, спускаясь вниз, уходила за пределы видимости, потом появлялась снова, извиваясь, проходила по равнине и терялась в растительности, окружавшей городские стены. Никаких признаков жизни не было видно. В спокойном воздухе не подымался ни один дымок; ни один звук не нарушал мертвой тишины.

Рапозо быстро подал знак своим спутникам, и один за другим они переползли через гребень горы и укрылись за кустарником и утесами. Затем отряд начал осторожно спускаться по склону в долину и, сойдя с тропы, стал лагерем около небольшого ручья с чистой водой.

В эту ночь не зажигались костры, люди говорили шепотом. После долгих лет, проведенных в диких местах, они испытывали благоговейный страх при виде признаков цивилизации и не были уверены в своей безопасности. Вечером, за два часа до наступления ночи, Рапозо послал двух португальцев и четырех негров на разведку — выяснить, что за народ живет в этом таинственном месте.

Взволнованно ожидали возвращения посланцев остальные; малейший шум в лесу, будь то жужжание насекомого или шелест листвы, казался зловещим. Но разведчики вернулись ни с чем. За отсутствием надежного укрытия они не рискнули слишком близко подойти к городу, и им не удалось обнаружить никаких признаков жизни. Индейцы, состоявшие в отряде, были озадачены не меньше Рапозо и его спутников. Некоторые места для них были запретными, и ими овладело беспокойство.

Однако утром после восхода солнца Рапозо удалось уговорить одного из них пойти на разведку. И хотя люди плохо спали накануне ночью, они не смогли отдохнуть и днем, все время думая о судьбе своего посланца. В полдень индеец вернулся. Он был очень испуган и утверждал, что город необитаем. Было слишком поздно, чтобы двинуться вперед в этот же день, поэтому отряд провел еще одну беспокойную ночь в лесу, прислушиваясь к странным звукам вокруг и готовый в любой момент встретить лицом к лицу неведомую опасность.

На следующий день утром Рапозо выслал вперед авангард из четырех индейцев и последовал за ним с остальными людьми. Когда они приблизились к поросшим травой стенам, индейцы-разведчики встретили их с тем же докладом — город покинут. Теперь уже с меньшей осторожностью они направились по тропе к проходу под тремя арками, сложенными из

огромных каменных плит. Столь внушительной была эта циклопическая постройка (возможно, схожая с той, которую еще можно видеть в Саксауамане в Перу), что никто не осмелился заговорить. Крадучись, отряд скользнул под потемневшие каменные своды.

Сверху, над центральной аркой, в растрескавшемся от непогоды камне были высечены какие-то знаки. Несмотря на свою необразованность, Рапозо все же смог разобрать, что это было не современное письмо. Глубокой древностью веяло от всего этого, и Рапозо стоило большого труда хриплым и неестественным голосом отдать приказ двигаться дальше.

Арки все еще были в прекрасной сохранности, лишь одна или две колоссальные подпоры слегка сдвинулись со своих оснований. Люди прошли под арками и вышли на широкую улицу, усеянную обломками колонн и каменными глыбами, облепленными растениями-паразитами тропиков. С каждой стороны улицы стояли двухэтажные дома, построенные из крупных каменных блоков, не скрепленных известкой, но подогнанных друг к другу с невероятной точностью; портики, суживающиеся кверху и широкие внизу, были украшены искусной резьбой, изображавшей демонов.

Мы не можем игнорировать это описание, сделанное людьми, которые не видели Куско, Саксауамана^[10] и других поразительных городов древнего Перу — городов, которые существовали еще задолго до того, как в них пришли инки^[11]. То, что увидели и рассказали Рапозо и его люди, вполне совпадает с тем, что мы еще можем видеть в наши дни. Необразованные искатели приключений вряд ли смогли бы сочинить рассказ, так точно подтверждаемый обнаруженными ныне остатками циклопических строений, ставших известными всему миру.

Повсюду виднелись руины, но было много и уцелевших домов с крышами, сложенными из больших

каменных плит, еще державшихся на месте. Те из пришельцев, которые осмелились войти внутрь и попробовали подать голос, тут же выскочили обратно, напуганные многоголосым эхо, отдававшимся от стен и сводчатых потолков. Трудно было сказать, сохранились ли тут какие-нибудь остатки домашнего убранства, так как в большинстве случаев внутренние стены обрушились, покрыв пол обломками, а помет летучих мышей, накапливаясь столетиями, образовал толстый ковер под ногами. Город выглядел настолько древним, что такие недолговечные предметы, как обстановка и произведения ткацкого искусства, должны были давным-давно истлеть.

Сгрудившись, словно стадо испуганных овец, люди направились дальше по улице и дошли до широкой площади. Здесь в центре возвышалась огромная колонна из черного камня, а на ней отлично сохранившаяся статуя человека; одна его рука покоилась на бедре, другая, вытянутая вперед, указывала на север. Величавость монумента глубоко поразила португальцев, и они благоговейно перекрестились. Покрытые резьбой и частично разрушенные обелиски из того же черного камня стояли по углам площади, а одну ее сторону занимало строение, столь прекрасное по форме и отделке, что оно могло быть только дворцом. Его стены и кровля во многих местах обрушились, но большие квадратные колонны были целы. Широкая каменная лестница с выщербленными ступенями вела в обширный зал, где на стенах и резных украшениях все еще сохранялись следы росписи. Несметное множество летучих мышей кружило в тускло освещенных комнатах, едкий запах их помета перехватывал дыхание.

Португальцы были рады выбраться на чистый воздух. Над главным входом они заметили резное изображение юноши. У него было безбородое лицо,

голый торс, лента через плечо, в руке — щит. Голова была увенчана чем-то вроде лаврового венка, наподобие тех, что они видели на древнегреческих статуях в Португалии. Внизу была надпись из букв, удивительно походивших на древнегреческие. Рапозо переписал их на дощечку и воспроизвел в своем повествовании.

Напротив дворца находились руины другого огромного здания, очевидно храма. Уцелевшие каменные стены были покрыты стершейся от времени резьбой, изображающей людей, животных и птиц, а сверху портала опять была надпись, которую, насколько мог точно, скопировал Рапозо или кто-то другой из его отряда.

Кроме площади и главной улицы, город был совершенно разрушен. В некоторых местах обломки зданий оказались прямо-таки погребенными под целыми холмами земли, на которых, однако, не росло ни травинки. То тут, то там путникам встречались зияющие расщелины, и когда они бросали в них камни, звука падения на дно не было слышно. Не оставалось сомнений в том, что разрушило этот город. Португальцы знали, что такое землетрясение и какие оно может принести разрушения. Вот здесь, на этом месте, ряд зданий был поглощен целиком, осталось только несколько резных каменных блоков как указание на то, где они стояли. Нетрудно было представить себе картину бедствия, постигшего великолепный город: падающие колонны и каменные плиты весом от пятидесяти и более тонн, за несколько минут уничтожившие результаты упорного тысячелетнего труда.

С одной стороны площадь упиралась в берег реки, ярдов в тридцать шириной, спокойно текущей в прямом направлении с северо-запада и исчезавшей в отдаленном лесу. Когда-то берег реки окаймляла набережная, но теперь ее каменная кладка была

разбита и по большей части обрушилась в воду. По другую сторону реки лежали некогда обрабатываемые поля, ныне густо поросшие грубой травой и цветами. На мелких болотах вокруг буйно рос рис и кишмя кишели утки^[12].

Рапозо и его спутники переправились вброд через речку, пересекли болота и направились к одиноко стоявшему примерно в четверти мили от реки зданию, причем утки едва давали себе труд сдвинуться с места, чтобы уступить им дорогу. Дом стоял на возвышении, и к нему вела каменная лестница с разноцветными ступенями. Фасад дома простирался в длину не менее чем на 250 шагов. Внушительный вход за прямоугольной каменной плитой, на которой были вырезаны письма, вел в просторный зал, где резьба и украшения на редкость хорошо сохранились вопреки разрушительному действию времени. Из зала открывался доступ в пятнадцать комнат, в каждой из них находилась скульптура — высеченная из камня змеиная голова, изо рта которой струилась вода, падающая в открытую пасть другой змеиной головы, расположенной ниже. Должно быть, этот дом был школой жрецов.

Хотя город был необитаем и разрушен, на окрестных полях можно было найти гораздо больше пищи, чем в девственном лесу. Поэтому не удивительно, что никто из путников не желал покидать это место, хотя оно и внушало всем ужас. Надежда обрести здесь вождеденные сокровища пересиливала страх, и она еще более окрепла, когда Жоан Антонио, единственный член отряда, чье имя упоминается в документе, нашел среди битого камня небольшую золотую монету. На одной ее стороне был изображен коленопреклоненный юноша, на другой — лук, корона и какой-то музыкальный инструмент. Здесь должно быть полно золота, сказали они себе; когда жители бежали, они, конечно, взяли с собой лишь самое необходимое.

В документе есть намек о находке сокровищ, но никаких подробностей не сообщается. Очень может быть, что гнетущая атмосфера несчастья слишком сильно сказалась на нервах и без того чрезвычайно суеверных путников. Возможно, им помешали миллионы летучих мышей. Во всяком случае мало вероятно, чтобы они забрали с собой много золота и драгоценностей. Ведь если они хотели снова увидеть цивилизованный мир, им предстоял исключительно тяжелый путь, и ни один из них не горел желанием взваливать на себя что-либо сверх того снаряжения, которое у него уже было.

Собирать рис в болотах и охотиться на уток, если только это можно назвать охотой, было опасным занятием. Анаконды, достаточно крупные, чтобы удушить человека, встречались здесь на каждом шагу; повсюду было полно ядовитых змей, привлекаемых обильным кормом — птицами и тушканчиками, «прыгающими, словно блохи, крысами»^[13], как описывает их повествователь. Равнина была наводнена дикими собаками — крупными серыми животными величиной с волка^[14], и тем не менее ни один человек не захотел спать в черте города. Лагерь разбили перед воротами, через которые они поначалу вошли; отсюда при заходе солнца они наблюдали, как легионы летучих мышей появлялись из разрушенных зданий и растворялись в сумерках, издавая крыльями сухой шелест, напоминающий первый вздох надвигающегося шторма. Днем небо буквально чернело от ласточек, охотившихся за насекомыми.

Франсиско Рапозо не знал, где они находятся. В конце концов он решил идти вдоль реки через лес в надежде, что индейцы будут помнить ориентиры на местности, если он вернется с надлежаще экипированной экспедицией, чтобы забрать богатства, погребенные под развалинами. Пройдя пятьдесят миль вниз по реке, они наткнулись на большой водопад и в

прилегающей к нему скале заметили отчетливые следы горных разработок. Здесь португальцы пробыли довольно долго. Дичи было сколько угодно. Несколько человек свалились в лихорадке, индейцы нервничали, предполагая в окрестностях наличие враждебных племен. Ниже водопада река становилась более широкой и разбивалась на несколько болотистых рукавов, как это было обычно для южноамериканских рек.

Разведка показала, что исследовать отверстия в скалах, которые они приняли за шахты, им не под силу. Однако вокруг было разбросано некоторое количество богатой серебром руды. Тут и там встречались пещеры, высеченные в скалах рукой человека, некоторые из них были завалены громадными каменными плитами с высеченными на них странными иероглифами. Возможно, эти пещеры являлись гробницами правителей города и высших жрецов. Попытки отодвинуть плиты с места не увенчались успехом.

Португальцы уже вообразили себя богатыми людьми и решили не говорить о своем открытии никому, кроме вице-короля, у которого Рапозо был в величайшем долгу. Они вернутся сюда как можно скорее, вступят во владение копями и заберут все сокровища города.

Тем временем группа разведчиков отправилась исследовать район вниз по течению реки. После девятидневных скитаний по протокам и заводям смельчаки увидели лодку, в которой сидели двое «белых людей» с длинными черными волосами, одетые в какую-то странную одежду. Чтобы привлечь внимание, португальцы выстрелили, но лодка стала быстро удаляться и вскоре скрылась из виду. Измотанные длительными обходами болот, боясь продолжать разведку еще ниже по реке с таким небольшим отрядом, они вернулись назад к водопаду.

Теперь, когда он и его спутники были так близки к обладанию сокровищами, Рапозо чувствовал особую необходимость быть осторожным. Желая избежать встречи с воинственно настроенными индейцами, он двинулся на восток. После нескольких месяцев тяжелого пути они вышли к реке Сан-Франсиску, пересекли ее по направлению к Парагуасу и достигли Баии. Отсюда Рапозо послал вице-королю дону Луис-Перегрину-де-Карвалхо-Менезес-де-Атаиде документ, откуда и взят этот рассказ.

Вице-король ничего не стал предпринимать, и неизвестно, вернулся ли Рапозо к месту своего открытия. Во всяком случае о нем больше ничего не было слышно. Около ста лет документ пылился в архивах Рио-де-Жанейро, пока тогдашнее правительство не обратило на него внимания и не поручило одному молодому священнику произвести расследование. Однако расследование велось без знания дела и ни к чему не привело.

Трудно было чиновникам, слепо приверженным догматам всемогущей католической церкви, хоть отчасти поверить в идею существования древней цивилизации. Египет в те дни все еще был загадкой, а религиозное рвение, с которым преднамеренно уничтожались бесценные рукописи Перу и Мексики, было в порядке вещей.

Мне известно, что древний город, найденный Рапозо, не единственный в своем роде. В 1913 году покойный британский консул в Рио-де-Жанейро был проведен в подобный же город одним полукровным индейцем. Этот город, более доступный, располагался в негористой местности и был глубоко схоронен в лесах. Его отличительным признаком также была статуя на большом черном пьедестале посередине площади. К несчастью, налетевший ливень буквально смыл их

вьючное животное, и им пришлось немедленно вернуться во избежание голодной смерти.

Помимо этих двух есть и другие затерянные города; существует еще один осколок древней цивилизации. Народ, ее создавший, деградировал, но все еще хранит реликвии забытого прошлого в виде мумий, пергаментов и гравированных металлических пластин. Это город, подобный выше описанному, но гораздо меньше разрушенный землетрясениями и не такой доступный. Иезуиты знали о нем, знал о нем и один француз, который в нашем столетии сделал несколько безуспешных попыток добраться до него. Его примеру последовал некий англичанин, много путешествовавший во внутренних областях страны и узнавший о существовании этого города из одного старого документа, находящегося на хранении у иезуитов. У него был быстро прогрессирующий рак, и он то ли умер от этого недуга, то ли пропал без вести.

Возможно, после него я единственный человек, знающий эту тайну; я добыл ее в трудной школе странствий в лесах, и мне много помогло внимательное изучение всех доступных в архивах республики документов, а также некоторых других источников информации, доступных далеко не каждому.

Сообщаемые мною подробности за пределами Южной Америки неизвестны. Больше того, об этой загадке мало что знают даже в странах, которые она затрагивает самым непосредственным образом. Однако и местные и работающие в Бразилии иностранные ученые широкой эрудиции сходятся во мнении, что, лишь признав существование древней забытой цивилизации, можно найти ключ к разгадке тайны замечательной керамики и надписей, которые были недавно обнаружены. Ученым известны легенды, имевшие хождение во времена конкисты, и они отдадут

себе отчет в том, какие огромные лесные массивы еще совершенно не исследованы^[15].

Один выдающийся бразильский ученый пишет, что в результате своих исследований он пришел к такому убеждению: «...В отдаленнейшие века коренное население Америки жило в стадии цивилизации, значительно отличающейся от существующей ныне. Вследствие множества причин эта цивилизация выродилась и исчезла, и Бразилия является страной, где еще можно искать ее следы. Не исключено, — добавляет он, — что в наших пока что малоисследованных лесах могут существовать развалины древних городов».

Основатель Института истории в Рио-де-Жанейро генерал Куна Маттос решительно поддержал эту точку зрения.

Я твердо убежден, что оба ученых совершенно правы, и могу лишь надеяться, что общество возьмется за проведение серьезных научных исследований раньше, чем в эти места доберутся всякие проходимцы. Просвещенные бразильцы поддерживают такие исследования. Доказательством этому служит их обращение к Конгрессу национальной истории, состоявшемуся в Рио-де-Жанейро в 1914 году, когда экспедиция Рузвельта в торжественном сопровождении прошла вдоль телеграфной линии от Мату-Гросу к Рио-Дувида, и приветствовавшему ее как «провозвестницу новой эры познания наших неведомых земель и людей, их населяющих»^[16].

Однако вопрос стоит гораздо шире: эти изыскания представляют интерес для всего мира, ибо что может быть более увлекательным, чем проникновение в тайны прошлого, проливающее свет на историю всемирной цивилизации.

Глава 2

Каменный идол

У меня есть статуэтка дюймов десять высотой, высеченная из куска черного базальта. Она представляет собой человеческую фигурку, держащую на груди пластину, испещренную иероглифами; такие же письмена вырезаны на ленте, обвернутой вокруг лодыжек. Статуэтку мне дал сэр Райдер Хаггард, приобретший ее в Бразилии, и я твердо убежден, что она найдена в одном из затерянных городов^[17].

Эта каменная фигурка обладает престранным свойством: каждый, кто возьмет ее в руки, тотчас же ощущает подобие электрического тока, устремляющегося вверх по руке, — ощущение настолько резкое, что некоторые люди спешат поскорее положить статуэтку. Причины этого явления мне неизвестны.

Эксперты Британского музея не могли объяснить мне происхождение этой фигурки.

— Если это не подделка, — сказали мне, — мы просто не знаем, что это такое!

Обычно подделка изготавливается для того, чтобы продать ее как антикварную вещь, но есть ли смысл подделывать вещицу, ценность которой никто не в состоянии даже приблизительно определить! Я твердо уверен, что это не подделка, так как из двадцати четырех иероглифов, высеченных на статуэтке, четырнадцать встречаются порознь на различных произведениях древней бразильской керамики^[18].

Я видел лишь один способ разгадать загадку каменного идола — прибегнуть к помощи психометрии, методу, который у многих может вызвать презрительную усмешку, но в то же время пользующемуся широким признанием у людей,

свободных от предубеждений. По общему признанию, психометрия как наука у нас на Западе еще находится в младенческом состоянии, хотя на Востоке она высоко развита, и нужно с величайшей осмотрительностью отсеивать от ее результатов те крохи телепатической информации, которые легко примешиваются к ней. Психометристы исходят из того положения, что любой материальный объект сохраняет в себе запись всей своей предшествующей судьбы, причем эта запись может быть воспринята человеком, который достаточно чувствителен, чтобы настроиться на специфические, возбуждаемые им колебания. Здесь вполне уместна аналогия радиоприемника; ведь наука о радиосвязи всецело основана на таких вещах, которые сто лет назад сочли бы чистейшим суеверием. Так или иначе, я намереваюсь изложить факты и предоставить читателю возможность истолковать их как ему будет угодно.

Психометрист, с которым я был совершенно незнаком, взял в руку мою статуэтку и в полной темноте написал следующее:

«Я вижу большой, неправильной формы континент, простирающийся от северного берега Африки до Южной Америки. На его поверхности возвышаются многочисленные горы и местами видны вулканы, словно готовые к извержению. Растительность обильная — субтропического или тропического характера.

На африканской стороне континента население редкое. Люди хорошо сложены, необычного, трудно определимого типа, с очень темной кожей, однако не негроиды. Их наиболее отличительные признаки — выдающиеся скулы и пронзительно блестящие глаза. Я бы сказал, что их нравственность оставляет желать лучшего, а религия их близка к идолопоклонству. Я вижу деревни и города, обнаруживающие довольно высокую степень цивилизации, и тут есть какие-то разукрашенные здания, которые я принимаю за храмы.

Я вижу себя перенесенным на запад континента. Растительность здесь густая, можно сказать, роскошная, население много культурнее, чем на востоке. Страна более гориста; искусно построенные храмы частью высечены в скалах, их выступающие фасады покоятся на колоннах, украшенных красивой резьбой. Вереницы людей, похожих на священнослужителей, входят и выходят из храмов; на их первосвященнике, или вожде, надета нагрудная пластина, такая же, как и на фигурке, которую я держу в руке. Внутри храмов темно, над алтарем видно изображение большого глаза. Жрецы совершают обряды заклинания перед глазом, причем весь ритуал носит оккультный характер, связанный с системой жертвоприношений, хотя я не вижу жертв — животных или людей.

В разных местах храма имеется несколько изваяний, подобных тому, что я держу в руке; этот последний, очевидно, является изображением жреца высокого ранга. Я вижу, как первосвященник берет фигурку и передает другому жрецу с наказом бережно хранить ее и в надлежащее время отдать следующему избраннику. Он в свою очередь передаст ее дальше, пока она не попадет в руки того, кто является перевоплощением человека, которого она изображает; тогда с ее помощью прояснится многое из забытого прошлого.

Города, расположенные на западе, густо населены, их жители разделяются на три группы: правящую партию, подвластную наследственному монарху, средний класс и бедноту, или рабов. Эти люди — полновластные хозяева мира, и многие из них безудержно предаются занятиям черной магией.

Теперь я слышу голос: «Узри судьбу, которая постигает самонадеянных! Они считают, что творец подвержен их влиянию и находится в их власти, но день возмездия настал. Ждать не долго, гляди!» И вот я вижу вулканы в неистовом извержении, пылающую лаву,

стекающую по их склонам, и вся земля сотрясается под оглушительный грохот. Море вздымается, как от урагана, и огромные части суши с западной и восточной стороны исчезают под водой. Центральная часть материка затопляется, но все еще видна. Большая часть жителей или утонула, или погибла при землетрясении. Жрец, которому был отдан на хранение идол, бежит из тонущего города в горы и прячет священную реликвию в надежное место, а потом устремляется дальше на восток.

Некоторые люди, привычные к морю, садятся в лодки и уплывают; другие бегут в горы в центре континента, где к ним присоединяются беглецы с севера и юга.

Снова слышен голос: «Кара Атладты будет судьбой всех, кто осмелится обожествлять власть!»

Я не могу точно определить дату катастрофы, но произошла она задолго до возвышения Египта, потом была забыта, и воспоминание о ней осталось разве что в мифах.

Что касается самого идола, то он может принести несчастье тому, кто не состоит с ним в родстве, и я бы сказал, что отнюдь не безопасно смеяться по этому поводу...»

Впечатления других психометристов^[19], бравших в руки каменную фигурку, близко совпадают с вышесказанным. Во всяком случае, каково бы ни было ее происхождение, я вижу в ней возможный ключ к тайне Потерянного Города — цели моих поисков, и, когда я их возобновлю, она будет меня сопровождать.

Не следует с пренебрежением отвергать идею о связи Атлантиды с той частью суши, которую мы сейчас зовем Бразилией. Такое допущение, независимо от того, признается ли оно наукой, позволяет объяснить многие явления, которые иначе останутся неразгаданными тайнами. Позже я остановлюсь на этом подробнее.

Я пишу эти слова в то время^[20] когда с величайшим терпением, на какое только способен, вынашиваю планы посылки новой экспедиции на поиски города, открытого Рапозо и его отрядом. Теперь я располагаю, как мне думается, правильными данными о его местоположении, и если все пойдет нормально, мы достигнем его. Полностью отдавая себе отчет в том, что путешествие будет очень тяжелым, я решил с крайней осторожностью подойти к выбору своих попутчиков.

Уже раньше случалось, что отсутствие выносливости у моих компаньонов мешало мне достигнуть цели, и я часто сожалел о том, что не в силах проделать путешествие один. Задуманная мной экспедиция не будет комфортно обставленным предприятием, обслуживаемым целой армией носильщиков, проводников и вьючных животных. Такие громоздкие отряды никуда не годятся, обычно они не идут дальше границ цивилизованного мира и упиваются поднятой вокруг них шумихой. Там, где начинаются настоящие дикие места, никаких носильщиков достать нельзя — так велик страх перед дикарями. Животных тоже нельзя брать с собой из-за отсутствия пастбищ и непрерывных нападений насекомых и вампиров. Для этих мест нет проводников, так как страну никто не знает. Тут важно сократить экипировку до минимума, чтобы ее можно было нести на собственных плечах, и проникнуться уверенностью в том, что можно отлично просуществовать, устанавливая дружеские отношения с различными племенами, которые встретятся по пути. Дичь может быть, а может и не быть. Так как весьма вероятно, что она все же будет попадаться, желательно взять с собой ружье 22-го калибра, хотя и оно весит немало, и уж, конечно, не может быть и речи э тяжелых винтовках с большой пробивной силой, револьверах и боеприпасах к ним. Гораздо опаснее стрелять по крупному хищнику, чем совсем не трогать его; что же

касается дикарей, то дикарь, который намеревается вас убить, прячется в засаде, да винтовка и не может тягаться с отравленными дротиками и стрелами в лесной чаще!

В моем следующем путешествии меня будет сопровождать мой старший сын Джек, а третьим будет его школьный товарищ Рэли Раймел, который находится сейчас в Лос-Анджелесе, в Калифорнии. Я не видел его очень давно и не знаю, в какой он теперь форме; что же касается Джека, то он подходит мне по всем статьям. Он высок, очень крепок физически и совершенный девственник душой и телом. Он не курит и не пьет, так же как и я. Поневоле теряешь привычку к спиртному и табаку, когда все время бываешь лишен их, а я вообще давно уже бросил пить и курить. Наркоман попадает в мучительное, почти непереносимое положение, когда остается без своего зелья в диком лесу, и не один мой компаньон по путешествию совершенно ослабевал без привычных наркотиков.

До сих пор у меня было только два товарища, способных выдержать длительные тяготы пути. Один из них умер, другой женился и остепенился, поэтому было бы нехорошо снова звать его с собой. А в Джеке я уверен. Он молод и приспособится к чему угодно, несколько месяцев похода дадут ему нужную закалку. Если он пойдет в меня, к нему не прилипнет всякая зараза, которой полно в южноамериканских джунглях, а на крайний случай у него есть мужество. Рэли последует за ним повсюду.

Фигурально выражаясь, парням придется учиться плавать, когда их бросят в воду на самую глубину. Без всякой подготовки они будут держать испытание на выносливость. Сам-то я привыкал ко всему постепенно, во всяком случае у меня за плечами многолетний опыт службы в армии в условиях тропиков. Будучи по природе человеком неприхотливым и воздержанным, я был

совершенно не тронут разрушающим действием спиртного, когда мне пришлось отправиться в свою первую экспедицию по Южной Америке. А поскольку каждая последующая экспедиция оказывалась более тяжелой, чем предыдущая, процесс закалки моего организма длился непрерывно.

Как бы ни велика была моя нелюбовь к армейской жизни, именно служба дала мне возможность заниматься тем, чем мне хотелось, подготовив меня к делу, которое казалось мне более достойным. Может быть, к лучшему послужило то, что в детские годы, проведенные в Торквее, я не знал родительской ласки и был всецело предоставлен самому себе, хотя и получал радость от общения с моим старшим братом и сестрами. Мои школьные годы прошли в Ньютон-Абботе, где розги ничего не прибавили к моим взглядам на жизнь. Потом я учился в военном училище в Вулвиче и в 1886 году, девятнадцати лет от роду, стал офицером королевской артиллерии. Затем последовали годы гарнизонной службы в Тринкомали на Цейлоне. Там я встретил свою будущую жену; ее отец в то время был окружным судьей в Галле.

Жизнь на Цейлоне была приятна, насколько вообще может быть приятной армейская жизнь. У меня была интересная работа, можно было сколько угодно заниматься спортом, особенно ходить на яхте в несравненной местной бухте, и нас не слишком донимали ограничениями. По правде говоря, я бы с удовольствием продолжал служить на этом самом очаровательном из островов, но в начале 90-х годов меня отозвали в Англию для прохождения долгосрочного курса артиллерийского дела в Шоуберинессе. Потом меня направили в Фалмут. В январе 1901 года я женился.

Жена в значительной мере избавила меня от моей прежней замкнутости, но привычку во всем полагаться

только на себя невозможно было полностью искоренить, и я продолжал поиски собственных путей в жизни, избегая проторенных дорог. В 1901 году я занимался интересной разведывательной работой в Северной Африке, потом некоторое время провел на Мальте, осваивая с помощью жены искусство топографической съемки.

К нашему величайшему удовольствию, в конце 1902 года мы снова отправились на восток и после краткого пребывания в Гонконге опять оказались на нашем любимом Цейлоне. Там, в Коломбо, в 1903 году родился наш старший сын.

В 1904 году мы с болью в сердце покинули Цейлон и по возвращении домой обосновались на острове Спайк (Ирландия). Но мы уже стояли в преддверии нового жизненного этапа. В 1906 году мне предложили работу по демаркации границ в Боливии.

Южная Америка, с которой начнется мое повествование, во многом отличалась от Южной Америки наших дней. В 1906 году Перу и Боливия еще не оправались от опустошительной войны с Чили — тихоокеанской войны 1879–1882 годов. Республики, расположенные по западному побережью, почти не были затронуты промышленным развитием; в основном это были аграрные страны, насыщенные традициями колониальной Испании, хотя богатства их недр и эксплуатировались иностранными концернами. В Чили, преуспевающим благодаря своим селитряным удобрениям, возможно, раньше, чем где-либо, пробудилось трезвое представление о современности, но для иностранца, попадавшего в эти страны, многое казалось нелепым и смешным. Европейцы склонны были забывать, что всего лишь столетие назад они сами проходили через ту же ступень развития.

Отсутствие ограничений сделало эти страны раем для бездельников, эмигрантов и авантюристов. Морские

порты стали рассадниками порока, где ватаги моряков с многочисленных парусников, океанских и каботажных судов безнаказанно творили свои бесчинства. Конечно, приезжали и серьезные люди. Несомненно, их благотворное влияние сыграло большую роль в тех изменениях, которые сейчас можно наблюдать в Южной Америке. Многие из этих достойных людей желали служить стране, которую они избрали своей родиной, а не только пользоваться тем, что она им предоставляла. Гостеприимные, многострадальные латиноамериканцы видели это и искренне протягивали им дружескую руку.

Сегодня эти же самые страны находятся в расцвете молодости и добиваются своего законного места в мире. С забавами детства и незрелыми выходками юности навсегда покончено; их народы, связанные между собой кровными узами, хотя и разъединенные государственными границами, неизбежно осознают свое единство. Солнце их будущего величия уже готово показаться из-за горизонта, если уже не показалось.

Всякий, кому довелось жить в этих странах и близко познакомиться с ними, навсегда остается в плену их неодолимого очарования. Было бы величайшей ошибкой судить об их теперешнем состоянии по впечатлению, которое они произвели на меня в первом десятилетии нашего века, ибо общество того периода так же мало походит на современное, как наполеоновская эпоха походит на нашу.

Неизменными остались лишь молчаливые реки, катящие свои волны через леса из глубины континента; для них и тысячелетие — всего лишь один день, и они все еще хранят за своей непроницаемой завесой тайны, о которых я повествую. Занавес скрывает сцены, предельно далекие от нашей повседневной жизни. Пойдем со мной, читатель, посмотри сам!

Глаза 3

Путь к приключению

Вы что-нибудь знаете о Боливии? — спросил меня председатель Королевского Географического общества.

История этой страны, как и история Перу, всегда пленяла мое воображение, но я ничего не знал о ней. Так я и ответил председателю общества.

— Я сам никогда там не был, — сказал он, — но знаю, что ее природные богатства огромны. То, что там уже разрабатывается, не более чем царапины на поверхности. Обычно Боливию называют крышей мира. Значительная ее часть действительно покрыта горами, но к востоку от них лежат громадные пространства тропических лесов и равнин, которые еще далеко не полностью исследованы.

Он взял лежавший на письменном столе атлас и стал его перелистывать.

— Вот посмотрите, майор, лучшей карты страны у меня, пожалуй, и нет. Он подвинул атлас ко мне и, обойдя стол, стал возле меня и начал показывать: — Взгляните на этот район! Тут полно белых пятен, так мало он изучен. Многие реки нанесены по догадке, а наименования населенных пунктов не что иное, как центры сбора каучука. Вы ведь знаете, что эта страна богата каучуком? Восточная граница Боливии идет от Корумбы на север, затем вниз по реке Гуапоре до Вилья-Белья, где река Маморе, сливаясь с Бени, образует Мадейру и в конечном счете вливается в Амазонку. На севере граница идет вдоль реки Абунан до Рапиррана, потом по суше до реки Акри. Вся северная граница недостоверна, так как до сих пор топографически не определена. Западная граница спускается вниз до реки Мадре-де-Дьос и идет вдоль реки Хит, истоки которой

неизвестны, потом поворачивает на юг и идет через Анды к озеру Титикака. На юге расположено Чако, где проходит граница с Аргентиной, а дальше на запад — граница с Парагваем. Это единственный точно зафиксированный участок границы.

Так вот здесь, в стране каучука, расположенной вдоль рек Абуна и Акри, где сходятся Перу, Бразилия и Боливия, имеются весьма серьезные разногласия по поводу границ. Цены на каучук теперь фантастически высоки, и могут возникнуть серьезные междоусобицы, так как неизвестно, кому какая территория принадлежит.

— Одну минутку, — перебил я. — Все это весьма интересно, но при чем тут я!

— Сейчас скажу, — засмеялся мой собеседник. — Только прежде всего я хочу ввести вас в курс дела. Итак, страны, втянутые в пограничный конфликт, не согласны принять демаркацию, выполненную одной из заинтересованных сторон. Явилась необходимость прибегнуть к помощи страны, которая будет действовать без предубеждения. По этой причине правительство Боливии через своего дипломатического представителя в Лондоне попросило Королевское Географическое общество быть арбитром в споре и рекомендовать опытного армейского офицера для работы от имени Боливии. Так как вы окончили наш курс по демаркации границ с выдающимся успехом, я сразу же подумал о вас. Заинтересует вас это дело?

Что за вопрос! Это был случай, о котором я только мечтал, — шанс избавиться от монотонной жизни, какую вынужден вести артиллерийский офицер, состоящий на гарнизонной службе у себя на родине.

В военном министерстве мне часто говорили, что мне может подвернуться работа по демаркации границ, если я овладею этой специальностью. Вот почему я не пожалел сил и средств, чтобы стать топографом. Однако

время шло, мои надежды не осуществлялись, и я уже начал сомневаться в данных мне обещаниях. А теперь с совершенно неожиданной стороны пришло предложение, которого я так ждал! Мое сердце бешено колотилось, когда я посмотрел на президента, но я сделал над собой усилие и принял спокойный вид.

— Конечно, это звучит заманчиво, — заметил я, — но хотелось бы сначала узнать обо всем этом немного побольше. Тут, по-видимому, будет не только топографическая работа.

— Вы правы. Особый интерес представят здесь исследования. Вести их, вероятно, будет трудно и даже опасно. Об этой части Боливии ничего не известно, за исключением того, что местные дикари пользуются прескверной репутацией. Об этой каучуковой стране рассказывают страшные вещи. Потом — риск подцепить какую-нибудь болезнь, их там хватает. Нет смысла рисовать вам ситуацию в розовых красках. Если не ошибаюсь, вы уже загорелись этим предложением! Я засмеялся.

— Ваша идея мне подходит, но все зависит от того, поддержит ли военное министерство мою кандидатуру?

— Я уже думал об этом, — ответил он. — Вы можете встретиться с затруднениями, но Королевское Географическое общество поддержит вас, и я не сомневаюсь, что в конце концов они вас отпустят. Ведь по существу дела это прекрасный случай поднять престиж британской армии в Южной Америке.

Понятно, я принял это предложение. Романтика испанских и португальских завоеваний в Южной Америке, тайна ее диких, неисследованных пространств представляли для меня неотразимый соблазн. Конечно, следовало считаться с женой и сыном, да к тому же мы ожидали еще ребенка, но само провидение остановило на мне свой выбор, поэтому я и не мог ответить иначе.

— Меня бы удивило, если бы вы отказались, — сказал председатель общества. — Сейчас же сажусь писать рекомендательное письмо.

Одно за другим начали возникать неожиданные затруднения, и я уже стал беспокоиться, отпустят ли меня со службы. В конце концов все устроилось, и я оставил остров Спайк в надежде, что в непродолжительном времени моя жена и дети смогут соединиться со мной в Ла-Пасе. В мае 1906 года с молодым помощником по имени Чалмерс мы сели на флагманский корабль северогерманского Ллойда «Кайзер Вильгельм Великий» и отплыли в Нью-Йорк.

Наш корабль по тем временам был последним словом роскоши; такое путешествие мало чем прельщало меня, и я скучал, безразлично взирая на пресыщенных пассажиров, толпящихся на палубах. На нашу долю выпали и бури, и туман, и мы едва не столкнулись с плавающим айсбергом, который был замечен только тогда, когда избежать его было почти невозможно. У нас взорвался паровой котел, и мы несколько часов качались на волнах разбушевавшегося океана. Но все это произошло за какую-то неделю, и вскоре мы прибыли в Нью-Йорк. Тут только я по-настоящему узнал, что такое напористость и суматоха.

Меня, привыкшего к бесстрастной сдержанности английского характера и величавой, полной чувства собственного достоинства манере Востока, Америка поначалу поразила. Нам не разрешили выйти за район доков, и поэтому моими главными впечатлениями были шум, рекламы и сонмища репортеров. Скорость уличного движения, суетящиеся в гавани буксиры, тянущие и подталкивающие несметное множество железнодорожных паромов и лихтеров, непрекращающийся гам действовали мне на нервы. Но все это искупалось поистине удивительным,

единственным в своем роде силуэтом города на фоне неба, зеленью острова Говернорс-Айленд.

На Нью-Йорк нам удалось взглянуть лишь краешком глаза. В тот же вечер мы пересели на пароход «Панама», и статуя Свободы потонула за кормой. «Панама» — прямая противоположность плавучему дворцу, который мы покинули, — была грязной казенной посудиною, битком набитой «золотокопателями», направлявшимися к Панамскому перешейку. Служащие, авантюристы, головорезы и изображающие собой таковых, старые негодяи с лицами, словно печеные яблоки, заполнили каждый фут свободного пространства, и, когда мы прогуливались по палубе, нам то и дело приходилось увиливать от отвратительных струй табачной жвачки. Основным занятием этой публики были выпивка и азартные игры; шум, который она производила, мешал мне изучать испанскую грамматику. Тут были старожилы из Клондайка, бродяги из Техаса, мексиканские бандиты, спекулянты железнодорожными акциями с кучей поддельных рекомендаций, несколько проституток и только что окончившие колледж молодые люди, пустившиеся в свою первую авантюру.

Они все были хороши на свой лад, и каждый играл свою роль, как бы мала она ни была, в сооружении Панамского канала — этого шедевра инженерного искусства. Все, что мы видели, Чалмерсу и мне служило полезным введением в сферу жизни, о которой до сего времени мы не имели ни малейшего представления, и в этом процессе познания наша английская сдержанность была сильно поколеблена.

В порту Кристобаль, известном в те дни под названием Аспинваль, суда швартовались у длинного мола, далеко выдающегося в залив Лимон. За доками находился город Колон, в то время более замкнутый, чем сейчас, но в остальном тот же самый. В нем было множество индийских лавочек древностей и уйма

трактиров. И в основном он состоял из узких улиц, где пьяный гогот и брэнчание на пианино свидетельствовали о том, что он недаром слывет первым по числу публичных домов среди всех городов мира, равных ему по величине. Всюду пестрели объявления с призывом зайти и выпить. Всюду были матросы во всех стадиях опьянения. Заплетающейся походкой они перебирались из кабака в кабак, из борделя в бордель. На углах улиц вспыхивали и угасали ссоры; тут и там толпы зевак собирались вокруг дерущихся; в боковой улочке проститутка, визжа, осыпала проклятьями *perro muerto*, как здесь называют клиента, который уходит, не заплатив. Никаких попыток навести порядок не предпринималось — панамская полиция знала, что лучше и не пытаться это делать.

Параллельно набережной шла линия Панамской железной дороги, и суетливые маневровые паровозы почти безостановочно сновали взад-вперед, монотонно звеня колоколами. Время от времени с окраины доносился протяжный мелодичный свисток, предвещавший появление товарного или пассажирского поезда, идущего через перешеек. Он легко вкатывал на станцию и останавливался, стуча воздушным компрессором и мягко вздыхая отпущенными тормозами.

Мы покинули мол в двухместной коляске, на козлах которой сидел сонливый ямаец. Нас подбросило при переезде через железнодорожные пути, и мы бодро направились по окраине Колона к станции. В это время дня в городе было сравнительно тихо, если не считать оживления на станции, приглушенного звяканья стаканов да иной раз проклятий или взрывов смеха, доносившихся из салунов. Днем слишком жарко, чтобы чем-нибудь заниматься, можно только бездельничать да спать; лишь после заката солнца город просыпается. Он

весь день отдыхает и всю ночь танцует, подобно светлякам в аду Чагресских лесов.

Направляясь по железной дороге к Панаме, мы увидели первые леса тропической Америки — подпирающие друг друга призрачно бледные стволы, свисающие сплетения лиан и мхов, непроходимые заросли кустарников. Лихорадка тут свирепствовала вовсю: на одной из станций, которую мы проезжали, я видел штабель черных гробов, доходивший до крыши платформы и простирившийся во всю ее длину!

Для нас Латинская Америка началась в Панаме. В городе не было никаких признаков санитарии — от вони нельзя было продохнуть, и все-таки узкие улочки с нависающими балкончиками не были лишены очарования. На plaza^[21] мы нашли «Gran Hotel» — гостиницы тут всегда «Grand», «Royal» или «Imperial»^[22], и какими бы скромными они ни были, отсутствующие удобства восполняются в них величественным названием. Та, куда мы попали, оказалась раем для насекомых; хозяин был крайне раздосадован, когда я позволил себе заметить, что постельное белье в моей комнате, по-видимому, забыли сдать в прачечную.

— Этого не может быть! — завопил он, сопровождая свои слова обильной жестикуляцией. — Все белье отправляется в прачечную по меньшей мере раз в месяц. Если вам здесь не нравится, найдется сколько угодно других, которые будут рады получить комнату. В моем отеле заняты все кровати, на них спят по два, а то и по три человека. Заняты даже ванны! Вам предоставлена большая комната, и я теряю деньги, сдавая ее вам одному.

Возразить было нечего, я знал, что действительно все отели здесь переполнены.

Продавцы лотерейных билетов повсюду старались всучить вам свой товар; кафе и бары попадались чуть ли не на каждом углу; с каждого балкончика на вас нежно

поглядывали скудно одетые девицы. Внизу у берега была дамба, служившая внешней стеной для переполненной тюрьмы. Здесь по вечерам вы могли прогуливаться, швырять монетки арестантам, которые затевали драку за обладание подачкой, и иной раз видеть казнь, производимую взводом солдат. С таким богатым набором развлечений не заскучаешь.

Мы были рады покинуть Панаму, когда пришло время сесть на быстроходное чилийское судно, узкое и длинное, словно кишка, загружающееся с борта, и с надстройкой, идущей с конца кормы чуть ли не до самого носа. Оно предназначалось для каботажного плавания между небольшими захудалыми портами, где не существовало никаких портовых приспособлений. Лучшие корабли, плавающие в этих водах, принадлежали ливерпульской Тихоокеанской пароходной компании, и будь у нас время, мы предпочли бы дождаться одного из них; на них всегда веселые офицеры, которые любят поиграть на палубе в гольф и привыкли делать поездку приятной для пассажиров. Но мы шли по следам Писарро^[23], и это для нас было главное.

Еще мальчиком я был захвачен романтикой исторических событий времен завоевания Перу и Мексики, и теперь моя давнишняя мечта посетить эти страны была близка к осуществлению. Подобно многим людям, знакомым с замечательными трудами Прескотта^[24], я симпатизировал не дерзким и алчным испанцам, которые рисковали всем ради золота, а инкам и их погибшей древней цивилизации, которая могла бы так много рассказать миру.

Город Гуаякиль^[25] в то время был форменным рассадником всяческих болезней. В один из вечеров мы поднимались вверх по реке Гуаяс, пробиваясь сквозь густые тучи комаров, которые заполнили и каюты, и кают-компанию, проникали в каждый уголок корабля и

безжалостно нас жалили. Ни разу в жизни мне не доводилось переживать что-либо подобное. Должно быть, Писарро и его спутники испытывали неопишуемые страдания, когда эта пакость забиралась под панцирь и кусала их, оставаясь недосягаемой. Постоянная желтая лихорадка в Гуаякиле во многом вызвана ужасающим пренебрежением к санитарным требованиям. Когда якорь с грохотом упал и грязно-черную воду и на поверхность поднялись зловонные пузыри, мне вспомнилась Мальта. Но желтая лихорадка, судя по всему, мало беспокоила жителей города — улицы были полны народа, торговля шла оживленно, вдоль причалов стояли опрятные прогулочные лодки.

В этот день в Лондон отбывал на пароходе новый эквадорский посланник, поэтому множество национальных флагов реяло на общественных зданиях, и мы увидели, как посланник, сопровождаемый своей пышно разодетой свитой, под звуки духового оркестра поднялся на борт.

Тихий океан обдал нас свежестью, когда зараженная лихорадкой река Гуаяс изрыгнула наш пароход на своих мутных от грязи волнах. Обогнув мыс Бланко, где с шумом выпрыгивают из воды гигантские сциены^[26] и где чуть ли не над жаждой волной торчат парные треугольники акульих плавников, мы прибыли в североперуанский порт Пайта. Это была невзрачная деревушка, вся из деревянных домов, стоявших у подножия нетронутых песчаных холмов. Здесь нас окурили формальдегидом, наказав за наше неблагоразумие — посещение Гуаякиля.

Следующий порт, куда мы зашли, был Салаверри. Это одно из тех мест, где при возможности желательно сойти на берег и где по большей части такой возможности не предоставляется. Салаверри расположен недалеко от Трухильо, тоже одного из самых старых испанских поселений на побережье. Там,

где стоит Трухильо, были раньше древний город Чиму и захоронения, которые копаны и перекопаны в поисках сокровищ. Согласно легенде, где-то в этих местах лежит клад «Большой Рыбы». Клад «Малой Рыбы» был найден около двухсот лет назад и, как говорят, принес нашедшему его счастливицу двести миллионов долларов! «Большая Рыба» оценивается гораздо выше, и полагают, что в ней находится изумрудный бог племени чиму, высеченный из цельного камня высотой в восемнадцать дюймов.

Кальяо — порт города Лимы, столицы Перу. Здесь мы остановились в виду берега, на некотором расстоянии от embarcadero, или пристани. Корабль покачивался на крупной волне мертвой зыби, показывая свое заржавевшее днище. Вскоре мы были атакованы кричащими лодочниками. Толкаясь и хватая трапы со своих танцующих посудин, они принялись торговаться с пассажирами, хотевшими сойти на берег, время от времени обрушивая потоки брани друг на друга. Спрыгнуть с трапа в лодку в этом бедламе было не так-то легко. Нижняя ступень трапа то оказывалась на головокружительной высоте над сгрудившимися лодками, то ныряла в воду, так что пенящиеся волны были почти у ног, и все бросались вверх по трапу, чтобы избежать купания. Задача состояла в том, чтобы выбрать момент и прыгнуть так, чтобы облюбованная лодка при приземлении оказалась под тобой. Огромные медузы плавали на поверхности и в прозрачной воде — всюду, насколько хватал глаз.

Сойдя на берег, мы были вынуждены выбирать между тремя железнодорожными линиями, чтобы проехать девять миль до Лимы. Это были знаменитая Центрально-перуанская железная дорога, шедевр неумолимого инженера Генри Мейггса, затем так называемая Английская железная дорога, открытая в 1851 году и притязавшая на звание первой в Южной

Америке, и, наконец, электричка, которая даже в те времена могла делать милю в минуту.

Лима оказалась прекрасным городом с великолепными магазинами и широкими проспектами, свидетельствующими о политике покойного президента Пиеролы, который стремился украсить столицу. Автомобили были еще в новинку, большей частью пользовались легкими экипажами. На главных улицах по рельсам, уложенным в булыжную мостовую, медленно ползли конки. За соответствующую цену купить можно было почти все, но в том-то и дело, что цены обычно были в четыре раза выше, чем в Лондоне!

Тело дона Франсиско Писарро, изъятое из ниши в склепе собора и заключенное в стеклянный гроб, чтобы оградить его от поползновений путешествующих американцев — охотников на сувениры, было одной из главных достопримечательностей, и я уплатил свою лепту за право поглядеть на его высохшие останки.

Отель «Мори» явился желанной переменной после корабля. Мне сказали, что он лучший в Лиме, чему я охотно поверил: там было чисто и уютно, там хорошо обслуживали и отлично кормили. Мы жили в нем неделю, и за это время я, насколько мог, познакомился с Лимой и ее окрестностями. Британский посланник, которому я нанес официальный визит, представил меня другим английским резидентам; все они оказались весьма гостеприимными и милыми людьми. Сам посланник, забавный человек с несколько эксцентрическими привычками, обычно принимал посетителей в халате, стоя наверху большой лестницы, ведущей из его апартаментов на улицу. Он всегда был готов защищаться, так как к нему нескончаемым потоком шли пьяницы матросы, желавшие, как они выражались, отстаять свои права, и говорили, что посланник без зазрения совести прибегал к физическому воздействию, чтобы избавиться от таких визитеров.

Управляющий Центральной железной дорогой мистер Моркилл любезно предоставил мне возможность совершить поездку к Рио-Бланко — это в Андах на высоте 11 000 футов — на специальном поезде, предназначенном для экскурсии моряков с двух британских военных кораблей, зашедших с визитом в здешние воды. Он распорядился отвести мне отдельный вагон в хвосте поезда — таких любезностей мне не оказывали еще ни разу в жизни. Дорога эта — единственная в своем роде самая высокогорная в мире железная дорога с нормальной колеей и уступает лишь железной дороге Антофагаста — Боливия, которая является вообще самой высокогорной в мире и выигрывает по высоте у Центральной перуанской всего десять футов. Центральная перуанская, начинаясь от уровня моря на протяжении немногим более ста миль, поднимается до высоты почти 16 000 футов. Она разбита на последовательные подъемы, делает многочисленные зигзаги, а то и вовсе поворачивает назад и проходит через бесчисленные туннели. Во время подъема на Рио-Бланко у меня дух захватывало не только при виде величественной панорамы, но и от восхищения инженерным гением, построившим это из ряда вон выходящее сооружение^[27].

Мы возвратились на пароходе в Кальяо, вышли из порта, обогнули остров Сан-Лоренсо и поплыли на юг вдоль побережья. В тридцати милях от берега вздымались Кордильеры, и их увенчанные снегом вершины являли собой великолепное зрелище в свете заходящего солнца. По пути мы останавливались в Серро-Асуль и Писко, где нам удалось сойти на берег и пройтись по городу до площади под высоким шатром фикусов. Пароход шел предельно близко от берега, настолько близко, что местами мы могли видеть руины, оставшиеся от инков, и зеленые ленты тщательно возделанных посевов хлопчатника, орошаемых горными

ручьями. Но больше всего нас привлекали птицы и рыбы, которыми изобиловал окружавший нас океан.

Проснувшись на третье утро по отплытии из Кальяо, мы обнаружили, что машины бездействуют, а корабль качается, почти ложась набок, на огромных волнах мертвой зыби. Мы стояли у Мольендо, главного порта южного Перу, и из иллюминатора видели кучку жалких деревянных домишек, которые ютились на отвесной скале, почти скрытой от нас пеной, поднимаемой громадными бурунами. Вокруг нас было множество лихтеров, они то взлетали на гребни волн, то пропадали в провалах между валами.

Однако высадка прошла благополучнее, чем мы ожидали. Судно сильно качало, и высаживаться на катер с трапа было опасно. Поэтому пассажиров спускали в корзинах посредством корабельных кранов. Только попав на катер, можно было получить полное представление о силе волн, и женщины пронзительно вскрикивали каждый раз, когда такая двадцатипятифутовая громадина вырастала у нас за кормой. Но рулевые знали свое дело, и, не зачерпнув ни капли, мы завернули в небольшую гавань, открытую свирепому натиску волн. Тут с нами проделали последний трюк: нас сажали поодиночке на кухонный стул, за который цеплялось не менее четырех орущих грузчиков, и доковым краном переправляли на берег с бешено пляшущего на волнах катера.

При ближайшем знакомстве Мольендо оказалось еще более жалким местечком, чем оно выглядело с парохода. Большая его часть была уничтожена пожарами, а то, что уцелело, производило крайне убогое впечатление.

Бывали тут и вспышки бубонной чумы. Мало-мальски прилично выглядел лишь вокзал и район сильно загруженной сортировочной станции Южноперуанской железной дороги.

Мы заняли места в первом же поезде, направлявшемся в Арекипу, и совершили очень интересное путешествие внутрь страны. У Энсенеды поезд повернул от берега и по длинному, извилистому подъему начал взбираться к плато Качендо. Когда перед нами открылась долина Тамбо, мы увидели зеленые поля и обширные плантации сахарного тростника.

Мы остановились и позавтракали в Качендо, а затем поезд покатил по песчаной пампе Ла-Хоя, и вдали показались снежные шапки часовых Арекипы, — Мисти и Чачани^[28]. Сотни белых песчаных дюн, постоянно передвигающихся под воздействием ветра, на многие мили тянулись по равнине. В глубоких ложбинах видны были большие скопления каолина. Долгое время он находил применение лишь в качестве балласта для парусных судов, пока власти наконец не распознали его подлинную ценность.

В Виторе поезд был атакован ордами рыночных торговков. «Апельсины! Бананы! Купите фрукты, сеньоры! Лимоны!.. Чиримойя!.. Гренадилья!..^[29]» — кричали они, тыча нам в лицо корзинки с фруктами. Фокус состоял в том, чтобы продать содержимое вместе с корзиной и убраться, прежде чем мы успеем обнаружить, что под привлекательным верхним слоем лежат фрукты, которые невозможно взять в рот. Цены, весьма высокие вначале, упали, как только прозвучал сигнал к отправлению. Шумная торговля продолжалась и после того, как поезд тронулся.

В Кисуарани мы увидели один из тех чудесных пейзажей, о которых упоминает Прескотт: зазубренный гребень Чачани, вздымающийся в безупречно голубое небо, и на заднем плане покрытый снежной шапкой Мисти. Среди волнистого океана разноцветных песчаных дюн лежал глубокий каньон, его склоны, переходящие в яркую зелень долины, были испещрены полосами розоватого и желтого песчаника. По долине протекала

крошечная речушка Чили, разметавшая миниатюрные каскады серебристой пены среди глинобитных лачуг и плодородных полей.

Вулкан Мисти считается малоактивным, но из его кратера то и дело вырываются дымные вздохи, словно напоминая жителям Арекипы, что он только дремлет. И действительно, время от времени происходят извержения, приносящие каждый раз большие несчастья.

Дома здесь по большей части одноэтажные, построенные из глыб белой блестящей лавы, называемых по-местному sillares^[30]. Климат изумительный — Арекипа лежит примерно на высоте 8000 футов над уровнем моря, намного выше верхней границы прибрежных туманов. Этот город с многочисленными целебными источниками, расположенными по соседству, мог бы стать настоящим курортом, если бы не открытые сточные канавы, проходящие по каждой улице и источающие зловоние по ночам, когда заходящее солнце перестает золотить шпили собора и снежный конус Мисти.

В Арекипе, городе хорошеньких женщин, прекрасных магазинов и зеленых лужаек, мы пробыли всего одну ночь и на следующий день отправились поездом в Пуно. Почти тотчас же начался тяжелый подъем. На высоте 1300 футов впервые показались ламы, гордые и достойные родичи овец, так не похожие на них по характеру. Потом мы достигли Винкокайи (14 000 футов над уровнем моря) и увидели робких викуней — самых маленьких животных из семейства лам; их тончайшая шерсть высоко ценилась инками^[31].

Самая высшая точка железной дороги — Крусеро-Альто расположена на высоте 14 666 футов над уровнем моря. После Крусеро-Альто поезд, минуя ряд живописных озер, спускается к Хульяке, где сходятся границы департаментов Пуно и Куско. Далее дорога

бежит между заросшими тростником равнинами и мерцающими каналами к порту Пуно, расположенному на высоте 12 500 футов на берегах Титикаки, самого высокогорного судоходного озера в мире.

Как странно видеть пароходы здесь, на «крыше мира!». И все же вот они, перед твоими глазами, причем довольно внушительных размеров. У здешних пароходов очень интересная история. Первый из них доставили сюда с побережья по частям, на спинах мулов, и собрали на берегу озера. Остальные же доставлялись в разобранном виде, но уже по железной дороге и собирались на стапелях Перуанской судостроительной корпорации.

Озеро Титикака иногда бывает очень бурным, и, надо полагать, это единственное место в мире, где путешественник может испытать морскую и горную болезни одновременно.

В ту ночь, когда мы поднялись на борт «Койи», стоявшей у мола в Пуно, у нас было странное ощущение, будто нам предстоит океанское путешествие. Перед нами было отнюдь не плоскодонное речное суденышко или пароход неглубокой осадки с кормовым гребным колесом, а настоящий океанский пароход, соответственно оборудованный. Тут были и таможенные формальности, и громогласные грузчики, и одетые в белое стюарды, встречавшие пассажиров у сходней и доставлявшие их багаж в каюты, — одним словом, вся та обычная суматоха, предшествующая началу любого океанского путешествия. Когда мы взошли на борт, нас приветствовал грохот лебедек, и мы ощущали, как палуба содрогается у нас под ногами, а оказавшись в теплой, пахнущей красками каюте, мы почувствовали вибрацию вспомогательных механизмов внизу и услышали лязг лопат в кочегарке. Трудно было поверить, что все это происходит на высоте 12 500 футов над уровнем моря! Но вот раздался прерывистый

рев гудка, зазвенели колокольчики в машинном отделении, и мы плавно отплыли от мола в темноту.

На следующее утро мы поднялись с зарей, чтобы полюбоваться величественным видом главного хребта Анд, который четко вырисовывался в потрескивающем морозном воздухе цепью зазубренных, покрытых снегом вершин, над которыми главенствовали белые громады Сораты, Уайнапотоси, Мурараты и Ильимани^[32] — девственные снега на протяжении семидесяти миль. Когда мы проходили мимо острова Солнца, легендарной колыбели инков, чьи дворцы сейчас лежат в развалинах, я пытался представить себе, как выглядело озеро в дни расцвета их государства перед завоеванием. Пройдя проливы Тикина и оставив за кормой остров Луны, мы увидели по берегам высокие холмы; обработанные поля располагались на них террасами вплоть до самых вершин. Впереди же виднелось множество небольших островков из красной земли, сверкавших золотом нив в свете восходившего солнца. За ними маячили другие, подернутые голубоватым туманом, теряющиеся в беловатой дымке, висящей над южной оконечностью озера. У подножия холмов стояли крытые красной черепицей глинобитные хижины, в дверях которых теснились ярко одетые индейцы.

Под парусами или на веслах по серебристой поверхности озера плыли тростниковые бальсы — плоты, конструкция которых осталась неизменной в течение веков. Тысячи уток стремились прочь от парохода, скользя по воде на распущенных крыльях. Невозможно передать всю красочность этой картины, а между тем студёный воздух крепко пробирал нас.

«Койя» проскользнула в порт Гуаки, и мы высадились уже в Боливии. Заняв места в вагоне узкоколейки Гуаки — Ла-Пас, мы бросили прощальный взгляд на наш корабль — он стоял у мола, изумительно четко отражаясь в стеклянной поверхности воды. Вскоре

мы уже проезжали мимо Тиауанаку^[33], чьи руины, быть может, являются самыми древними из всех существующих на земле — даже более древними, чем сфинксы.

Тиауанаку, подобно Саксауаману и большей части Куско, построен людьми, которые умели обращаться с циклопическими блоками и так точно подгонять их друг к другу, что между ними невозможно вставить нож, хотя они и не скреплены строительным раствором. Глядя на эти останки прошлого, нетрудно поверить преданию, гласящему, что эти строения были воздвигнуты гигантами. Впрочем, скелеты гигантов как будто и в самом деле найдены в гробницах, высеченных в скалах в окрестностях Куско. По моему мнению, Тиауанаку, занимающий площадь около квадратной лиги^[34], был построен на острове среди озера. Значительная его часть и поныне находится ниже уровня Титикаки, а руины, разбросанные на поверхности земли, — не обязательно руины первоначального города. Раскопки, возможно, обнаружат несколько городов, построенных один над другим, как в Куско.

Тиауанаку был разрушен в результате сейсмической катастрофы — смещения пластов, которое явственно прослеживается по всему континенту Южной Америки. Вместе с Андами озеро целиком было поднято на высоту нескольких тысяч футов, потом прорвало сдерживающие его преграды и хлынуло по расщелине к югу от Ильимани. После этого могло образоваться новое озеро, так как Тиауанаку, несомненно, долго находился в затопленном состоянии. Уровень теперешнего озера некогда был значительно выше, о чем свидетельствуют хорошо сохранившиеся на близлежащих холмах отметки стояния воды. И по сейчас люди, роясь в песке, скрывающем развалины, откапывают осколки гончарных изделий и наконечники стрел из обсидиана, а иногда и небольшие золотые украшения. Из подобных предметов

музей в Ла-Пасе составил интересную коллекцию. Но мне представляется, что эти вещи относятся к эпохе упадка, последовавшей за великой катастрофой, когда беженцы с Тихоокеанского побережья рассеялись по нагорной стране, где теперь расположена провинция Чаркас. Предпринимаемые время от времени попытки раскрыть тайны Тиауанаку пока ни к чему не привели [\[35\]](#).

Один выдающийся немецкий археолог, всю свою жизнь посвятивший раскопкам в Тиауанаку, несколько лет назад предлагал через меня Британскому музею двадцать четыре ящика гончарных изделий, каменных и золотых фигурок, оружия и других реликвий из уникальной коллекции, которую он там собрал. Он соглашался на любую оценку, которую даст музей, но последний отказался купить эту коллекцию.

— Сказать по правде, эти вещи не представляют для нас особого интереса, — ответили мне в музее. В тот день Британия потеряла бесценное сокровище.

Кстати о сокровищах. В Перу и в Боливии нельзя провести и дня без того, чтобы не услышать разговора о сокровищах, причем не только об инкских. Дело в том, что в бурную эпоху, последовавшую за конкистой, как испанские завоеватели, так и местные жители имели обыкновение хоронить свое достояние в земле или в тайниках, устроенных в стенах своих домов.

То же самое проделывается и в настоящее время при малейшем намеке на беспорядки.

Известен такой анекдот. Несколько рабочих, занятых ремонтом старого дома в Арекипе, наткнулись на отверстие в стене и чуть не сошли с ума от радости, обнаружив, что оно имеет продолжение. С замиранием сердца они расширили его и нашли несколько серебряных блюд. Они пошли дальше и нашли фаянсовую посуду, еще дальше — и увидели тарелку с разогретым обедом, а за ней — разгневанную

физиономию хозяйки соседнего дома, чью кладовку они обчистили.

Однако, серьезно говоря, настоящие сокровища находят не так уж редко. Случается, крестьяне лемехами выворачивают из земли клады, и если нашедший клад имеет глупость сообщить о находке властям, его немедленно сажают в кутузку и держат в одиночном заключении до тех пор, пока не выяснится, что он ничего не утаил!

Несколько лет назад в Колумбии один человек, охотясь, провалился под землю. Придя в себя, он увидел, что находится в пещере. В конце концов он был найден своими спутниками. Они исследовали пещеру и нашли на миллион долларов золотой посуды и драгоценностей спрятанных в тайнике еще во времена конкисты.

Великое андийское плоскогорье, или Альтиплано ^[36], расположено между двенадцатью и тринадцатью тысячами футов над уровнем моря, и вид с него на Ла-Пас, лежащий на полторы тысячи футов ниже, великолепен. Ла-Пас уютно пристроился на дне глубокого каньона, около стремительно мчащегося горного потока. Приближаясь к городу по железной дороге, вы видите внизу красные черепичные крыши и расположенные в шахматном порядке сады. Повсюду, насколько хватает глаз, иссеченные, изрытые дождями холмы. Среди крыш и садов поднимаются башни церквей, а на склонах холмов, словно драгоценные камни в оправе зеленых и желтых полей, сверкают белые дома. На юго-востоке ослепляет глаза своим великолепием вершина Ильимани высотой в 21 000 футов; она кажется всего в пяти милях, но на самом деле расположена в пятидесяти. Снежные пики сообщают пейзажу необычайное великолепие. Всюду видны индейцы в ярких одеждах всевозможных цветов.

Иностранцы поначалу чувствуют высоту Ла-Паса. При ближайшем знакомстве обнаруживается, что город

имеет свои недостатки, но я не вижу ничего страшного в судьбе тех, кто постоянно живет здесь: есть места и похуже. Замечательнейшее зрелище представляет утренний рынок по воскресеньям, когда индейцы из *yungas*^[37] — теплых долин — приходят в город делать покупки и продавать свои товары.

Они появляются тысячами — в пончо, юбках и шالях ярчайшей расцветки. Но может быть, самые потрясающие одежды носят *cholitas* — метиски, между прочим считающие себя выше чистокровных индейцев. Многие из них очень хороши собой и отлично это знают. На них короткие пышные шелковые юбки, из-под которых чуть выглядывают кружева нижних юбок, шелковые чулки и высокие испанские ботинки на шнурках. Поверх блузок они носят плюшевые или бархатные жакеты и яркие цветные шали. Туалет венчается кокетливой белой соломенной шляпкой с узкими полями. Свободная походка и колышущиеся юбки придают им что-то вызывающе привлекательное, а если ко всему этому добавить живые черные глаза, розовые щеки и обильные драгоценности, получается поистине чарующая картина.

Для иностранцев недостатками Ла-Паса являются его крутые улицы и разреженный высокогорный воздух. Малейшее физическое усилие вызывает усиленное сердцебиение и одышку; многие на первых порах страдают от *soroche* — горной болезни. От сухого воздуха трескаются губы и возникают кровотечения из носа; способность мышления замедляется, нервы всегда возбуждены. Вновь прибывающие обычно перенапрягаются, еще не успев акклиматизироваться, игнорируют тот факт, что, если воздерживаться от алкогольных напитков и излишних усилий, испытываемые ими неприятные ощущения можно было бы свести до минимума.

Во всяком случае Ла-Пас со своими трамваями, площадями, аллеями и кафе вполне современный город. На его улицах можно встретить иностранцев самых различных национальностей. Правда, близость диких мест явственно дает себя знать. Среди сюртуков и цилиндров, какие носят горожане, вы нередко можете увидеть заношенную стетсоновскую шляпу или головной убор старателя. Но прихваченные проволокой подошвы башмаков тут почему-то не выглядят нелепо рядом с туфлями на высоких каблуках, в каких щеголяют модницы. Шахтеры и старатели — самое обычное явление в городе, так как разработка недр — это то, на чем строится жизнь нагорной Боливии, и вы то и дело можете видеть изможденные желтые лица людей, вернувшихся с гор, из дымящего адского котла глухомани, в которую мы намеревались нырнуть.

Глава 4

На краю света

Неприятности начались, когда я пожаловался на задержку оформления всех дел, связанных с экспедицией. Я был здесь новичком, не знал обычаев страны и хотел как можно скорее отправиться в путь. Как всегда, все упиралось в деньги. Без них нельзя было ни нанять мулов, ни закупить продовольствия. Меня начали кормить «завтраками», и решение откладывалось со дня на день. По мере того как я продолжал докучать чиновникам, отсрочки растягивались от недели к неделе. Хождение из департамента в департамент — каждый старался свалить дело на другого — вконец истощило мое терпение, и я обратился к британскому консулу за помощью.

— Разумеется, без денег вам не обойтись, — сказал боливийский чиновник, имевший ближайшее отношение к моему делу. На расходы для вашей экспедиции выделено четыре тысячи фунтов.

Я удивился. Это было гораздо больше, чем я ожидал.

— Я распоряжусь, чтобы их вам сейчас же выплатили, — добавил он.

На следующий день министр иностранных дел вызвал меня к себе.

— Произошла серьезная ошибка, — сурово объявил он мне. — Нет никакой необходимости в такой большой сумме. Была договоренность уплатить вам четыре тысячи боливиано, а не фунтов стерлингов.

Я быстро перевел эту сумму в фунты и запротестовал — этого было недостаточно.

— Ерунда! — резко возразил министр. — Делать запасы необязательно. Вы сможете получить все, что

вам требуется, на Бени. А необходимые для работы инструменты будут вас ожидать в Рурренабаке.

— Без запасов или достаточного количества денег для закупки всего необходимого начинать работу совершенно невозможно, — отвечал я. — Если я не получу все, что мне нужно, здесь, я должен иметь официальную гарантию, что достану все там, прежде чем отправлюсь на Бени.

Министр разозлился и хватил себя кулаком по лбу. Я почтительно поклонился и вышел.

Британский консул попытался уладить дело непосредственно с правительством. При этом обнаружились удивительные вещи. Оказывается, первому чиновнику не понравилось, что мы все время его понукали, и, отдавая распоряжение о выдаче нам 4000 фунтов стерлингов, он лишь хотел скомпрометировать нас как людей, предъявляющих завышенные требования. У правительства было вполне естественное желание, чтобы демаркацией границы занимался боливийский инженер, так как речь шла о каучуке. Более того, правительство, должно быть, не очень торопилось с определением границы, пока отношения с Перу оставались натянутыми.

— Они могут даже вовсе отказаться от договора, — сказал мне консул. — Им не нравится ваше присутствие здесь, и они будут стараться всячески вас очернить. Однако вам назначен новый прием, интересно, что из всего этого выйдет.

Прием был тягостным и изобиловал бурными объяснениями, но в конце концов было выделено 4000 боливиано на дорожные расходы и 6000 — на продовольствие. Было составлено соглашение, и мне тут же пришлось выложить десять боливиано на гербовые марки! Еще некоторое время потребовалось на то, чтобы собрать подписи чиновников министерства, необходимые для выдачи наличных.

Покончив с этим неприятным делом, я постарался помириться с ошестившимися властями. Ла-Пас был полон трезвона о том, как гнусно обошлись британцы с правительственными чиновниками, и в дипломатических кругах посмеивались по этому поводу. Тем не менее, когда все осталось позади, мои попытки к примирению встретили горячий отклик, и, во всяком случае внешне, мир был восстановлен.

В то время в Ла-Пасе не было бань, а мыться в жестяной ванне на холоде представлялось сущей пыткой. Вас совершенно серьезно предупреждали, что купание в холодной воде на такой высоте грозит мгновенной остановкой сердца, и уж во всяком случае не чужестранцу было оспаривать это утверждение. Кроме того что погода стояла очень холодная, часто выпадал снег, так как был сезон дождей.

Министр колоний — колониями здесь назывались внутренние области страны — очень хотел знать, насколько удобно я устроился. Я ответил ему, что для полного блаженства мне не хватает только возможности искупаться. На это он мне заметил, что мои услуги слишком ценны, чтобы он мог позволить мне купаться на такой высоте, — испарение здесь настолько интенсивно, что купание вполне определенно приведет лишь к одному результату — воспалению легких.

Другой проблемой была вентиляция. В комнате, которую я занимал, не было окна, дверь же открывалась на галерею, окружавшую небольшой внутренний дворик. Всякий раз, как я оставлял дверь открытой, чтобы дать доступ свежему воздуху, первый же прохожий из самых лучших побуждений затворял ее. В одной из стен имелась другая дверь, она была застеклена и завешена потрепанной занавеской. Однажды ночью я решил открыть ее, что мне и удалось после того, как я справился с уймой болтов и гаек. Передо мной оказалось какое-то помещение. Я вошел в него со свечой и, к

моему ужасу, увидел, что это другая спальня; на кровати, онемев от страха, сидела женщина и смотрела на меня. Каждую секунду ожидая, что ее оскорбленная скромность заявит о себе пронзительным криком, я извинился, насколько мне позволяли мои познания в испанском языке, который я учил по учебнику, и ретировался. Женщина так и не издала ни звука.

Проволочка была изрядной, но в конце концов я получил от правительства 1000 фунтов золотом и убедился, что вся процедура прошла куда как быстро по сравнению с временем, которое требуется, чтобы вытянуть самую незначительную сумму из британского казначейства.

Я чувствовал себя очень важным, получив во владение столько золота. Однако оплата стоимости мулов, продовольствия и счетов отеля быстро сократила эту сумму до 800 фунтов. С этим сокровищем, позвякивающим в переметных сумах, 4 июля 1906 года Чалмерс и я отправились через Альтиплано по направлению на Сорату и далее на Бени.

Мы пересекли холмистую равнину, по которой непрерывным потоком двигались в сопровождении индейцев-погонщиков вьючные животные: мулы, ослы и ламы, везшие зерно, каучук и помет лам на рынки Ла-Паса. В то время помет лам был здесь единственным видом топлива, и чужеземцам волей-неволей приходилось привыкать к единому привкусу, которым отличалась пища, изготовленная на таком огне.

Когда мы выступали, шел сильный снег, и я надел пончо, впервые обновив это свое приобретение. Пончо из шерсти ламы или альпаки — обычная одежда у индейцев-горцев. Оно служит водонепроницаемым плащом, пальто и одеялом, но составляет необходимую часть лишь мужского наряда, женщины никогда его не носят. Как защита от снега, ничто не может быть лучше. Однако мой мул был другого мнения. Свисавшие концы

пончо хлопали на ветру, и не успел я осознать опасность, как мул, поддав задом, сбросил меня наземь. Тогда я подвязал углы пончо, чтобы они не трепались по ветру, и снова влез па мула.

Снег падал все гуще и гуще, и вскоре видимость сократилась до двадцати ярдов. Леденящий ветер стал забираться под пончо. Я решил снять его и надеть длинный макинтош. Как раз в тот момент, когда я высвобождал голову и руки из залубеневших складок пончо, проклятый мул снова поддал задом, и я опять растянулся во весь рост. Мул пустился наутек, а я остался лежать на земле, с холодеющим сердцем прислушиваясь к удаляющемуся звуку его копыт и замирающему позвякиванию золота в переметных суммах.

Когда погонщик, замыкавший группу, подоспел ко мне на помощь, мне стоило большого труда на моем скверном испанском языке объяснить ему, что случилось. Поняв, в чем дело, он со всех ног бросился в погоню, увлекая за собой всех проходящих индейцев. Я ждал, прислушиваясь к крикам погони, почти не надеясь снова увидеть мои деньги.

К моему изумлению, мула привели с противоположной стороны два индейца, которые задержали его на пути домой. Они вполне разумно предположили, что его владелец должен быть где-нибудь впереди. Седельные вьюки были нетронуты, и я подивился честности этих людей, которые свободно могли забрать деньги без малейшего риска быть пойманными. Я наградил их порядочной суммой, и они были удивлены безрассудством гринго^[39], который так оценил их услугу.

Когда мы подходили к Титикаке, снегопад кончился, и нам открылся изумительный вид на озеро — Ветер стих, и на спокойной поверхности воды четко отражалось каждое облачко. Солнце ярко сверкало. Белые кучевые облачка — цепочка дымков —

протянулись вдоль небосклона, словно какой-то огромный локомотив двигался замедленным ходом ниже горизонта. Всюду были птицы, они настолько не боялись людей, что едва давали себе труд уступить нам дорогу. На склонах холмов до самой вершины террасами располагались возделанные поля — совсем как в далекие времена инков.

Мы шли по довольно хорошей дороге, то и дело встречая *posadas* — постоянные дворы, куда заходили выпить пива и кофе. Мы проезжали через деревни, где собаки с бешеным лаем высыпали нам навстречу. В переходе прошел весь день, и не успели мы закончить его, как снова повалил снег, еще пуще прежнего.

На ночь мы останавливались в *posadas*. Это были ужасные заведения, невероятно грязные, чертовски холодные и лишенные каких бы то ни было признаков санитарии. Свиньи имели свободный доступ в помещения, ибо если в Лиме фактическими мусорщиками являются тщательно охраняемые грифы, то здесь, на Альтиплано, да и в других местах, эту обязанность исполняют свиньи.

Страшные вещи рассказываются об этих постоянных дворах, особенно о тех, что расположены дальше по тракту Мапири, где леса забираются далеко в горы. В одном из таких дворов была комната, в ней путешественников одного за другим находили мертвыми; их почерневшие тела указывали на то, что они погибли в результате действия какого-то страшного яда. Власти, подозревая неладное, занялись расследованием и спустя немного времени обнаружили в тростниковой крыше огромного паука *аразауса* — род черного тарантула, отличающегося такими большими размерами, что его едва можно накрыть тарелкой. По ночам это чудовище спускалось на спящих людей, и его укус означал смерть.

Со злодействами, творимыми на постоянных дворах, мы знакомы главным образом по художественной литературе, ко в Боливии все это является реальностью. На одной из таких *posadas*, стоявшей на тракте восточнее Санта-Крус-де-ла-Сьерра, хозяин, гнусного вида метис, умертвил не менее сорока путешественников. Как предполагают, он резал их спящими. За все преступления, которые он совершил, он был приговорен к смертной казни.

От усталости мы не могли уснуть в эту первую нашу ночь на тракте. Оба мы были разнежены легкой жизнью на борту корабля и в отелях, и должно было пройти время, прежде чем мы привыкнем к новым условиям. Выглянув на следующее утро из окна постоянного двора, мы увидели, что все вокруг покрыто свежесвыпавшим снегом, но небо было чистым и предвещало хороший день.

Мы позавтракали в лачуге на высоте 14 000 футов, после чего перевалили через хребет, последний раз полюбовавшись чудесным видом озера Титикака, раскинувшегося широкой дугой мерцающего серебра и предельно отчетливо отражающего прибрежные заснеженные горы. Затем на севере мы увидели другую незабываемую картину — узкую ленту реки Мапири в затянута дымкой ущелье, в нескольких тысячах футов внизу; она была наполовину скрыта движущимися облаками, которые уже начали таять под утренним солнцем. Мы могли любоваться густым ковром леса, там, где начиналась субтропическая растительность, и склонами могучих гор, пробивавших покров облаков и вздымавших в небо свои ослепительно сверкающие белоснежные гребни. Дальше, на другой стороне ущелья, укрытая от наших глаз склонами Ильямпу, лежала Сората, где мы рассчитывали расположиться на ночь.

Мы зигзагами начали спуск по дороге, круто уходящей вниз на 7000 футов. На каждом повороте нам открывались захватывающие дыхание виды. Я впервые в жизни видел подобные горы и, подавленный их величием, буквально потерял дар речи перед этим ошеломляющим чудом. По мере нашего спуска растительность становилась обильнее. Дернины трав на вершинах уступили место полям вики и мхам, похожим на кактусы, начали появляться чахлые деревья, низкорослые и скрюченные, словно ведьмы, забавлявшиеся на нечестивом шабаше и внезапно превращенные каким-нибудь волшебником в деревья. Потом мы оказались среди органных кактусов, высовывавших свои унылые, серые, прямые, как свечи, стволы из малейших расщелин в скалах. У горного ручья, питаемого талой водой, мы остановились напиться. Показались эвкалипты^[40] и альгарробо. Мы спускались все ниже и ниже, петляя и меняя направление, и наконец достигли дна долины. При спуске все время приходилось откидываться назад в седле, и теперь у нас болели спины. По качающемуся подвесному мосту, сооруженному из досок, связанных проволокой, мы переправились через реку и преодолели короткий подъем к Сорате, где нашу кавалькаду приветствовала кучка людей, с возбуждением ожидавших нас.

— Прошу вас, сеньоры, выпейте чашу чичи, — сказал главный из них, и несколько человек вышли вперед, наполняя местным маисовым пивом глиняные чаши из большого кувшина. Мы с благодарностью их приняли, и, после того как встречающие наполнили чаши для себя, главный из них предложил тост за нас.

— A su salud, senores!^[41]

Чича была превосходна — густая и освежающая, одновременно и пища, и питье.

В самой деревне нас принял гостеприимный немец по имени Шульц, в его доме мы провели две ночи. Он

угостил нас отменным обедом с коктейлем и вином. Прежде чем предаться глубокому сну, мы еще час-другой провели в непринужденной беседе с хозяином.

Наутро я проснулся с ломотой во всем теле, но тут же забыл об этом, лишь только подошел к окну спальни и с наслаждением глотнул восхитительного горного воздуха. После настоящего завтрака, а не обычных булочек и кофе, которыми он заменяется в здешних краях, мы привели в порядок наш багаж и позаботились о животных. Потом Шульц взял нас с собой на пикник, устроенный в его владениях у реки, тысячью футами ниже. Мы искупались в реке и были удивлены тем, что вода оказалась не так уж невыносимо холодной, хотя река брала начало в снегах всего в восьми милях отсюда. Потом мы всей компанией, включавшей нескольких дам и местных воротил, расселись на лужайке, сплошь усеянной цветами, и принялись за трапезу, которая могла бы удивить даже самого мистера Пикквика своим изобилием и разнообразием.

Сората — важный центр производства чалоны — баранины, зажаренной сразу же после убоя животного и высушенной на горячем солнце в разреженной атмосфере на высоте 15 000 футов. Приготовленное таким образом мясо сохраняется долгое время даже в жарких лесных районах. Спеша отведать этого яства, мы съели еще не вполне готовый кусок мяса, и нам стало не на шутку плохо.

Здесь, как и повсюду на Альтиплано, растет разновидность мелкого и твердого картофеля, высушенные и замороженные клубни которого называются чунью и составляют неотъемлемую часть питания жителей гор.

На другой день мы попрощались с Шульцем и приветливыми обитателями этого городка и по крутой тропе двинулись к перевалу, лежащему на высоте 17 300 футов над уровнем моря. За два часа мы прошли

всего четыре мили, поднявшись на 6000 футов. Мулы с трудом проходили не более десяти ярдов за раз и останавливались, едва переводя дыхание. Когда их тяжело нагружают, у них порой начинает идти кровь носом, и они издыхают. В Тикунамайо мы достигли tambo — дома отдыха для путешественников, и здесь заночевали. В доме не было никаких удобств, и мы спали на открытом воздухе, несмотря на резкий холод и сырой туман.

На следующее утро мы увидели Сорату в кристально прозрачном воздухе внизу под нами; ее домики так и сверкали в свете восходящего солнца. Последний раз мы увидели ее, уже находясь над самым перевалом, затем она скрылась за поворотом тропы, и ледяной ветер со снежных полей набросился на нас. Скользя и спотыкаясь на льду, мулы преодолели последний склон и перевалили через гребень хребта.

Следующая ночевка была в государственном заезжем доме в Яни. Некогда это был центр богатых золотых приисков, которые разрабатывались самым примитивным образом. Об этом месте существует легенда, которая может понравиться любителям всякой небывальщины.

На рубеже нынешнего столетия два боливийских офицера, возвращаясь из поездки в район Бени, прибыли сюда поздно ночью и, заметив в дверях соседнего дома хорошенькую девушку, кинули жребий, кому попытать счастья в любви. Проигравший остановился у коррегидора — старшины деревни — и на следующее утро, к своему ужасу, обнаружил собрата офицера мертвым на разбитом каменном полу пустого дома, теперь представлявшего собой сплошные развалины, хотя он мог поклясться, что прошлой ночью дом выглядел не только целым, но и обитаемым.

— Этот дом уже давно лежит в развалинах, сказал коррегидор. — Ни дверей, ни девушки здесь не было,

мой капитан. Вы просто видели призрак.

— Но почему это место проклято? — спросил офицер. — Почему мы оба увидели призрак? Может, тут когда-нибудь было совершено преступление?

— Не могу вам сказать, мой капитан. Мы ничего не знаем и никак не можем объяснить появление призрака. Время от времени он показывается, но только пришлым, а нам, местным жителям, — никогда! Вот все, что мы знаем.

Люди, знакомые лишь с Европой и Востоком, и понятия не имеют, что представляют собой эти тропы в Андах! Индейцы, мулы и, конечно, вездесущие ламы, наверное, единственные существа, которые могут без особого напряжения ходить по ним. Эти тропы узки, усеяны подвижной галькой. На протяжении тысяч футов они карабкаются вверх по крутизне, которую я могу сравнить лишь с боком великой пирамиды, затем по другую сторону перевала срываются в пропасть тесно примыкающими друг к другу зигзагами. По огромным валунам, образующим какую-то гигантскую лестницу, мулы прыгают, как кошки, с камня на камень. По обе стороны острых как бритва кряжей тропа обрывается в пропасть, заполненную грязью. По краям тропы лежат кости павших животных, и то тут, то там стервятники устраивают свалку возле разлагающегося трупа лошади или мула. Местами тропа становится не чем иным, как узким, извилистым карнизом, выбитым в скале на высоте нескольких сот футов над дном долины; мулы почему-то норовят идти здесь по ее внешней, обращенной к бездне, кромке. Всадник смотрит вниз, и душа уходит у него в пятки — ведь несчастные случаи тут нередки. А в голову как назло лезут рассказы о том, что случается, когда нога мула попадает на шатающийся камень, — пронзительный рев падающего животного — и нет человека.

Многие индейцы идут этими тропами с каучуковых плантаций, неся на спине тяжелую ношу, которая поддерживается ремнем, закинутым на лоб. Они не берут с собой продовольствия и в течение десятидневного перехода без заметной потери сил поддерживают себя тем, что жуют смешанные с известью листья кока^[42]. Европейцы не могут жевать кока без вреда для себя, так как нужны поколения, чтобы приучить организм к его дурному действию, несомненно объясняемому наличием в нем кокаина. Признаки легкого наркотического опьянения наблюдаются даже у индейцев, жующих кока.

По пути к нам присоединился один врач-иностранец и с таким жаром стал распространяться о разных болезнях, что я усомнился в его профессиональной компетентности. Как-то раз он остановил проходившего индейца и, спешившись, исследовал большую опухоль на его щеке. — По-видимому, раковое разрастание или опухоль, — заметил он. Этот народ не вылезает из болезней.

Не успел он договорить, как «разрастание» перекечвало с одной щеки на другую. Это была жвачка кока! С раздражением взглянув на индейца, врач без звука взобрался в седло и на протяжении нескольких миль не произнес ни слова.

Спуск по восточной стороне хребта занял целый день. Мы то поднимались по крутым склонам, едва переводя дух, то соскальзывали вниз по щебню, оползавшему под копытами мулов. Внизу ничего не было видно, кроме моря облаков, из которых торчали верхушки гор. На высоте 13 000 футов мы достигли линии лесов — это были редкие, искривленные и чахлые деревья, не выше человеческого роста. Затем, по мере того как мы спускались все ниже, идя сквозь курящуюся завесу облаков, начали появляться папоротники и

цветы, и морозный воздух высот сменился теплым дыханием уюта.

На следующий день небо снова было безоблачно, и мы вошли в густую субтропическую растительность. Спускаясь вниз по такой крутизне, что волосы становились дыбом, мы дошли до капустных пальм и магнолий^[43]. Здесь уже давала себя знать жара, и мы были рады снять кое-что из одежды. Еще один трехтысячфутовый спуск — и мы оказались в тропиках, в душной теснине, где густой лес захватывал и удерживал ленивые клочки влажного тумана, который напознал сверху и не пропускал солнечного света.

Нам нужно было добраться до реки, но в Мапери свирепствовала малярия, и мы решили остановиться в поселке сборщиков каучука Сан-Антонио, где заправлял делами австриец по фамилии Молль. Единственной достопримечательностью этого места, которое представляло собой кучку лачуг на небольшой расчистке в лесу, был семилетний ребенок — полукитаец-полуиндеец, который не только ходил за провизией на рынок в Мапери, но и готовил для всех обитателей этой фактории, и готовил, надо сказать, превосходно! Такие дети, как правило, очень рано развиваются, но когда детство кончается, они очень мало продвигаются в своем развитии и редко достигают пожилого возраста.

Жалкие лачуги с глинобитными полами представляли собой грубые срубы, прикрытые пальмовыми листьями. Мапери мог похвастаться пятнадцатью такими жилищами. Они стояли вокруг заросшего сорняком пустыря, который должен был изображать площадь; церковь тоже была, попросту говоря, полуразвалившейся лачугой с покосившимся крестом.

Когда мы въезжали в поселок, местный начальник сидел на пороге своего дома и наблюдал фиесту^[44]. Все остальное население числом до шестидесяти человек

было совершенно пьяно. Некоторые без сознания лежали, растянувшись на земле, другие топтались в примитивном танце под ужасающую музыку, доносившуюся из лачуги под названием «Гран Отель», но лишенной какой бы то ни было обстановки. Какая-то индианка пыталась снять с себя одежду; другой человек, как бы распавшийся на составные части, гротескно держа в руке бутылку, валялся в сточной канаве. И все-таки это убогое место имело немаловажное значение — через него проходило изрядное количество каучука, и хотя бассейн Мапири не может считаться особенно богатой каучуком местностью, тем не менее его имело смысл собирать и здесь, так как он оплачивался почти до десяти шиллингов за фунт.

В Мапири мне удалось нанять на работу ямайского негра по имени Виллис; трезвый, он был отменным поваром. Вместе со своим другом Виллис мыл золото, но сейчас его друг болен, и дело его было дрянь. Как объяснил мне Виллис, «он хочет умереть, но у него никак это не получается». Устав ждать его смерти, Виллис был рад присоединиться к нам.

От Мапири наше путешествие продолжалось вниз по реке на кальяпо — плоту, состоящем, собственно говоря, из трех отдельных плотов — бальс^[45], соединенных поперечинами. Вальса состоит из семи слоев исключительно легкого дерева, очень распространенного в некоторых областях по притокам верхней Амазонки и редко встречающегося в районах интенсивной навигации. Бревна скрепляются в нескольких местах прочными волокнистыми клиньями пальмового дерева, сверху к вбитым в бревна колышками привязывается легкая платформа из расщепленного бамбука для пассажиров и груза. Длина такого сооружения около двадцати шести футов, ширина — четыре фута. Команда состоит из трех

бальсеро — плотовщиков, находящихся спереди, и трех других — сзади. Обычная нагрузка — три тонны поклажи и два пассажира. Вести бальсу вниз по горным потокам Анд с одним лишь компаньоном, как я неоднократно проделывал впоследствии, — захватывающий вид спорта, требующий весьма большого умения и ловкости. Каждые сто ярдов натыкаешься на пороги, приходится преодолевать крутые повороты, уклоняться от скал, и на таких излучинах всегда есть водовороты, часто достаточно большие, чтобы сокрушить бальсу или кальяпо. По временам плот несется с головокружительной быстротой, в других случаях едва ползет, но пейзаж всегда восхитителен и доставляет нескончаемое наслаждение.

Мы оттолкнулись от берега в Мапири с командой индейцев племени лехо, напившихся качасы^[46] — этого необычайно хмельного напитка. Все жители, способные держаться на ногах, стояли на берегу и шумно нас напутствовали. Наш первый опыт путешествия по реке взвинтил нам нервы до предела, так как наши веселые бальсеро не были в состоянии работать так, как это требуется от команды при столь хитром судовождении, и, пока мы не достигли устья реки Типуани, наша жизнь все время висела на волоске.

Типуани — одна из лучших золотоносных рек Боливии, она могла бы давать громадное количество золота, если б не ее частые, внезапные разливы. Коренная порода обнажается на минуту, а в следующую — над ней со свистом проносится водяной вал, вызванный к жизни ливнем или внезапной бурей где-то в горах. Быть захваченным одним из таких наводнений грозит неминуемой гибелью, и невозможно предсказать, когда оно придет.

В устье Типуани расположен поселок Уанай. Кроме нескольких хижин да приличной пристани для кальяпо в нем больше ничего нет. Мы остановились здесь на ночь

и были гостеприимно приняты в торговом заведении, принадлежавшем нашему приятелю Шульцу из Сораты. Так как наши индейцы лехо были родом из соседней деревни, принадлежавшей их племени, они не преминули отпраздновать свое прибытие повторным возлиянием. Весь Уанай был охвачен необычным возбуждением, когда, в добавление к нашему визиту, туда прибыли индейцы из независимой деревни Чальяна со значительным количеством товаров для продажи.

Чальяна независима, так как она решительно не признала боливийское правительство. Рассказывается много недостоверных историй об этом месте, в действительности же дело обстояло так. Несколько лет назад некая семья по фамилии Монтес открыла где-то на юге ценные каучуковые участки, сделала заявку на владение ими и, выселив индейцев из юнгас, заложила небольшие плантации. Индейцы переселились на север к верховьям реки Чальяна и, найдя там каучук и золото, построили деревню, но для того чтобы избежать повторения, случившегося, они не допускали чужаков в свою общину. Однако различные беглые преступники и проходимцы все-таки сумели примазаться к ним, причем некий бывший капитан боливийской армии был даже избран ими вождем. Индейцы Чальяны обменивали в Уанайе каучук и золото на нужные им товары и упорно отказывались платить налоги государству. Тогда правительство послало карательный отряд, чтобы в принудительном порядке обложить их налогом. Деревня была атакована сразу с трех сторон, но благодаря торговцам Сораты жители Чальяны были хорошо обеспечены оружием и легко отбили нападение. С тех пор никаких новых попыток подчинить их не предпринималось. Они имеют собственный скот, свое «производство» и нахально смеются над всеми!

После очередного высокого подъема воды в Типуани выше по течению легко намыть один фунт золота за

день, а в Уанае получили около унции из двадцати тазов золотоносного гравия. Белые старатели считают такую работу невыгодной, так как из-за отсутствия транспорта жизнь там очень дорога.

Между реками Уанай и Бени имеются три опасных порога — Малагуа, Ретама и Нубе. На первом из них перепад уровней составляет добрых двадцать футов на протяжении трехсот ярдов. Делая крутой поворот перед тем как выйти на быстрину, наш кальяпо налетел на скалу. Поперечный брус сломался, наваленный в середине платформы груз разлетелся по плоту. Плот накренился, врач был придавлен ящиками. Индейцы с криками попадали на бревна. Я схватил фотоаппарат и винтовки, боясь, как бы они не свалились за борт или не промокли. Кальяпо, затопленный водой, каким-то чудом пронесся по этому сумасшедшему водному спуску и не опрокинулся. Попав на спокойное, глубокое место, мы с помощью шестов пристали к берегу и устранили повреждения. Чалмерс прибыл на следующем кальяпо в самой превосходной форме.

В Исапури, пункте сбора каучука, расположенном между порогами, мы остановились на ночь. Живший здесь агент Шульца удобно нас устроил и хорошо накормил. Вечер мы провели, просушивая свое снаряжение и чистя винтовки.

Пейзажи на протяжении всего нашего пути были великолепные. Мы проходили под огромными обрывами из конгломерата и красного песчаника, через узкие теснины и под пологом леса, полного попугаев и ярко расцвеченных деревьев. В дождь мы разбивали лагерь на берегу и становились жертвой москитов. На воде насекомые нам не досаждали, но как только мы приближались к берегу, на нас набрасывались тучи комаров и мельчайших кусающих мошек. Мы обливались потом при тепличных температурах, когда ни малейшее

дуновение не всколыхнет воздух, и мы дрожали от пронизывающего холода, совсем как зимою в Англии!

Чалмерс, шедший вместе с Виллисом на другом кальяпо, нашел винтовку в одной полуразвалившейся лодке. Его плотовщики не прочь были сами воспользоваться этой винтовкой и очень обозлились на Чалмерса за то, что он опередил их; они нарочно направили кальяпо на корягу и в результате потерпели крушение. Погибло двадцать восемь ящиков груза, из них пять наших и среди прочего — подставки для мензул. Это была уже нешуточная потеря, так как без подставок использовать мензулы было нельзя.

На седьмой день по отплытии из Мапири мы спокойно подплывали к порту Рурренабаке. «Порт» был всего-навсего берегом, сплошь покрытым грязью и усеянным перевернутыми бальсами и отбросами, в которых копошились и непрерывно ссорились между собой грифы. Сзади виднелась группа грубо сработанных лачуг, стены их были сделаны из расщепленного бамбука, а крыши из пальмовых листьев; хижины теснились вокруг поросшей травой площадки у подножия высокого горного кряжа. На картах название этого места выделялось заглавными буквами, и я питал надежду, что увижу по меньшей мере капитальные строения, а тут передо мной оказалось убогое поселение, в котором едва ли могут жить белые. Я был крайне разочарован и начинал осознавать, насколько примитивен этот речной край. Но мне еще предстояло понять, что после нескольких месяцев, проведенных в диких местах, даже Рурренабаке может показаться столицей!

Мое настроение улучшилось после очень вкусного завтрака, поданного в необставленной хижине, именовавшейся гостиницей, а после встречи с несколькими местными жителями я начал смотреть на это место и не так безнадежно. В городке находился

отряд боливийской пехоты с двумя-тремя офицерами, которые оказались чудесными малыми. Их начальник, тоже очень неплохой человек, полковник Рамальес был губернатором провинции Бени. Еще тут жили два английских коммерсанта — спрос на каучук был высок — и три американца, двое из них прожившиеся старатели, а третий — известный тexasский бандит, который укрывался здесь от остального мира, где его усиленно разыскивала полиция. Остальную часть населения составляли разные таможенные чиновники и небольшое количество индейцев. Большинство жителей страдало тем или иным недугом из множества болезней, обычных во внутренних районах страны: таких, как бери-бери, эспундия или малярия, — причем страдало соразмерно тому, насколько пьянство и другие пороки подорвали здоровье.

Полковник Рамальес по случаю нашего прибытия дал банкет. Я ответил тем же. Шампанское по баснословной цене лилось, как вода! В продуктах недостатка не было. Мясо было в изобилии, так как крупный скотоводческий район находился совсем рядом. Кроме того, как раз накануне большое стадо пекари^[47] переплыло через реку, спасаясь от преследующих их голодных ягуаров. Весь городок вооружился винтовками и ножами, и было убито около восьмидесяти этих странного вида, похожих на свиней животных.

На равнинах, где пасется скот, ягуары весьма распространены, и их зачастую не стреляют, а ловят с лошади при помощи лассо — это здесь любимый вид развлечения. Связанного ягуара ведут между собой два человека. Для такой охоты нужны хорошие лошади и незаурядное искусство в обращении с лассо, и в этом случае охота вовсе не так опасна, как кажется.

Ягуары иногда приручаются, если их поймали еще детенышами, и становятся совершенно безопасными домашними животными. В Рейсе, в нескольких лигах от

Рурренабаке, проживал некий шутник, державший у себя большого ягуара, которому он разрешал разгуливать по дому, словно комнатной собаке. Наибольшее удовольствие доставляло ему брать своего любимца на прогулку по дороге в Рурренабаке. Здесь он дожидался путешественника, едущего верхом на муле; по его знаку ягуар выпрыгивал из кустов, и мул удирал со всех ног, сбрасывая седока. Легко представить себе ужас путника, оказавшегося лицом к лицу с ягуаром!

Мулы боятся ягуаров больше всего на свете; говорят, что лапа только что убитого ягуара, положенная в переметную суму, лучше всякой шпоры ускорит шаг упрямого животного.

Глава 5

Каучуковый бум

Я хандрил и очень тосковал по дому. Надо же быть таким ослом — променять уютный остров Спайк на жизнь, по сравнению с которой — я уже начал понимать это — Рурренабаке могла показаться раем. Платили мне как будто неплохо, но это была иллюзия.

В Боливии я жил ничуть не лучше, чем в Англии, служа майором в артиллерийских частях, а может, и чуть хуже — ведь там мне ничего не приходилось платить за казенную квартиру. Соглашаясь на эту работу, я не представлял себе даже тех затруднений, с которыми был связан перевод моего жалованья в мой банк в Лондоне.

Не раз меня подмывало отказаться от службы в Боливии и вернуться домой. Надежда выписать жену и семью в Ла-Пас лопнула. Об этом нечего было и думать. Я не только не мог купить дом — это было почти невозможно, — но и не мог снять квартиру из-за дороговизны. В то время Ла-Пас был мало подходящим местом для европейской женщины, которой во всем пришлось бы полагаться только на свои силы; к тому же и питание для детей было бы неподходящим. Существенным недостатком была также высота этого места над уровнем моря.

Даже при благоприятных условиях от Ла-Паса до Рурренабаке было две недели пути, а Риберальта, где мне предстояло проводить большую часть времени, была еще в трех неделях пути вниз по реке. Регулярного сообщения между этими пунктами не было. Если вам надо было куда-нибудь попасть, вы должны были ждать оказии, зачастую сидеть неделями в какой-нибудь дыре, пока не подвернется кальяпо, плывущий в нужном вам

направлении. Попасты из Мапири на Альтиплано можно было лишь при условии, что вы достанете мулов.

Реки боливийской Монтаньи^[48], как называется лесной район, по существу были более отдалены от Ла-Паса, чем Англия. Здесь мы оказались совершенно отрезанными от мира, и в перспективе у нас были три года труднейшей и опаснейшей работы, которые начинались с момента прибытия на Бени... Ни малейшей возможности поехать в места с более благоприятным климатом для отдыха и восстановления сил... И я сам обрек себя на такую жизнь!

Мы достигли границы каучукового края и вскоре должны были воочию убедиться, насколько правдивы истории, которые о нем рассказывались. Многие не верили разоблачениям безобразий, творившихся в бассейне реки Путумайо, но несомненно, что добыча каучука как в Боливии, так и в Перу с самого начала велась с ужасающей жестокостью. Не то, чтобы правительства этих стран оставались безучастными к злоупотреблениям, — напротив, администрация была глубоко обеспокоена царящими там порядками; однако громадные расстояния до каучуковых районов являлись препятствием к эффективному государственному контролю, что поощряло не только беспринципных иностранцев, но и равнявшихся по ним боливийцев и перуанцев. По существу большинство каучуковых дельцов были вырожденками, соблазненными возможностью легкой наживы.

Невероятно, но факт, что огромная, рассеянная армия сборщиков каучука имела слабое представление об истинных причинах их страданий и даже была готова бороться за сохранение существующего положения, будь на то воля их патрона. Людям мало дела до страданий других, пока сами они не окажутся страждущей стороной; более того, несчастья других порою даже забавляют их.

Ни один правительственный инспектор, сберегая свою шкуру, не рисковал отправиться в край каучука и послать оттуда добросовестный отчет. Руки мести длинны, а в Монтанье человеческая жизнь ценится весьма дешево. Однажды некий судья был послан в район реки Акри за свидетельскими показаниями об исключительно зверском убийстве одного австрийца и выяснил, что в этом деле замешаны влиятельные люди речного района. Если б он рассказал то, что узнал, ему никогда бы не выбраться живым из этих мест. Поэтому он благоразумно смолчал и вернулся на Альтиплано с изрядной суммой денег — взяткой за молчание, а дело закрыл, постановив выплатить небольшую компенсацию родственникам убитого. Кто осудит его за это?

Никаких инструментов в Рурренабаке мы, конечно, не застали.

— Вам не следует беспокоиться по этому поводу, — сказал полковник Рамальес, — они ждут нас в Риберальте. Там находится генерал Пандо, они у него.

— Чем скорее мы отправимся туда, тем лучше, — заметил я. Нам нет смысла задерживаться здесь.

— Разумеется, я сделаю для вас все, что могу, но на это уйдет время. Между прочим, сейчас отмечается День независимости^[49], и по тому, как его здесь празднуют, непохоже, чтобы удалось что-нибудь предпринять, пока не пройдут его последствия.

И действительно, этот день прошел в пьяных оргиях, а затем меня целую неделю кормили «завтраками». Потом в город прибыли двое таможенных чиновников из Ла-Паса, спешивших по делам в Риберальту. Они производили впечатление такого достоинства, что для них быстро нашелся бателон, который забрал и нас.

Бателон — это самое неповоротливое и плохо сконструированное из всех существующих судов, детище какого-то иностранца, который не имел ни малейшего представления о судостроении, но тем не

менее судно сохраняется в первоначальном виде, несмотря на свои очевидные пороки. Килем этого судна служит грубо отесанный ствол дерева, обожженный на огне. Имеется примитивный форштевень и ахтерштевень, к которому, как на каравеллах, прибиты толстые, крепкие деревянные планки большими железными гвоздями, загнутыми изнутри. Средняя часть судна имеет форму тупой буквы «V», на корме сооружена платформа с навесом из пальмовых листьев и несколькими примитивными скамейками для команды. Эта посудица неизменно течет, словно решето, так как расходящиеся пазы практически невозможно должным образом законопатить, и один-два человека из команды вынуждены непрерывно вычерпывать воду. Длина судна сорок футов, ширина-двенадцать, осадка — три фута. Высота надводного борта не превышает четырех дюймов, обычная нагрузка — около двенадцати тонн. Команда — от десяти до двадцати четырех индейцев.

Не многие из жителей Рурренабаке ко времени нашего отплытия оправились после праздника; те же, кто могли держаться на ногах, салютовали нам залпами из винчестеров сорок четвертого калибра. К счастью, дело обошлось без жертв. Пороги Альтамарани нам удалось пройти только чудом. И все же двое черпальщиков не могли справиться с угрожающей течью в корпусе, и в десяти милях ниже города мы принуждены были пристать к берегу. Пришлось снять с судна весь груз и приняться за работу — с помощью рукояток мачете конопатить щели пальмовым волокном изнутри или снаружи, в зависимости от того, как лучше получалось.

Мы заночевали на берегу — на чакре (маленькой ферме), принадлежавшей механику англичанину, работавшему на небольшом казенном паровом баркасе. Этот искусник — его фамилия была Пирсон — умудрялся эксплуатировать дряхлое суденышко, рабочие части

которого по большей части соединялись проволокой или веревками. Когда мы прибыли, его баркас был на стапелях, и Пирсон горделиво показал нам, что он ремонтировал. Стенки котла местами были буквально не толще бумажного листа, и какое бы низкое давление в нем ни поддерживалось, он представлял явную опасность для жизни.

Ночью совершенно внезапно раздался гром и начался форменный потоп. Вода падала сплошным потоком. Уровень реки поднялся на девять футов; баркас сорвало со стапелей, перевернуло набок и швырнуло о деревья, а мы побежали спасать багаж, перепугавшись, что и его может снести. Был разгар сухого сезона, но в лесах Амазонии ливня всегда можно ожидать при полнолунии и новолунии, обычно при новолунии. Часто он сопровождается сурусу — южным или юго-западным ветром, приносящим столь резкий холод, что рано утром на земле иной раз можно обнаружить тонкую корку льда.

Вода в реке спала до нормального уровня столь же быстро, как и поднялась, оставив на берегах массу плавучего мусора, в котором было полно умирающих тугалес — огромных пауков^[50], охотящихся на птиц, и полумертвых змей. Когда мы завтракали у Пирсона, вошел Хосе — человек из команды баркаса. Он выглядел испуганным.

— Прошлой ночью в моей хижине побывал ягуар, — сказал он. Я проснулся, а он стоит посреди комнаты и смотрит на мой фонарь — в нем горела свеча. Если бы я вытянул руку, я мог бы дотронуться до него, сеньоры!

— Почему же ты не убил его? — спросил Пирсон.

В этих местах никто не спит без того, чтобы оружие не было под руками, и Винчестер Хосе всегда был наготове.

— Он был слишком близко от меня, сеньор Пирсон. Если б я схватил винтовку, он мог бы наброситься на

меня. Вдруг мне не удалось бы сразу его убить? Тогда он растерзал бы меня. Я лежал как мертвый, и он ушел так же тихо и быстро, как появился, и мне даже трудно поверить, что он вообще приходил.

Берега реки Бени — форменный заповедник ядовитых змей, в этом отношении она хуже, чем многие другие места, так как здесь сходятся лес, равнина и горы и в изобилии растет сухой кустарник, который змеи так любят. Чаще всего встречается гремучая змея. Имеется пять ее различных видов, однако по своей длине они редко превышают ярд. Крупнейшая из змей — это сурукуку, страшилище с двумя рядами зубов, известное в других местах под названием пакарайя или бушмейстер; она зачастую достигает чудовищной длины — пятнадцати футов при диаметре в один фут; так, по крайней мере, мне рассказывали. Встречается еще тайя — серовато-светло-коричневая змея, свирепая и очень подвижная, которая, подобно индийской гамдриаде, в сезон откладки яиц кидается на человека, лишь только его завидит. Обычны также анаконды — не гигантские, но все же достигающие двадцати пяти футов в длину. Эти змеи представляли собой постоянную опасность, и мы скоро научились принимать против них меры предосторожности.

Недалеко от того места, где мы теперь находились, жили барбаро^[51] — воинственные дикари, которых очень боялись все, кто занимался каучуковым промыслом в районе Бени. Мне рассказывали о них такие истории, от которых волосы становились дыбом, однако позже, когда мне пришлось с ними встретиться, я нашел, что в этих рассказах много преувеличения.

В глубине леса, поблизости от Альтамарани, жила одна старая метиска вместе со своей дочерью. Она почиталась ясновидицей. У нее был хрустальный шар, и к ней обращались за советом все, кто жил по течению реки между Рурренабаке и Риберальтой. Выглядела она

совсем как традиционная ведьма, лечила и привораживала травами, предсказывала судьбу и готовила любовное зелье. Полагали, что она накопила немалое богатство, однако никто не осмеливался тронуть ее, и даже барбаро обращались с ней с величайшим почтением. А она, со своей стороны, презирала их.

В этих местах коренное население каждый год празднует в лесу что-то вроде шабаша. Люди собираются вокруг каменного алтаря и варят местное пиво — чичу, которое поглощают в огромных количествах, запивая им жвачку крепкого табака. Такое сочетание сводит их с ума — мужчины и женщины предаются дикой оргии, которая зачастую длится две недели.

Барбаро пользуются луками от пяти до десяти футов длиной, изготовляемыми из пальмового дерева, и стрелами такой же длины. Тетива делается из лубяных волокон.

Мальчики упражняются в пользовании луком, стреляя поверх хижины в плод папайи^[52] на другой стороне. Иногда они держат лук вертикально, как обычно, в другой раз ложатся на землю, упираются в лук ногами и натягивают тетиву руками. Они учатся выпускать стрелу вертикально в воздух и с абсолютной точностью поражать цель. На стреле укрепляются изогнутые перья, отчего древко вращается, как пуля в дуле винтовки, и приобретает устойчивость в полете. Не отсюда ли заимствована идея нарезного дула?

Женщины и дети вооружены отточенными с двух сторон бамбуковыми дротиками, снабженными зазубренными наконечниками из обезьяньих костей. Наконечники обматываются хлопковыми нитками местного производства и заливаются смолистым веществом. В случае войны копья и стрелы обычно смазываются ядом.

Бателон, проконопаченный громадным количеством пальмового волокна, снова был загружен и продолжал плавание вниз по реке. Мы прокладывали себе путь сквозь целые леса коряг, раз за разом чудом спасаясь от катастрофы. Коряги эти были стволами и ветвями мертвых деревьев, упавших в реку или смытых наводнением. В борьбе за существование в первобытном лесу деревья вытесняют друг друга, их душат паразиты и валят наземь бури. Часто они не могут даже упасть и продолжают стоять и гнить, подпертые соседними деревьями. Течение рек размывает податливые берега, и множество деревьев падает в воду и становится корягами. Порой над поверхностью воды видны их верхушки, но самые опасные — это те, которые погружены на несколько дюймов в воду. Их искривленные сучья шлифуются и превращаются в острые шипы, а так как деревья эти зачастую обладают твердой, как железо, древесиной, такие шипы могут проткнуть быстродвигающееся судно, как бумажный листок.

День за днем мы плыли по течению со скоростью примерно трех миль в час, с какой-то смертельной монотонностью, картина берегов совершенно не менялась. Мелкие происшествия вырастали до размеров важных событий, и мы жадно искали признаков жизни в этой необъятной глуши. Здесь было много уток, диких гусей и, разумеется, обезьян. Среди последних преобладали черные маримоно и манечи — южноамериканские ревуны, или *bugio* бразильцев; ранним утром их рев пробуждал лес.

Какую-либо дичь в этих лесах найти трудно, поэтому обезьян здесь охотно употребляют в пищу. Мясо их довольно вкусное, но сама идея на первых порах отвращала меня, так как, когда их растягивали над костром, чтобы палить шерсть, они были удивительно похожи на людей. Новичок должен привыкнуть к таким

вещам и не привередничать, в противном случае его ждет голодная смерть.

В одном месте на берегу реки я увидел совершенно целую погребальную урну. Очень жалею теперь, что мы не взяли ее с собой, так как в Рурренабаке при раскопках была обнаружена очень интересная керамика, и эта урна могла иметь этнографическое значение.

На второй день после отбытия из Альтамарани мы на полном ходу наскочили на корягу. Четыре человека из команды были сброшены в реку, доктор в панике прыгнул за ними, а напыщенные таможенные чиновники даже позеленели от страха. Как только мы ударились, остальная часть команды сейчас же выскочила за борт, чтобы лодка не набрала воды. Для них все это было лишь отменным развлечением. Я думал, что теперь с бателом покончено, и был крайне удивлен, обнаружив, что, кроме нескольких новых дыр, основательно увеличивших течь, никакого другого вреда судну не нанесено. Течь быстро ликвидировали с помощью нескольких фунтов пальмового волокна, и судно двинулось дальше. Когда дерево корпуса еще новое, пожалуй, надо наскочить на скалу при скорости двадцать миль в час, чтобы доски раскололись, а большие загнутые гвозди выдернулись из дерева.

Не успели мы снова отправиться в путь, как вдруг команда пришла в неистовое возбуждение и с пронзительными криками принялась бешено грести к обширной песчаной отмели, на которой виднелось стадо свиней. Судно врезалось в берег, и вся команда, вооружившись винчестерами, бросилась в погоню. Вскоре мы услышали глухие звуки выстрелов, словно они раздавались за несколько миль, в лесу. Индейцы племени тумупаса прекрасные следопыты, и менее чем через час они вернулись с двумя свиньями. В густых джунглях европейец наверняка заблудится, если не сможет ориентироваться по солнцу или компасу, однако

индейцы, можно сказать, своими голыми ступнями чувствуют, в какую сторону направиться.

Плыть по течению было нетрудно, но число проходимых за день миль было невелико — наступил сезон сбора черепаших яиц, и мы часто останавливались для поисков гнезд. Партаруги, крупные черепахи, обычны для Пуруса и большинства притоков Амазонки. Они откладывают зараз свыше пятидесяти яиц. Как ни странно, в Бени этих черепах не находят. Зато там в изобилии водятся тракайи-небольшие черепашки, откладывающие по двадцати яиц для насиживания. Эти яйца считаются большим деликатесом. Однако пристрастие к ним человека разделяют аисты, и они умеют неплохо отыскивать черепашии гнезда. Черепахи кладут яйца по ночам в песок, который заравнивают сверху. Природа, научив черепаху этой хитрости, не дала ей средства уничтожать свои следы, и по ним, если только не пройдет дождь, легко проследить место, где спрятаны яйца. Как к пище к ним привыкаешь не сразу — они отличаются каким-то масляным привкусом. Скорлупа у них очень мягкая, размер яйца примерно такой же, как и мяч для гольфа.

Мы остановились лагерем в чакре одного бежавшего от цивилизации англичанина, жившего в лесу со старой индианкой. У него, по-видимому, было темное прошлое, как обычно и бывает с такими отшельниками. Он был образованный человек и одно время занимал видное положение в обществе. Жизнь в этом уединенном месте давала ему удовлетворение, которого он не находил во внешнем мире, а приступы безумия, по временам им овладевавшие, никому не причиняли беспокойства, кроме как ему самому и его подруге.

Бичом для нас были насекомые, особенно те их виды, которые здесь известны под названием табана и маригуи^[53] (в Бразилии их называют пиум Маригуи),

тучами атаковывали они нас днем, оставляя в местах укуса небольшие кровавые волдыри. Табаны появлялись поодиночке, но сейчас же объявляли о своем присутствии: казалось, будто в вас втыкается иголка. Укус обоих насекомых вызывает ужасный зуд, и при расчесах может образоваться гноящаяся рана.

Часть бассейна Бени, лежащая ниже Рурренабаке, известна под названием Пустыня. Это слишком низменная для заселения местность, в сухой сезон сюда часто наведываются дикари, ищущие черепашки яйца и занимающиеся рыболовством. Команда утверждала, что дикари держатся на западном берегу, поэтому наш лагерь всегда разбивался на противоположной стороне. Эти места известны многочисленными трагическими происшествиями-дикари мстили неразборчивым в средствах служащим каучуковых компаний за жестокости, которые терпели от них.

Немец и швед из бараки^[54], расположенной ниже слияния Бени с рекой Мадиди, организовали недавно налет на дикарей довольно крупными силами. Была разрушена деревня, мужчины и женщины вырезаны, а детей убивали, разбивая им головы о деревья. Вернувшиеся налетчики гордились захваченными трофеями — восемьдесятю лодками — и всячески хвастались своими подвигами. Единственным основанием для налета было то, что накануне в лагерь пришли несколько мирных индейцев, и белые заподозрили, что на них готовится нападение. Мне рассказывали, что герои из бараки забавлялись тем, что подбрасывали детей индейцев в воздух и ловили их на острие мачете. Порядочные люди, живущие по берегам рек, были возмущены всем этим; правительство, узнав о происшествии, также негодовало, но предпринять ничего не смогло.

Налеты на индейцев и захват пленных рабов были здесь обычным делом. Господствующий взгляд на

барбаро как на диких зверей приводил к частым зверствам, совершаемым различными вырожденками — соломенными боссами баррак.

Позже я встречался с индейцами племени гуарайю и нашел, что они смысленные, чистоплотные люди, стоящие неизмеримо выше пропитанных алкоголем «цивилизованных» индейцев, живущих по берегам рек. Правда, гуарайю были враждебно настроены к белым и мстительны. Но кто их спровоцировал? Мой опыт показывает, что лишь немногие дикари «дурны» от природы, если только общение с «дикарями» из внешнего мира не сделало их такими.

Обычно они нападают на рассвете, забрасывая тольдеты стрелами. Тольдеты — это дешевые хлопчатобумажные противомоскитные сетки, под которыми спит вся команда судна — и боливийцы, и индейцы. Тот, кто остался в живых после ливня ядовитых стрел и был захвачен дикарями, не имеет особых причин для радости.

Генерал Пандо рассказывал мне, что, поднимаясь по реке Хит в непосредственной близости от Мадре-де-Дьос и направляясь через болота к верховьям реки Мадиди, он и его люди устанавливали тольдеты как приманку для индейцев, а сами спали далеко в стороне.

— По утрам часто случалось так, что наши тольдеты были изрешечены стрелами, — говорил генерал. Мы ни разу не подверглись открытому нападению, возможно, потому, что нас было очень много, однако дикари все время изводили нас, стреляя из укрытия кустарников и оставаясь невидимыми.

В 1896 году один важный правительственный чиновник путешествовал по реке Бени с женой и падчерицей. На рассвете на них напали индейцы племени гуарайю.

Все бросились на бателон, и в панике жену чиновника оставили на берегу, где был разбит лагерь

путешественников; ее отсутствие было замечено, только когда судно уже проплыло некоторое расстояние вниз по реке. В течение многих лет эта дама жила в деревне у дикарей и в конце концов была обнаружена экспедицией, организованной с целью охоты за рабами. Руководитель набега вернул даму вместе с четырьмя «полудикими» детьми ее законному мужу, требуя с него 300 фунтов за услугу. А муж тем временем женился на своей падчерице, и когда снова увидел жену — умер от потрясения. Дама со своими малышами и дочерью вновь поселилась в Санта-Крус-де-ла-Сьерра и с восторгом рассказывала о том, что испытала.

В Риберальте я встретил одну австриячку — красивую и жизнерадостную женщину, которая время от времени совершенно одна отправлялась в лес, чтобы пожить вместе с индейцами племени пакагуара. Ее коллекции ожерелий из зубов и другие редкости, добытые у дикарей, не имеют себе равных.

В изнуряющей духоте лесов испытываешь соблазн выкупаться в реке прямо с бателона. Этого лучше не делать, но если уж желание берет верх над благоразумием, купаться нужно с осторожностью, так как река изобилует электрическими угрями. Здесь найдены две их разновидности — одна коричневая около шести футов длиной, другая — наиболее опасная — желтоватая и наполовину короче. Один удар угря достаточен, чтобы парализовать человека и отправить его на дно, однако электрический угорь имеет обыкновение повторять удары, чтобы поразить свою жертву наверняка. По всей видимости, для того, чтобы произвести электрический разряд, угорь должен пошевелить хвостом^[55]; когда хвост недвижим, его можно трогать без всякого для себя вреда. Однако индейцы не станут дотрагиваться до угря, даже мертвого.

Другая мерзкая рыба, обитающая в приамазонских реках, и в особенности в притоках Мадейры, — это кандиру^[56]. Ее тело всего в два дюйма длиной и четверть дюйма шириной и заканчивается узким раздвоенным хвостовым плавником. У нее длинное костистое рыло и острые зубы, кожа покрыта мелкими, направленными к хвосту зазубринами. Она всегда норовит попасть в естественные отверстия тела человека или животного, и, если это ей удастся, извлечь ее невозможно вследствие зазубрин. Эта рыба — причина многих смертей, и ее жертвы погибают в страшных муках. Когда я был в Риберальте, австрийский врач вырезал две такие рыбы у женщины; японский хирург в Астильеро, на реке Тамбопата, показал мне особую разновидность кандиру, вынутую им из мужского члена. Эта разновидность иногда достигает пяти дюймов в длину и имеет вид только что вылупившегося угорька.

Ядовитые скаты скрываются в засаде на песчаном дне рек. Они невелики по размерам, но глубокие раны, которые причиняют их покрытые слизью зазубренные шипы, исключительно болезненны и зачастую опасны для жизни. Прибрежные жители говорят, что при ранении таким скатом лучшее средство — помочиться на рану. Не могу сказать, так ли это, но знаю, что уколы морского ежа в Вест-Индии местные жители лечат именно таким способом. Мясо скатов вкусное, а их колючки употребляются индейцами в качестве наконечников для стрел.

Монотонное изо дня в день продвижение вниз по реке, вынужденное безделье, однообразие речного ландшафта — все это сильно повлияло на наших компаньонов — таможенных чиновников. Они везли мешки с почтой в Риберальту, и прошло немного времени, как они сломали печати и принялись читать газеты и другую периодику, которую нашли в мешках.

— Это ничего, — говорили они в свое оправдание. В конце концов газеты становятся общественным достоянием, когда попадают на место.

К тому времени, когда мы достигли Риберальты, большая часть почты погибла, и множество людей, которые считали дни от одного прихода почты до другого, были вынуждены стойко снести этот удар и со всем доступным им терпением дожидаться следующей почты, которая могла прийти только через месяц, а то и через три!

В устье реки Мадиди, на краю Равнин Мохос^[58], стоит миссия Кавинас. Остатки индейского племени, часть большого и могущественного когда-то народа, известного под именем торомона, поселились там в нескольких аккуратных хижинах. На полях у индейцев никогда не было сорняков, тогда как плантации белых сплошь зарастали сорными травами. Угодья поселения Кавинас являли собой приятный контраст плохо обработанным непродуктивным землям селений белых.

Начиная с этого места каучуковые барраки тянулись по обоим берегам реки, но только в одной из них нас ожидал радушный прием. У пьяниц хозяев, с виду настоящих дегенератов, должно быть, была нечистая совесть. Гостеприимство нам оказали лишь в Консепсьоне. Хозяин бар-раки был хорошо образованный, много путешествовавший человек, у него были очаровательные жена и дети, его дело процветало. Он оптимистически смотрел на будущее каучукового промысла в бассейне Бени, с чем я не мог согласиться. Мне казалось, что район неизбежно придет в упадок и запустение, если не будет осваиваться в организованном порядке притекающими извне иммигрантами.

Мы достигли Риберальты 28 августа, на двадцатый день по отбытии из Рурренабаке. Здесь я встретился с генералом Пандо, бывшим президентом республики и

делегатом в парламент от провинции Бени, человеком характерной внешности и выдающихся способностей. Он вел в Боливии неустанную исследовательскую работу и, вероятно, знал о стране больше, чем кто-либо из его соотечественников. Пандо оказался первым официальным лицом, действительно знавшим, какая работа от нас требуется, что меня очень ободрило.

Никакие инструменты меня здесь не ждали — я получу их в Баие, или, как это селение стало называться позже, в Кобихе. Но теперь я уже научен опытом и поверю в их существование лишь тогда, когда увижу их собственными глазами.

— Вас отвезут на лодке вверх по реке Ортон, — сказал мне генерал. Далее от Порвенира есть путь по суше до реки Акри.

— Сколько времени, по-вашему, может занять у меня работа на Акри? — спросил я.

— Боюсь, она не покажется вам легкой, майор. Я думаю, на всю работу до полного ее завершения потребуется полных два года.

Понятно, у меня не было намерения провести два года на Акри, но в то же время я и не собирался сидеть сложа руки, находясь на службе. Однако я ничего ему не сказал.

Там, где сливаются Бени и Мадре-де-Дьос, расстояние между берегами равно 500 ярдам. Риберальта стоит при их слиянии. Это почти настоящий город, так как хижины, покрытые пальмовыми листьями, выстроились здесь кварталами, и изредка можно увидеть крыши из ржавой salamine^[59]; тут есть даже глинобитная постройка, где размещается главная контора крупнейшей каучуковой фирмы братьев Суарес. Хотя здание конторы Суарес было простым одноэтажным строением с внутренним двориком, мне говорили, что оно обошлось фирме более чем в 12 000 фунтов стерлингов! Цены здесь были в десять раз

больше, чем где-либо в мире. Несмотря на грабительские цены на продукты, съестного как будто было изобилие, и каким-то необъяснимым образом все ухитрились жить в кредит. Хлеб продавался по четыре пенса за унцию, но мяса, главного продукта питания, было сколько угодно. Полудикий крупный рогатый скот из Льянос Мохос можно было купить меньше чем по четыре шиллинга за голову. Единственным затруднением было то, что после заключения сделки покупатель должен был сам ловить свою попку.

Риберальта лежит всего лишь на высоте 500 футов выше уровня моря. Город построен на месте старой укрепленной индейской деревни, всего на шесть футов выше уровня наивысшего летнего стояния воды. Здесь может быть почти невыносимая жара, но часты и сурусу, при которых температура падает со 110° по Фаренгейту в тени до 40°, а то и до точки замерзания. В таких случаях люди укрываются в своих незащищенных, продуваемых сквозняками хижинах, залезают под все одеяла, которые у них только есть, и пережидают сурусу.

Когда мы прибыли в город, в Мадре-де-Дьос, в устье реки Хит, как раз произошел мятеж. Солдаты небольшого отряда убили своих офицеров и бежали в Перу. Один солдат индеец вернулся в Рибёральту и сказал, что он отказался принять участие во всем этом деле. Его судили военно-полевым судом, признали виновным и приговорили к 2000 ударов плетью.

Плеть, которую употребляли на реке Бени, представляла собой короткую палку с четырьмя сыромятными ремнями, завязанными узлами. Предполагали, что такой приговор будет равносителен смертной казни, к которой индейца не могли приговорить непосредственно, так как это было бы превышением власти. Иностранные резиденты протестовали, но безуспешно. Индейца выпороли; врач,

который при этом присутствовал, рассказал мне подробности.

Жертву распластали на земле, и двое солдат, по одному с каждого бока, в течение минуты наносили ей удары с интервалом в одну секунду. Затем плетки были переданы следующей паре. Солдаты стояли длинной вереницей, ожидая своей очереди, и экзекуция шла непрерывно. Всякий, кто бил недостаточно сильно, сам получал по пятидесяти ударов. Жертва теряла сознание семь раз, но экзекуция не приостанавливалась. Когда все было кончено, индейца попросту оставили лежать там, где он лежал. Позже его посыпали солью. Мясо буквально сходило у него с костей, местами открывая их, и все-таки он выжил!

В это время в Риберальте жили три англичанина. Один из них был прекрасный человек, не тронутый пороками той среды, в которой он жил четверть века. Второй умер вскоре после нашего приезда и ничем особенным не отличался, если не принимать во внимание его исключительный вкус к сутяжничеству. Третий оказался одним из самых гнусных подонков, каких мне когда-либо приходилось видеть. Он занимал теплое местечко в одной из каучуковых фирм, но как будто потерял его и несколько лет спустя, находясь в Лондоне, пустил себе пулю в лоб.

Тут безраздельно царствовал алкоголь, как и в большинстве здешних мест. И этих людей можно было понять. Не удивительно, что среди всей этой грубости и не змеиных страстей, живя в невероятной грязи, отрезанные от мира громадными расстояниями, отсутствием средств сообщения и непроходимыми джунглями, они искали спасения единственно доступным им способом — в вине.

Я часто виделся с генералом Пандо и всячески торопил его с приготовлениями к нашему отъезду. Мне хотелось как можно скорее приступить к работе.

— Не думаю, что вам удастся отбыть в Баию раньше чем через три-четыре недели, — сказал он. А когда вы туда попадете, вам придется снова ждать, пока не поднимется вода в реке. Почему бы вам не использовать это время для предварительной разведки трассы железной дороги между Порвениром и Баией? Вы оказали бы этим немалую услугу правительству.

Обсуждая с ним детали работы по демаркации границы, я решил начать с отрезка реки Акри, вернуться в Риберальту и нанести границу на карту. Затем отработал бы среднюю часть границы и снова вернулся в Риберальту для чертежной работы. И, наконец, я провел бы работу на участке реки Абунан. Месяц должен был уйти на картографические работы, какое-то время на дорогу туда и обратно и по шести месяцев — на каждый отрезок границы. В итоге выходило, что вся работа займет два с половиной года, как примерной предусматривалось сроком договора.

Один таможенный чиновник, заболевший бери-бери, вернулся из района Акри, и я спросил его, что мы найдем, когда достигнем реки.

— Я видел ее на протяжении ста миль с большого парохода, — сказал он. Она вся исследована, там везде каучуковые барраки.

Глава 6

Рожденные на горе

Без преувеличения можно сказать, что девять из каждых десяти жителей Риберальты страдали от какого-либо недуга. Жертвы бери-бери, частично парализованные, ковыляли на костылях и толпились повсюду, где можно было рассчитывать на даровую выпивку. Некоторых мучила малярия, других — чахотка, а многим врачи вообще затруднялись поставить диагноз. Каждое торговое заведение в городе бойко торговало шарлатанскими средствами по грабительским ценам. Здоровый человек считался уродом, исключением, чем-то из ряда вон выходящим.

Бери-бери, род водянки, обычное заболевание в речных районах, надо думать, являлась следствием низкого качества пищи и отсутствия в ней витаминов^[60]. Свежее мясо можно было достать, но основными продуктами питания были чарке (ломтики соленого, высушенного на солнце мяса) и рис. Рис доставлялся из Санта-Аны, Санта-Круса или из Манауса в Бразилии; большей частью он оказывался затхлым, так как хранился на складах по меньшей мере года два (впрочем, раньше в Акри нельзя было достать и такого). Чарке обычно кишело личинками и пахло так отвратительно, что его можно было есть лишь после троекратного кипячения, и все-таки в Риберальте его продавали по одному шиллингу восемь пенсов за фунт. Эту еду люди запивали большими глотками качасы — мерзкой тростниковой водки. Не удивительно, что они мерли, как мухи!

В городе было много рабов индейцев из лесов. Взятые в плен еще детьми, они становились христианами и некоторые из них приспособлялись к

новой жизни, однако большая часть не поддавалась воспитанию. Захваченные мальчиками, индейцы рано или поздно откликались на зов джунглей и убегали в дебри. Однако эти юные дикари никогда не забывали того, чему их учили. Они охотно впитывали знания, и возвратившись в родные места, посвящали своих соплеменников в жизнь цивилизованных людей. В исключительных случаях индейцев отправляли учиться в дальние края, даже в Европу.

Владелец процветающего торгового предприятия в Риберальте, немец по фамилии Винкельман, купил молодую дикарку, послал ее учиться в Германию и потом женился на ней. Я не раз пил у них чай. Это была милостивая женщина с прекрасными манерами, мать прелестных детей; она говорила на четырех языках и полностью соответствовала своему месту в жизни. Однако, как правило, когда эти лесные люди попадают белым на глаза, их либо убивают на месте, словно опасное животное, либо безжалостно преследуют и ловят, чтобы отправить как рабов на отдаленные каучуковые участки, откуда невозможно убежать и где всякое вольнолюбие выбивается с помощью хлыста.

Наиболее трагические случаи на реке Бени происходили в городе и провинции Санта-Крус-де-ла-Сьерра. Партии рабочих из пятидесяти человек доставляли сюда в цепях для продажи. Разумеется, это было противозаконно, но временные объединения каучукопромышленников видели в системе кабального труда лазейку для обхода закона. До тех пор пока речной транспорт находился в руках крупных фирм, для пленных рабов не было никакой надежды спастись и всякая попытка к бегству почти наверняка приводила к гибели. Однажды четверым пленникам удалось убежать из французского поселка; они поплыли по реке в лодке. Десятник, или майордомо, бросился в погоню, настиг

беглецов и, вместо того чтобы доставить их обратно, размогил им черепа прикладом винчестера, не обращая внимания на то, что они упали перед ним на колени и молили о пощаде. Судебное расследование таких случаев исключалось. Местные судьи получали жалованье около шестнадцати фунтов в месяц и жили на взятки. Пока у каучуковых фирм были деньги и власть, нечего было и надеяться на свершение правосудия.

В тюрьме Риберальты я посетил одного француза — в припадке ревности он убил своего хозяина. Его возлюбленная носила ему передачи в тюрьму, и однажды он схватил ее и задушил, после чего его приговорили к смертной казни. Благодаря судье, который продал ему напильник, он бежал из тюрьмы и укрылся в Бразилии.

Взятка, предложенная открыто, по большей части рассматривалась как оскорбление. Обычный метод состоял в том, что закупалась по огромной цене партия леса или другие товары, принадлежавшие судье. А при каком-либо судебном разбирательстве обе стороны соревновались в том, кто большую цену предложит, и, разумеется, предложивший наивысшую цену выигрывал дело. Не торопитесь осуждать такую бесстыдную коррупцию, вспомните, что эти места находятся на краю света и пребывают в первобытной дикости, и, если уж на то пошло, подобное взяточничество было обычным явлением в Англии еще до наступления индустриальной эры.

Человеку, попавшему под власть большой фирмы, будь он черный или белый, трудно было уйти против воли своих хозяев. Один англичанин из Риберальты рассказывал мне следующее.

— Я путешествовал по реке Ортон с человеком, который ушел со службы от весьма известной фирмы. Он взял полный расчет, и вез с собой сбережения — что-то

около 350 фунтов стерлингов. Это был полезный для фирмы человек, которого она не хотела лишиться. И вот они заманили его на берег в одну из своих баррак и напоили. Они держали его у себя три дня — он был совершенно пьян и не сознавал, что делает. Потом они дали ему протрезвиться и сунули под нос счет, превышавший все его сбережения на 75 фунтов. Что ему было делать? Никакой суд не поддержал бы его, если бы он возбудил дело против мошенников. Возможно, его вообще бы не стали слушать. Он был вынужден продать жену и дочь, чтобы погасить долг, и вернуться туда, где работал раньше. Я встретил его как раз на обратном пути. Больше всего его бесило не то, что с ним сыграли такую гнусную шутку, а то, что его женщины пошли по такой низкой цене!

Я заметил, что больше всего виноват в случившемся он сам. В конце концов он ведь не был рабом.

— Это почти ничего не значит, — ответил англичанин. — Не воображайте, что белых никогда не продают в рабство! Хорошо известен такой случай. Два брата, разъезжая по торговым делам, спускались вниз по Бени. Они остановились в одной барраке, там шла большая игра. Их втянули в покер, и старший брат сильно проигрался. На следующее утро младший садится в лодку, а майордомо хватает его, вытаскивает на берег и принимается пороть хлыстом. Оказывается, старший брат продал младшего, чтобы уплатить долг! Когда младший услышал об этом, он пришел в неистовство, и только 600 ударов хлыстом смогли его успокоить. Думаю, со временем ему удалось бежать, но что было после — не знаю, во всяком случае, сомнительно, чтобы он продолжал питать нежные чувства к своему старшему брату.

Две большие фирмы в Риберальте держали отряды вооруженных головорезов для охоты на индейцев, и оптовая торговля рабами процветала. Несчастных

пленников доставляли на каучуковые участки, расположенные так далеко от их родных мест, что они теряли всякую ориентацию, и бегство становилось еще более трудным. Им выдавали рубахи, необходимые инструменты, запас риса и под угрозой наказания плетью требовали добывать в год около семисот фунтов каучука. Это как будто немного, но не следует забывать, что каучуковые деревья были редко разбросаны на значительной площади и требовались неустанные усилия, чтобы их обнаружить и обработать. Такая система приносила огромные прибыли фирмам, так как цены на каучук стояли необычайно высокие.

Чем способнее был человек, тем труднее ему было вырваться из лап каучуковых концернов. Белый, черный или индеец, однажды попавший в тиски долгов, не мог и надеяться когда-либо обрести свободу. Все необходимое широко предоставлялось в кредит с целью заманить человека в западню. Фирма, снабжавшая человека всем необходимым, а затем вычитавшая долг из его заработной платы, имела все возможности фабриковать счета таким образом, что люди находились в вечном долгу и, следовательно, в вечной зависимости от нее. Но как бы там ни было, тут нельзя говорить о рабстве в прямом смысле этого слова: в конце концов человеку платили. В сущности, он был заключенным, но не рабом. Истинным рабством было нечто другое, и никто не был от него застрахован.

Негра Джорджа Моргана купил за 30 фунтов один из живших в Риберальте англичан — тот самый гнусный подонок, о котором я уже говорил. С негром ужасно обращались, впереди у него не было ничего, кроме рабства; его также могли продать в барраку, расположенную вверх по реке, и там его ждало бы еще более жестокое обхождение, чем то, которое он терпел от рук владевшего им дьявола в образе человека. Другие иностранные резиденты Риберальты, англичане

и немцы, направили правительству петицию, в которой просили о его освобождении, и послали копии в Лиму и Англию, но ничего этим не добились; возможно, эти письма вообще не были отправлены.

Помимо того что должников заставляли сидеть сутки в колодках в полицейском участке, они были обязаны отрабатывать полностью все, что задолжали своим кредиторам. Некий перуанец, служивший в барраке, умер, и тогда его жену и шестерых детей, живших в Риберальте, схватили и отправили рабами в другую барраку той же фирмы. Это действительно факт.

Некий немец, задолжавший крупной фирме, был отослан в одну из отдаленнейших баррак, где все рабочие вымерли. Маловероятно, чтобы он когда-нибудь вырвался оттуда.

Англичанин по имени Пэй завел в Риберальте свое дело, и это не понравилось большим торговым домам. Они стали продавать те же товары по более низкой, чем он, цене, разорили его, заставили влезть в долги, и он был вынужден стать простым служащим — не совсем рабом, но попавшим в безнадежную кабалу человеком.

Я мог бы продолжить перечень подобных случаев, о которых знаю не понаслышке, а на основании лично мне известных фактов. Эти печальные истории можно рассказывать без конца, поскольку Риберальта всего лишь один город в этом аду, где происходят такие вещи. Если человеку удастся бежать, а потом его поймут и водворят на место, ему как минимум дают тысячу ударов плетью или столько, сколько он может выдержать, не умерев.

Зверства на берегах реки Путумайо в Перу, разоблаченные Роджером Кейсментом, были лишь частицей ужасающей истории этих мест. Рабовладение, кровопролитие и всевозможные пороки царили на реках края, и ничто не могло противостоять им до тех пор, пока каучуковые монополии не потеряли почвы под

ногами. В бар-раках по берегам реки Мадейры рабочие выдерживали в среднем до пяти лет. На других реках — чуть побольше. К востоку от Сораты пожилой мужчина или женщина были настоящей редкостью! В Южной Америке не существует умеренных масштабов. Здесь все делается с размахом, и жестокости времен каучукового бума не являлись исключением.

В Санта-Круссе, маленькой деревушке, расположенной всего лишь в десяти Милях от Риберальты, люди стали умирать от своеобразной лихорадки, неизвестной науке. Верный духу местного предпринимательства, деревенский кюре использовал эпидемию для того, чтобы сколотить себе состояние. Он разделил кладбище на три участка — Небо, Чистилище и Ад и соответственным образом брал за похороны!

Мы покинули Риберальту 25 сентября на небольшом бателоне вместе с десятью индейцами племени ишиама, восьмью индейцами тумупаса, рулевым и молодым армейским офицером в качестве переводчика; с последним ехал его отец — шотландец, всю жизнь проживший в Ла-Пасе, и мать боливийка. В трезвом виде молодой офицер был совсем неплохим компаньоном.

После дня пути мы вошли в реку Ортон, известную своими корягами, пирайями^[62], кандиру, крокодилами, анакондами, колючими скатами и мухами, а также отсутствием какой-либо дичи. Это был медленный поток в довольно высоких берегах у края обширных болот; вообще она соединяла в себе все самые худшие особенности притоков Амазонки и была судходна для баркасов только в сезон дождей.

Мошки набрасывались на нас тучами, и мы были вынуждены закрыть с обеих сторон навес из пальмовых листьев сетками от комаров и надеть накомарники. Несмотря на все эти защитные меры, наши руки и лица вскоре покрылись множеством крошечных зудящих и кровавых волдырей.

Здесь мы впервые услышали птицу *seringero* — три низкие нарастающие ноты, сопровождаемые звуками «уииит-уии-о» и пронзительным криком. Эта очень веселая и деятельная птичка размером с дрозда интересна тем, что ее присутствие указывает на близость каучуковых деревьев, так как, по-видимому, она кормится паразитами, которых находит на них. Сборщики каучука — их называют серингейрос — при поисках каучуковых деревьев прислушиваются к крику этой птицы.

В барраке под названием Палестина мы обнаружили следы пограничного конфликта между Перу и Бразилией, происшедшего в 1903 году и приведшего к пересмотру границы. Это место было окружено окопами и укреплено; отсюда шла дорога через лес до Абунана и до Акри у Капатары, ниже бразильского города Шапури. Должен сказать, что укрепления и окопы не произвели на меня впечатления и заставили усомниться в знаниях и опыте офицеров, ответственных за их выполнение. Они были сработаны по тем старым схемам, которых полно в учебниках, и могли быть легко обстреляны продольным огнем.

До сих пор признаков произвола и жестокостей на реке Ортон не наблюдалось; очевидно, к плети прибегали только тогда, когда все другие способы были испробованы. Ничто не говорило о существовании здесь рабовладельческой системы, и все-таки мы знали, что она существует. Недалеко от этих мест, на реке Мадре-де-Дьос, находилась баррака, на которой занимались не сбором каучука, а выращиванием детей для рынка рабов. Говорили, что там жило около шестисот женщин! Большинство местных заправил и надсмотрщиков были бесчестными, жестокими и трусливыми людьми, совершенно неподходящими для наблюдения за работой. И все же какие-то остатки приличия мешали им чинить свои зверства в открытую. Они никогда не

устанавливали твердить мне, что метисы и индейцы понимают только плетень. Довольно часто они сами были метисами, что же касается индейцев, мой собственный опыт вновь и вновь показывал, с какой готовностью отвечают! туземцы на доброе к ним отношение.

Как раз в Палестине жил человек, зачинатель каучукового промысла на реке Ортон, а по сути дела и во всей Боливии, который, как говорили, запарывал людей до смерти или для разнообразия связывал им ноги и руки и бросал в реку. Обо всех этих ужасных преступлениях рассказал мне англичанин, который служил у него. Похоже, оба они были одним лыком шиты!

Мухи сводили нас с ума. Они не давали никакой передышки — ночная смена кусающих насекомых ни в чем не уступала дневной. Когда я брал отсчеты, мои муки становились совершенно непереносимыми, так как руки и лицо были открыты.

Бателон протекал и без конца натыкался на коряги. Его все время приходилось конопатить, это стало обычным делом, которое нельзя было прервать ни на час. Щели были настолько широки, что пальмовое волокно быстро вымывалось водой. Боливец английского происхождения Дэн первые два дня был тих и настроен созерцательно — приходил в себя после прощальной попойки в Риберальте. Потом, когда в голове у него прояснилось, он стал несносен, и мне пришлось сделать ему суровое внушение. Но при всем том он был добрым малым.

Мы проходили барраку за барракой и обычно останавливались в них, чтобы поесть, а если они оказывались заброшенными, собирали папайи и другие плоды на заросших сорняками плантациях. Иногда мы делали привал на узком песчаном берегу, иногда ночевали в лачугах, кишевших насекомыми. Раз или два на нас совершали нашествие полчища муравьев-

эцитонов, которые двигались сплошным потоком и уничтожали все живое на своем пути. Жара была удушающая, но мы редко могли позволить себе выкупаться в реке из страха перед пирайями и ядовитыми скатами. Ужасающее однообразие леса, с обеих сторон подступавшего к самой кромке воды, не прерывалось ни на один день; лишь иногда встречались сделанные наспех расчистки для баррак, которые благодаря своим соломенным крышам и тростнику вокруг выглядели как часть самих джунглей. Порой казалось, что мы больше не выдержим пытку насекомых и сойдем с ума.

В барраке Тринидад мы навестили жену племянника генерала Пандоса. Она жила здесь со своей семьей в гораздо большем комфорте, чем тот, который могла бы дать Риберальта. Они имели собственные плантации, домашнюю птицу и рогатый скот, который в сухой сезон, когда тропы были проходимыми, перегонялся по суше. Здесь нас встретили и занимали по-королевски, так что на день или два тяготы пути были забыты.

Хозяйка барраки страдала запущенной эспундией уха — весьма распространенным в этих местах заболеванием. В то время и еще много лет спустя не знали, что эта болезнь вызывается микробом Доновэна Лейшмана и идентична болезни bouton de Biskra в Триполи и делийскому фурункулезу. С помощью сильнодействующих средств и болезненных процедур этот недуг можно излечить за десять дней, а в случае если болезнь прогрессирует — в течение шести месяцев; лечение производится сильными антисептиками и метиловым спиртом. В лесах, где обычно дают болезни идти своим порядком, на пораженных местах лица развиваются отвратительные разрастания, а на руках и ногах кожа гниет, как при проказе.

С одним из здешних мосо (так зовут в Боливии рабочих) был не совсем обычный случай. Его ужалила

ядовитая змея, яд оказался не настолько сильным, чтобы убить его, у него лишь высохли и отвалились два пальца. Люди здесь часто гибнут от укусов ядовитых змей, так как все ходят босыми. Даже самый осторожный пешеход, если у него ноги не защищены обувью, подвергается большому риску, ибо многие из местных змей, хотя и малы, но укус их смертелен. Змеи в Южной Америке — обычное явление, и разных их видов так много, что, надо думать, далеко не все из них известны и описаны.

В Тринидаде нас снабдили английскими журналами и томиком «Мартина Чезлвита». Изголодавшись по печатному слову, мы читали и перечитывали каждую страницу, каждое объявление, даже выходные данные издателей. Все журналы были изрешечены термитами и покрыты пятнами сырости, но для нас они были дороже золота.

Мы начали подниматься вверх по реке Тауаману, вздувшейся от недавно прошедших дождей, но все-таки продвижение по ней было затруднено. Упавшие с берегов деревья преграждали путь, из воды торчали коряги. Чтобы проложить дорогу, приходилось все время работать топором, и к тому времени, когда нам удалось выйти на сравнительно чистую воду, мы окончательно выбились из сил. Наши восемь индейцев показали себя хорошими работниками, но мы чуть было их не потеряли. Однажды ночью они шутки ради набили трубку Виллиса грязью, и на следующее утро он отдубасил их палкой. Если бы у них была возможность покинуть нас и уйти домой, они, несомненно, сделали бы это, но гроза прошла, и, когда их воспаленные спины поджили, они снова принялись за работу. Кстати сказать, эти индейцы тумупаса сделались немного нахальными, и взбучка, данная им Виллисом, послужила им на пользу.

Жители лесов полагают, что каждый гринго понимает в медицине, и вот в барраке Бельявиста меня попросили вылечить заболевшего лихорадкой блэкуотер — болезнью, которая была неизвестна в этих местах. Причиной заболевания, как мне кажется, являлась питьевая вода; она бралась из лужи грязной стоячей воды. Со мной был небольшой медицинский справочник, где я нашел способы лечения этой болезни, и они подействовали. Сыграло ли тут роль самовнушение — не знаю, но главное было в том, что человек выздоровел.

Через сорок три дня тяжелого пути, непрерывающейся пытки, которую мы терпели от мух, мельчайших пчел и убийственной скуки, мы прибыли в Порвенир. Эта деревня, если только ее можно так назвать, состояла всего лишь из двух лачуг; но одна из них имела два этажа и потому была не простой лачугой. Бателон отправился назад в Риберальту, однако восемь индейцев тумупаса остались с нами. Они должны были доставить по суше некоторое количество припасов до Кобихи, отстоявшей в двадцати милях отсюда. Я послал туда Дэна, чтобы он раздобыл мулов для транспортировки нашего снаряжения.

Район Тауаману широко эксплуатировался каучуковыми фирмами, и в каждой чакре можно было достать бананы и плоды папайи. Так как Виллис был не только превосходным поваром, но и сноровистым рыбаком, питание у нас было отличное. Более того, мы жили настолько хорошо, что слух о нашем благополучии долетел до Кобихи, и оттуда началось паломничество полуголодных солдат и других жителей, которые выпрашивали у нас еду и спиртное. Мы могли выставить им обильное угощение, так как наши индейцы только что поймали роскошную красно-зелено-желтую двенадцатифутовую анаконду, которая оказалась очень вкусной.

Кобиха расположена на границе между Боливией и Бразилией, пограничной линией служит река Акри. Направляясь туда из Порвенира, мы проходили мимо могилы полковника Арамальо, убитого в пограничном конфликте 1903 года. Один из индейских солдат, сопровождавших наших вьючных мулов, отделился от остальных и с почти истерическими рыданиями бросился на могилу. Я заинтересовался этим — ведь боливийцы любили утверждать, что индейцы не способны на какие-либо чувства. Мне сказали, что этот солдат, проходя мимо могилы полковника, всякий раз выражает свое горе. Достигнув места назначения, мы почувствовали непреодолимое желание последовать его примеру, ибо представить себе что-либо более гнетущее, чем эта Кобиха, было попросту невозможно.

Это был довольно крупный речной порт, так как его положение на высоте около восьмисот футов над уровнем моря допускает непрерывную навигацию по всему водному пути вплоть до самой Атлантики. Вначале Кобиха была барракой, потом ее забросили, и она снова заросла дикой растительностью. В 1903 году ее захватили бразильцы, но были прогнаны боливийцами, напавшими на них совместно с индейцами. Горящими стрелами, обернутыми в намоченный керосином хлопок, они зажгли хижины, и, когда оборонявшиеся стали выскакивать наружу, перестреляли их одного за другим. Ни одному бразильцу не удалось спастись. Даже три года спустя, когда мы прибыли сюда, здесь еще повсюду валялись скелеты. Бразильцы снова пришли в это место, на этот раз в качестве рабочих; здесь и в районе Пурус их насчитывалось около шестидесяти тысяч.

Мое беспокойство относительно инструментов наконец разрешилось. Геодезических хронометров не было — один украли, другой был в Манаосе в починке, а единственный теодолит имел серьезное повреждение и пользоваться им было невозможно. Межевание границы

— работа, затрагивающая важные, более того, жизненные интересы Боливии, будет, следовательно, вестись с помощью моего собственного секстанта и хронометра. Тем не менее я решил, что работа должна быть выполнена, несмотря на отсутствие заинтересованности и неспособность отвечающего за проведение съемок начальства. Однако в то время, признаться, я так разозлился, что уже почти решил послать все к черту.

Хозяева больших баркасов, ходивших по реке выше Кобнхи, баснословно наживались на перевозке грузов, зачастую беря за транспортировку столько же, сколько стоит сам груз. В сухой сезон, с апреля по ноябрь, сообщение на крупных судах становится невозможным — могут ходить одни только каноэ и маленькие лодки, так называемые игарите. В навигационный сезон на реке полно сирийцев и армян. Их бателоны доверху загружены дешевыми товарами, они меняют их на каучук и сколачивают богатства гораздо скорее, чем их собратья, неутомимые *mercachifleros*^[64], или подвизающиеся на плоскогорьях коробейники. Когда торговля на реке в разгаре, Кобиха уже не производит такого гнетущего впечатления.

Как пункт сбора каучука двух крупных фирм Кобиха имела гарнизон, насчитывавший двадцать солдат; прочее население составляли тридцать штатских, которыми управлял вечно пьяный интенденте^[65] в чине армейского майора. Тут жили один или два иностранца, хорошие парни, но большие любители выпить. По меньшей мере двадцать из пятидесяти обитателей города болели бери-бери, было и несколько случаев *beriberi galopante*, необычайно скоротечной разновидности этой болезни, когда смерть могла наступить в течение каких-либо двадцати минут или двадцати часов.

Еженедельный рацион солдата местного гарнизона состоял из двух фунтов риса, двух небольших банок сардин и половины банки консервированных креветок. На все это он должен был существовать. Просто поразительно, что кто-либо мог вообразить себе, будто люди, ведущие напряженную жизнь, могут поддерживать свои силы при таком скудном рационе. Не удивительно, что на припасы, которые мы привезли с собой, производились налеты, и мы смотрели на это сквозь пальцы.

Здесь доктор, работавший в доме фирмы Суарес и утверждавший, что он изучил все местные болезни, заявил мне, что бери-бери вызывается плохим питанием, пьянством и худосочием и передается определенным микробом, но как, никто не знает. То же относится и к эспундии, добавил он.

— Вот подождите, попадете на Абунан, — «ободрял» он меня, — там весьма распространен вид столбняка, почти немедленно приводящий к смертельному исходу.

Бери-бери и другие болезни ежегодно уносили около половины населения Кобихи — потрясающая цифра! И это не удивительно, ибо немногочисленные утки да цыплята, несъедобное чарке и рис составляли единственную основу их питания. Леса кругом были полны дичи, но люди были слишком ослаблены болезнями, чтобы охотиться.

Интенденте, безграмотный мошенник, едва умевший написать свою фамилию, любил играть в карты. Мы поселились в непосредственной близости от хижины, в которой располагался гарнизонный штаб. Однажды ночью мы услышали, как интенденте приказал своему младшему офицеру сыграть с ним в карты. Тот отказался. Раздался пьяный рев, после чего возмущенный молодой офицер покинул хижину. Интенденте вытащил свою саблю и, шатаясь, двинулся вслед за офицером. У дверей барака он настиг его,

ударил ногой в пах и тяжело ранил саблей. Адъютант интенденте выбежал на шум посмотреть, в чем дело, и имел неосторожность призвать шефа к порядку. Тот бросился на него и стал гонять вокруг хижины, держа саблю обеими руками и рубя ею налево и направо. Бедный малый был бы перерублен пополам, если б хоть один из этих ударов пришелся по нему. Спрятаться можно было только в нашей палатке, и адъютант вбежал к нам с побелевшим лицом, моля о помощи.

По пятам адъютанта, громыхая, ворвался его начальник.

— Где тут у вас этот мерзавец? Куда вы спрятали его, проклятые гринго?

— Тихо! — сказал я. — Как вам не стыдно нападать на безоружных людей с саблей в руках!

Интенденте заметил дрожавшего от страха адъютанта в темном углу и устремился к нему, но я удержал его. Интенденте выругался и, откинувшись назад, сунул руку в кобуру, висевшую у его бедра.

— Я тебе покажу, как совать нос не в свои дела, проклятый гринго! — взревел он.

Лишь только он вытащил револьвер, я схватил его за руку и вырвал у него оружие. Тут подоспел раненый офицер с солдатами. Они подхватили сыпавшего проклятьями, сопротивлявшегося интенденте и поволокли его в штаб. Там они привязали его к кровати и оставили протрезвляться.

Последовало официальное расследование, и тут выяснилось, что интенденте, истощив весь свой кредит, требовал с фирмы Суарес несколько ящиков спиртного, якобы «для английских инженеров». Он продал все запасы, на которые мог наложить руку, а деньги присвоил себе. Таким образом, он ухитрился жить за наш счет. Я тотчас же написал генералу Пандо, решительно возражая против обременения экспедиции счетами алкоголиков, и спустя немного времени из

Рурренабаке приехал новый интенденте, прекрасный человек, ставший впоследствии моим близким другом.

Официальный курс был 12.50 боливиано за фунт стерлингов, но здесь, на Акри, я заметил, что наш золотой соверен стоил только четыре боливиано, и это весьма печально сокращало нашу покупательную способность. Впервые в жизни я столкнулся с тем, что золото оказалось ниже своей номинальной цены. Причину этого я не мог выяснить.

У меня не было желания терять время в Кобихе, и я постарался поскорее закончить всю исследовательскую и топографическую работу, которую требовалось провести в окрестностях города. Уже шли сильные дожди, уровень рек то поднимался, то падал, и появилась надежда достать баркасы. К тому времени, когда я отправил генералу Пандо план и приблизительную смету железнодорожной линии с метровой колеёй между Порвениром и Кобихой, мы уже готовились отплыть вверх по реке с целью нанести ее на карту вплоть до истоков.

Безвременная кончина одной большой утки от какого-то таинственного недуга послужила поводом к банкету, устроенному в честь главных членов местной общины. За утку мне пришлось выложить один фунт стерлингов и еще тридцать шиллингов за другую птицу. Мы купили яиц по два шиллинга за штуку, а консервированные омары и фрукты выдали из наших собственных запасов. Были распиты пятнадцать бутылок шампанского, шесть бутылок джина, бутылка бренди, и было подано три бутылки рома к кофе. Раздобыть все эти вещи уполномочили Виллиса — он чуял, где можно достать съестное и спиртное по запаху, как собака чует кролика. Приглашенные без особого труда расправились с угощением, и мне, непьющему, не пришлось помогать им. А они, разошедшись, потребовали добавочных возлияний — в кредит, конечно!

День или два спустя в порт прибыл катер, тащивший на буксире лихтер с грузом. Команда сказала нам, что странствующий священник с Акри направляется сейчас вверх по реке. Он все время, сколько помнится каждому, собирал средства на постройку собора в Манаосе и в каждую свою поездку зарабатывал около тысячи фунтов стерлингов. Он брал по тридцати фунтов за свадьбу, совершал мессы за шесть фунтов, крестил и отпевал за десять фунтов и в дополнение ко всему давал концерты на фисгармонии или граммофоне, беря по семи шиллингов шести пенсов со слушателя, причем они сами должны были позаботиться о месте для сидения.

Каучуковый промысел на Акри был исключительно выгодным занятием. Работавшие здесь бразильские серингейрос были свободны от какого-либо принуждения, если не считать контракта, и каждый из них зарабатывал от 500 до 1500 фунтов в год. Они были сыты, хорошо одеты и вооружены. Жили они в centros — хижинах, построенных на берегу реки, рядом с их estradas, или участками, по 150 деревьев в каждом. Некоторые из них были образованными людьми, у большинства были граммофоны. Хлыст был здесь неизвестен, регулярной работорговли не велось, но на дикарей все же время от времени устраивались облавы, и каждый пойманный продавался за 60 фунтов стерлингов. Работорговля не развилась здесь в сколько-нибудь значительных масштабах, главным образом потому, что дикие племена благоразумно ушли за пределы района.

Рождество 1906 года было отмечено новым банкетом, на этот раз в доме одного коммерсанта. Меня избрали председателем, и я был вынужден произнести спич. К тому времени я уже бегло говорил по-испански и справился со своей задачей без особых затруднений. В свою очередь и гостям в тот вечер удалось «воспользоваться словом», как это называется по-

испански, и речи практически ничем не отличались одна от другой. Многие били себя в грудь, то и дело слышались слова «сердце» и «благородные чувства». Все речи заканчивались под грохочущие залпы из карабинов, и никого не интересовало, куда летели пули. Была музыка, танцы и сколько угодно спиртного. В четыре часа утра те из гостей, которые были еще в сознании, отправились в другой дом пить пиво. Вышли оттуда только трое — я, Дэн и перуанец по имени Донайре.

Под прощальные ружейные залпы мы на следующий день покинули Кобиху вместе с сеньором Донайре, который взял нас с собой в свою лодку.

Глава 7

Акри

Сеньор Донайре был управляющим барракой, находившейся в нескольких днях пути вверх по реке. Это был интересный человек.

Одно время немецкая фирма, у которой он служил на реке Пурус, послала его на Путумайо, чтобы он вошел в контакт с тамошними индейцами, выучился их языку и доложил о возможностях торговли и добычи каучука в этих местах. Попав к одному большому племени, он женился на индианке и прожил среди дикарей около двух лет.

— Они были каннибалами, — сказал он, — и много раз мне приходилось видеть, как готовится человеческое мясо, точнее — мясо белых людей. Они вовсе не стремились добыть именно белых, а предпочитали людей из других индейских племен. Человечье мясо по вкусу напоминает обезьянье.

— И вы когда-нибудь пробовали его сами? — спросил я.

— Не забывайте, что я жил среди них и должен был принять все их обычаи. Если б я отказался делать все то, что делают они, мне бы не пришлось рассказывать вам эту историю.

— Каково их развитие — я имею в виду духовное, общественное?...

— О, они достаточно разумны, будьте покойны. У них было организованное управление; каждая община имела своего вождя, но, кроме того, был верховный вождь, исполнявший роль царя всего племени. Своих покойников иногда они сжигали, но обычно съедали их. Женщин было множество, и, хотя существовало многоженство, их мораль была на высоком уровне.

Конечно, майор, легко осудить каннибализм как нечто омерзительное, но подумайте хорошенько: почему есть мертвого человека более дурно, чем есть мертвое животное или птицу? По крайней мере это дает разумный мотив для убийства человека, чего вы не можете сказать о цивилизованном способе ведения войн. Кроме того, это удобный способ отделаться от покойника: не занимается драгоценная земля, не загрязняется чистый воздух при погребении! Все дело в том, с какой точки зрения смотреть. Первая ваша мысль о каннибализме — что он отвратителен, но, когда вы познакомитесь с ним поближе, вы мало что найдете возразить против него.

— Что заставило вас покинуть их?

— Моя жена рассказала мне о плане убийства всех белых. Они считали, что зверства белых в отношении индейцев — это попытка стереть их с лица земли, и горели желанием отомстить. Не думаю, чтобы они особенно хотели меня убить, но я был белый и, следовательно, меня надо было уничтожить вместе с прочими представителями моей расы. Так или иначе, я бежал без особого труда и очень жалел, что был вынужден покинуть их. Дикарская жизнь имеет свои преимущества, и чем более цивилизован человек, тем охотнее он сбрасывает с себя старую кожу и окунается в стихию предельной простоты. Большинство белых, «ставших дикарями», были хорошо образованными людьми. Интересно, что именно они проявляют наибольшую приспособляемость. Вы встретите белых, ставших индейцами, а иной раз увидите индейца, ставшего белым. Я их видел собственными глазами, этих людей с рыжими волосами и голубыми глазами, совсем как у гринго. Спросите любого в бразильских барраках на нашем пути, и всякий скажет вам то же самое.

Так я впервые услышал о «белых индейцах». Потом я увидел их, но подробнее об этом после.

Между реками Пурус и Акри расположен большой, треугольной формы кусок земли, которую Боливия продала Бразилии за два миллиона фунтов стерлингов. Менее чем за три года Бразилия выручила значительно большую сумму от собранного там каучука. Я сам видел в барраках массу каучука примерно на 70 000 фунтов стерлингов, ожидающего погрузки на баркасы для отправки в Манаус. Как я уже говорил, владельцы судов при благоприятных условиях зарабатывали сто процентов от стоимости каучука на каждой перевозке. Но в период между маем и декабрем иной раз случалось, что баркасы из-за падения воды в реке садились на мель. На Акри лопасти винта очень часто ломались о коряги, поэтому приходилось брать с собой изрядное количество запасных частей. Известен случай, когда один большой баркас потерял ни больше, ни меньше, как тридцать два винта за рейс! Ширина Акри не превышает здесь пятидесяти ярдов, и баркасы с глубокой осадкой могли ходить только тогда, когда мелководная, забитая корягами река поднимется от дождей по меньшей мере на двадцать пять футов. Впрочем, даже тогда множество мелких порогов представляет серьезную помеху для навигации.

По другую сторону границы, на бразильской территории, дома были прекрасно построены, просторны и хорошо обставлены. В Порту-Карлосе, большой бразильской барраке, крайнем пункте, куда доходили баркасы, хозяин и его семья жили роскошно, у них был прекрасный дом и все что угодно, включая большое количество рогатого скота из Манауса.

На путешественника, который вопреки местному этикету не остановился в барраке или centro выпить хотя бы чашку кофе с резидентами, смотрели весьма неодобрительно. Люди, живущие в этой глуши, жаждали вестей из внешнего мира и только таким образом могли их получить. Увидеть новое лицо, побеседовать со

свежим человеком было все равно, что снова приобщиться к далекому цивилизованному миру. На нашем пути вверх по реке мы останавливались в нескольких местах, но нигде не заставляли ни души; по-видимому, все обитатели были заняты на своих estradas. Драгоценный каучук, винтовки, одежда, граммофоны и прочие вещи лежали свободно, и все-таки никогда ничего не пропадало. Иногда встречалось такое объявление: «Все здесь имеет владельца», но вряд ли эта надпись была необходима; воровство считалось всеми столь гнусным преступлением, что никто даже не помышлял о нем. Убийство и изнасилование — пожалуйста, но только не грабеж! По виду одного centro, расположенного далеко вверх по реке, можно было подумать, что хозяина убили: ползучие растения закрывали хижину, комки каучука — болачи — проросли травой, и все-таки ничего не было тронуту. Одна болача средней величины в те времена стоила примерно 30 фунтов стерлингов, и забрать их было очень легко — привяжи к лодке и буксируй за собой по воде.

Дикарей в этой части реки было немного, хотя до меня доходили слухи об изолированных группах, приходивших к centro и похищавших любой металлический предмет, который попадался на глаза. Иногда эти группы будто бы даже нападали на сборщиков каучука и убивали их. Когда-то многочисленное коренное население в результате войн с белыми сильно сократилось, и многие из оставшихся в живых индейцев ушли дальше вверх по реке.

Ночь мы провели в centro, где десятка два сборщиков каучука собрались отпраздновать Новый год. Хижина была однокомнатная, построенная на сваях в шести футах над землей — бразильцы предпочитают не спать на уровне почвы, и правильно делают. Все мы неплохо выспались, за исключением Виллиса, который, боясь дождя, подвесил свой гамак под полом хижины.

Дело в том, что пол был сделан из неплотно прилежавших одна к другой досок волокнистого пальмового дерева, так что мы, лежавшие внутри хижины, никоим образом не были полностью изолированы от внешнего мира, так же как и Виллис от нас. Бразильцы шумно откашливались и отплевывались, и Виллис попал прямо под их обстрел.

Поблизости от этого места жила самая красивая женщина, какую я когда-либо видел. Она была бразилианка-метиска с длинными черными шелковистыми волосами, безупречными чертами лица и восхитительной фигурой. Одни ее большие черные глаза зажгли бы и святого, не говоря уже о легко воспламеняющихся латиноамериканцах диких тропиков. Мне рассказывали, что восемь мужчин из числа тех, кто заявлял на нее права, были убиты и что она сама зарезала одного или двух своих поклонников. Это была сущая дьяволица, живой прототип «дочери джунглей» из романа или фильма: уже один только взгляд на нее мог оказаться роковым. У нее было до сих пор двенадцать мужчин и, вероятно, будет еще больше.

Однажды мы заночевали в лесу около устья реки Яку. После того как я залез в свой спальный мешок, я вдруг почувствовал, как кто-то торопливо пробежал по моей руке и дальше по шее; это было что-то волосатое и омерзительное. Я смахнул это существо, и на тыльную часть моей руки упал гигантский паук аразауса. Мне не сразу удалось стряхнуть его, так упорно он цеплялся за руку. Мне необыкновенно повезло: он меня не укусил, а этот вид пауков очень ядовит, от его укуса человек иногда погибает.

В Росарио, где мы несколько дней дожидались, пока будет закончена подготовка к нашему дальнейшему плаванию вверх по реке, прибыл один боливиец, участник экспедиции, прошедшей вверх по Тауаману. Он рассказал, что на тридцать шестой день по отплытии из

Порвенира они напали на след диких индейцев, преследовали их до реки Иаку, притока Пуруса, и взяли много пленных. «Экспедиция» эта, разумеется, была попросту охотой за невольниками. Убили много индейцев, но и белые потеряли немало людей. «Добыча» была с выгодой реализована, и оставшиеся в живых считали, что они счастливо отделались, так как далеко не все подобного рода экспедиции кончаются столь удачно.

— Была как-то организована одна экспедиция численностью не меньше восьмидесяти человек, — рассказывал боливиец. — Она прошла от реки Тауаману до Рио-де-Пьедрас, или Табатинги, которая берет свое начало недалеко от истоков Акри и Пуруса и вливается в Мадре-де-Дьос около Мальдонадо. Несмотря на такую многочисленность отряда, погибших от отравленных стрел оказалось так много, что остальные не решились продолжать путь и отступили. Там живет племя под названием инапари — это светлокожие люди, и они не любят, чтобы им досаждали. Возможно, они все это и сделали.

Донайре выглядел нездоровым, и я заподозрил у него глисты. Я дал ему соответствующее лекарство, и моя репутация врача окончательно установилась, когда он поправился от недуга, мучившего его многие месяцы. Он упорно пытался убедить меня принять вознаграждение, давая мне каучука на шесть contos, или 360 фунтов, и разразился слезами, когда я отказался принять гонорар.

Ко мне то и дело обращались с просьбами — зачастую слезными — нанести на карту какую-нибудь частную каучуковую концессию, предлагая головокружительные гонорары, и, возможно, если бы у меня не было своей работы, я бы не отказывался. Однажды мне предложили вознаграждение, эквивалентное 5400 фунтам стерлингов, за

землемерную съемку, которую можно было бы проделать за три недели. Чтобы юридически закрепить за собой концессию, надо было прежде всего нанести ее на карту. Профессиональные топографы слишком боялись болезней и дикарей, чтобы рисковать здесь своей жизнью, хотя на этой работе они могли бы в короткий срок составить себе состояние. Что касается дикарей, то, я думаю, мы не встретили и полудюжины индейцев на всем пространстве между Росарио и истоками Акри. Один вид ружья устрасал их, и они исчезали, едва мы успевали их заметить. И уж меньше всего я думал о том, чтобы стрелять в них.

Многие признаки указывали на то, что дни расцвета каучукового промысла на реке Акри миновали, и, собственно говоря, он находится в упадке, как и повсюду в Боливии. Спрос по-прежнему был велик, цены высоки, но паразитирующие насекомые и свиньи наносили неисчислимый вред взрослым каучуковым деревьям, а молодые деревца, достигнув высоты всего лишь в пять-шесть футов, сморщивались и умирали. Я часто удивлялся, почему здесь не выращивают гевею^[66], и мне отвечали, что все предпринятые попытки кончались неудачей. Возможно, трудности ее разведения могли бы быть преодолены, если бы не всеобщее стремление к быстрому обогащению. Один сборщик при существующих условиях мог добыть за год более двух тонн каучука — во всяком случае на Акри, и каждый зарабатывал столько, что никого не привлекала идея сажать каучуковые деревья и ждать пятнадцать лет, пока они подрастут.

Взяв у Донайре большой бателон, мы покинули Росарио 9 января и сразу попали в затруднительное положение. Забитая корягами река обмелела. Наше судно, несомненно, было слишком велико для этой части реки, но ничего лучшего нельзя было достать. В довершение наших бед налетел ливень; он ревел,

словно экспресс, жмуший изо всех сил, чтобы не выйти из жесткого расписания. Комары и маригуи истязали нас, и нам пришлось ночевать в мокрых гамаках. Однако на следующий день двигаться стало легче, так как дождь поднял уровень реки.

В барраке Такна у слияния рек Акри и Явериха мы обменяли наш бателон на две небольшие лодки, и таким образом проблема продвижения по верховьям реки Акри была разрешена.

Как раз в это время здесь произошла дуэль между двумя братьями, с одной стороны, и двумя их соперниками — с другой, по поводу обладания семнадцатилетней девицей перуано-индейского происхождения, которой это побоище страшно льстило. На мой взгляд, она была далеко не красавица, но, возможно, обладала другими прелестями, воспламенившими этих четырех идиотов. Во всяком случае одному из братьев прострелили руку, и за отсутствием необходимой медицинской помощи он истек кровью, еще один герой сбежал, а двое оставшихся дуэлянтов обнялись и поклялись в вечной дружбе. Весь дом был изрешечен пулями; Словом, пока дуэль шла, все перипетии представлялись весьма волнующим зрелищем.

Индейцы в этом районе доставляли много хлопот и стремились строить свои деревни в укромных местах, в некотором отдалении от реки. Кроме того, они устраивали надежные тропы на случай бегства от охотников за рабами. Прокладывая такие тропы, они обычно внезапно обрывали их, оставляя полосу нетронутых джунглей, и продолжали тропу на другой стороне, неизменно уклоняясь от близости к реке.

Немного выше Такны мы достигли Йоронгаса — последней барраки на реке. Дальше шла неведомая страна, так как не было побудительных причин для ее исследования: каучуковых деревьев становилось все

меньше, а местное племя индейцев катеана не отличалось дружелюбием. В лесах вокруг было полно дичи. Здесь водились капибары^[67] и тапиры, их мясо отличается очень хорошим вкусом. Правда, считают, будто в некоторых районах им можно отравиться вследствие особенностей питания этих животных. Пекари здесь также водятся в изобилии и большими стадами; это дает основание полагать, что индейцы, заядлые охотники, обитают довольно далеко от этих мест.

По бразильским законам один человек имеет право разрабатывать земельный участок протяженностью не более двенадцати миль по берегу реки и не более шести миль в глубину. Это ограничение едва ли кто-либо преступает, во-первых, из-за страха перед дикарями, во-вторых, вследствие трудности доставки тяжелых комков каучука на расстояние большее чем две лиги от реки. Centros подвергались здесь частым нападениям, поэтому в диких индейцев стреляли, как только они попадались на глаза. Никаких карательных экспедиций против коренных жителей бразильское правительство не допускало, так как его политика была направлена на защиту местного населения. Но у администрации не было никаких возможностей помешать подобному самоуправству в труднодоступных местах.

На Акри обитают индейцы качити, катеана, минитинера и гуарайю. Последние, возможно, являются остатками когда-то большого народа, так как они широко распространены на территории между реками Пурус и Бени.

В реках Пурус и Акри водятся большие сомы, называемые здесь пируруку; их твердые языки, жесткие, как подошва башмака, и похожие на нее по форме, употребляются в качестве терки для кухонных надобностей, а также при полировке дерева. Речное дно здесь песчаное, поэтому колючие скаты очень

распространены. Мне удалось убить одиннадцатифутового крокодила — редкость в верховьях реки. Управляющий Йоронгаса рассказал, что он убил анаконду длиной в пятьдесят восемь футов на нижней Амазонке. В то время я склонен был рассматривать его рассказ как преувеличение, но позже, о *чей* я еще расскажу, мы убили змею даже еще больших размеров.

Все здесь пьют чай гуарана, напиток, обязанный своим происхождением индейцам племени гуарана, живущим по берегам нижней Амазонки; они готовят его из растения, которое можно найти только около деревни под названием Манес. Это растение представляет собой короткий, твердый цилиндр, который скребут обычно языком сома; полученный порошок сыплют в холодную воду — и чай готов. Этот напиток является исключительным тонизирующим средством и как будто не оказывает вредного действия. Ни один бразилец, живущий в диких местах, не обходится без него. Спрос на него очень велик, и продажная цена настоящего чая гуарана всегда высока; существующие подделки не только уступают ему по вкусу, но и могут быть попросту вредными. Вкус чая гуарана напоминает мате.

Управляющий в Йоронгасе был веселым человеком и не питал против индейцев никаких враждебных чувств, хотя они уже выгнали его из одной барраки, сожгли его дом и уничтожили пятнадцать тонн каучука. Его терпимость простиралась до того, что он считал такое отношение со стороны индейцев вполне заслуженным, ибо сам видел, с какой невероятной жестокостью расправлялись с ними «экспедиции». Не от всякого каучукового магната можно было слышать такие речи, и я проникся к нему величайшим уважением.

Мы не учли характера реки выше Йоронгаса: большая из наших двух лодок оказалась слишком велика

для плавания вверх по течению, и нам пришлось обменять ее на две меньшие. Река повсюду была завалена упавшими деревьями, и нам без конца приходилось расчищать себе путь топором или же перетаскивать лодки и груз через завалы. От этой работы отчаянно ломило спину. Дикие звери здесь совершенно не боялись человека, даже тапир, наиболее робкое из животных, не убегал при нашем приближении и разглядывал нас с кротким удивлением. Мы проплывали мимо маленьких капибар, сидевших на задних ногах и не выказывавших ни малейшего намерения удрать. И уж, конечно, всюду суетились обезьяны, включая представителей особого вида с почти белой шерстью, несколько меньших по величине, чем обыкновенная коричневая обезьяна. Таких я не встречал больше нигде, только здесь, в верховьях Акри; эти крошки настолько нежны и чувствительны, что в неволе сразу погибают.

Пернатые были представлены весьма обильно и вели себя совсем как ручные, так что нам стоило большого труда сдерживать наших индейцев, норовивших убивать птиц палками. Среди прочих мы увидели своеобразную птицу, чем-то напоминающую по виду фазана и питающуюся падалью; она прыгала по берегу реки и громко шипела на нас. Выдра — здешний ее вид называется лобо^[68] — высунулась по плечи из воды и залаяла Виллису прямо в лицо — он в это время ловил рыбу с кормы. От неожиданности и удивления Виллис свалился в реку. Мы вытащили его, и он что-то забормотал насчет дьяволов — никогда до этого ему не приходилось видеть такого зверя. Присутствие выдры свидетельствовало о том, что крокодилов здесь нет; крокодилы боятся выдр и избегают тех участков реки, где они водятся.

По мере того как мы с помощью шестов продвигались все дальше мимо высоких отвесных

берегов, сложенных красным песчаником, все чаще стали попадаться кости крупных животных, особенно там, где берег был подмыт и обвалился. Ископаемые останки животных — обычное здесь явление; несколько ниже мы видели отлично сохранившихся окаменелых черепах. Если бы мы останавливались и изучали эти окаменелости, возможно, нашли бы остатки вымерших чудовищ или животных, которые сейчас уже не встречаются в этих лесах.

Четыре дня спустя по отплытии из Йоронгаса мы наскочили на стадо пекари, и сразу все пришли в дикий ажиотаж. С молниеносной быстротой вся команда выскочила из лодок и выбралась на берег; загремели выстрелы, пули со свистом летели во всех направлениях, отскакивали в листву и впивались в крепкие стволы деревьев. Я думаю, не во всяком сражении жизнь человеческая подвергается большей опасности, чем это было в побоище, затеянном нашими людьми. Каждый палил в мечущуюся массу животных, нимало не думая о последствиях. Люди кричали и вопили, свиньи пронзительно визжали и в панике разбегались в разные стороны. Самец пекари пробежал у Виллиса между ног и сшиб его наземь, Виллис в страхе полез на дерево. Животные были настолько напуганы, что и не пробовали нападать, и, когда все было кончено, пять из них лежали на земле мертвыми. Одному богу известно, сколько их было ранено, и просто чудо, что никто из людей не пострадал, даже Виллис, который спустился с дерева и заявил, что уже считал себя покойником.

Мы попробовали кусок мяса пекари и нашли его превосходным; оно считается самым лучшим мясом, какое только можно найти в лесу. Не было никакого сомнения в том, что команда разделяет ту же точку зрения: мясо было поглощено за один присест, в течение великолепного пиршества, длившегося с сумерек до самой зари.

Животный мир здесь был богато представлен. На больших деревьях пронзительно кричали легионы маленьких серых обезьянок, известных под названием леонситос, величиной немного побольше мартышек. По ночам нас обстреливали незрелыми плодами и другими метательными снарядами члены семейства лемуров с большими, как блюдца, глазами — так называемые ноктурнос, или ночные обезьяны. А на стоянках необходимо было охранять припасы от разграбления озорными коричневыми обезьянами ^[69].

Теперь стали попадаться признаки индейцев — следы на песчаных отмелях и лесные тропы, но их самих нам удавалось видеть лишь мельком, так как они проявляли крайнюю осторожность и старались не показываться нам на глаза. То там, то здесь встречались пни, тщательно отесанные в виде конуса высотой в фут, вероятно, они служили религиозным целям. Если бы в нашей партии не было индейцев, возможно, дикари бы уже показались. Очень неприятно все время знать, что за каждым твоим движением наблюдают, и почти совсем не видеть тех, кто за тобою следит. Из-за этого приходилось выставлять по ночам стражу; часовые сменялись каждые три часа.

Мы прошли Cascada de Avispas — небольшой водопад высотой в один или два фута, где можно было купаться без опаски; удовольствие отравляли лишь желтые, больно кусающие слепни табана. Идти вверх по реке было трудно. Нам пришлось преодолеть не менее ста двадцати быстрин, и порогов, некоторые в три или четыре фута высотой причем тяжелые, выдолбленные из дерева лодки надо было тащить волоком или переносить на руках. Красный песчаник сменился черной скальной породой, и наконец мы достигли довольно высокого водопада, за которым ширина реки уменьшалась почти до ярда. Лодки дальше плыть не могли. Я предложил продолжать путь пешком до истока реки, который,

вероятно, находился в нескольких милях отсюда; однако индейцы отказались следовать далее, а я боялся оставить их здесь с лодками — они могли сбежать на них и оставить нас без средств передвижения. Поэтому мы вырезали памятную запись на большом высоком дереве и тронулись в обратный путь. 7 февраля мы достигли Йоронгаса и пробыли там несколько дней. Виллис тем временем спустился по реке до Такны и купил муки для выпечки хлеба.

В Йоронгасе прекрасные плантации бананов и маниоки^[70], которая по вкусу напоминает картофель, но еще вкуснее и является основным продуктом питания жителей внутренней Бразилии. В бассейне Акри посадка производилась всегда за четыре дня до или после полнолуния или новолуния, в зависимости от высаживаемой культуры. В то время этот обычай был распространен по всей Южной Америке — посадка производилась в соответствии с фазами луны, и пренебрежение этим правилом, как говорили, лишало урожай стойкости против вредителей. Такие же меры предосторожности предпринимались тогда, когда крыли крышу пальмовыми листьями; существовало мнение, что пальмовая ветвь, срезанная в то время, когда луна на ущербе или близко новолуние, подвержена быстрому уничтожению насекомыми. Не следует считать такой взгляд наивным суеверием, пока не будет доказана его несостоятельность. Лично я полагаю, что нам предстоит еще многое узнать о влиянии луны.

Во время нашего пребывания в Йоронгасе я проявил снятые на реке фотографии. Эту процедуру следовало произвести возможно скорее после съемки, так как во влажном воздухе лесов пленка при отсутствии водонепроницаемой упаковки быстро портится от сырости. Трудность состоит в том, чтобы найти достаточно холодную воду. Прекрасные снимки можно испортить при проявлении в воде неподходящей

температуры. В этот раз я снимал фотоаппаратом производства «Стереоскопик компани» на пленке четыре на шесть с половиной дюймов, получая довольно большое изображение сравнительно с современными нововведениями по этой части^[71]. Позже я отдал предпочтение фотокамерам меньших размеров, позволявшим снимать при одинаковом весе аппарата гораздо больше кадров, а вес значит очень много, когда все, что берешь с собой, приходится нести на собственном горбу. Число интереснейших снимков, загубленных вследствие различных причин, хоть кого могло привести в отчаяние, и все-таки мы закончили наши экспедиции с достаточным количеством фотографий, чтобы составить о них исчерпывающий отчет.

Дэн покинул нас в Йоронгасе и вернулся в Такну, вероятно, стосковавшись по пьяной оргии. Когда мы отправлялись вверх по Акри, мы оставили этого молодого человека мертвецки пьяным в Такие, и он нагнал нас уже после того, как мы покинули Йоронгас. Он пришел в лагерь, смущенно извиняясь и клянясь отныне не брать в рот ни капли спиртного. К Чалмерсу у него не было никакого уважения, и я всерьез опасался стычки между ними, но, к счастью, до этого дело не дошло.

Управляющий Йоронгасом и несколько его людей очень досадовали из-за того, что девушке из племени катеана, которую они взяли в плен и держали на цепи, как собаку, удалось бежать. Потом она объявилась в Такие, невзирая на опасную близость к белым; приворожил ее один из серингейрос. Там она и осталась, причем на этот раз не нужно было никаких цепей, чтобы ее удержать.

Когда мы пришли в Такну, Дэн был в стельку пьян. Я не стал его тревожить, взял с собой Виллиса и Чалмерса и отправился вверх по Яверихе, небольшому притоку

Акри, который нужно было нанести на карту. Путь был трудный — опять коряги и поваленные деревья, и работать тоже стало труднее, так как мои компаньоны проявляли нерадивость, стоило мне отвернуться. В верховьях реки в затвердевших глинистых отложениях на берегу мы нашли высунувшийся на поверхность череп и несколько костей окаменелого ящера. Череп, более пяти футов длиной, был сильно поврежден действием воды и гальки и не было уверенности в том, что он не развалится при извлечении, но мне все же удалось собрать несколько черных зубов, которые оказались целыми. Невдалеке мы обнаружили скелет еще более крупного чудовища, хорошо видимый на дне глубокого, спокойного водоема, но добраться до него было невозможно.

Трижды мы терпели крушение, наскокивая на коряги, но, к счастью, ничего ценного не потеряли, несмотря на то, что Чалмерс каждый раз сваливался за борт с компасом в руках. Инструменты и драгоценный хронометр были надежно спрятаны в водонепроницаемом металлическом ящике. Вернувшись в Такну, мы узнали, что Дэн с командой отправился в Сан-Мигель, и, когда после многих часов упорной работы веслами мы догнали его, он снова оказался пьян, так что бателон поплыл дальше без него. Мы продолжали свой путь и прибыли в Росарио, где нас приветливо встретила жена Донайре; сам он куда-то отбыл из лагеря.

Письма мы получали в самых разнообразных местах, и найти в Росарио ожидающую тебя почту было очень приятным сюрпризом. Все путешественники, если только их просили, охотно брали с собой почту, и что касается меня, я никогда не слыхал, чтобы хоть одно письмо пропало или было украдено.

Четыре дня мы провели в Росарио, дожидаясь возвращения бателона; в течение этого времени я

врачевал маленького сына Донайре, лечил Виллиса от лихорадки и проявлял свои пленки. Пока что сезон дождей не доставил нам больших неприятностей, и я пришел к заключению, что рассказы о сопутствующих ему неприятных явлениях преувеличены. Есть основание полагать, что интенсивность дождей понижается с постепенным изменением климата Южной Америки, хотя регулярно на каждые семь лет приходится один очень скверный дождливый сезон. На берегах рек я видел, что отметки высоких паводков были намного выше любого зарегистрированного уровня, это явно свидетельствовало о том, что в прошлом паводки бывали куда серьезнее, чем сейчас. Внезапные разливы рек вызываются таянием снегов в Андах, но и снега становится все меньше, в связи с уменьшением количества осадков и отступлением линии лесов^[72].

Около трех миль ниже Росарио находилась баррака одного заядлого любителя граммофона, и после захода солнца музыка совершенно отчетливо разносилась над водой. Резкость тона на расстоянии смягчалась, и что-то необыкновенно чарующее было в этих звуках, долетавших до нас в сумерках тропического вечера в тот самый момент, когда второй раз за сутки стихал оркестр насекомых и наступала полная тишина. Самый любимый мотив владельца граммофона был «Estudiantina»^[73], по сей день, стоит мне вновь услышать его, меня посещает видение: река Акри, золотое небо в ее водах и четко вырисовывающаяся на его фоне линия джунглей, стеной стоящих по берегам.

Говорят, дикари умеют общаться друг с другом на расстоянии до двадцати пяти миль посредством деревянных барабанов, из которых они извлекают особые звуки. После того как я услышал этот далекий граммофон, звучащий так ясно, словно он находился в соседней комнате, я вполне готов поверить этому. В лесу человеческий голос теряется на расстоянии

двухсот ярдов; ружейный выстрел может быть слышен в радиусе полумили, а то и того меньше. А вот звуки, издаваемые некоторыми птицами, по-видимому, могут передаваться «гораздо дальше и даже некоторых насекомых можно слышать с удивительно далеких расстояний.

В джунглях песня птиц звучит необыкновенно красиво и ей свойствен какой-то пустой эхообразный отзвук, похожий на тот, который слышишь около птичьих домиков в зоологическом саду. Тут нет ни одной птицы, которая умела бы выводить такие разнообразные трели, как наши дрозды; здешние птицы без конца повторяют две или три ноты, подобные звону колокольчика. Одни стрекочут, другие каркают, третьи свистят или шипят.

Не видя, какое существо производит шум, трудно решить, кто это — птица или насекомое. Самые удивительные звуки издает тропетеро, большая черная птица трубач^[74]. Ее песня начинается рядом отрывистых кудахтающих звуков, они все учащаются и учащаются, подобно тархтению мотоцикла, когда прибавляют газ, и переходят в громкий протяжный трубный глас. Затем снова следуют обрывистые ноты, темп постепенно замедляется, и наконец песня замирает.

Говоря о пернатых всей перуанской и боливийской Монтаньи, следует упомянуть о небольшой птичке, похожей на зимородка, которая строит гнезда в аккуратных круглых отверстиях, проделанных в отвесных скалистых берегах рек. Эти отверстия отчетливо видны, но к ним не так-то легко добраться, и — странное дело — их можно обнаружить только в тех местах, где есть эти птицы. Однажды я выразил удивление по поводу того, какие они счастливыцы — находят себе норки для гнезд, так удобно расположенные и так чисто высверленные, словно дрелью.

— Эти норки они делают сами— сказал мне человек, который прожил в лесах четверть века. — Я не раз видел, как они их делают. Я наблюдал за ними и видел, как они прилетали к обрыву с какими-то листочками в клювах, цеплялись к скале, как дятел к дереву, и терли листки о камень вращательными движениями. Потом они улетали и возвращались с новыми листочками, и снова терли. После трех или четырех втираний они бросали листочки и принимались долбить по тому же месту своими острыми клювами. Тут-то и начинаются чудеса — вскоре в камне появлялось круглое углубление. Потом они снова улетали, снова много раз принимались тереть камень листочками, а потом продолжали долбить. Эта работа занимала у них несколько дней, и в конце концов норка становилась достаточно глубокой, чтобы служить гнездом. Я лазил вверх, рассматривал норки и — можете мне поверить — аккуратнее дырку не может высверлить и человек!

— Вы хотите сказать, что своим клювом они могут продолбить крепкую скалу?

— Подобно тому как дятел долбит крепкое дерево, так, что ли?... Нет, я не думаю, чтобы птица могла пробить клювом крепкую скалу. Но я уверен, как и всякий, кто наблюдал этих птиц, что они знают какие-то листья, сок которых размягчает скалу, и она становится мягкой, как мокрая глина.

Я расценил эту историю как небылицу, но потом мне пришлось слышать аналогичные рассказы по всей стране, и я привожу ее здесь как нечто общеизвестное. Спустя некоторое время один англичанин, заслуживающий всяческого доверия, рассказал мне про случай, который может пролить свет на это.

— Мой племянник находился в местности Чунчо по реке Пирене в Перу. Однажды его лошадь охромела, и он оставил ее в соседней чакре, расположенной в пяти милях от его собственной, а сам пешком отправился

домой. На следующий день он пошел за своей лошадью и выбрал путь покорооче, через узкую полосу леса, куда он раньше не заходил. На нем были бриджи для верховой езды, сапоги и большие шпоры — не маленькие, английского образца, а большие, мексиканские, длиной в четыре дюйма, с колесиками чуть побольше, чем монета в полкроны. Шпоры были совсем новые. Когда он с трудом продрался через густые заросли к чакре, он был поражен, увидев, что его замечательные шпоры исчезли, словно их кто-то обглодал, так что остались лишь две черные рогульки в какую-нибудь одну восьмью дюйма длиной! Он не мог понять, в чем дело, а хозяин чакры спросил его, не проходил ли он случайно через заросли растений высотой около фута, с темными красноватыми листьями. Племянник сразу вспомнил, что он действительно проходил большое пространство, сплошь заросшее такими растениями. «То-то и оно! — сказал чакареро. Они-то и съели ваши шпоры! Это то самое, чем пользовались инки, чтобы придавать форму камням. Сок листьев размягчает скалу так, что она делается, как тесто. Покажите мне, где вы видели эти растения». Они хотели отыскать то место, но не смогли обнаружить его. Не так-то легко найти свои следы в джунглях, где нет никаких троп.

Мы достигли Кобихи 23 февраля, без труда спустившись вниз по реке, вода в которой поднялась. Сезонная торговля каучуком была в разгаре. Людям не угрожал больше голод, баркасы приходили и уходили, ожидали прибытия новых судов, через таможи текли большие суммы денег. Но здесь, в Боливии, каучуковый промысел подрывался безжалостной эксплуатацией деревьев; им не давали отдохнуть. В Бразилии каждый сборщик обрабатывает три estradas, каждое дерево надрезается только раз за три дня и после десяти лет надрезки ему дается отдых на восемь лет. Было

подсчитано, что от момента сбора до момента доставки в Манаус или Пару каучук теряет пятьдесят процентов своей валовой ценности; убытки несет сборщик, и тем не менее он находит свое дело выгодным, пока цены держатся высоко. При всем том жизнь сборщиков каучука необычайно трудна, мало кто из них не болеет какой-нибудь болезнью.

Его день начинается в четыре часа утра с обхода своего участка в 150 деревьев. Он укрепляет чаши на стволах деревьев, зачастую расположенных друг от друга на значительных расстояниях, если лес беден каучуковыми деревьями. Потом он должен нарубить дров для костра и собрать орехи, при сжигании которых получают белый дым, необходимый для обработки сырого каучука. Затем он снова обходит деревья и собирает каучуковое молоко, а по возвращении приступает к трудоемкому процессу обкуривания собранного молока и приготовления из него болаи; в это время одной капли дождя, упавшей в молоко, достаточно, чтобы погубить результаты целого дня работы. Помимо всего этого он должен заниматься хозяйством, охотиться, строить свой дом и ремонтировать его, делать себе лодку и перевозить каучук на пункт сбора. Дело идет к тому, что все леса страны, не затопляемые во время разливов рек, будут заселены цивилизованными людьми, а свистки локомотива и жужжание аэропланов раздадутся там, где раньше можно было слышать лишь мириады насекомых. Лес сам по себе не является источником болезней, они распространяются из мест скопления цивилизованных поселенцев, там, где грубое потворство своим желаниям влечет за собой большую часть заболеваний. Незараженные поселенцами, коренные жители обладают прекрасным здоровьем, и, разумеется, они не стали бы избирать для себя таких мест, где жить неудобно, а земля непродуктивна.

Выше Кобихи, около Порто-Карлоса, на северном берегу реки имеются выходы нефти, черной, густой, но негорючей. Где-то в районе между рекой Пурус и Чако в будущем могут быть найдены большие ее запасы^[76].

Мы жаждали новостей из внешнего мира и ожидали найти в Кобихе газеты с родины, которые пачками пересылались из Риберальты. Почта действительно пришла, но, увы, все наши газеты были съедены казенными мулами. Мне было известно, что мальтийские козлы существуют главным образом за счет бумажных остатков, но я никогда не думал, что мулы могут пасть так низко. Мы были вынуждены принять такое объяснение. Сомневаться в правдивости почтовых служащих не приходилось, а мулы не могли опровергнуть предъявленного им обвинения.

Период вынужденного безделья и ужасно однообразного существования кончился с появлением немца Келлера, хозяина большого баркаса, прибывшего из Манауса. Он был заядлый шахматист, и большую часть времени мы проводили вместе, склонившись над шахматной доской. Келлер сказал мне, что на перевозке грузов между Манаусом и верховьями Акри можно было заработать до 24 фунтов с тонны, а вывоз каучука оплачивался по 30 фунтов за тонну. Не удивительно, что владельцы баркасов готовы были рисковать как угодно, и мостовые в разгар торгового сезона были вымощены золотом.

Глава 8

Река зла

Бателон обогнул лесистую излучину реки, и вдруг с носа лодки раздался удивленный крик. Я поднял голову. Около берега, ярдах в двухстах впереди, стоял океанский пароход.

— Идите-ка сюда! — позвал я Дэна и Чалмерса, которые о чем-то спорили между собой, сидя под навесом. — Такое вы не часто увидите.

Они вылезли на палубу и стали как вкопанные, раскрыв рты от удивления.

Это было сравнительно небольшое судно, водоизмещением, быть может, в тысячу тонн, но в эту минуту оно казалось огромнее «Мавритании», величественнее «Олимпика», так неожиданна была эта встреча. Мы едва могли поверить своим глазам. Казалось невероятным, что можно увидеть настоящий океанский пароход — судно из совершенно другого мира — здесь, в самом сердце континента, у стены первобытного леса, с одной стороны отделенное от океана подпирающими небо Кордильерами, с другой — речным путем, протяженностью в тысячу шестьсот миль! Его черный корпус и желтая закоптелая надстройка были испещрены полосами ржавчины; его борт на целые восемь футов поднимался над поверхностью воды; высокая тонкая черная труба не исторгала дыма, но воздух над ней дрожал от горячих газов, выходящих из топок. Судно стояло, слегка накренившись в сторону берега, так что клотики его невысоких мачт почти касались густой листвы деревьев, росших у самой воды.

Проплывая мимо, мы прочли на носу судна его название — «Антонина», выведенное потускневшими буквами. На палубу ниже капитанского мостика вышел

полуголый стюард, вылил за борт ведро помоев и, завидя лодку, выпрямился, разглядывая нас; это был маленький человек с копной волос цвета пакли, впалой грудью и узкими плечами. Больше на корабле никого не было видно, не было заметно и движения на берегу, но, правда, в это время европейцы обычно завтракают. Грязные парусиновые виндзейлеры были натянуты над вентиляторами котельного отделения, а из открытых люков торчали воздухозаборники. На корме мы снова увидели надпись «Антонина, Гамбург», а внизу показалась лопасть единственного винта.

— Ха! — воскликнул Дэн. — Как насчет того, чтоб подняться на борт и выпить пива? Держу пари, у них есть настоящее немецкое пиво, свежее, прямо из бочки.

Но было уже поздно. Течение пронесло нас мимо судна, а возвращаться было трудно. Нам следовало подумать об этом раньше, вместо того чтобы стоять дураками и глазеть на пароход!

— Интересно, что они тут делают? — пробормотал Чалмерс.

— Каучук, — сказал Дэн. — Они пришли за каучуком. Возможно, привезли с собой машины и контрабанду. Подумать только — в такую даль на таком судне!

Эта встреча поразила и меня. Пароходы еще показывались от случая к случаю на Мадейре, но никто из нас не ожидал увидеть пароход на Акри. Его присутствие доказывало, что река судоходна, во всяком случае до этого места.

Мы находились в нескольких милях от Шапури — самого южного бразильского селения на Акри. Покинув Кобиху, мы вступили на бразильскую территорию и сразу ощутили разницу по сравнению с Боливией — барраки были в прекрасном состоянии, дома построены прочно, владельцы их преуспевали. После Кобихи Шапури казался роскошным местом, ибо мог похвастаться отелем — своеобразным, конечно, день

пребывания в котором стоил четырнадцать шиллингов, включая услуги, что ввиду цен, существовавших на реках, было отнюдь не слишком дорого.

Так же как и в боливийских поселениях, алкоголизм и болезни были здесь обыкновенным явлением. Головорезы Акри сделали Шапури местом своих развлечений, и тут зачастую было жарко не только в прямом смысле этого слова. Среди всех нас Дэн был франтом, и жалованье, которое он получил в Кобихе, он истратил на приобретение нового костюма, позолоченной цепочки для часов и пары ужасающих желтых ботинок на высоких каблуках с резинками сбоку. Как он умудрился не обратить на себя внимание бандитов, не знаю; эти молодчики были способны на все и уж наверняка не отказались бы погулять часок-другой за его счет. В этих прибрежных деревнях собираются самые темные личности Бразилии. Местные головорезы не гнушаются нападать на centros, воруют каучук и удирают с ним, прежде чем сборщик обнаружит пропажу. Реализовать каучук ниже по реке легче легкого. Они искусники по части обращения с револьвером и ножом и без всякого зазрения совести готовы пустить их в ход. Ни один простой человек не осмелится встать им поперек пути.

Встреча с пароходом была для нас отрядным проблеском цивилизации, однако мы спустились с заоблачных вершин, как только начали заглядывать в барраки на реке. В одной из них ежегодная смертность среди рабочих достигала двадцати пяти процентов. — В другой все мулы пали от какой-то непонятной болезни — если б они умерли, объевшись газетами, это еще куда ни шло! Причиной всех человеческих недугов были спиртные напитки.

Несколько хуже, чем Шапури, была Эмпреса — другое бразильское поселение; там мы пробыли ровно столько, сколько необходимо было, чтобы забрать

полковника Пласиду-де-Каэтру, губернатора Акри. Он сопровождал нас до своей барраки Капатара. Полковнику мы были обязаны тем, что смогли достать в Капатаре мулов для путешествия по суше до реки Абунан. Еще больше мы должны благодарить полковника за его гостеприимство и то удовольствие, которое он доставил нам как собеседник.

Надо было исследовать и нанести на карту верхние притоки Абунана, что было крайне важно для демаркационных работ. Мы остановились в месте под названием Кампо-Сентраль с целью проследить истоки некоторых рек и определить их подлинное местоположение. Занимаясь этим делом, мы выходили на огромные, заросшие травой расчистки в виде круга, с милю, а то и больше в поперечнике.

Несколько лет назад здесь были большие поселения индейцев племени апурина. Некоторое количество этих индейцев жили сейчас в другом месте — Гавионе, а те, кому посчастливилось ускользнуть от экспедиций, охотившихся за рабами, — на несколько лиг севернее, в глубине лесов. Там они свели знакомство со сборщиками каучука и под влиянием алкоголя быстро деградировали. Во всяком случае они выглядели крайне жалкими, были очень малы ростом и, по-видимому, безобидны. Своих покойников они хоронили в сидячем положении, и повсюду на расчистках виднелись могилы.

Кучка индейцев, осевших в Гавионе и подчинившихся цивилизации, казалось, была довольна своей участью, если не считать скверных проделок злого духа по имени Курампура. Неудача на охоте рассматривалась как дело рук Курампуры, и часто, чтобы умиротворить бога, совершали жертвоприношение, привязывая человека к palo santo. Palo santo, или священное дерево, весьма распространено в южноамериканских лесах^[77]. Оно имеет мягкую, легкую древесину и обычно растет вблизи

берегов рек. Эти деревья являются излюбленным местом скоплений бразильских огненных муравьев^[78], злобных насекомых, укусы которых исключительно болезненны. Стоит дотронуться до дерева — и полчища этих муравьев устремляются из всех отверстий в стволе, готовые к нападению, они даже падают с веток на обидчика. Привязать человека к такому дереву на два-три часа — значит обресть его на невероятные муки, и тем не менее таков обычай у этих индейцев; но я знал мерзавцев из белых, которые применяли этот способ как пытку. Подобно многим другим ядовитым насекомым, огненные муравьи стараются укусы человека в шею; только осы, как говорят, пытаются добраться до глаз. У *paio santo* нет снизу сучьев, и в радиусе нескольких ярдов вокруг него не растет ни одной травинки. В Гавионе я чуть было не лишился жизни. Двигаясь по тропе, мы встречали довольно много глубоких речек, через которые были перекинута мостики из грубо отесанных бревен. В сырую погоду мулы предпочитают ступать по крайнему бревну, потому что оно кажется менее скользким, вследствие чего эти бревна наиболее истоптаны и наиболее опасны. Я изрядно нервничал, но успокаивал себя мыслью, что инстинктивно или в силу опыта мул лучше знает, что ему делать. Как раз при переходе через одну из таких речек, имеющих довольно крутые берега, бревно, по которому ступал мой мул, со страшным треском сломалось, и мы полетели в воду. Я оказался под мулом, который навалился на меня всей тяжестью, вдавливая в грязное дно. Окажись дно более твердым, у меня не осталось бы целой ни одной кости, так как мул бешено барахтался и брыкался, пытаясь встать на ноги. Он сделал это как раз вовремя, ибо у меня в легких уже совсем не было воздуха, и я высунул голову над поверхностью в самый последний момент. Я был на волосок от гибели, но отделался всего лишь купанием.

Пришла беда — открывай ворота. В ту же ночь индеец из чистого озорства слегка подрубил большое дерево, и оно с устрашающим треском упало на наш спящий лагерь. Никого не задело, но навесы над гамаками были изодраны в клочья, веревки порваны. Полчища небольших, чрезвычайно агрессивных черных муравьев набросились на нас с ветвей поваленного дерева, а мухи катуки ринулись в атаку на наши незащищенные тела, вонзая в нас свои острые, как иголки, жала^[79]. Весь остаток ночи никто не спал — об этом позаботились насекомые.

Сильные дожди залили тропу, ведущую на Абунан, и мы были вынуждены на несколько дней остановиться в centro под названием Эсперанса. Там кто-то украл у нас два седла и скрылся с ними в лесу. Если бы вора поймали, мне было бы его жалко, так как седла принадлежали Пласиду-де-Кастру.

В тот день, когда мы прибыли в Санта-Росу на Абунане, там от змеиных укусов умерли три сборщика каучука. Расположенное посреди болот, это место было раем для всевозможных змей, включая анаконд. Анаконд здесь так боялись, что по сути дела баррака выполняла роль каторжного поселения. Сборщики каучука работали тут попарно, потому что, если люди ходили в одиночку, многие из них таинственно исчезали. Этот участок, принадлежавший братьям Суарес и расположенный на боливийской территории, показался мне одним из наиболее удручающих мест, в которых мне когда-нибудь доводилось бывать, но он был очень богат каучуком. Единственной отрадной особенностью здешней хижины было то, что она имела два этажа, но так как она стояла всего на несколько футов выше нормального уровня воды в реке, ее часто затопляло, а в сухой сезон ее окружал океан грязи. Управляющий — француз из хорошей семьи, — несмотря на слабость здоровья, отводил душу тем, что держал гарем из

четырех довольно хорошеньких индейских девушек. Постоянным бичом Санта-Росы была нехватка рабочей силы. Не решаюсь приводить цифру здешней смертности, она попросту невероятна.

У одного из видов местных змей голова и треть тела плоские, как тесьма, остальная часть тела круглая. Другая змея вся красная, с отметиной в виде белого креста на голове. Обе змеи слыли ядовитыми. По ночам обычно можно было видеть блестящие глаза анаконд, в которых сверкающей точкой отражался малейший огонек.

— На Акри живут белые индейцы, — сказал мне управляющий барракой. — Мой брат однажды отправился на баркасе вверх по Тауаману, и в самых верховьях реки ему сказали, что поблизости живут белые индейцы. Он не поверил и только посмеялся над людьми, которые это говорили, но все-таки отправился на лодке и нашел безошибочные следы их пребывания. Потом на него и его людей напали высокорослые, хорошо сложенные, красивые дикари; у них была чистая, белая кожа, рыжие волосы и голубые глаза. Они сражались как дьяволы, и когда мой брат убил одного из них, остальные забрали тело и убежали.

Говорят, белых индейцев не существует, а когда доказывают, что они все-таки есть, говорят, что это метисы от смешанных браков испанцев с индейцами. Так утверждают те, кто сам никогда не видел белых индейцев, но кто их видел, думают иначе!

Лихорадка и насекомые оказались слишком суровым испытанием для Чалмерса. Видя, что он начал сдавать, и опасаясь, как бы тяготы нашей жизни не сломили его, в случае если он останется и дальше со мной, я предложил ему вернуться в Риберальту. Я ожидал, что он почти наверное откажется и был очень удивлен, когда он охотно согласился. 10 апреля Чалмерс отправился в путь с пятью индейцами тумупаса, также

страдавшими от лихорадки. Я остался с тремя индейцами, Виллисом и Дэном, с ними мне предстояло подняться вверх по Абунану и точно определить ее течение. Мы уже нанесли на карту ее истоки с помощью наших несовершенных инструментов, и, для того чтобы закончить работу должным образом, необходимо было произвести съемку остальной части реки. Не то, чтобы она была вовсе не обследована — по ней поднимались еще в 1840 году и в ее верховьях находилось несколько баррак, но она пользовалась дурной славой, часто выходила из берегов, образуя временные озера и болота, а в среднем ее течении встречались опасные, всегда враждебно настроенные индейцы племени пакагуаре. Недавно они убили одного бразильца и увели в лес много пленников. Здесь тоже водились гигантские анаконды, самые крупные из всех удавов, гнездившиеся на обширных, зачумленных лихорадкой болотах.

Как жалко, что реки утратили свои старые индейские названия, которые указывали на их характерные особенности!

Например, Акри по-местному называлась Макаринарра, или Река Стрел, потому что на ее берегах рос бамбук, из которого делались стрелы; Рапирран — пограничный приток Абунана, именовался Рекой Сипо по названию лианы, которая широко применяется при постройке жилищ; другая небольшая речка, Каипера, называлась Рекой Хлопка и так далее. Рано или поздно старые наименования забываются, и это очень большая потеря в районах, где ищут важные полезные ископаемые.

Пласиду-де-Кастру пришел проститься с нами перед нашим отъездом из Санта-Росы на игарите^[80], которую мне удалось купить. Как обычно, полковника сопровождала целая свора собак разных пород, которые имели привычку ежеминутно присаживаться и чесаться; в лесу собаки чешутся все время — в этом проходит вся

их жизнь, и просто чудо, что их шкуры облезают лишь местами, а не сходят целиком!

В этот день я видел полковника в последний раз, так как вскоре после нашего отъезда он был убит в дороге неопознанными убийцами. Его смерть была серьезной потерей для бразильского каучукового края, так как он был хорошим и просвещенным человеком.

Пласиду-де-Кастру играл видную роль в событиях 1903 года на Акри, выступая на стороне Бразилии. Он рассказывал мне, что вначале одел своих солдат в форму цвета хаки, но потом ему показалось, что он теряет слишком много людей, и он решил перейти на форму зеленого цвета. Эта форма оказалась менее заметной в лесу, и потери сразу сократились до незначительной цифры. По его мнению, беспорядки были вызваны плохим управлением. О своих собственных подвигах он скромно умалчивал, но слава о нем гремела далеко за пределами реки Акри.

Быть сборщиком каучука — весьма незавидный удел, и все-таки я встретил здесь одного серингейро, который проучился шесть лет в Англии, отказался от всех своих европейских привычек и платья и вернулся сюда по своей собственной воле. Человек, как бы образован он ни был, однажды познав предельную простоту существования, редко возвращается к искусственной жизни, созданной современной цивилизацией. Тяжесть цивилизованной жизни никогда не ощущаешь в полной мере до тех пор, пока ее не сбросишь.

На реке Мадейра я повстречал человека, который служил матросом на бателоне — более тяжелую жизнь невозможно себе и представить. Он прекрасно говорил по-французски и по-английски, но предпочитал этот изнуряющий труд и все, что ему сопутствует — алкоголь, чарке, заплесневелый рис и ночевки на песчаных отмелях, — всему другому, что могла предоставить ему более комфортабельная жизнь.

— Смотрите в оба, когда окажетесь на Абунане, — с каким-то самодовольством предостерегал нас каждый.

— Вы можете умереть там от лихорадки, а если избежите ее, то ведь есть еще индейцы пакагуаре. Они выходят на берега и забрасывают лодки отравленными стрелами!

— На днях они напали на немецкого инженера и убили троих его спутников, — говорили нам. Остальные присутствующие важно кивали в подтверждение сказанного и грозили нам пальцем.

— Совсем недавно сорок восемь человек поднялись вверх по Рио-Негро — это приток Абунана — в поисках каучука. Только восемнадцать из них вернулись обратно, причем один совсем сошел с ума от пережитого.

Если бы мы прислушивались ко всем мрачным предостережениям, мы бы никуда не попали. К этому времени я уже начал сам соображать, что к чему, и не был склонен принимать на веру все небылицы, которые рассказывали о дикарях.

Это было одно из самых мрачных путешествий, которые я когда-либо предпринимал. Река была угрожающе спокойной, слабое течение и глубокая вода словно предвещали беды впереди. Демоны притоков Амазонки вырвались на свободу, заявляя о своем присутствии низко нависшими небесами, проливными дождями и насупленными стенами леса, стоявшего по берегам.

Прежде чем добраться до слияния Абунана с речкой Рапирран, мы остановились в барраке обогатившегося на каучуке индейца тумупасе по имени Медина. Вместе с ним в этой грязной дыре жила его дочь, светловолосая индейская девушка, самая красивая из всех индианок, каких мне приходилось видеть; высокая, с тонкими чертами лица, изящными руками и массой шелковистых золотых волос, она могла украсить собой любой королевский двор и блистать на любом европейском

балу. Эта чудесная девушка уже была предназначена для гарема управляющего Санта-Росы, где ей предстояло чахнуть в роли пятого члена сераля предприимчивого француза. Я снял ее несколько раз, но эти фотографии, как и все другие, сделанные на Абунане, за исключением тех, что я проявил в Санта-Росе, погибли от сырости.

На этой реке водится птица по названию орнеро^[81], которая строит свое гнездо — куполообразный домик из глины на ветках — как раз на уровне реки в половодье. Другая птица, по названию тавачи, подобно кукушке^[82], норовит захватить это жилище, и орнеро, обнаружив, что его дом занят, замуровывает захватчика глиной, и тот погибает мучительной смертью в закрытом склепе. Природа ничего не делает просто так, но я никогда не мог найти оправдание такому расточительству и не мог понять, почему инстинкт тавачи не предостерегает его от почти верной смерти.

Здесь можно было встретить буфео, млекопитающее, одного из видов ламантинов^[83]. Это животное несколько походит внешним видом на человека и имеет выпячивающиеся груди. Оно следует за лодками, подобно тому как дельфины следуют в море за кораблями. Говорят, что его мясо очень вкусное, хотя сам я никогда не мог поймать ни одного, чтобы удостовериться, так ли это. Нельзя сказать, что это животное беспомощно и безобидно — оно прекрасно нападает на крокодилов и убивает их.

— Вы что-нибудь продаете? — Такой вопрос задавали нам в каждом centro, куда мы заходили. Когда сирийцы поднимаются сюда на своих лодках — а они иной раз предпринимают подобные путешествия, — они, должно быть, зарабатывают здесь немалые деньги.

Мы медленно дрейфовали вниз по течению неподалеку от слияния Абунана с Рио-Негро, когда почти под самым носом игарите показалась треугольная

голова и несколько футов извивающегося тела. Это была гигантская анаконда. Я бросился за ружьем и, когда она уже вылезала на берег, наспех прицелившись, всадил ей тупоносую пулю в спинной хребет, десятью футами ниже сатанинской головы. Река сразу же забурлила и вспенилась, и несколько тяжелых ударов потрясли днище лодки, словно мы наткнулись на корягу.

С большим трудом я убедил индейцев повернуть к берегу. От страха они закатывали глаза так, что виднелись лишь одни белки. В момент выстрела я слышал их испуганные голоса, умоляющие меня не стрелять, иначе чудовище разломает лодку и убьет всех нас; ведь эти страшилища, когда их ранят, нападают на лодки, да и их собратья представляют немалую опасность.

Мы вышли на берег и с осторожностью приблизились к змее. Она была не в состоянии причинить нам вред, но волны дрожи все еще пробежали по ее телу, подобно ряби на горном озере при порывах ветра. По возможности точно мы измерили ее длину: в той части тела, которая высовывается из воды, оказалось сорок пять футов и еще семнадцать футов было в воде, что составляло вместе шестьдесят два фута. Тело ее не было толстым при такой колоссальной длине — не более двенадцати дюймов в диаметре, но, возможно, она долго ничего не ела. Я попытался вырезать кусок ее кожи, но, оказывается, змея была еще жива — внезапная резкая конвульсия всего ее тела изрядно перепугала нас. От нее исходило резкое зловоние, возможно, это было ее дыхание; говорят, оно обладает ошеломляющим действием: запах сначала привлекает, а потом парализует жертву. Все в этой гадине было отталкивающим.

Такие большие экземпляры, как эта, встречаются не часто, но следы, которые они оставляют в болотах, бывают иной раз шириной шесть футов и

свидетельствуют в пользу тех индейцев и сборщиков каучука, которые утверждают, что анаконды иногда достигают невероятных размеров, так что подстреленный мной экземпляр должен выглядеть рядом с ними просто карликом^[84]. В Бразильской комиссии по определению государственных границ мне рассказывали о змее, убитой на реке Парагвай и превышавшей в длину восемьдесят футов^[85]! В бассейнах рек Арагуая и Токантинс водится особый черный вид анаконды — дормидера, или «сонливая», названная так по издаваемым ею громким храпящим звукам. Говорят, она достигает огромных размеров, но мне не пришлось ее видеть. Эти змеи живут главным образом в болотах, так как в противоположность реке, часто превращающейся в забитую грязью канаву во время сухого сезона, болото всегда остается болотом. Вторжение в место обитания анаконд равносильно игре со смертью.

На этой реке у нас было немало волнений. Мы подстрелили нескольких маримоно — черных обезьян — для пополнения наших продовольственных запасов и на привале, чтобы сохранить тушки, подвесили их на высоких ветвях. Среди ночи я проснулся от глухого толчка в дно гамака, словно кто-то тяжелый прошел подо мной. Всмотревшись, я увидел в свете луны крупного ягуара. Он пришел за обезьяньим мясом и мною совершенно не интересовался; во всяком случае было бы безрассудством стрелять при столь неверном освещении, ибо ничего не может быть страшнее раненого ягуара на близком расстоянии. Я видел, как зверь поднялся на задние лапы и тронул лапой тушку. В момент, когда он схватил свою добычу, шорох моего гамака потревожил его; он с ревом повернулся, обнажил клыки и в следующий миг исчез, бесшумно, словно тень.

Местами по берегам реки ничего не росло, кроме *palo santo*, в присутствии которых лес, так сказать,

подбирал подол своего одеяния. Их невозможно было спутать ни с какими другими деревьями, ибо они стояли поодиночке, как прокаженные, и земля вокруг них была лишена всякой растительности.

Как-то раз Дэн так устал, что вечером на стоянке подвесил свой гамак между двумя palo santo и, не соображая, что он делает, завалился спать. Среди ночи раздались леденящие кровь крики ужаса, от которых мы в панике повыскакивали из гамаков и бросились к ружьям, вообразив, что на нас напали дикари. Еще не совсем очнувшись от сна, мы почти ощущали, как отравленные стрелы вонзаются в наши незащищенные тела, и даже различали неясные тени, бесшумно несущиеся через кусты к лагерю! Потом только мы разглядели Дэна, с дикими воплями бешено мчащегося к реке. Раздался громкий всплеск, и крики затихли. Убедившись, что индейцы тут ни при чем, мы поспешили к Дэну узнать, в чем дело. Оказывается, полчища муравьев^[86] переползли к нему с дерева по веревкам гамака, облепили его с ног до головы и принялись обрабатывать своими ядовитыми челюстями каждый сантиметр его драгоценной персоны! Мокрый до нитки, Дэн залез в лодку и там провел остаток ночи, обирая с себя насекомых. Наутро нам стоило немалого труда отвязать гамак и выколотить из него муравьев.

— Дикари!

Это крикнул Виллис, стоявший на палубе и смотревший на приближающийся водопад Тамбаки. Мы с Дэном выскочили из-под навеса и взглянули в том направлении, куда указывал негр. Несколько индейцев стояли на берегу, их тела были сплошь раскрашены красным соком уруку — растения, весьма распространенного в этих лесах. Мочки их ушей были оттянуты и свободно свисали, из ноздрей торчали иглы дикобраза, но головной убор из перьев отсутствовал.

Таких индейцев я видел впервые и решил, что они принадлежат к племени карипуна.

— Мы остановимся и постараемся подружиться с ними, — сказал я, но не успел отдать приказ подойти к берегу, как наши индейцы тоже заметили их. Раздались тревожные возгласы, весла заработали с бешеной быстротой.

Дикари закричали и, отпустив тетиву, послали несколько стрел в нашу сторону. Мы не видели, как летели стрелы, но одна из них с каким-то злобным чмоканием пробил борт лодки — доску, толщиной в полтора дюйма, а затем прошла и через другой борт. Сила, с которой была пущена стрела, поразила меня, и, если бы я не увидел это своими глазами, я никогда бы не поверил, что стрела может обладать такой пробивной способностью. Винтовка вряд ли могла бы сделать больше!

Эти дикари имели обычай выходить на берега отрядом в двести — триста человек и задавать жару всякой проходящей лодке. Середина реки была в пределах досягаемости с обоих берегов, и спасение было невозможно. Мне известен случай на другой реке с пароходом, который атаквали таким образом. Стрела попала в одного англичанина, пройдя через обе руки и грудь, и с такой силой пригвоздила его к палубе, что его не сразу удалось поднять.

Игарите скользило по воде так быстро, что мы скоро достигли водопада Тамбаки и пролетели по нему без всяких неприятностей: команда не переставала яростно грести, напуганная возможностью появления новых стрелков.

Водопад, который мы прошли, был не очень опасный, во всяком случае далеко не столь грозный, как следующий — Фортадеза, у которого падение воды составляло десять футов и который устрашал уже одним своим ревом. Вода, пенясь, перехлестывала поверх

выхода гранита, такого же, какой можно встретить на Мадейре и всех других реках к востоку от нее между восьмым и десятым градусами южной широты. Но значение этого факта я осознал, лишь изучая геологию древнего континента. Лодку пришлось переправлять волоком, ее катили по суше на катках из стволов деревьев — труд, который ввиду ограниченного количества рабочих рук, привел нас в почти полное изнеможение.

На берегу лежало наполовину высохшее тело анаконды, толщина ее шкуры была около дюйма. Вероятно, совершенно высохнув, шкура была бы тоньше, но даже и так эта прекрасная, крепкая кожа по качеству не уступала коже тапира.

Миновав Форталезу, мы спустя четыре часа достигли слияния Абунана с Мадейрой, которая была здесь такой широкой, что показалась нам океаном по сравнению с узким Абунаном. Здесь был расположен боливийский таможенный пост. Более нездоровое место трудно себе представить. Все живущие тут либо валялись в лихорадке, либо были пьяны, и если вообще пьянство можно оправдывать, так именно здесь. Уже затемно, подъезжая к берегу, мы услышали треньканье гитар и монотонный распев пьяных голосов, словно предупреждавших нас, как низко пали здесь люди. За каучук, который экспортируется из Боливии, взимались меньшие пошлины, чем за ввозимый из Бразилии, поэтому весь каучук, добываемый на Абунане, обычно проходил через этот пост, с какой бы стороны его ни везли.

Во всяком случае река еще не была определена как пограничная. Товары складывали на бразильской стороне и ночью перетаскивали на другую сторону, что являлось умеренной формой контрабанды, которую таможенники предпочитали поощрять, нежели запрещать. Какая сумма из уплаченных сборов доходила

до казны — вопрос, на который я затрудняюсь ответить. Лишь один чиновник на этом посту имел дело с деньгами, остальным девяти не оставалось делать ничего другого, как залезать в долги.

Тут было шесть солдат под командой интендента, завербованного в районе Мапири, где он искал каучук; его отправили на этот злосчастный пост со всеми его пожитками, состоявшими из жестянки с солью, двух сабель, будильника и помятого ночного горшка. Пост необходимо было укомплектовать. Его предшественник имел несчастную привычку полосовать своих солдат саблями, поэтому они однажды набросились на него, пытались пристрелить и переправились в Бразилию. Пьяный раненый офицер бежал в лес и добрался берегом реки до Вилья-Белья. Некоторое понятие о том, что творилось в таких заброшенных местах, дает такой факт.

При передаче боливийских таможен Бразилии в Сан-Антонио, торговом порте, расположенном ниже порогов реки Мадейры, было обнаружено 7000 ящиков груза, дожидавшегося отправки в бассейн Бени, из них 5000 содержали спиртные напитки!

В устье Абунана единственными продуктами питания были рис и чарке. Здесь люди не любили обременять себя охотой, рыбной ловлей или даже туалетом — каждый потел в своих грязных лохмотьях, распевал пьяные песни или стонал в приступах лихорадки. Никаких лекарств не было, а если б даже они и были, не нашлось бы ни одной достаточно трезвой головы, чтобы прописать их. Единственным здоровым человеком был некий молодой немец, который остановился здесь, путешествуя вверх по реке. Это был веселый, пышущий здоровьем юнец, который, не церемонясь, высказывал свое мнение по поводу англо-германских отношений. Германия горит желанием воевать, говорил он, чтобы

подорвать торговое процветание своих соперников и приобрести колонии.

После восьмидневного пребывания в этом отвратительном месте нам удалось получить разрешение сесть на бателоны, шедшие с грузами в Вилья-Белья, порт, находящийся в устье реки Маморе на полпути к Риберальте. Когда мы двинулись по реке, нас провожал панихидный звон гитар и заунывный гул голосов.

Тогда еще не существовало железной дороги Мадейра — Маморе, этого пути, идущего в лесной глуши из «ниоткуда» в «никуда», где белые служащие получают такие высокие оклады, что после десяти лет работы — если только они выдержат столько — могут спокойно уходить на отдых.

Требовалось около двадцати дней убийственного труда, чтобы провести тяжело нагруженные лодки через многочисленные пороги между Сан-Антонио и Вилья-Белья. Бателон, имея на борту двенадцать тонн груза, возвышался над уровнем воды не более чем на три дюйма, поэтому необходимо было как можно ближе держаться к берегу. В местах с тихим течением команда из двадцати индейцев работала веслами, а там, где вода неслась и, вспениваясь, разбивалась на порогах, лодку надо было обходить вокруг скал на длинном канате. Требовалось большое искусство, чтобы избежать всюду подстерегавших опасностей, и к ночи команда совершенно выматывалась. Люди бросались ничком на раскаленные прибрежные скалы и тут же засыпали, в результате многие схватывали воспаление легких, причем болезнь принимала такие размеры, что уносила иногда всю команду, и приходилось ждать прибытия свежих людей, чтобы продолжать путь.

Четыре человека в нашей лодке умерли в течение первой половины путешествия. Каждый, кто заболел, становился предметом насмешек для остальных, и когда

он умирал, все предавались отвратительному веселью. Тело с широко раскрытыми глазами привязывали к шесту к погребали в неглубокой ямке, вырытой веслами на речном берегу; памятником служили две ветки, сложенные крест-накрест и перевязанные травой. На поминках пускали круговую бутылку качасы и кричали: «Кто следующий!»

Река была здесь шириною более чем полмили, но забита подводными скалами, а стремительное течение также затрудняло навигацию. Опасные мелкие стремнины Ара-рас и Перикита были пройдены без затруднений, но на преодоление грозного Шоколаталя потребовалось три дня. О скуке здесь не могло быть и речи. Лоцман, отправившийся разведать путь, по которому можно было бы протащить бателон волоком, в обход водопада, был убит индейцами менее чем в полумиле от судна. Мы нашли его тело с вонзившимися в него сорока двумя стрелами. В это время я тоже отправился на поиски индейки для нашего котла, но, к счастью, не встретился с дикарями. У меня сложилось впечатление, что это племя, хотя и не было склонно к учтивости в отношениях с белыми, все же не питало к ним особой враждебности.

На Маморе, около Вилья-Белья, дикари одно время действительно приходили в песканы — определенные места, где обычно становятся лагерем, — и завязывали меновую торговлю, но экспедиции охотников на рабов отпугнули их. К одному хорошо известному боливийцу, занимавшемуся торговлей на Маморе, пришла группа индейцев племени арара; они делали вид, что крайне заинтересованы его винтовкой и просили его стрелять снова и снова, каждый раз хлопая в ладоши от удовольствия при звуке выстрела. Когда все патроны в магазине были расстреляны, вождь обратил внимание боливийца на свой лук и стрелы. Словно желая сказать, что теперь он покажет свое искусство в обращении с

оружием, до отказа натянув тетиву, внезапно повернулся и пустил стрелу прямо в грудь боливийца. Наступило всеобщее замешательство, и индейцы исчезли.

Брат убитого отомстил индейцам, будто случайно забыв в песканые отравленный спирт. После там было найдено восемьдесят трупов.

Это племя индейцев многочисленно до сих пор, и постройка железной дороги заставила их уйти из района Мадейры.

Один метис рассказал мне, что вблизи порогов Шоколаталя он и несколько других людей недавно захватили каноэ с двумя индейцами.

— Один из них отказывался от пищи и умер, — продолжал метис. — Другой тоже объявил голодовку, тогда мы повесили его за ноги на дереве и немножко попрактиковались в стрельбе из винтовок. Он умер на восьмом выстреле. Вот была потеха!

Перевозка грузов на бателонах была здесь прекрасным бизнесом. Постройка судна стоила 1800 боливиано (144 фунта стерлингов), а фрахтовалось оно за 400 боливиано на один рейс и делало четыре таких рейса в год, причем фрахтовщик брал всю ответственность за возможный ущерб на себя.

Команда бателона надорвала себе животы от смеха, когда у одного из моих индейцев тумупаса появились симптомы бери-бери и отнялись ноги. Бедняга умер в Вилья-Белья.

Трудно себе представить что-нибудь более жуткое, чем подходы к порогам Риберон. На протяжении мили перед ними мы двигались, прижимаясь к скалам и берегам, где можно было хоть за что-нибудь уцепиться, а затем понеслись, отчаянно работая веслами, чтобы проскочить тридцать ярдов невероятно бурной стремнины, на которой легко могло потонуть глубоко сидящее в воде судно. Во время этой передраги мы

зачерпнули по меньшей мере тонну воды. Один из четырех бателонов, составлявших караван, опрокинулся и затонул — его команда оказалась слишком слабой, чтобы грести с нужной силой. Груз погиб, но люди спаслись, так как все индейцы отлично плавают.

Мы стали лагерем в Рибероне, где лодки разгружали и тащили волоком в обход порогов. Мы страшно устали и только устроились на ночлег, как на нас напали полчища черных муравьев. Несметными миллионами они покрывали все на своем пути, издавая какой-то жуткий, пронзительный, шипящий звук при встрече с каждым живым существом. Их ничто не останавливает, и горе спящему, который не проснется от мягкого шуршания, возвещающего об их приближении, и вовремя не убежит. Муравьи не принесли вреда нашему лагерю, а лишь уничтожили насекомых и пошли дальше. Они часто посещают хижины в лесу и очищают их от паразитов.

У Мисерикордии, следующих порогов на нашем пути, был большой водоворот. Здесь жил старик, составивший себе немалое состояние тем, что собирал обломки лодок, каучук и вообще все, что выбрасывалось на берег в результате крушений. Это было очень опасное место, и, если лодка подхватывалась водоворотом, крушение было неминуемо. Проход ниже по реке был еще более гибелен, ибо вода со все нарастающей скоростью мчалась в лабиринте скал, и как бы искусны ни были лоцман и команда, они обычно напивались на дорогу при отплытии из Вилья-Белья. Раньше, когда условия страховки были помягче, в этом месте часто случались крушения, так как иной раз владельцам груза было выгоднее утопить его и получить страховую премию.

Должно быть, какой-то мрачный юморист придумывал названия для населенных пунктов Боливии, если он назвал порт при слиянии рек Маморе и Бени звучным именем Вилья-Белья^[87].

Вонючая черная трясина располагалась в центре этого поселения, а смертность временами была чудовищной. Среди команд бателонов, ходивших к Сан-Антонио и обратно, она составляла пятьдесят процентов в год — цифра, к которой я стал теперь привыкать. Такова та цена, в которую обходился в те времена боливийский каучук, и, я думаю, не будет преувеличением сказать, что каждая тонна отправленного каучука стоила человеческой жизни. Грязная, насквозь провонявшая Вилья-Белья, со спившимися, потерявшими человеческий образ обитателями, была тем не менее одним из важнейших таможенных постов Боливии. Район Бени был пугалом для всех более или менее порядочных чиновников; меня приняли за правительственного осведомителя и соответственно ко мне отнеслись. Ни один чиновник не проявил достаточной вежливости или хотя бы чувства долга и пальцем не пошевелил, чтобы помочь нам, а один из жителей дошел до того, что попросту разрядил в меня свой винчестер; к счастью, он был пьян и не смог хорошо прицелиться. Не в силах ничего добиться, я напрямик заявил главному администратору таможни, что, если меня немедленно не обеспечат транспортными средствами, я пошлю на него официальную жалобу министру колоний. Это возымело действие — меня приняли за настоящего доносчика! Как бы там ни было, нам удалось покинуть Вилья-Белья в тот же день.

На следующий день мы прибыли в Эсперансу, штаб-квартиру братьев Суарес главной каучуковой фирмы. Здесь мы повстречали нескольких английских механиков, служащих фирмы, которым хорошо платили за обслуживание баркасов. Клерки — все до одного немцы — питали к ним открытую вражду.

Здесь были пороги, к которым индейцы относились с величайшим уважением, слыша в их грохоте пляску смерти. Несколько дней назад через эти пороги прошел

баркас, полный пассажиров; когда он отвалил от берега, в машине обнаружилось неполадки, и он лишился хода. Его спасение было просто чудом, ибо, как ни странно, он не разбился. Все мужчины, бывшие на борту, за исключением английского инженера Смита, попрыгали в воду, не дожидаясь, пока баркас перевернется. Женщины беспомощно закричали, каждую минуту ожидая, что судно опрокинется и их затянет в водоворот. В то время как баркас начал проходить через быстрину, Смит, невозмутимо копавшийся в машине, снова пустил ее и направил баркас к берегу. С тех пор Смита почитали здесь героем.

Англичане-механики любили свой труд и хорошо работали; им платили большое жалованье и хорошо с ними обращались. Тут можно было неплохо подрабатывать и помимо службы — чинить швейные машины, винтовки и так далее. Все это приносило немалый дополнительный доход. Один из них снискал неувядаемую славу и почет у местного населения после того, как свалился с бателона в реку с бутылкой в руках, благополучно миновал водопад, выплыл ниже его и, выбравшись на берег, как ни в чем не бывало, допил бутылку!

Другой англичанин заболел какой-то странной болезнью, от которой совсем почернел и стал издавать неприятный запах. Однажды он не вышел на работу, и майордомо, решив, что он умер, пообещал двум индейцам по бутылке водки каждому, если они возьмут тело и похоронят его. Индейцы завязали носы и рты, положили почерневший труп в гамак и понесли его на кладбище. По дороге гамак ударился о дерево, и замогильный голос произнес: «Поосторожнее, мальчики, поосторожнее!» Индейцы бросили свою ношу и удрали, затем, выпив для храбрости, они вернулись в сопровождении нескольких других и снова взяли за гамак. Когда они опустили тело на край могилы,

загробный голос послышался вновь — на этот раз он просил воды. Все бросились врассыпную; однако, опять-таки после дополнительных возлияний, пеоны снова возвратились, спихнули насмешника в могилу и поспешно закидали землей до самого верха, чтобы лишить покойника шанса воскреснуть из мертвых.

Вскоре после моего прибытия внезапно показались в каное шестнадцать индейцев пакагуаре в полной боевой раскраске. Когда эти смельчаки подгребли к противоположному берегу реки, Эсперанса пришла в дикий ажиотаж. Пеоны орали, все перебежали с места на место, выкрикивая какие-то команды, началась беспорядочная ружейная пальба. Дикари не обращали на это никакого внимания. Ширина реки здесь доходила до шестисот ярдов — почти предельное расстояние, на которое бьет винчестер сорок четвертого калибра. С нерушимым спокойствием дикари продолжали грести, пока не скрылись в одном из небольших притоков. Последовал приказ: «Прекратить огонь». Было учтено количество израсходованных боеприпасов, которые стоили страшно дорого, и все лица помрачнели.

Индейцы часто показывались на противоположном берегу и спокойно наблюдали за тем, что делается в барраке, отлично понимая, что винтовки им не страшны. При их появлении жители Эсперансы впадали в бешенство, всегда кончавшееся бессмысленной тратой патронов. Это напоминало суматошную ярость собак при виде кота, сидящего на ограде.

18 мая мы уехали на баркасе, направлявшемся в Риберальту. Ночь накануне нашего отъезда была отмечена пьяными танцами, которые устроили четыре женщины и четверо индейцев пеонов, после того как они выпили четыре ящика пива (по 10 фунтов стерлингов ящик) — разумеется, в кредит. Наутро женщины получили внушение в виде двадцати пяти розог каждая, за то, что нарушали общественное

спокойствие, и были отосланы за реку работать на плантациях — наказание, которого боялись больше всего из-за набегов индейцев пакагуаре. Мужчин освободили от наказания, возможно, потому, что фирму вполне устраивало, если они еще больше залезли в долги.

Глава 9

Непривлекательная интермедия

В Риберальте меня ожидала почта, и я все на свете забыл, получив желанные новости с родины, по которым я так стосковался. Пришли свежие газеты, служебные письма и — главное — инструкция отложить дальнейшие экспедиционные работы из-за финансовых затруднений. Я пришел в восторг; помимо того что на какое-то время я был сыт своим мученичеством, необходимо было завершить составление карт, написать отчеты и, наконец, окончательно отработать проект узкоколейной железной дороги на Кобиху. Далее, Риберальта нуждалась в плавучем доке, и мне предложили спроектировать его и составить смету. Я был согласен оставаться тут до тех пор, пока есть работа и пока мне платят за нее. Бездеятельность — вот что было для меня невыносимо.

Похоже было на то, что некоторое время связи с Рурренабаке не будет, так как казенный баркас «Тауаману» пришел в такое состояние, что уже не мог быть отремонтирован, и был вытасчен на берег где-то выше по течению. Узнав, что мы на неопределенное время задержимся в Риберальте, Дэн надел свой купленный в Шапури костюм и отправился кутить. Что касается Виллиса, то пьяные дебоши привели его в тюрьму. Своим освобождением он был всецело обязан взяткам и подкупу и отблагодарил меня тем, что оставил меня и завел самостоятельное дело в качестве продавца спиртных напитков. Он устроился в одной из лачуг на окраине городка, где мог предаваться своему пороку за счет других пьяниц.

Несмотря на наличие в районе Мадре-де-Дьос отрядов, состоявших на службе у частных лиц для охоты на рабов, с индейцами здесь было немало хлопот — именно на этой реке один цивилизованный индеец убил топором управляющего барракой Маравильяс — участь, которую тот, возможно, заслужил. Индейцев пакагуаре изображали в неоправданно мрачных красках. Хотя, как правило, они пользовались любым случаем навредить белым. Во время поездки в устье реки Ортон с одним боливийцем, владельцем небольшого каучукового участка, я встретил индейцев пакагуаре в лесу. Они оказались вполне безобидными людьми, когда, наконец, собравшись с духом, вышли к нам. Маленькие ростом, темнокожие, с большими дисками, прикрепленными к оттянутому мочкам ушей, и палочками, продетыми через нижнюю губу, они, по-видимому, принадлежали к наиболее деградировавшим коренным жителям. Они принесли нам в подарок дичь — всякое другое занятие, помимо охоты, они считали ниже своего достоинства. Деградировали они или нет, но всех цивилизованных индейцев они ассоциировали с участниками охоты за рабами, которые так часто производили налеты на их поселения, и не желали иметь с ними никакого дела.

Существуют индейцы трех родов^[88]. Первые — смирные и несчастные люди, легко цивилизуемые; вторые — опасные, омерзительные каннибалы, которых редко можно увидеть; третьи — здоровые и красивые, должно быть, происходящие от цивилизованных предков, с которыми редко приходится встречаться, потому что они избегают районов судоходных рек. По этому поводу я буду говорить более подробно в последующих главах, так как это обстоятельство связано с древней историей всего континента.

Коррупция и некомпетентность были в Риберальте в порядке вещей. Был назначен новый судья, он же отправлял обязанности мясника — должность в высшей

степени прибыльную, так как никто не мог обходиться без его услуг. Тот солдат, что получил 2000 ударов плеткой и у которого мясо сходило с костей, поправился и весьма весело рассказывал о пережитом им испытании. Он очень располнел; как мне рассказывали, таково обычное последствие жестокой порки, если только жертва выживает. На его походе наказание как будто не отразилось, несмотря на то что у него был отбит крестец.

— Вон скот везут! — кричал пеон, который стоял на берегу реки и наблюдал за приближающимся бателоном. Я взглянул в указанном направлении, ожидая увидеть животных с Равнин Мохос, предназначенных для забоя нашим мясником — судьей, но увидел людей. Владелец барраки Мадре-де-Дьос находился на палубе первой лодки. Он сошел на берег и наблюдал, как его майордомо, вооруженные устрашающими бичами, согнали на берег, а потом под навес около тридцати вполне белокожих людей, привезенных из Санта-Круса. С их лиц не сходило выражение униженности и покорства, недвусмысленно свидетельствовавшее о том, что они полностью отдают себе отчет в том, что ждет их впереди. Не только мужчины, но и женщины были в этой унылой толпе.

— Кто это? — спросил я чиновника боливийской таможни. — Рабы?

— Разумеется, — ответил он и взглянул на меня явно удивленный таким глупым вопросом.

— Вы хотите сказать, что этих несчастных людей привезли сюда для продажи?

— О нет, сеньор! В открытую продают только диких лесных индейцев. Этот скот будет передан тому, кто оплатит их долги. Они должники, и сумма их долга — их рыночная цена. Видите ли, это частная сделка, и всякий, кто захочет мужчину или женщину, может выбрать и получить, если готов заплатить соответствующую цену!

Неужели сейчас идет 1907 год, или время отодвинулось назад на тысячу лет? «В открытую продаются только лесные индейцы!» Бесчеловечность подобной позиции возмущала правительство Боливии, тем более что оно не было в состоянии прекратить это безобразие, и вместе с ним возмущались все здравомыслящие люди.

Характерный случай произошел накануне моего возвращения в Риберальту — характерный для варваров, какими в сущности являются эти растленные работоторговцы, отребье Европы и Латинской Америки. Отряд охотников за рабами добрался до деревни племени торомона, очень смышленного народа, с которым отнюдь не трудно было бы наладить хорошие отношения. Пришельцы не понравились вождю племени, но тем не менее он приказал своей жене принести чичи в знак дружбы. Начальник отряда, опасаясь, что питье отравлено, попросил вождя выпить первым, что тот и сделал. В то время как вождь стоял с чашей в руке, раздался выстрел, и вождь упал замертво. Немедленно началась облава, и те из индейцев, кто остались в живых, были отправлены в Бени. Одной из женщин с новорожденным ребенком пуля попала в лодыжку, и она не могла двигаться. Тогда ее притащили к реке, посадили на плот и взяли на буксир. Когда белым на баркасе надоело тащить за собой плот, они перерезали канат и пустили плот по воле волн, предоставив женщине добираться до берега, как она сможет.

Винювники преступления открыто хвастались своими подвигами и гордились ими как «победой». Они похвалялись тем, что хватали детей за ноги и разбивали их черепа о деревья. В том, что такие ужасы происходили на самом деле, сомневаться не приходится. Я несколько не преувеличиваю — к сожалению! Назвать этих дьяволов зверями — значит, оскорбить существа, не наделенные свойством нечеловечности. Если б они

стыдились своих деяний, они могли бы привести в оправдание факт смерти нескольких работорговцев, отравленных чичей в отдаленной деревне. Но они увидели в этом случае лишь основание для мести, причем неоднократно.

Многие индейцы, которым навязывают цивилизацию, имеют золотые руки и очень сообразительны. В некоторых миссиях их научили ремеслам, и они хорошо работают; обладая от природы даром подражания, они легко осваивают языки, но быстро деградируют физически и морально.

Всякому терпению приходит конец. Не так давно людей отряда, посланного одной фирмой Риберальты в леса за рабочей силой, обнаружили искромсанными на мелкие куски в большой лодке, плившей вниз по течению. Из другой экспедиции, посланной за рабами по реке Гуапоре, вернулся всего лишь один человек; он лишился рассудка и глодал человеческую берцовую кость, на которой болтались клочья гнилого мяса. Отрадно слышать, что эти изверги получают по заслугам, и что касается меня, то мне их нисколько не жалко.

Недалеко от Риберальты один индеец-рабочий застрелил майордомо за какую-то его жестокость. Индейца схватили, связали лицом к лицу с убитым и оставили так на всю ночь, а утром дали тысячу ударов плетью. Здесь не проходило дня, чтобы кого-нибудь не пороли, и из своего жилища я слышал, как наказывали людей во дворе полицейского участка. Обычно жертвы выносили наказание с удивительной молчаливостью, если только — как бывало в особо серьезных случаях — не применялось *sapo china* (китайская лягушка). Это приспособление представляло собой раму, сделанную по принципу дыбы; жертву распластывали на ней лицом вниз, так что тело оказывалось подвешенным в воздухе, и в таком положении бичевали.

Наказание плетьюми, причем в гораздо более серьезной форме, было в ходу на Британских островах еще на памяти живущего поколения. Более того, формально возможность его применения все еще предусматривается кодексом наказаний, и постоянно раздаются голоса, требующие расширения сферы его применения. Если бы наказуемый мог выбирать между плеткой, какой секут в каучуковых областях, и той, что употребляется в наших тюрьмах, — нет никакого сомнения, какую из них он бы предпочел. Имея на своей совести усмирение жителей западноафриканских колоний, мы, менее чем кто-либо, в праве бросать камни в чужой огород. Кричать по поводу зверств, сопутствующих каучуковому буму, умалчивая о жестокостях, все еще легально санкционируемых в нашей собственной стране и укрытых от глаз общества, — значит, иметь весьма ограниченные взгляды.

Я должен опять подчеркнуть: то, что имело место в Боливии и Перу, не было узаконено их правительствами, а являлось произвольными действиями лиц, находящихся вне сферы действия закона и порядка. И какие бы жестокости там ни творились, они были ничто по сравнению с зверствами в Бельгийском Конго. Трудно представить себе удаленность такого места, как Риберальта. Тут не было ни телеграфной, ни какой-либо другой связи с Ла-Пасом или каким-нибудь другим местом: при самых благоприятных условиях до столицы можно было добраться лишь за два с половиной месяца.

Прибытие нового губернатора Бени дало мне возможность получить причитающиеся мне деньги при помощи казенных чеков на некоторые торговые дома. Губернатор был крайне изнеженный господин, весьма падкий на лесть, исключительно глупый, проводивший большую часть времени за туалетом. Смешно было видеть, как в открытой для всеобщего обозрения

комнате он с серьезным видом украшал свою кровать и другую мебель маленькими розовыми бантиками в угоду непривлекательной индианке, в которую он влюбился сразу же, как только ступил на берег. В своей роли «новой метлы» он стремился произвести хорошее впечатление, и, зная, что в непродолжительном времени его щедрость будет круто обуздана, я воспользовался моментом и действовал, пока не стало слишком поздно. Важность так и распирала его, так как однажды он занимал пост консула; при всяком удобном случае он намекал, что настоящее назначение являлось для него понижением и вызвано тем, что его способности возбудили зависть и злобу недругов в высших сферах.

Когда дули сурусу, в Риберальте наступало резкое похолодание, а однажды утром лужи на так называемых дорогах даже оделись тонкой пленкой льда. В таких случаях дождь лил не переставая три или четыре дня подряд, причем никто не имел подходящей одежды, чтобы защититься от холода. Внезапное падение температуры так и косило пеонов, одетых в хлопчатобумажные ткани, тем более что в этот сезон они то и дело справляли обрядовые праздники с плясками и выпивкой. Среди множества больных смертность была потрясающая, и «землееды» умирали один за другим.

Рабочие и их семьи часто становились жертвами странной болезни, при которой появлялось непреодолимое желание есть землю. Возможно, основной причиной болезни был какой-либо кишечный паразит. Во всяком случае в результате этой болезни набухало все тело, и человек умирал. Индейцы знали лишь одно средство против этой болезни — собачьи экскременты, но я не слышал, чтобы кто-нибудь поправился от такого лечения. Выли известны случаи, когда европейцы заболели этим недугом, но по большей части он поражал детей; истощенные тела и

чудовищно раздутые животы предвещали их судьбу. Один австриец, страдавший этой необычной болезнью, прибыл в Бени из Рейеса. Он был подобен живому скелету — только живот у него был страшно раздут — и являл собой отвратительное зрелище; вскоре он скончался.

Часы в Риберальте были редкостью, и никто не имел ни малейшего представления о времени, если только не находился в одном из малочисленных официальных учреждений. Делегация местных жителей обратилась ко мне с просьбой соорудить общественные солнечные часы, и я, отчасти ради развлечения, отчасти из желания отплатить за гостеприимство, согласился на это при условии, что меня снабдят необходимыми материалами. Когда часы были поставлены посреди площади и с них торжественно сняли покрывало, это событие послужило чудесным предлогом для упражнений в ораторском искусстве и необузданного пьянства. Делались даже предложения о сооружении над ними навеса, чтобы защитить от непогоды!

В ту же ночь я увидел, что вокруг часов собралась толпа, и подошел посмотреть, что там делается.

— Это жульничество! — произнес голос. Затем чиркнула спичка. — Поглядите, они совсем не показывают время. Дайте-ка мне еще спичку, попробуем снова. А еще лучше — принесите свечку.

— Иностранная эксплуатация! — проворчал другой. — Это все британский империализм!

— Нет, — сказал третий, — часы в порядке, я сам сегодня смотрел по ним время.

Мнения разделились за и против, разгорелся спор. Шум поднялся такой, что появился полицейский — узнать, что происходит.

— Дураки! — выпалил он, когда ему сказали, в чем дело. — Неужели вы не знаете, что надо дожидаться луны, чтобы можно было узнать время?

Три дня спустя солнечные часы были разбиты. Сторонники часов обвинили своих противников в акте саботажа; однако мое собственное мнение было иное — я подозревал в диверсии одного беспутного французского служащего местной фирмы: ему раньше предложили 50 фунтов за то, чтобы он соорудил такие часы, но он не справился с задачей.

В тот же день я сделал первую попытку выбраться из Риберальты, выехав в Рурренабаке на небольшом судне под названием «Монтария». Несмотря на мои протесты, хозяин нагрузил судно сверх меры, и, пройдя полмили выше по течению, мы наткнулись на песчаную отмель, перевернулись и едва не утонули. Судно было спасено, но хозяин отказался продолжать плавание, и мы были вынуждены возвратиться в Риберальту, где я прожил на старой квартире еще три недели, уже не веря в то, что мне когда-нибудь удастся покинуть это проклятое место. Казалось, Риберальта играет со мной в кошки мышки, дает мне поверить, что я свободен, а потом водворяет на прежнее место.

Надежда на спасение манила меня вновь и вновь, но затем гасла и оставляла меня в еще более угнетенном состоянии духа. У этой тюрьмы не было решеток, но от этого она не переставала быть тюрьмой. Злой гений этого места словно шептал мне: «Ты пришел, и ты останешься здесь навсегда! Ты, может, и убежишь, но недалеко, ты заколдован мною, и ты будешь возвращаться ко мне всегда и проживешь здесь всю свою ничтожную жизнь и здесь умрешь!»

Некоторые открыто обвиняли француза в том, что он уничтожил солнечные часы, и из этого вышла целая международная проблема. Произошло размежевание сторон. Имели место бурные антифранцузские и антианглийские демонстрации. Местная пресса — еженедельный листок с вздорными политическими претензиями — ринулась в драку и публиковала

передовые по этому поводу в самом помпезном стиле. Французский вице-консул дал банкет, подчеркнуто не пригласив англичан и их приверженцев. Это мало меня трогало, но другие английские резиденты сочли себя оскорбленными и на следующую ночь отплатили встречным банкетом высоко патриотического характера.

Помнится, пир затянулся далеко за полночь и стал плаксиво сентиментальным, когда керосиновые лампы, окруженные роями бившихся о стекла насекомых, начали показывать признаки истощения. Свет в лампах тускнел, мерцал, как вдруг раздался крик: «Кобра!» Что тут поднялось — трудно описать, и, прежде чем свет окончательно погас, все увидели в углу тень этой гадины^[89]. Кто взобрался на стулья, кто на столы. Несколько храбрецов вооружились палками и яростно атаковали змею. Она прыгала и извивалась под их ударами, и тут все покрылось мраком.

С улицы, где собралась половина населения города, сыпались всяческие советы. Изнутри слышались крики: «Огня! Скорей огня!» Змея могла быть где угодно. Один или два кутилы уже объявили, что она укусила их. Наконец был подан свет, мрак был разогнан, и змея оказалась — как вы и догадываетесь — веревкой!

В ярком свете следующего утра на лицах злокозненных французов и их приспешников было написано злорадное торжество, но не так-то легко было посрамить Альбион! Через день, когда вице-консул и его прихвостни собрались на баркасе «Кампа», направлявшемся вниз по реке в Эсперансу, на верхней палубе неожиданно появилась красно-черная змея! Настоящая змея, не то что кусок веревки!

Понятия не имею, к какому виду принадлежала та змея. Возможно, это был безвредный коралловый удав. Во всяком случае все немедленно обратились в паническое бегство, устремляясь на берег по двум шатким доскам, служившим сходнями. В

образовавшейся давке вице-консула столкнули в реку. «Берегись, пирайи!» — крикнул кто-то, когда он выплыл на поверхность. И француз, вопя от ужаса, поплыл к берегу, работая руками, словно гребными колесами. Зеваки, стоявшие на берегу, подхватили его, но — странное дело — он снова и снова падал в воду, крича, что пирайи срывают мясо с его ног! Наконец, здорово нахлебавшегося воды, покрытого с головы до ног грязью и плачущего, француза вытащили из реки и отнесли в хижину.

Похоже, звезды в то время способствовали обострению международных отношений, потому что, помнится, через ночь или две произошло генеральное сражение. Англичанин по фамилии Бумпус принимал одного перуанца у себя в доме и спрыскивал день 28 июля — национальный праздник Перу — пивом, самым дорогим из всех местных напитков. Присутствовало много гостей и среди прочих один молодой боливийский офицер по имени Самудио.

В самом разгаре пирушки вдруг появился клерк местной администрации, никчемный хлыщ, потребовавший, чтобы ему разрешили присоединиться к гостям, на что ему сейчас же ответили, чтобы он убирался восвояси. К общему удивлению, он отказался удалиться и так расхорохорился, что началась драка, и его сбили с ног. Его крики привлекли в дом майора, капитана и около тридцати солдат, развлекавшихся неподалеку в прохладительном заведении Виллиса. Они надели на Бумпуса и перуанца, державших сторону хозяина дома.

Майор приказал солдатам задержать Бумпуса, и он в ответ сейчас же хватил его кулаком по носу. Явившаяся полиция застала драку в полном разгаре и с интересом принялась наблюдать за ней. Бутылки, стулья, всевозможный мусор так и летали по комнате. Громкие возгласы, руготня и проклятия привлекли новых

зрителей, которые начали биться об заклад — кто кого. Ни сам Бумпус, ни кто другой из дерущихся понятия не имели о кулачном бое, и схватка ограничивалась шлепками, маханием рук и особенно пинками — ноги то и дело мелькали в воздухе. Беспорядки были подавлены, только когда на сцену явился внушительного вида полковник и арестовал майора и капитана. Потом я слышал, что наутро сержант и семеро солдат получили каждый по двести ударов плетью — грубая судебная ошибка, так как они лишь повиновались приказу.

Возможно, заметное увеличение потребления спиртных напитков объяснялось приближением 4 августа, дня национального праздника Боливии. Пять дней беспробудного пьянства закончились военно-спортивными играми на площади; горожане, пришедшие на них в полном составе, были оснащены бутылками, стаканами и даже бидонами из-под керосина, наполненными спиртным.

За исключением одной игры, называемой *compresabezas* (головоломка), в остальном программа интереса не представляла. Эта игра, трудная даже для трезвых, была невероятно забавной, когда игроки были нагружены качасой. Для *compresabezas* делался ящик треугольной формы, длиной в два ярда и свободно вращающийся на круглом железном бруске, укрепленном на двух стойках, отстоящих одна от другой примерно на семь футов. На одной стойке было укреплено маленькое сиденье, на другой — небольшой флаг. Смысл игры заключался в том, чтобы пройти по ящику и взять флаг. Трудность состояла в том, чтобы соблюсти равновесие, так как ящик легко перевертывался и игрок сваливался.

Из-за постоянных задержек отчаявшись когда-нибудь выбраться из Риберальты, я тем временем попытался оказать давление на *delegado* — губернатора, намекая, что могут последовать «официальные представления» и так далее. Это напугало его так

основательно, что тут же был найден и предоставлен в мое распоряжение бателон, на котором вместе со мною плыли в Ла-Пас служащий таможни и представительный полковник. Дэну тоже следовало бы ехать, но в данный момент он сидел в тюрьме, куда попал по настоянию Виллиса — да и не одного Виллиса — за долги, которые он наделал, чрезмерно увлекаясь спиртным. Англичане пришли проводить меня, а гарнизон явился на проводы полковника, и мы отвалили от берега в сизой дымке выстрелов, под прощальные крики, которые раздавались до тех пор, пока их не заглушило расстояние.

Полковник оказался отнюдь не идеальным попутчиком. Он был индо-испанский метис, но испанского в нем было разве что его имя; единственный его багаж состоял из старинного ночного горшка и ветхого, из искусственной кожи чемодана, который благополучно был забыт на берегу. Пропажа обнаружилась, когда мы подошли к какой-то барраке в двадцати пяти милях выше по реке, где нам и пришлось дожидаться, пока посланная за чемоданом лодка вернется обратно. Потом полковник устроился в «каюте» на корме, где и пребывал до конца пути — сорок пять дней.

Таможенный служащий, напротив, оказался весьма приятным человеком, но ни он, ни полковник не взяли с собой ничего съестного и потому уповали на мои запасы, состоявшие из скромного количества овсяных лепешек, нескольких мешков черствого хлеба и консервированных сардин. Овсяные лепешки их не интересовали, а остального хватило лишь на десять дней, после чего они принялись околачиваться у котла команды, однако без ощутительных успехов.

На второй день мы повстречали бателон, державший путь в Риберальту. Его хозяин, немец по имени Гессе, немедленно узнал в наших индейцах своих пеонов, завербованных обманным путем. Он разбушевался и

обвинил нас в том, что мы его ограбили, но ничего не мог поделывать. Наш шкипер смеялся ему прямо в глаза.

В барраке Консепсьон мне удалось достать немного продуктов, в том числе английское варенье, у жены местного управляющего. Такие вещи были редкостью в здешних краях, потому что английские заводчики решительно отказывались приклеивать на консервные банки этикетки на испанском языке, и их продукцию не покупали, так как никто не знал, что она собой представляет.

На третий день после отплытия из Консепсьона нас захватил сурусу и замедлил наше продвижение. Стало чертовски холодно, ветер хлестал воду с таким остервенением, что она вспенивалась, и вскоре река стала походить на волнующийся океан. Жизнь в лесах замерла, чувство мрачного одиночества охватило нас. Но ко времени нашего прибытия в Санто-Доминго солнце опять выглянуло, и мы воспряли духом, когда управляющий барракой сеньор Араус нагрузил наш бателон бананами, апельсинами и другими свежими продуктами.

— Очень сочувствую вам, что приходится плыть вместе с полковником! — сказал он так, что полковник прекрасно все слышал. — Я знаю эту пташку и отнюдь не завидую вам!

Вскоре бателон заставил нас встревожиться за свою безопасность, ибо оказался весь прогнившим. Опасения команды получили подтверждение, когда на шестнадцатый день коряга проткнула дно и сбила с ног нашу пассажирку, которая чуть не подавилась мухами — ее рот в это время был полон ими. Мы бы затонули, но нам кое-как удалось обрубить корягу и заделать дыру доской от ящика, которую мы приколотили гвоздями. Два человека были приставлены вычерпывать постоянно прибывающую воду. Спустя полчаса другая, еще большая коряга, целый ствол дерева, пробила заплату,

доказывая тем самым, что если молния никогда не ударяет дважды в одно и то же место, то корягам это дозволено! Ее тоже пришлось рубить топором, затем собрали у команды всю одежду, какая только была, заткнули ею зияющую дыру и приказали одному из людей сесть на нее. Наконец нам удалось благополучно достигнуть небольшой барраки Лос-Анхелес. Поскольку людей, способных заделать пробоину, не оказалось, мне пришлось самому заняться починкой. Я достал досок, приказал вытащить бателон на берег, прибил доски длинными гвоздями внутри и снаружи корпуса и плотно законопатил щели пальмовым волокном.

Отремонтированное судно служило нам до конца путешествия, хотя мы не раз с тревогой слышали, как коряги трут и скребутся о днище лодки, отчего полковник приходил в ужас. Как бы там ни было, он был благодарен мне за ремонт и выразил свою благодарность тем, что на следующий день, стащив из котла команды ногу дикого индюка и предварительно сняв с нее лучшие куски мяса, с поклоном предложил мне обглоданную кость.

Тем временем мы достигли поселения Кавинас в устье реки Мадиди. Я страстно желал отделаться от моих попутчиков, которые доводили меня до тошноты своими омерзительными привычками и нечистоплотностью. Негодная команда и нерадивый капитан сделали для меня путешествие таким несносным, что я решил попытаться достать мулов у священников миссии в Кавинасе и посуху добраться до Рурренабаке. Увы! Свободных животных у них не было. Оставалось продолжать путь на бателоне, и мне приходилось еще хуже, чем раньше, так как сделанная из сыромятной кожи подстилка на полу «кабины» насквозь промокла и издавала на горячем солнце такое зловоние, что оно забивало даже запах, исходивший от самого полковника.

Сухой сезон был в разгаре, и уровень воды в реке упал настолько, что целый лес коряг создавал исключительные трудности нашему продвижению. В одной из барраков, мимо которой мы проплывали, полковнику подарили ручную обезьяну. Она пользовалась его посудиною и прибавляла грязи в «кабине», однако полковник и слышать не хотел о том, чтобы выставить ее наружу. Потом я обнаружил, что он и таможенник пользуются моим чайником — они не то чтобы кипятили в нем воду, а пили прямо из его носика. Это вывело меня из душевного равновесия; если бы они попросили разрешения, я бы не отказал им, несмотря на болячки полковника. Но они даже не сообразовали сделать этого!

Так как установилась теплая погода, снова появились тучи маригуи. Одно из преимуществ сурусу состояло в том, что он хотя бы на время избавлял нас от насекомых. Теперь они вернулись и, стараясь наверстать упущенное, буквально сводили нас с ума, за исключением нашей пассажирки, в чей стол они вносили приятное разнообразие. Несчастья сыпались на нас одно за другим. Во время сильнейшей грозы обезьяна упала за борт, исторгнув у своего хозяина крик отчаяния. Чтобы ее спасти, мы гнались за ней милю вниз по течению, самым безрассудным образом прыгая по корягам. Когда гроза уже кончалась, раздался удар грома, словно грохнули из тяжелого полевого орудия, и молния ударила в реку не более чем в ста ярдах от нас, озарив все вокруг изумительным красным, желтым и голубым светом. Команда перепугалась до смерти, и всех пришлось напоить, чтобы они набрались духу следовать дальше.

В здешних местах вообще никакая команда не станет работать без спиртного. Алкоголь приводит их в движение так, как бензин двигает автомобиль, и, когда запасы спиртного кончаются, люди перестают работать

и отказываются двигаться. Наше «горючее» хранилось в кабине в жестяной банке вместимостью четыре галлона; запах из моего чайника давал мне понять, что полковник сам прикладывается к ней. Я подсчитал, что запаса спиртного нам хватит лишь в том случае, если мы перестанем ползти черепашьим шагом и будем идти нормальной скоростью. Я сказал капитану и дал понять, что было бы неплохо заставить людей лучше работать. Капитан тотчас же свалил вину за задержки на лоцмана.

— Это ложь! — возразил тот. — Если бы ты не был вечно пьян, ты мог бы лучше управляться со своими обязанностями.

Дело легко могло дойти до драки, но, к счастью, этого не произошло. Они лишь всячески поносили друг друга, причем жесточайшим оскорблением оказался эпитет «индио», и ссора ограничилась выкриками: «А ну, попробуй, ударь!», которыми обе стороны безуспешно провоцировали друг друга. Команда, разумеется, не могла остаться безучастной к такому событию, и бателон сносило вниз по течению без руля и без ветрил; развести спорщиков помогло лишь вмешательство высшего авторитета.

Вскоре после этой стычки мимо нас прошел бателон из Риберальты. Он пролетел так, словно мы стояли на месте, в результате чего новые иронические ремарки со стороны лоцмана чуть было не привели к возобновлению склоки.

Следующей постигшей нас неудачей был выход из строя одного члена команды. Отправляясь на берег за черепашьими яйцами, он наскочил на колючего ската, который тяжело поранил его. Возможно, осложнение было предотвращено тем, что на рану насыпали порох и подожгли — средство, несомненно, сильно действующее, зато весь остаток пути бедняга лежал на дне лодки и стонал. Другой человек лишился двух пальцев, которые отхватили у него пирайи в тот самый

момент, когда он стал полоскать в реке руки после снятия шкуры с обезьяны.

Берега реки изобиловали черепашьями яйцами, их было так много, что индейцы устлали ими все дно бателона, рассчитывая продать их в Рурренабаке. Задолго до того как мы туда прибыли, их передавили ногами, отчего еще один запах добавился к господствовавшему на лодке зловонию. Но полковнику все было мало, и он принес на борт чалоны — сушеной баранины, уже совершенно протухшей и кишевшей личинками. Однако хозяин высоко ценил свое приобретение. Я же теперь совсем не мог находиться в «кабине» и вытащил свой гамак наружу, решив плюнуть на москитов.

На судне началась лихорадка и инфлуэнца, девять человек команды выбыли из строя. Рабочих рук стало явно не хватать, и, с грехом пополам добравшись до Санта-Тересы — поселения, находившегося в четырех днях пути ниже Рурренабаке, мы стали на прикол, ожидая, когда наши люди поправятся. Какое наслаждение было сойти на берег — спастись от зловония, царящего на нашем судне, и снова вдохнуть чистый воздух!

Хозяин барраки, где я остановился, подробно рассказал мне о швейцарско-германской экспедиции против индейцев гуарайю в бассейне Мадиди, подтвердив все то, что я уже слышал о чинимых там зверствах. Передавали, что одна молодая девушка, спасаясь от преследователей, достигла берега реки и там была ранена пулей; когда она стала на колени у края воды, чтобы смыть кровь с лица и головы, ее застигли в этой позе и безжалостно прикончили. Один из гуарайю с храбростью отчаяния напал на отряд работорговцев в одиночку, имея лишь лук и стрелы, и был незамедлительно убит. Позже мне довелось познакомиться с индейцами гуарайю. Гнусные методы,

которые применяли против них эти трусливые мерзавцы, вызывали во мне чувство жгучего негодования, как и у всех порядочных боливийцев и других иностранцев, проживавших в стране. Очень жаль, что преступники остались безнаказанными.

Я решил ни за что больше не повторять это сорокапятидневное путешествие. По временам казалось, что ему не будет конца. Даже расстояние ничего не могло поделать с заклятьем злого гения Риберальты. В моих ушах явственно звучали прощальные слова губернатора, в которых было что-то смутно тревожное: «Очень жаль, что вы покидаете нас, майор. Ваша работа была в высшей степени ценной для Риберальты. Приходится сожалеть, что вы у нас не пожизненно заключенный!»

Но в конце концов пришел день, когда все было позади я от путешествия остались лишь гнетущие воспоминания. 24 сентября мы прибыли в Рурренабаке. Мои приятели гринго тепло встретили меня, а попав в отель, я снова вкусил все прелести городской жизни.

— Так, значит, вы побывали у дикарей, — грохотал управляющий отелем дон Пасифико. — Я тоже знаю дикарей. В свое время я собственноручно убил не меньше ста тридцати индейцев!

Это был громадный толстенный человек на маленьких ножках — непонятно было, как они могли поддерживать тяжесть такого тела, и одна мысль о том, что он мог кого-то убить, представлялась смехотворной.

Зато бандит Гарвей действительно был убийцей, но из него слова нельзя было вытянуть. Лишь основательно подвыпив, он делался общительным, и тогда его стоило послушать. Этот молчаливый рыжебородый человек не был хвастуном и без особой нужды никогда не распространялся о своем исключительном умении обращаться с шестизарядным револьвером. Он был подлинным представителем тех бандитов Запада

раннего периода, чья жизнь зависела от скорости перезаряжания и точности прицела. Подобно тем из них, кто вырос до появления самовзводных револьверов, он лишь «обмахивал» свой Смит-Вессон. Это означало, что вместо того чтобы для каждого выстрела взводить курок и нажимать на спусковой крючок, он держал крючок все время нажатым, а курок отводил молниеносными движениями ладони другой руки, словно махал веером. За его голову была уже назначена награда, но он ускользнул от техасских кавалеристов и бежал в Мексику, а оттуда проложил себе путь по перешейку в Южную Америку, оставляя за собой шлейф порохового дыма. Он знал каждый рудничный поселок на западном побережье, и его подвигов хватило бы на целую книгу.

Один раз после ограбления крупной горной компании в соседней республике Гарвея преследовал отряд солдат. Заманив их в удобное для себя место, он внезапно бросился на них с револьвером в руке и заставил поднять руки, прежде чем они успели взяться за винтовки. Собрав оружие, бросил его в реку и отпустил солдат, наградив их здоровенными пинками. В другой раз его загнали в тупик двадцать солдат. Он убил одного, подстрелил другого, который высунул голову из-за кустов, остальные побросали винтовки и бежали.

В последней стране, где ему довелось быть, за его доставку живым или мертвым была назначена награда в 1000 фунтов стерлингов; в Боливии не существовало закона о выдаче преступников, поэтому здесь он чувствовал себя в безопасности. Перебираясь через границу, он наткнулся на засаду из шести солдат, они забаррикадировали тропу и держали ружья на изготовку. Офицер приказал Гарвею сдаваться, он ответил огнем. Когда офицер упал, Гарвей стремительно бросился на баррикаду, всюю паля из револьвера. Еще один солдат упал. Остальные поспешно подняли руки.

— Мне было очень стыдно, — признался он. — Когда я обыскал их, оказалось, что у них нет ни одного патрона. Их патронташи были набиты бумагой!

С реки Мапери пришли несколько кальяпо, для обратного путешествия их разделили на отдельные плоты, и один из них без промедления предоставили мне. Бравые жители Рурренабаке устроили мне шумные проводы в свойственном им стиле, и моя команда, состоявшая из трех человек, отталкиваясь шестами, с отменной скоростью повела бальсу по реке. Я обещал людям не только по фунту стерлингов за быстрое плавание, но и сардины, сахар и спиртное в неограниченном количестве. Они все это честно заработали, быстро передвигая плот шестами, перетаскивая его через быстрины по пояс в воде — труд, который я разделял вместе с ними. Мы добрались до Уаная в рекордное время — за четыре с половиной дня.

Мой хозяин сеньор Саламон был глубоко проникнут чувством собственной значимости как коррегидора Уаная и был склонен к возлияниям по самым малейшим поводам. Он думал таким образом показать мне свое дружеское расположение, совершенно не подозревая, что я в рот не беру спиртного. Сеньор Саламон был столь же словоохотлив, сколь и гостеприимен, и более радушный прием, чем тот, который оказали мне он и его очаровательная жена, трудно себе представить.

Эпикурец по натуре, сеньор Саламон не считался с тем, по каким взвинченным ценам шли на рынке утки, и каждый день подавал утку на стол. В течение нескольких дней перед забоем несчастным птицам давали корм, пропитанный алкоголем, и, когда они блаженно пьянели, их усиленно поили чистым спиртом, что ускоряло, как выражался мой хозяин, их славную смерть. Он утверждал, что такая процедура улучшала аромат и вкус мяса. С этим я не мог согласиться, хотя охотно допускаю, что мой вкус был притуплён

воспоминанием о полковничьей чалоне и черепаших яйцах!

Здесь, в устье реки Типуани, каждый выглядел состоятельным, и поселение, по-видимому, процветало, что особенно поразило меня после длительного пребывания на далекой границе. Река была богата золотом. Всякий раз, когда Типуани разливалась — а это случалось весьма часто, — вода приносила много золота, которое осаждалось на отмели Уаная, и все жители принимались промывать его в тазах. Однако никто еще не разбогател таким путем. Река эта полна золота, однако внезапные наводнения не оставляют подстилающую породу достаточно долго обнаженной и закрывают доступ к металлу. Вплоть до рудников Санто-Доминго на реке Инамбари и даже дальше на север вся местность насыщена золотом, но мыть его здесь — опасное дело. Я слышал о четверых старателях, которые работали на богатой золотом речке за Санто-Доминго. Сначала они соблюдали осторожность, опасаясь индейцев, которые находились поблизости, но так как время шло и ничего не случилось, они ослабили бдительность. Нападение произошло ранним утром. Трое были убиты, четвертый был тяжело ранен и едва спасся, бросив на месте добытое с таким трудом золото.

Интересные новости передавали о Чальяне. Бывший капитан, по имени Веларде, ставший местным вождем, убежал в Ла-Пас после того, как получил 5000 фунтов стерлингов от одного синдиката за право владения областью Чальяна. Узнав о сделке, население потребовало кровавого возмездия предателю, но тот уже был вне пределов досягаемости. В Уане его знали все. Шесть лет он был вождем и за время пребывания у власти сколотил себе недурное состояние.

Появление каравана мулов из Сораты возродило мои надежды на скорый отъезд. Но они угасли, когда из Рурренабаке прибыл полковник — я боялся, как бы он не

реквизировал животных в служебных целях. Я немедленно снесся с погонщиком и намекнул ему, что мулы могут быть реквизированы без всякого возмещения. Для него гораздо выгоднее предоставить их мне во временное пользование, а я дам ему задаток в половину цены.

— Ладно, сеньор, тогда не будем ничего говорить и отправимся в путь прежде, чем кто-нибудь прознает о наших планах. Завтра на заре все будет готово.

Животные были малорослые, а я весил почти двести фунтов; но эти мулы способны творить чудеса. Я заметно ослаб после длительного прокисания на бателоне, и потребовалось несколько дней, чтобы я снова вошел в форму.

После двухдневного перехода по ужасающим горным тропам, головокружительных подъемов и крутых спусков мы пришли в селение Сан-Хосе, через которое проходила тропа на Мапири. Здесь я остановился у сеньора Пеньялоса, сына англичанина, переименовавшего фамилию. Он выглядел испанцем и не говорил по-английски, но у его сына были белокурые волосы и голубые глаза. Истории о зверствах достигали даже таких глухих уголков, как Сан-Хосе. Запомнился рассказ об одном немце, который несколько лет назад эксплуатировал каучуковый участок недалеко от Мапири. Это был «массовый» убийца. Всякого сборщика каучука, который был ему больше не нужен, он убивал, давая жертве перед казнью возможность пить все, что ее душе угодно. Щедрыми посулами он переманил к себе 300 пеонов из департамента Арекипы в Перу, давал им каждое утро водянистый суп и чашку кофе и отправлял в лес собирать каучук. Они понятия не имели об этой работе и почти все до одного заболели. Но он не отпускал их, а особо тяжело больных приканчивал. Таким образом он убил сорок или пятьдесят человек. Остальные сумели бежать, кто в леса, кто в сторону

Аполо, откуда в конце концов можно было добраться до Перу. Немца обвинили в зверствах, но тем не менее он не понес никакого наказания. Он окружил себя телохранителями и продолжал наживаться за счет труда своих полуголодных рабочих. Отрадно сообщить, что в конце концов какой-то индеец, охваченный жадной мести, улучил момент, когда охрана зазевалась, и пристрелил его.

В разгар каучукового и золотого бума на Мапири обосновался один доморощенный банкир. Каким-то образом ему удалось снискать всеобщее доверие и глубокое уважение в качестве передового представителя цивилизации. В нем видели маяк добропорядочности среди тьмы беззакония. Кончилось тем, что «маяк» исчез с 20 000 боливиано (1600 фунтов стерлингов), и его больше никогда не видели.

Какими цивилизованными выглядели эти места после путешествия в леса! Настоящий хлеб казался пищей богов, культурно приготовленная еда, подаваемая на тарелках вместе с вилкой и ножом, была как золотая мечта, сбывающаяся наяву. Путь от Монтаньи до Альтиплано, который пятнадцать месяцев назад казался таким трудным, теперь представлялся увеселительной прогулкой. И хотя я остро ощущал холодок высокогорья, он был ничто по сравнению с леденящими сурусу лесных районов. Сората с ее настоящими домами казалась совсем большим городом, а Ла-Пас просто ужасал своими удобствами и роскошью. 17 октября бородатый бродяга, дочерна обожженный знойным солнцем тропиков и ослепительным блеском снегов, показался на крутых улицах столицы, трясясь верхом на резвом муле, который прыгал и шарахался в сторону при виде карет и трамваев. Люди останавливались и указывали на него пальцем, хотя немало перевидали бродяг, явившихся из диких краев. Бритье, хороший обед, глубокий сон на настоящих

простынях и европейская одежда наутро снова преобразили меня из лесного дикаря в белого человека.

Я вручил карты и отчеты президенту Боливии генералу Монтесу, и мне тут же предложили провести демаркацию границы с Бразилией по реке Парагваю. Возможность заняться дальнейшими исследованиями весьма привлекала меня, так как это означало снова отправиться в неведомые края, но надо было испросить разрешение Лондона продолжить здесь службу. Если мое начальство в Англии изъявит свое согласие, сказал я, то мне такая работа доставила бы только удовольствие.

— У меня осталось восемьсот фунтов стерлингов казенных денег, мой генерал, — сказал я президенту. — Следует ли вернуть их в казначейство?

— Ни в коем случае, — ответил он. — Возвращать сейчас деньги было бы неудобно. Окажите мне любезность, примите половину этой суммы, а другую отнесите в счет вашей поездки на реку Парагвай.

Все неприятности, связанные с получением денег, кончились с началом экспедиции в район Бени. Правительство выразило удовлетворение быстрым завершением работ. Министры и прочие ответственные лица в Ла-Пасе проявляли ко мне исключительную предупредительность. Если я нуждался в наличных деньгах, президент давал распоряжение казначейству, оно вручало мне чек, и банк тут же выдавал деньги. Все происходило в течение одного часа. Со своей стороны я старался не оставаться в долгу перед лицом такой предупредительности и делал все возможное, чтобы предотвратить пограничные конфликты, как только получил новое назначение и принялся за работу. Когда я думаю о месяцах торговли с английским казначейством по поводу нескольких шиллингов или какой-нибудь жалкой суммы на путевые расходы, я вспоминаю Боливию. Мои соотечественники любят отзываться о

Латинской Америке как о «стране завтраков». Но в таком случае, что можно сказать о неповоротливых английских чинушах с их излюбленной фразой: «На следующей неделе»?

Впереди у меня была чудесная перспектива возвращения на родину. На данный момент я был сыт джунглями, и мои мысли были заняты предстоящим путешествием к побережью; я думал о морском переезде, во время которого ничего не надо будет делать, об Англии с ее смешными маленькими деревьями, опрятными полями и бутафорскими деревьями, о моей жене, четырехгодовалом Джеке и недавно родившемся Брайне. Мне хотелось забыть о зверствах, о рабстве, убийствах и ужасных болезнях и снова взглянуть на почтенных старых дам, чьи понятия о пороке ограничиваются неблагоразумными поступками такой-то и такой-то горничной. Мне хотелось слушать ежедневную болтовню деревенского священника, беседовать о погоде с деревенскими жителями и читать за утренним завтраком свежую газету. Короче говоря, я хотел быть таким, как все. Копаться в саду, рассказывать ребятишкам сказки на ночь, а потом укрывать их потеплее одеялом, сидеть у огня рядом с женой, занятой штопкой белья, — я тосковал по всему этому больше всего. Я ничего не имел против того, чтобы вернуться в леса и провести новую топографическую съемку на границе, но если мое правительство откажется продолжить срок моей службы здесь, — что ж, в конце концов, может, это и не так уж плохо.

Я провел рождество на родине. Благодатная английская зима прошла быстро и гладко, словно Южной Америки никогда и не существовало. Но где-то в глубине моего существа все время звучал какой-то тоненький голос. Поначалу едва слышный, он набирал силу, и скоро я не мог больше его игнорировать. Это был

зов диких, неведомых мест, и я понял, что отныне он будет всегда жить во мне.

Мягким январским вечером мы стояли в саду в Долиш Уоррене; казалось, уже наступила весна, если бы не голые деревья и безжизненно черные живые изгороди. За песчаными дюнами сонно бормотало беспокойное море, изредка доносился грохот проходящего поезда. Потом слышались другие звуки. Кто-то в соседнем доме слушал граммофон и открыл окно — подышать свежим воздухом. Пластинка была «Estudiantina».

Мгновенно меня перенесло назад в леса Акри. Передо мной медленно текла река, в сиянии заката похожая на расплавленное золото. Вокруг меня с угрозой сомкнулись темно-зеленые стены леса, и мне казалось, что 600 миль дикой чащи отделяют меня от цивилизованного мира. Я снова там, где признается лишь один закон — плеть и ружье, а найти забвение можно только в вине. Словно острая боль тоски по родине пронзила меня, и, к собственному своему удивлению, непостижимо как, я осознал, что люблю этот ад. Он снова держал меня в своих сатанинских объятиях, и я хотел опять видеть его.

6 марта 1908 года я сел в Саутгемптоне на пароход «Эйвон», направлявшийся в Буэнос-Айрес. На борту ко мне присоединился мистер Фишер, мой новый помощник. Жена и Джек приехали проводить меня, и, когда береговой колокол прозвонил, они спустились по трапу на пирс, унося с собой часть моего сердца. Мука нового расставания была горька и жестока, но что-то толкало меня, толкало настойчиво, неотвратимо — туда, вдаль, на запад...

Глава 10

Отравленный ад

Пожалуй, каждому человеку хоть раз в жизни смерть взглянет прямо в глаза и пройдет мимо. О путешествующих по джунглям она не забывает ни на миг. Она подстерегает их во многих обличьях, большей частью страшных, в других случаях внешне безобидных, и невзрачных, но оттого не менее роковых. Раз за разом сцепление обстоятельств приводит человека на край пропасти и в последний момент останавливается. Вот летит стрела, она отклонилась на дюйм в сторону, запоздала на мгновение — эти мелочи решают судьбу путника.

Я мог бы привести множество случаев из опыта моих путешествий по рекам Бени, Акри и Абунану, когда моя жизнь висела на волоске. Каждый раз меня могла постичь ужасная смерть, неистовая и внезапная, мы бы сказали — безжалостная. И все-таки внезапная смерть, несмотря на сопутствующий ей миг ужаса и агонии, наступает так быстро, что, если взглянуть на дело разумно, она-то и есть самая милосердная. Это особенно справедливо, если сравнить ее с медленной голодной смертью. Вот почему я считаю, что никогда я не был так близок к смерти, как в 1908 году, когда мы застряли в отравленном аду реки Верди в восточной Боливии.

Когда я впервые увидел огромную столицу Аргентины Буэнос-Айрес — Париж Южной Америки, она не произвела на меня особого впечатления вопреки всем своим великолепным магазинам и авеню. Какая-то атмосфера порока окутывала это место. Оно дышало богатством, архитектура была пышной, но безвкусной. Шумные улицы были чистые, но узкие, скверно распланированы и, за исключением основных

магистралей, перегружены гужевым транспортом. Не красили город ни вид устья Ла-Платы, ни плоские, малоинтересные окрестности. Женщины, следуя французской моде, прекрасно одевались. Ни в одном южноамериканском городе я не видел таких красивых женщин. Пресловутый «Жокей-клуб» оставил меня равнодушным. Просто обидно было, что столько денег расточалось на такое пошлое украшательство. Качество пищи было весьма посредственным, несмотря на крайне вздутые цены.

Возможно, мои первые впечатления были бы более благоприятными, если бы наш багаж меньше пострадал при выгрузке с парохода. Все швырялось на длинный спускной лоток и с треском вылетало на каменную набережную. Ящики с точными инструментами приземлялись с таким стуком, что у меня сердце кровью обливалось; никакие мольбы быть поосторожнее не помогали.

С багажом остальных пассажиров обращались таким же образом. Коробки с элегантными дамскими шляпами расплющивались под тяжестью металлических ящиков; у тучных чемоданов лопались застежки, и из их внутренностей извергались принадлежности дамского туалета, которые тут же со смехом подхватывались и выставлялись на всеобщее обозрение портовыми грузчиками и носильщиками. Я заметил одну даму, стоявшую около своего погибшего гардероба, — бедняжка была вся в слезах.

Когда нагромождение ящиков и беспорядочно валявшихся вещей было разобрано и отправлено к таможне, стоило только поднять шляпу и сказать несколько вежливых слов таможенным чиновникам — и все формальности разрешились небрежным жестом и таинственной отметкой мелом на багаже; затем несколько итальянцев с видом разбойников бросились к багажу, подхватили его и доставили в отель, где за

самые скромные номера назначалась цена, способная разорить посла какой угодно страны!

Не могу понять, почему Британское адмиралтейство посылает с визитом доброй воли в латиноамериканские республики свои самые захудалые корабли. Над ними здесь только смеются. Трудно произвести впечатление превосходства на море, когда визит наносит судно, уступающее по размерам военным кораблям страны-хозяина, и в особенности, когда через месяц-другой появляется соединение линейных кораблей Соединенных Штатов, первоклассный итальянский крейсер или германский дредноут. Когда мы прибыли в Буэнос-Айрес, в порту стоял корабль его величества «Карлик» — малюсенькая, совершенно не представительная канонерская лодка. Лица, которые распоряжаются такими назначениями, очевидно, не отдают себе отчета в том, что наш национальный престиж в этих странах всецело зависит от того, какое впечатление мы здесь производим, поэтому визиты столь незначительных военных судов приносят больше вреда, чем пользы. В этих случаях английские резиденты часто попадают впросак и вынуждены выкручиваться как могут. Над «Карликом» без конца подшучивали, и можно было слышать множество ссылок на историю с Фолклендскими островами — Мальвинами^[90], как называют их в Аргентине, из-за которых она предъявляет главную претензию к «британскому империализму».

На этот раз мы привезли с собой полный комплект необходимых для работы инструментов, вполне достаточные запасы, массу всевозможных принадлежностей и шампанское для увеселительных целей. Кроме того, я имел при себе 1000 фунтов стерлингов золотом в качестве первого взноса, согласно условиям договора с правительством. После двух недель

роскошной жизни в Буэнос-Айресе мы сели на речной пароход, идущий в Асунсьон — столицу Парагвая.

У компании «Миханович Лайн» были хорошие пароходы, которые редко ходили перегруженными. В любую погоду — плохую и хорошую, ночью и днем их суда следовали до Асунсьона и обратно; ничто не должно было нарушать расписание, даже революция. Если судно было в движении, лоцман никогда не спал. Он инстинктивно чувствовал русло и фарватер, так как никаких сигнальных знаков не выставлялось, мог точно определить характер ложа реки, где бы судно ни находилось. Он никогда не смущался блуждающими отмелями и редко сажал судно на мель. По приходе в порт лоцман ложился спать и спал сорок восемь часов подряд, а то и больше, научившись за долгие годы службы спать впрок. Лоцманам платили от 30 до 40 фунтов в месяц, — пожалуй, немного, принимая во внимание специфику их работы.

У Росарио река Парана расширяется, образуя просторный плес; в порту находились шестьдесят пароходов и множество парусников. Город, насчитывавший 150 000 жителей, ведет широкую торговлю, так как имеет развитую промышленность и окружен плодородными, отлично возделанными землями. Виллы богачей на окраинах города говорили о нажитых состояниях.

Через четыре дня мы достигли Асунсьона — города хронических «революций». Стены домов рябили пулевыми отметинами; снаряды полевого орудия допотопного образца оторвали угол у здания, стоявшего на главной улице, и его владелец, по-видимому, не видел особого смысла в ремонте дома. Это был город индейцев и метисов, говорящих на гуарани, языке «воинов»^[91]. И у них были достаточные основания называть себя воинами, ибо они много раз показали себя таковыми в войне против Бразилии, во много раз

сократившей мужское население Парагвая^[92]. Может быть, это обстоятельство объясняет, почему женщины в Асунсьоне эмансипированы более чем где-либо.

Война с Бразилией до сих пор жива в памяти парагвайцев, и под внешним спокойствием отношений все еще тлеет глубоко затаенная ненависть, подобно чувствам, обуревающим перуанцев в отношении чилийцев. И солдаты бразильской армии из мулатов, и парагвайцы из гуарани были способны на зверства, как только ослабевала дисциплина. Любимая их «игра» состояла в «кормлении рыбок». Привязанного к столбу военнопленного погружали в реку до пояса и делали на животе небольшой надрез. Кишачие в реке Парагвае и ее притоках пирайи довершали остальное.

В Асунсьоне мы еще раз столкнулись с неисследованной частью Южной Америки, так как Чако, без сомнения, еще недостаточно хорошо известно, и не все живущие там индейцы знакомы с цивилизацией. Одна деревня, основанная иезуитами, церковь и все остальное было захвачено индейцами, которые упорно отказывались допускать туда цивилизованных людей. Как мне думается, вести исследования в этой ровной и сухой стране было бы не особенно интересно, к тому же и трудно из-за засух зимой и наводнений летом.

Индейцы Чако до сего времени сохраняют предание о белых людях в латах, чьи груди оказались непробиваемы для их стрел. Они знают и крест как символ, оставшийся от древних времен^[93]. В Парагвае жива легенда о происхождении индейцев от какого-то многочисленного народа, однажды колонизовавшего этот край; однако эта легенда характерна не только для парагвайцев, но и для всех племен тупи.

Битком набитый грязный колесный пароход, называвшийся «Фортуна», повез нас вверх по течению реки Парагвай, почти до самого подножия плато Мату-Гросу. С палубы местность представлялась плоской и

неинтересной. То там, то здесь показывались индейцы Чако — племен ленгуа и чамакоко. Они выходили из своих обиталищ посмотреть на свет и поработать. Эти люди, на вид вполне мирные, на своих землях могли оказаться не совсем безвредными.

В реке Парагвае водятся пресноводные акулы, огромные, но беззубые; говорили, что они иногда нападают на людей и проглатывают их. Здесь рассказывают о другом речном чудовище, не то рыбе, не то бобре, которое за одну ночь может оторвать огромный кусок речного берега. Индейцы сообщают о следах какого-то гигантского животного, которые они замечали в районе прилегающих к реке болот, но признают, что самого животного никогда не видели. В существовании пресноводной акулы сомневаться не приходится, что же касается других чудовищ, то тут можно заметить, что на этом таинственном континенте еще предстоит обнаружить много удивительного, и если здесь все еще могут существовать странные, неописанные насекомые, рептилии и небольшие млекопитающие, то почему бы здесь не быть и каким-нибудь гигантским чудовищам, остаткам вымерших видов животных, в безопасности доживающих свой век в обширных неисследованных болотах? Ведь и на Мадиди в Боливии обнаружены следы огромных животных, и тамошние индейцы также рассказывают о гигантском существе, которое временами наполовину показывается из болота. Господин Сесиль Гослинг, в 1908 году бывший британским консулом в Асунсьоне и ставший первым посланником в Ла-Пасе после возобновления дипломатических отношений с Боливией, показал мне странное насекомое зеленовато-серого цвета, по виду похожее на саранчу. Его нижние крылья имели павлинью расцветку, а голова и грудь были точь-в-точь как у крокодила! Возможно, такая страшная наружность служила ему для отпугивания врагов.

Мне рассказали о пещере поблизости Вильяррика в верховьях Параны, где можно увидеть удивительные рисунки и надписи на неведомом языке. Это вызвало у меня целый ряд мыслей; отдельные сообщения и старинные легенды, слышанные мной от индейцев, сборщиков каучука и бродяг из числа белых, казалось, составили единую мозаику, в которой уже прощупывался какой-то общий смысл.

Возможно ли, размышлял я, что помимо инков на этом континенте существовали другие древние цивилизации, что сами инки произошли от более многочисленного и шире распространенного народа, чьи следы, пока еще не обнаруженные, могут быть со временем найдены? Что можно сказать о Тиауанаку, Ольянтайтамбо и Саксауамане? Эти поселения построили не инки. По мнению специалистов, они уже существовали к тому времени, когда инки покорили Перу. Возможно ли, что где-то в неведомых глубинах Южной Америки все еще живут потомки древней расы? А почему бы нет?..

Семя было брошено. Подсознание удобрило почву здесь легендой, там случайно услышанным рассказом, и незаметно для меня семя пустило прочные корни. В это время я был всецело поглощен работой на границе, и лишь когда она была почти закончена, я вдруг обнаружил, что из семечка археологического любопытства вырос цветок.

На границе между Бразилией и Парагваем можно встретить растение, называемое на языке гуарани каахе-ех. Высота его около восемнадцати дюймов, его небольшие ароматные листья на вкус в несколько раз слаще обыкновенного сахара; оно вполне заслуживает изучения. Там же встречается и другое растение, называемое ибира-гьюкич, тоже невысокое, но листья его соленые. Нетрудно себе представить удобства, которые они доставляют жителям этого района!

Отчетливо вырисовывающиеся колонны комаров — любопытная черта реки Парагвая. Густая, кружащаяся вихрем масса этих насекомых образует на каждом берегу столбы высотой от тридцати до шестидесяти футов^[94]. При заходе солнца они рассыпаются, и в течение часа жизнь всех находящихся поблизости становится невыносимой. Именно в этот час комары кусают свирепее, чем когда-либо; в других внутренних областях дело обстоит таким же образом. Однако ночью, хотя они вообще никогда не оставляют вас своим вниманием, их атаки становятся несколько умереннее.

Островки холмов, резко выступая из болот, указывали на близость Корумбы, бразильского речного порта, который являлся пунктом нашего назначения. Шесть месяцев в году весь район представлял собой одно огромное озеро, за исключением нескольких мест, где берега реки на один-два ярда возвышаются над уровнем наивысшего стояния воды. В полутора тысячах миль от эстуария Ла-Платы высший уровень реки в дождливый сезон оказывается меньше чем на четыреста футов над средним уровнем моря, что дает представление о том, какая плоская эта часть страны!

Бразильская комиссия по определению границ торжественно встретила нас на борту парохода. С комиссией прибыл и командующий местным гарнизоном, в кают-компании полилось шампанское. В городе было около тысячи двухсот солдат, имелся и небольшой морской док. К нам присоединилось несколько морских офицеров, исключительно милые люди, можно сказать, цвет бразильской нации. Город был недурен, имел хорошие отели, магазины, мощные улицы, была тут и какая-то светская жизнь. Вскоре мы стали сожалеть, что не взяли с собой приличной одежды, так как в нашем рабочем снаряжении мы чувствовали себя крайне неудобно. Виноват во всем был наш боливийский секретарь. В своем патриотическом рвении он описал

нам этот город как захолустный пограничный поселок. Я приехал, ожидая увидеть что-нибудь вроде Рурренабаке или Риберальты, а вместо этого попал в хорошо развитый город с отлично одетой публикой.

Низменная болотистая равнина, на которой расположена Корумба, — рай для змей. Анаконды здесь совершенно обычное явление. Крупные экземпляры — к счастью редко встречающиеся, — как говорят» иногда нападают по ночам на рогатый скот и даже выхватывают людей из лодок. Обычные размеры анаконд — от пятнадцати до тридцати футов, но особо крупные экземпляры бывают вдвое большей величины, а то и еще длиннее. Издаваемые ими необычайные звуки можно слышать по ночам — в обычное время их кормежки^[95]. Бразильцы утверждают, что здесь даже ядовитые змеи подражают зову птиц и небольших животных, чтобы заманить к себе добычу. В этих местах люди обычно носят небольшие мешочки с сулемой, полагая, что она отвращает змей и заставляет их держаться на некотором расстоянии. В каждой деревне имеется запас противозмеиной сыворотки и шприцев, готовых к немедленному использованию.

Здесь снова я услышал рассказы о белых индейцах.

— Я знаю человека, который встретил такого индейца, — сказал мне британский консул. — Эти индейцы совсем дикие, и считается, что они выходят только по ночам. Поэтому их зовут «летучими мышами».

— Где они живут? — спросил я.

— Где-то в районе потерянных золотых приисков Мартириус, не то к северу, не то к северо-западу от реки Диамантину. Точное их местонахождение никому не известно. Мату-Гросу — очень плохо исследованная страна. Насколько известно, в гористые районы на севере еще никто не проникал; все экспедиции, которые туда направлялись, не возвращались обратно. Да, что и говорить, это гиблое место. Помяните мое слово — Мату-

Гросу никогда не будет исследована пешим образом, как бы велики и хорошо экипированы ни были экспедиции.

Возможно, лет через сто летающие машины смогут это сделать, кто знает?

Его слова были полны для меня особого смысла и глубоко запали мне в душу.

Нет необходимости описывать топографическую съемку на границе. Она интересна лишь случайными происшествиями, а не своей однообразной, скучной, будничной работой. Мой предшественник не был большим мастером своего дела, и, когда комиссия по демаркации собралась здесь в прошлом году, он оказался неспособным справиться с заданием, несмотря на все свои громкие заявления о своих успехах на этом поприще в Африке. Бразильцы — славный народ, но вовсе не спешат браться за работу засучив рукава. Скорее даже всякого рода активность вызывает у них явное неодобрение. Мне предстояло закончить работу, и я был намерен проделать ее без всякого промедления.

Граница Боливии шла по береговой линии озера Касерес, и она имела там навигационные огни у пограничного знака. Ни солдаты, ни пеоны не соглашались становиться лагерем вблизи этого места из страха перед появлявшимся каждую ночь привидением. Оно будто бы бродило по лагерю и поднимало страшный переполох. Мы не смогли найти объяснения этому явлению, но что это так, сомневаться не приходилось.

Пуэрто-Суарес — ближайшая боливийская деревня — представляла собой кучку жалких, крытых пальмовыми листьями лачуг, в которых ютились проспиртованные обитатели. Деревня находилась в семи милях от Корумбы, в западном углу озера Касерес. Шесть месяцев в году она была отрезана от остального мира наводнением и своим существованием была обязана контрабандной торговле с городом, которая велась по ночам. Боливийцы возмущались, когда сравнивали

убожество Пуэрто-Суареса с относительной роскошью Корумбы и отказывались признавать между ними какую-нибудь разницу. Местность около Пуэрто-Суареса изобиловала змеями, самые страшные из них были гремучая змея и сурукуку, или бушмейстер^[96]. Не берусь утверждать, будто я сам слышал, чтобы эти ядовитые виды змей издавали какие-нибудь звуки, но местные жители решительно утверждают, что змеи умеют довольно успешно подражать зову птиц и таким образом привлекают их, о чем я уже упоминал.

Гремучие змеи обычно встречаются спутанными в клубки по полдюжине штук в каждом; их укус смертелен — смерть наступает вследствие кровотечения из носа. Бушмейстер — необыкновенно агрессивная змея и нападает на человека, даже когда ее не тревожат; один ее укус быстро вызывает смерть, но эта тварь продолжает жалить до тех пор, пока не исчерпает весь свой яд.

К началу июля мы закончили всю работу, которую необходимо было выполнить в окрестностях Корумбы, и нам осталось лишь уточнить границу дальше на север по реке Гуапоре. В 1873 году пограничная комиссия ошибочно приняла за исток реки Верди совершенно другой ручей, а согласованная граница шла как раз по реке Верди. Но в этом-то и заключалась вся трудность — никто никогда не поднимался по ней, ее течение было нанесено на карту наобум. Было сделано предложение пройти по ней пешком и установить другую пограничную линию — такую, которая была бы менее выгодна для Боливии. Так как меня, исследователя по натуре, всегда привлекал риск, то и в данном случае я решил взять на себя выяснение запутанных обстоятельств этого дела. Роковое решение! Если б я только знал, на что иду, возможно, Верди и по сей день оставалась бы неисследованной.

— Что вы скажете по этому поводу? — спросил я Фишера. — Вы пойдете со мной?

— Да. Но не думаете ли вы, что это будет не совсем обычное дело — некий прецедент? Ведь по договору мы вовсе не обязаны делать этого!

— Если мы не выполним эту работу, местная граница навсегда останется яблоком раздора. Согласен, что по условиям договора мы не обязаны исследовать реку. Но ведь так хочется сделать все наилучшим образом, и так интересно первым проникнуть туда, куда до тебя никто не посмел сунуться. Кроме того, я совершенно не намерен месяцами торчать в Корумбе без дела.

Все необходимые приготовления были закончены. К нам присоединился один шотландец, местный поселенец с боливийской стороны по имени Уркварт, и с шестью пеонами мы отправились вверх по реке на баркасе комиссии. Бразильцы были в восторге. Если бы удалось точно проследить течение реки, отпала бы необходимость в сложных и, возможно, связанных с горячими спорами мероприятиях по определению новой пограничной линии. Вот почему они так горячо благословили наше начинание.

Пройдя сто восемьдесят миль вверх по течению, мы достигли скотоводческого ранчо Дескалваду; там мы наняли повозки для доставки груза и провизии по суше до боливийской деревни Сан-Матиас, где я надеялся добыть вьючных животных для дальнейшего путешествия. Поездка прошла без приключений, хотя мы очень опасались встречи с черной пантерой в месте, называемом Баия-де-Пьедра. Страх перед этим животным обезлюдил район на многие мили вокруг, так как свирепость и огромная сила пантеры заставляли бояться ее гораздо больше, чем ягуаров^[97]. Даже награда за ее шкуру, которая стоила в двадцать раз больше, чем ягуаровая, не могла побудить местных охотников на риск встречи с ней.

Так как префект Санта-Круса, в соответствии с президентской инструкцией, предупредил местные власти в Сан-Матиасе о необходимости оказывать всяческое содействие комиссии, покупка животных была крайне облегчена. Коррехидор^[99] был энергичный, способный человек, ему помогали *teniente*^[100] и дюжина солдат. Но что за место был сам Сан-Матиас! Население, в основном индейцы, держалось на спиртном, рогатый скот из Дескалваду совершал здесь потравы, и между индейцами и гаучо Дескалваду шла вечная война. Один служащий в Сан-Матиасе, сумасброд бельгиец, живший в непосредственной близости от Дескалваду, имел обыкновение стрелять в индейцев со своей веранды только для того, чтобы позабавиться их корчами! Говорят, что управляющий фермой, тоже бельгиец, столь жестоко обращался с индейцами, что они бежали от него в Боливию. Что и говорить, тут проливалось много крови, и каждый хвастался тем, что кого-то убил. Один местный житель был знаменит тем, что зарубил топором двух людей во время сна.

У каждого мужчины висел на бедре револьвер, а где-то под одеждой был спрятан нож, но тем не менее все были гостеприимны и любезны к нам, хотя находились обычно в нетрезвом состоянии. Если не считать разбойничьего характера жителей, основной отличительной чертой Сан-Матиаса были известняковые пещеры Серро-Ботурема.

О них ходили самые невероятные рассказы, большей частью сверхъестественного свойства, ибо там, где человеческую жизнь ставят ни во что, суеверия особенно распространены. В числе прочих шел слух о внутripещерных водоемах с пресной водой, в которой по временам было полно рыбы, а временами рыба исчезала, хотя никакого выхода для нее не существовало.

Поросшая сорняками площадь деревни была усеяна пустыми бутылками, консервными банками и гнилыми бананами. Угрюмые индейцы сидели на корточках в тени глинобитной церкви, чья покосившаяся колокольня отстояла от основного здания на десять ярдов. Боливийцы из белых, явно не зная чем заняться, сидели развалившись на ветхих стульях, стоявших на порогах их жилищ наполовину на солнце, наполовину в тени. Из помещения «гарнизона» — хижины, где размещались двенадцать солдат, — раздавалось бессмысленное дудение в сигнальную трубу, что, по-видимому, должно было создавать видимость военной готовности, которая никого не обманывала. Насколько я мог судить, никто тут не работал. Это место производило настолько удручающее впечатление, что я готов был простить его жителям огромное потребление спиртных напитков. Нам очень хотелось убраться отсюда, и мы с нетерпением ждали, когда можно будет тронуться в путь.

Окружающая местность была выжжена солнцем, засухой, исключение составляли попадающие травянистые пампы, где был прекрасный подножный корм. Неустойчивость жизни и местный обычай угонять скот мешали развитию животноводства.

На север и северо-восток отсюда находилась Серраду-Агуапеи, где, по преданию, была колония беглых негров-рабов киломбо. Возможно, она и до сих пор существует — никто не ходил в горы удостовериться, так ли это. У самой боливийской границы были две маленьких эстансии^[101] — Асунсьон и Сан-Хосе. Около первой из них стояла довольно высокая гора, откуда можно было увидеть пропасти «потерянного мира» — гор Рикардо Франко, находившихся в семидесяти милях от старого города Мату-Гросу. В одном или двух днях пути дальше на север встречаются следы диких индейцев. В дни империи вся эта местность представляла собой огромное скотоводческое ранчо,

принадлежавшее барону Бастос, но много лет тому назад было покинуто. Здесь водятся олени и страусы нанду, а болота полны утками.

Мы достигли Казалваску — бывшей резиденции барона, после того как переправились через Риу-Барбадос — поток семидесяти ярдов шириной. К счастью, был самый низкий уровень и глубина не превышала шести футов. О великолепии старинного имения можно было легко судить по руинам. Это была феодальная крепость, состоявшая из больших домов. Из-под прогнивших крыш после захода солнца тысячами вылетали летучие мыши. Было что-то колдовское и зловещее в том, как эти существа четко вырисовывались на фоне золотистого неба, прежде чем раствориться в сумерках. Многие из этих крупных, питающихся фруктами летучих мышей, или, как их называют, летучих лисиц, были настолько большими, что казались похожими на птеродактилей^[102]. С полдюжины семейств негров жили в хижинах поблизости в постоянном страхе перед дикарями.

В Казалваску мы провели только одну ночь, потом отправились в однодневный легкий переход в двадцать две мили через кампос^[103] по направлению к Пуэрто-Бастос. В это время в южном полушарии стояла весна, и, за исключением вечнозеленых пальм и островков леса, испещрявших равнины, вся природа вокруг пышно цвела. Никогда мне не приходилось видеть такое обилие цветов и такую красоту, которая в тот день щеголяла ослепительными желтыми, красными и пурпурными красками. Яркие бабочки, сами по себе еще более роскошные, чем цветы, дополняли всеобщее великолепие. Ни один художник не мог бы нарисовать такую картину. Никакое воображение не могло бы вызвать видение, равное по красоте этой сказочной реальности!

Как только в Сан-Матиас пришли животные из Пуэрто-Бастос, мы отправились на маленькой монтерии по реке Барбадос к Вилья-Белья-де-Мату-Гросу. Этот давно заброшенный город теперь представлял собой унылое скопление древних, впрочем основательной стройки, домов и церквей, расположенных на восточном берегу Гуапоре, и теперь о нем почти не вспоминали как о бывшей столице Мату-Гросу. Трудно было понять, чем жили здесь несколько негров, занимавших полуразрушенные, кое-как залатанные дома, стоявшие на умолкнувших улицах. Днем они работали на небольших плантациях сахарного тростника и маниоки, ночью баррикадировались в своих домах из страха перед рыскавшими по улицам индейцами. По соседству тут когда-то разрабатывались богатые, сейчас уже истощенные, золотые россыпи. Однажды здесь вспыхнула отвратительная болезнь, известная под названием согурсао, она унесла столько жизней, что оставшиеся в живых обитатели города в панике бежали из него.

В одной из разрушенных церквей оказалась чудесная коллекция старого серебра, хранившегося в двух огромных деревянных сундуках; там были подсвечники, модели каравелл и галионов, шкатулки, статуэтки и всевозможные безделушки.

В таких городах-призраках всегда есть что-то невыразимо печальное. Воображение рисует картины обыденной жизни исчезнувших жителей — их радости и горести, их надежды и развлечения. Когда люди покидают свои жилища, они неизбежно оставляют в них часть своего имущества, и от покинутого города веет таким унынием, что даже наименее чувствительный пришелец поддается ему. Руины древних городов такого впечатления не производят, это относится лишь к местам, покинутым в недавнем прошлом.

Город Мату-Гросу был именно одним из таких мест. Он навел меня на мысли о другом городе — Кобихе, когда-то процветавшем морском порте Боливии между Токопильей и Антофагастой, где ныне простирается северный берег Чили. Выход к океану был отобран у Боливии в войне 1879 года, но уже в то время некогда оживленный город Кобиха был почти мертв, опустошенный ужасающим землетрясением и волнами. Таким же унынием веет от калифорнийских «городов-призраков» времен расцвета Бонансы. Это чувство прекрасно выразил Дебюсси в своей фортепьянной пьесе «La Cathedral Engloutie»^[104].

В церкви среди всякого хлама я нашел остатки епископского церемониального кресла — этакую огромную штуку с балдахином наверху. Оно не было целым, но, за исключением сиденья, отдельные его куски почти полностью сохранились, поэтому я собрал все вместе, завернул в балдахин и в конце концов привез в Англию. Мне пришло в голову, что это кресло будет оригинальным подарком жене, и я не чувствовал укоров совести за то, что забрал его, так как составные части все равно гнили бы среди мусора на церковном полу.

Реконструкция кресла была поручена мебельному мастеру фирмы Долиш, но до начала работы я распорядился тщательно продезинфицировать распакованные части, чтобы уничтожить возможную инфекцию, которая могла быть завезена с этими вещами из зачумленной Вилья-Белья. Я не пожалел средств на ремонт. Сиденье и спинка были обтянуты отличной кожей марокен, цвета меди, и, когда работа закончилась, получилась поистине изумительная вещь. Некоторое время я имел удовольствие видеть жену, восседавшую за обеденным столом в большом кресле епископов Мату-Гросу; но с тех пор, как оно появилось у

нас, жена стала как-то странно недомогать. Однажды она сказала:

— Уверена, что совершаю святотатство — я протестантка, а сажусь в священное кресло римско-католического прелата!

Иногда я становлюсь суеверным, как индеец, но я столько испытал странного на своем веку! Лишь только жена высказала свою догадку, я решил, что кресло надо убрать. Я взял наклейку, надписал на ней адрес: «Бромптонская часовня, Южный Кенсингтон, Лондон» и отправил туда кресло без всякого объяснительного письма. Пусть думают что угодно, решил я. Откуда пришло кресло, оставалось тайной до тех пор, пока жена не явилась в часовню и не рассказала его историю. Возможно, кресло и по сей день находится там, и я надеюсь, что его возвращение в лоно церкви, которой оно принадлежит, не принесло ничего, кроме пользы.

Город Мату-Гросу, как ни странно, был конечным пунктом телеграфной линии в Куябу — стратегической линии, сооруженной правительством. По ней я отправил телеграмму в Англию и получил ответ в течение двадцати четырех часов, хотя стоимость телеграммы оказалась колоссальной. Это было отнюдь не простое дело — телеграфист слыхом не слыхал об Англии и должен был снестись с главной конторой посредством «телеграфона»^[105], чтобы выяснить, где находится эта самая Англия. Да и сам случай был беспрецедентным — чтобы кто-нибудь пожелал послать телеграмму из этого захолустья!

Устье реки Верди находилось вниз по течению на один градус широты севернее, и, когда мы его достигли, на ночь пришлось выставить охрану. Дикари могли появиться на любом берегу, и слава о них была самая дурная; с другой стороны, Гуапоре была очень опасна из-за анаконд. Ее ширина доходила здесь до ста ярдов, течение в широких местах было медленное и вся она

была забита массой плавучих растений. Эти растения, известные под названием камелоте^[106], значительно замедляли наше продвижение, а по временам трудно было определить основное русло реки, так как она разливалась озерами с обеих сторон, затопляя прибрежные леса.

Там, где открывалась чистая вода, вокруг лодки играли буфео. Высунув головы из воды, на нас возбужденно лаяли выдры, им бешено отвечал хор наших собак. Дважды мы замечали на берегах индейцев, но они немедленно исчезали в кустарнике, заставляя нас гадать, уже не привиделись ли они нам. Обезьяны noctурны с большими, как блюдца, глазами кричали по ночам, забрасывали ветками наши гамаки и лишали нас столь необходимого сна. Часто мы видели весьма странную птицу — как я позже узнал, очень редкую, — похожую на огромную бабочку павлиний глаз, когда ее крылья раскрывались в полете. Ее названия я так никогда и не смог выяснить.

Даже если бы широта не была нам известна, мы без труда распознали бы устье Верди, так как старый пограничный знак 1873 года до сих пор стоял в лесу. Мы очутились в совершенно иной стране. Вода в реке стала кристально прозрачной, на песчаных отмелях грелись крупные черепахи, рыбы было сколько угодно. Река кишела скатами, их легко можно было бить копьем, и они были очень вкусны.

Отталкиваясь шестами, мы шли вверх по течению, пока не оказались в холмистой местности, где начались перекаты. Тут мы были вынуждены констатировать, что двигаться дальше на лодках невозможно.

— Так как же быть? — спросил Уркварт. — Только не говорите мне, что мы отправимся пешком!

— Ничего другого не остается, — ответил я. — Мы оставим все, что не сможем нести, и проследим течение

реки, двигаясь по суше. Это, конечно, будет трудновато, но ничего не поделаешь.

— А как насчет провизии? Ведь мы не сможем взять с собой столько, чтобы хватило и на обратный путь, — заметил Фишер.

— Будем рассчитывать на подножный корм. С собой мы сможем взять очень мало, ведь надо нести инструменты. Оставить их, конечно, нельзя.

Выйдя на берег, мы разгрузились и, чтобы наше суденышко не привлекло внимания индейцев, утопили его в озерке. Все излишки припасов и инструменты, которые можно было оставить, мы сложили в два металлических ящика и закопали их на берегу выше отметки самого высокого стояния воды. Наши деньги, 60 фунтов золотом, мы оставили в одном из ящиков. Вероятно, таким образом и рождаются легенды о спрятанных сокровищах. Во всяком случае слух о моем закопанном богатстве распространился по Гуапоре, причем с каждым новым пересказом сумма увеличивалась.

Эта легенда преследовала меня много лет. Когда я в последний раз слышал о «сокровище Верди», оно составляло уже 60 000 фунтов. Если оно будет возрастать такими же темпами, может прийти время, когда оно привлечет авантюристов-кладоискателей из других стран, даже из Соединенных Штатов или Англии, и бесплодные поиски моих шестидесяти золотых соверенов истощат ресурсы целой акционерной компании. Ведь в этих упоенных рассказах не упоминается о том, что позже мы вырыли и забрали все захороненное снаряжение и деньги. Тут есть над чем поразмыслить будущим охотникам за сокровищами!

Обилие рыбы и дичи в устье реки обмануло нас. При умеренном расходе наших скудных запасов пищи могло хватить на три недели; но пеоны, отличающиеся повышенным аппетитом, уничтожили весь свой рацион

за несколько дней. На второй день пешего пути мы вошли в густой подлесок и были вынуждены прорубать каждый дюйм пути. Крошечные пчелки, раз в пять меньше комнатных мух, набивались нам в глаза, уши и нос, забирались под одежду, облепляли каждый дюйм тела.

Прорубаясь через чащу, мы то и дело тревожили какое-нибудь осиное гнездо, или же весьма агрессивные красные пчелы решали, что мы слишком близко подходим к их продовольственным складам, и дружно нападали на нас, не жалея, но нещадно кусаясь даже через волосы.

Мы были привязаны к реке. Разумеется, легче было уклониться в сторону и обойти труднопроходимые заросли кустарника, но река служила границей, и было важно нанести ее на карту совершенно точно, иначе вся экспедиция теряла смысл.

Вода в реке становилась все более горькой на вкус, рыба исчезла. Быть может, по этой же причине пропала и дичь, но во всяком случае шум, который мы производили, прорубаясь сквозь кустарник, распугал бы кого угодно на многие мили окрест. Следов индейцев не попадалось, и уже не было оснований полагать, что они могут тут быть.

Ввиду этого мы ослабили ночную охрану и целиком положились на собак. Всюду было множество нетронутых каучуковых деревьев.

Мы начали наш поход 15 сентября; шестью днями позже пеоны истощили свой запас пищи; мы поделились с ними тем, что у нас было, но к 23-му числу и от этого ничего не осталось. Мы нашли несколько карликовых пальм и ели «капусту», но она оказалась неважной пищей, от которой мы только ослабели. 25 сентября мы увидели индюка, но, увы, он заметил нас раньше! 30 сентября нам пришлось с невероятными усилиями прорубаться через заросли такуара — это вид бамбука,

который во все стороны расставляет свои перепутанные ветви, вооруженные колючими шипами. На следующий день мы нашли пчелиное гнездо и, страшно голодные, накинулись на него. Мед уже забродил, и мы просто корчились от боли в желудке. 2 октября одна из наших собак нашла птичье гнездо с четырьмя большими яйцами небесно-голубого цвета. Одно яйцо пошло собаке в виде награды, остальные три съели мы, после чего почувствовали себя еще более голодными. На следующий день мы достигли истоков реки. Там росло несколько пальм чонте^[107], на которых были орехи размером с мраморный шарик для детской игры и почти такой же крепости.

— Ну вот, дойти-то мы дошли, — сказал Фишер. — Только как будем выбираться обратно?

«Уж, конечно, не той дорогой, какой пришли», — подумал я.

— Как-нибудь да выберемся, будьте уверены. Теперь нам не обязательно идти вдоль по реке. Думаю, сможем пройти горами.

— Дай бог, чтобы это было так! — пробормотал Уркварт. Фишер выразился в том духе, что больше похоже на то, что мы оставим тут свои кости.

«Возможно, так оно и будет, — подумал я, — но во всяком случае легко мы не сдадимся».

— Ну, довольно! — сказал я вслух. — Мы должны выбраться отсюда. Возьмите себя в руки и смотрите на все повеселее. Если пеоны подумают, что мы сдаем, у них не хватит мужества вынести все, что нам предстоит. Если нам суждено умереть, мы умрем на ногах, понятно?

Теперь мы умирали с голоду — действительно умирали. Люди постоянно спотыкались и падали, что указывало на растущую слабость, но мы пока еще без труда несли на себе нашу поклажу, которая весила теперь всего около 30 фунтов. Голоса спутников и звуки леса теперь доходили до нас будто издалека, словно

через какую-то длинную трубу — это была голодная глухота. Наше положение казалось совершенно безнадежным. Неимоверных усилий стоило брать отсчеты и устанавливать триангуляционную сеть, связывая истоки реки с координатами Вилья-Белья, но эту работу надо было выполнить, в противном случае все наши страдания окажутся бессмысленными — разумеется, в том случае, если мы выберемся из этого ада! Вспоминая полные дичи леса Гуапоре, пеоны пробовали бунтовать, и можно ли было винить их за это? Однако если бы мы даже захотели вернуться тем же путем, что и пришли, об этом не могло быть и речи, так как в этом случае было бы невозможно брать отсчеты, и к тому же мы могли бы застрять среди лагун.

Над нами виселись горы Рикардо Франко^[108], плосковерхие и таинственные, прорезанные по склонам глубокими ущельями. Их не тронуло ни время, ни нога человека. Они стояли как некий затерянный мир, покрытые лесом до самых вершин, и лишь воображение могло рисовать картину оставшихся там следов исчезнувшего далекого прошлого. На этих недоступных высотах все еще могли скитаться чудовища зари человечества, не испытывающие необходимости применяться к изменяющимся условиям существования. Так думал Конан-Дойль, когда позже, в Лондоне, я рассказывал ему про эти горы и показывал их фотографии. Он сказал мне, что задумал роман с местом действия в центральной части Южной Америки и просил у меня необходимые сведения. Я ответил, что буду рад сообщить все, что смогу. Плодом нашей беседы стал его «Затерянный мир», написанный в 1912 году и печатавшийся частями в журнале «Стрэнд мэгэзин», а впоследствии вышедший отдельной книгой, снискавшей себе широкую известность.

Пытаясь пробиться в этом направлении, мы поднялись в горы, но, к нашему отчаянию, обнаружили,

что пересечь глубокие каньоны на их склонах нам не под силу. Снова и снова нам приходилось останавливаться на краю какой-нибудь страшной пропасти и удрученно возвращаться к отправному пункту, всякий раз со все убывающими силами. Главный вопрос теперь был: как долго мы еще протянем. Если мы вскоре не раздобудем пищи, то настолько ослабеем, что уже не сможем продолжать путь никаким маршрутом, и тогда еще об одной экспедиции никто больше ничего не услышит!

Капатас, старшина пеонов, исчез, и я заподозрил, что он решил лечь и умереть, как часто делают индейцы, когда считают, что не на что больше надеяться. Я отправился по его следам и в конце концов нашел его в монте — зарослях кустарникового леса. Он сидел на земле, прислонившись спиной к дереву, и рыдал, словно девушка, познавшая несчастную любовь.

— Полно, — сказал я, тронув его за плечо. — Ну-ка, вставай! Что это с тобой?

— Оставьте меня в покое! — завопил он, отталкивая мою руку. — Дайте мне умереть. Я хочу умереть — я больше не могу!

Как бы вам ни было жаль человека, доброта в таких случаях ничего хорошего не принесет. Я вытащил охотничий нож и принялся колоть индейца под ребра, пока он с криком не вскочил на ноги.

— Нет, — сказал я, — я не дам тебе просто лечь и умереть. Если ты умрешь, то умрешь на ногах или от ножа, если так тебе больше нравится.

Он ничего не сказал и, всхлипнув в последний раз, шатаясь побрел к лагерю, без сомнения считая меня дьяволом.

Я собрал всех людей и рассказал им о моих намерениях.

— Наше спасение в том, чтобы идти по водоразделу. Я уверен, что таким путем мы выберемся отсюда. Через

горы нам не пробиться, и мы не можем вернуться той же дорогой, которой пришли, поэтому наш единственный шанс идти по водоразделу.

Тяжкие вздохи были ответом — ведь мой план означал, что нас может спасти лишь счастливая случайность. Я подозревал Фишера и Уркварта.

— При первой же возможности было бы хорошо отобрать у пеонов ружья. С их точки зрения, идти по водоразделу неправильно, и они могут сбежать. А без ружей они не осмелятся на это из страха перед индейцами.

Индейцы были недалеко. По ночам мы то и дело видели огни их костров, но ни один дикарь не показывался. Мы были горько разочарованы, что они так упорно нас избегают. Встреча с ними была бы нам как нельзя более кстати, ибо мы могли бы достать у них какую-нибудь пищу. Продолжая двигаться, мы встретились с новой трудностью. Поверх шатающихся, незакрепленных камней земля была покрыта пучками жестких, скользких трав. На каждом шагу мы оступались и, не в силах держаться на ослабевших ногах, растягивались во весь рост. Требовались почти нечеловеческие усилия, чтобы снова подняться — ноши так и пригвождали нас к земле.

Как хорошо было бы лежать так, и ничего больше, лежать и отдыхать! Пеонов приходилось гнать угрозами и ударами; и усилия, затрачиваемые на то, чтобы заставлять их двигаться, подхлестывали наши собственные иссякающие силы. Даже в гневе я никогда не бил их, и мне вовсе не хотелось обращаться с ними с такой жестокостью; но это было единственным средством принудить их бороться за свою собственную жизнь.

Люди то и дело бросали жадные взгляды на собак, хотя от них остались только кожа да кости, как и от нас. Я решительно отметал все предложения убить и съесть

их. С одной стороны, я слишком люблю собак, а с другой — они могли помочь нам найти пропитание. Охотясь, они каким-то образом умудрялись оставаться в живых, но что они находили, мы никак не могли установить. Нельзя сказать, чтобы собаки выглядели совершенно истощенными, однако теперь они, лишь только свертывались клубком в траве, засыпали и уже не просыпались. Более мирную и, я бы сказал, красивую смерть трудно себе представить. Пеоны жаждали последовать их примеру — улечься спать и встретить смерть во сне. Но вместо этого их подгоняли и заставляли идти вперед.

Спасло нас чудо, во всяком случае я решил тогда и всегда буду считать, что произошло нечто близкое к тому, что мы любим называть чудом. 13 октября, чувствуя, что приходит наш последний час, я сделал то, к чему всегда прибегал, когда нужда так категорически о себе заявляла, а именно: во всеуслышание взмолился о пище. Я не преклонял колена, а сперва повернулся на восток, потом на запад и воззвал о помощи, заставив себя поверить, что помощь придет. Так я молился, и минут через пятнадцать в 300 ярдах на поляне показался олень.

В тот же самый момент увидели оленя и мои спутники. Стояла мертвая тишина, пока я снимал с плеча ружье. Почти безнадежно бить на таком расстоянии из сильно отдающего винчестера; кроме того, предельно ослабевший от голода и жажды, человек плохо видит и не может держать ружье твердой рукой.

— Ради бога, не промахнитесь, Фосетт! — раздался хриплый шепот у меня за спиной.

Промахнуться? Наводя трясущееся дуло, я знал — пуля найдет свою цель. Силы, ответившие на мою мольбу, позаботятся об этом. Никогда я не делал

лучшего выстрела. С перебитым позвоночником животное упало, как подкошенное.

Пеоны с жадностью проглотили свои порции вместе с кожей и волосами. Какая жалость, что собаки не протянули еще несколько дней! Нашим невзгодам пришел конец. На следующий день мы нашли пчелиное гнездо, полное прекрасного меда; 15 числа мы наконец спустились по скалам к лесам Гуапоре, а 18-го дошли до небольшого негритянского селения, в нем жители вываривали сахар-сырец из сахарного тростника.

Как ни странно, по сахару мы изголодались больше, чем по чему-либо. В своих видениях мы жадно поглощали всевозможные залитые сахаром яства, а в мучительные часы бодрствования непрестанно обсуждали, каких сладостей нам хочется больше всего. Нетрудно себе представить, какое множество сахарных голов мы проглотили в тот день в поселке. Мы обжирались сахаром — мы ели его до тех пор, пока в нас уже больше ничего не шло. Ночью мы стонали и корчились в гамаках от боли, и лишь когда нас вырвало, нам стало легче.

19 октября мы вернулись в Вилья-Белья, и даже печальные улицы и пустые дома селения показались нам раем после полного одиночества лесов. Мы оставили здесь припасы — сгущенное молоко и овсяные лепешки, и эта пища оказалась для нас более здоровой, чем сахар. По мере того как силы возвращались к нам, мы все более отчетливо сознавали, что спаслись только чудом.

Здесь меня ожидала ликующая телеграмма от генерала Пандо. Надеясь на наше благополучное возвращение, он слал свои поздравления и просил сообщить адрес, по которому мог бы выслать нам деньги. Он и не догадывался, что Верди чуть было не положила преждевременный конец всей нашей работе. Теперь река была исследована и выяснено, что ее фактическое течение совершенно не соответствует

тому, какое приняли наобум в 1873 году. Она брала начало в родниках, а не из озера, как раньше полагали. Серия наших наблюдений давала возможность точно нанести на карту каждую милю реки и этим самым спасти около 1200 квадратных миль ценной территории для Боливии. Наши тяжкие труды и мучения были полностью оправданы.

Мы отправились дальше, следуя вдоль телеграфной линии на Жауру — совсем неплохое путешествие по хорошо найденной тропе, — и спустились вниз с гор Агуапи в Порту-Эсперидиан, эстансию на реке. Здесь мы достали большую лодку и доплыли на ней до Кашосиры. Там гостеприимный бразилец хорошо накормил нас и устроил на судно, идущее в Дескалваду, куда мы прибыли 18 ноября.

Нас ожидала холодная встреча. Кто-то распространил злостные слухи о том, будто бы мы повсюду жаловались на недостойное обращение, которое встретили прошлый раз, когда побывали здесь. Утверждали, будто мы говорили, что любой поселенец оказал бы нам больше гостеприимства. В этом не было ни капли правды, и распространение такой лжи могло преследовать лишь одну цель — очернить нас. Однако отношение к нам обитателей Дескалваду вскоре потеплело, и дело кончилось тем, что они сделали наше пребывание в городке настолько приятным, насколько это было в их силах.

Баркас доставил нас вниз по течению в Корумбу, где, к нашему величайшему замешательству, нас чествовали как героев. Бразильцы восхищаются каждым, кто по собственной воле ищет встречи с бугрес, как они зовут дикарей; было совершенно невозможно убедить их в том, что за весь путь мы видели их лишь мельком.

Из шести пеонов пять умерли от последствий путешествия. Шестой, тот, которого я колот охотничьим ножом, пришел ко мне на следующий год и просил взять

его в новое путешествие. Он без конца распространялся о нашей, как он это называл, английской выносливости и не питал ко мне никаких недобрых чувств. Напротив, он следовал за мной, всячески выражая свою преданность.

Результатом экспедиции было то, что обе пограничные комиссии согласились пройти в будущем году к истокам Верди под моим руководством, в то время как третья, бразильская группа поднимется по реке, выверит ее течение и подтвердит мои данные. После этого мы совместно поставим пограничные знаки и зафиксируем реку как постоянный рубеж.

Глава 11

Роковое тринадцатое

В мае 1909 года мы снова были в Буэнос-Айресе, отчаянно пытаюсь подняться вверх по реке, чтобы спастись от всеобщей забастовки, парализовавшей всю жизнь и с каждым днем становившейся все серьезней.

Движение по реке почти полностью приостановилось, но нам удалось обеспечить себе проезд на «Ладарио», пароходе компании «Ллойд Бразилейро», и даже достать повозки для отправки нашего багажа к набережной. Сами мы сидели наверху нашей поклажи в окружении хорошо вооруженных полицейских. Компания «Ллойд Бразилейро» имела прекрасные пароходы на прибрежных линиях, но «Ладарио» был наихудшим из ее судов. Достать каюту оказалось невозможным, весь пароход был забит толпой простолюдинов. По счастью, на речных пароходах можно обойтись и без кают, потому что легко привесить гамак куда угодно.

Мы прибыли в Корумбу в назначенный срок. Там мы узнали, что бразильская часть экспедиции уже отбыла на север.

Приготовления заняли немного времени. Продовольствия у нас имелось вдоволь, и был зафрахтован лихтер для доставки имущества экспедиции, которое состояло из шести мулов, двух лошадей, двадцати четырех волов и четырех новых повозок. Нас сопровождали боливийский чиновник Пачеко, два индейца племени чикитана и четыре белых пеона.

Готовясь к отъезду, мы жили в отеле Гатти; на этот раз у нас были костюмы, в которых мы могли появиться в обществе, но уже не было такой возможности. Наш

хозяин, сеньор Гатти, был отменно тактичным человеком и ему важно было быть таковым, о чем свидетельствует некрасивая сцена, происшедшая однажды ночью в отеле.

Молодой боливиец демонстрировал нескольким бразильцам старый фокус на спичках — две спички головками вверх засовываются по бокам спичечной коробки, третья укрепляется между ними, зажигается посередине и выстреливает. Случайно один из бразильцев оказался «на линии огня» — метательный снаряд попал ему на кончик носа и прилип к нему. Бразилец не догадался смахнуть спичку, а лишь взвыл от боли и стал поносить боливица, меж тем как остальные покатывались со смеху. Бразилец оскорбился этим, присутствующие заговорили все сразу, и каким-то таинственным образом дело приняло политический оборот. Если бы не вмешательство сеньора Гатти, могло бы произойти кровопролитие; в те времена каждый человек в Корумбе носил пистолет и чуть ли не каждую неделю происходили смертоубийства.

Обычно с убийцей поступали следующим образом. Его сажали в каталажку и выясняли, есть ли у него деньги и связи. Если, на его счастье, он обладал ими, организовывался «побег» через границу в Боливию, где преступник отсиживался, пока его дело не прекращалось. Но если виновный не обладал ни одним из указанных достоинств, его приговаривали к 30 годам тюремного заключения. Эта система прекрасно действовала, и никто, кроме не имевших связей бедняков, не мог обижаться на нее. Они-то во всяком случае получали по заслугам, ведь для них убийство было непозволительной роскошью, превышавшей их средства!

В Бразилии нет смертной казни, но нельзя сказать, что вследствие этого убийство здесь частое явление. Стреляли в Корумбе главным образом из ревности, по

пьянке или вследствие расхождения во взглядах на международное положение; преступления ради преступления здесь почти не знали, так как в массе бразильцы уважают законы. Два английских миссионера приехали в город, горя желанием обратить в христианство индейцев Мату-Гросу. Молодой боливиец, герой эпизода со спичками, посчитал миссионеров подходящими жертвами для своих шуток. Однажды ночью он вывел их на балкон отеля и указал на отдаленные огни по горизонту, там, где на островках твердой земли посреди болот расположились небольшие фермы.

— Вот! — торжествующе сказал он. — Вот костры дикарей! Они окружили Корумбу и следят за нами, чтобы при первом же удобном случае напасть на город.

— Это плохие индейцы? — тревожно спросил один из миссионеров.

— Плохие? О да, очень даже плохие. Настоящие людоеды, все до одного!

Эффект был полный. На следующий день миссионеры отплыли вниз по реке. Фактически диких индейцев здесь не было и в помине на расстоянии сотен миль вокруг! Перед тем как мы двинулись в путь, сюда приплыл с севера в разбитой лодке один немец. У него не было ничего, кроме вещевого мешка, и он проклинал страну, которая с ним так обошлась. Он три месяца ходил за рекой Диамантину в сопровождении пеонов из индейского племени бороро в надежде разбогатеть на добыче золота и алмазов. Вместо этого он потерял все, что у него было.

Другой немец вместе с каким-то англичанином, преследуя те же цели, поднялся вверх по течению в зафрахтованной моторной лодке — с ними мы повстречались в прошлом году — и тоже вернулся с пустыми руками. Не имея представления о местных условиях, они отправились с твердой верой в успех, но

потерпели неудачу из-за болезней, нехватки продовольствия и отсутствия опыта жизни в лесу. Не имея надежной карты, они блуждали по огромным диким пространствам к северу от Куябы, все время возвращаясь на одно и то же место, и были вне себя от разочарований и раздражения.

Мы покинули Корумбу 13 июня, теша себя надеждой (которая с самого начала обманула нас), что нам удастся избежать неприятностей. Лишь только мы погрузили животных, обнаружилось, что лихтер сильно течет. Думать о ремонте было поздно; так как путешествие должно было продлиться всего несколько дней, мы все-таки решили плыть, распорядившись, чтобы пеоны посменно откачивали воду помпами. В ту же ночь я проснулся в каюте баркаса, разбуженный каким-то зловещим бульканьем. Схватив топор, я выскочил на палубу, как раз вовремя, чтобы успеть разрубить канаты, которыми баркас был пришвартован к лихтеру; последний погружался в воду со всеми животными на борту. Три пеона заснули у помп лихтера, но, на свое счастье, успели выскочить посреди всеобщей суматохи. Одному или двум мулам удалось освободиться и выплыть на берег, волы и остальные мулы утонули. Это была серьезная потеря для отряда, но я решил продолжать путь, веря в то, что нам посчастливится достать новых вьючных животных.

С помощью бельгийца — управляющего ранчо в Дескалваду — нам удалось добыть две повозки. Пока искали необходимых нам волов, мы жили в полном комфорте на борту баркаса, и все было бы хорошо, если бы не смрад разложения и запах сжигаемых костей — мы стояли на приколе около бойни и фабрики мясных консервов. Наши пеоны развлекались ловлей в загрязненной отходами воде пирай — этих злобных плотоядных рыбок, огромное множество которых

водится поблизости боен, отчего эти места реки столь опасны.

Совсем недавно один из пеонов ранчо упал здесь в реку. Как только его тело коснулось воды, на него накинлись полчища пирай, и на следующий день был найден его начисто обглоданный скелет. Управляющий рассказал мне о подобном случае, происшедшем поблизости от Корумбы. Ночью на реке раздался всплеск, и какой-то рабочий спросонок спросил: «Что это?» Другой ответил: «Ничего, это Ладригес упал в реку». Первый что-то пробормотал себе под нос и снова заснул. Несчастный Ладригес успел только вскрикнуть — он буквально был растерзан на куски, не успев даже вынырнуть на поверхность.

Однажды бразильский солдат, одетый в красные штаны, ловил рыбу с лодки в порту Корумбы; какая-то крупная рыба сильно дернула за лесу, и он свалился в воду. Ухватившись за корму лодки, солдат закричал, и через несколько минут от берега отплыла другая лодка. Вместо того чтобы вызволить солдата, вторая лодка взяла первую на буксир и отвела ее к берегу. Там обнаружили, что солдат мертв, — его руки все еще продолжали цепляться за планшир, но ниже пояса мясо было полностью сорвано с костей. Воспоминание о случившемся вызывало бурное веселье у местных жителей в течение нескольких дней. Жертве трагического происшествия никогда не выражали сочувствия. Даже жена и дети погибшего лишь пожимали плечами и немедля принимались искать нового кормильца.

Мне часто приходилось переплывать через реки, чтобы забросить на другой берег канат, с помощью которого можно было бы перетащить снаряжение. В таких случаях я каждый раз принимал меры крайней предосторожности и сначала убеждался, что на моем теле нет царапин или открытых ран, ибо ничего больше

и не требуется, чтобы привлечь к себе этих маленьких дьявольских рыб. Когда я находился в воде, при одной мысли о них меня пробирала дрожь, и когда наконец я вылезал на берег, то чувствовал неопишное облегчение.

Перед отъездом из Дескалваду под навесом около баркаса были устроены «танцы». Гаучо, рабочие и их женщины изрядно набрались спиртного и кружились, отплясывая свои танго и качучи под брэнчание гитар и лютен. Наши люди, предводимые Пачеко, присоединились к общему веселью, но около полуночи стремглав прибежали назад под аккомпанемент револьверных выстрелов. Какой-то ревнивый гаучо, держа по револьверу в каждой руке, ворвался под навес и открыл беспорядочную стрельбу. Один человек был убит, другой тяжело ранен в живот, пулей слегка задело женщину. Гаучо вскочил на лошадь и в классической манере приключенческого романа умчался прочь от берега.

Вместо танцев сразу воцарился хаос. Доктора, который бы хоть что-нибудь понимал в хирургии, не было; несколько служащих-бельгийцев пытались оперировать раненого, копаясь у него во внутренностях мясными щипцами. Его стоны не давали нам заснуть остаток ночи; на рассвете он умер. В погоню за убийцей пустился целый отряд, но, как обычно бывает в таких случаях, его не поймали.

Из Дескалваду баркас вернулся в Корумбу, и мы продолжали наш путь до Сан-Матиаса в повозках. Нам показалось, что по сравнению с прошлым годом он деградировал. За наше отсутствие тут произошло много убийств.

В полицейском участке лежал бразилец, считавший себя незаслуженно наказанным — он только что получил 1000 ударов плетью за то, что зарезал человека. Несколько жителей погибло от укусов гремучих змей;

очаровательный и благородный француз, встреченный мной в прошлом году в Тринидаде около Дескалваду, был убит. Все здесь дышало смертью, хотя жители были гостеприимны и любезны, когда не творили преступлений и насилий. Может быть, сами условия жизни допускали некоторое оправдание тому, что здесь творилось. Менее простителен был поступок двух наших пеонов индейцев, которые исчезли со значительным количеством припасов и двумя лучшими мулами из тех, которых мне посчастливилось здесь приобрести.

Мы уехали из Сан-Матиаса 1 июля, оставив здесь значительную часть поклажи из-за недостатка транспортных средств. Чтобы взять отсчеты на вершине горы Боа-Виста, мы остановились на один день в Асунсьоне, где до нас дошли слухи о «сокровище Верди», которое к этому времени возросло до 37 000 фунтов стерлингов и все продолжало расти. Несколько дней спустя мы догнали отряд бразильской пограничной комиссии, занимавшийся проверкой старых координат, и были очень радушно приняты нашими коллегами. Вскоре мы оставили их позади, так как были менее обременены багажом; однако два дня спустя один из наших мулов погиб от укуса гремучей змеи, и нам пришлось остановиться, потому что на одной повозке нельзя было увезти все вещи и продовольствие. Достать другое животное не представлялось возможным, ибо в окрестностях не было никаких поселений.

И вот, в то время как мы пытались найти выход из положения, случилось нечто необыкновенное. В наш лагерь забрел с севера прекраснейший мул, каких только мне приходилось видеть, абсолютно здоровый, с совершенно новым седлом и уздечкой. Насколько мне было известно, бразильская комиссия не теряла животных. Думая, что мул принадлежит какому-нибудь путешественнику, которого мы обязательно встретим впереди на тропе, я решил временно использовать его и

вернуть владельцу, как только мы с ним встретимся. Однако мы никого не повстречали, и мул — буквально дар божий — остался с нами.

Бичом этого района были змеи. В зарослях кустарника по одну сторону нашего пути кишмя кишели гремучие змеи, в то время как в лагунах и болотах с другой стороны было полно жарарак. Однажды мой мул буквально взлетел на воздух, перепрыгивая через гремучую змею, выскочившую из кустарников.

Мулы молниеносно реагируют на мелких змей, но, по-видимому, мало способны распознать большую змею. Как-то в другой раз мой мул переступил через что-то такое, что казалось упавшим стволом дерева, лежавшим поперек тропы, и вдруг остановился как вкопанный, весь дрожа. Взглянув вниз, я ужаснулся, увидев, что «ствол» был частью большого удава боа-констриктора семи или восьми дюймов диаметром. Мул от страха замер. Остальная часть отряда тащилась где-то далеко позади. Я резко вскрикнул, пришпорил мула и хлопнул его по крестцу рукояткой кнута. Он рванулся, будто ракета, перелетел через змею и мчался сломя голову по меньшей мере ярдов двести, пока я не остановил его. Он все еще весь дрожал от испуга. Я повернул назад, чтобы предупредить остальных. Когда я к ним подъехал, они палили в змею из своих винчестеров, но боа-констриктор преспокойно уполз в подлесок.

Мы вышли к реке Барбадос во время сильного разлива; все место переправы, шириною ярдов в полтора, было забито плавучими растениями. Пеоны отказались идти в воду, утверждая, что в реке есть *bichus*^[109], иными словами — крокодилы или анаконды, и возницы решительно поддержали их. Животные могли переплыть через реку, не потонули бы и повозки, но кому-то надо было войти в воду первым с легкой веревкой, чтобы переправить поклажу в кожаных мешках или на плоту. Иного выхода не было — я должен

был идти. Когда я разделся, у меня неприятно засосало под ложечкой. Мне вспомнилось, что незадолго перед тем здесь погиб всадник с лошадыю.

Лишь только я оказался на том берегу с веревкой в руках, переправить поклажу не составило труда. Пачеко не умел плавать, и ему пришлось переправляться на бревне — метод, который бесполезно было знать. Для этого годится самый обыкновенный прямой ствол дерева от трех до шести дюймов толщиной, если только он вообще держится на воде; с одного конца к нему привязывается короткая дощечка и на нее кладется одежда, с другого конца на него садится верхом человек и гребет руками. Соблюдать равновесие в таком положении нетрудно. Тот конец ствола, на котором сидят, погружается в воду, зато другой конец, где лежит одежда, поднимается над поверхностью.

Собак переправляли в кожаных мешках, как и поклажу. Крокодилы побаиваются человека, но собак — никогда. Говорят, что крокодилы не нападают до полудня, но после полудня и ближе к вечеру переправа через реку уже связана с известным риском. Волы плыли, таща за собой повозки, и все обошлось благополучно.

Когда мы прибыли в Казалваску, он оказался пустым — дикари перебили всех мужчин в отместку за то, что по ним стреляли; однако женщин и детей пощадили. Из Пуэрто-Бастос повозки были отосланы обратно; часть багажа отправили в город Мату-Гросу на лодке, мулы двинулись по суше, по беспокойному маршруту, включающему несколько переправ через реку Барбадос. Когда мы достигли старого города Мату-Гросу, основной отряд бразильской комиссии занимал там бунгало телеграфа. На следующий день начальник отряда Оливейра отбыл в устье Верди в сопровождении своего помощника, врача и с целой горой продовольствия.

Его экспедиция оказалась неудачной. Оливейра упал в реку, заболел лихорадкой и был вынужден вернуться в Вилья-Белья. Другие участники его отряда не смогли подняться вверх по реке. Они нашли одну из наших лодок, оставленную в 1908 году; разбитая и перевернутая вверх дном, она валялась между деревьев в шести милях ниже устья Верди; они обнаружили и проделанную нами тропу, но были вынуждены пройти к реке Гуапоре, где и оставались до тех пор, пока спасательный отряд, посланный за ними, шестью неделями позже не высвободил их.

Офицер по имени Леманья, который должен был сопровождать меня, прибыл по тропе из Сан-Матиаса вместе с шестью вооруженными до зубов солдатами. В прошлом году мы решили соединить наши силы для сухопутного путешествия и захватить с собой на ослах основательные запасы для отряда, следующего водным путем. Мы переправились через реку и стали лагерем на ночь в небольшой лачуге, на поляне у подножия возвышавшихся над нами гор Рикардо Франко.

Внезапно мы услышали выстрелы в лесу, и вскоре двое солдат, задыхаясь, прибежали в лагерь.

— Дикари! — закричали они. — Они подходят со всех сторон!

— Сколько их? Где? — засыпал их вопросами Леманья, выхватывая пистолет и проверяя обойму.

— Их тысячи, *mi comandante*^[110], — был ответ. — Но мы отбили их нападение — я и капрал Перейра!

Фишер и я отправились в разведку. Ничего не могло быть опаснее, чем стрелять в дикарей. Так мы сразу заявляли себя их врагами. Но мы могли не волноваться — никаких следов дикарей нам обнаружить не удалось. Солдатам все померещилось, и они лишь зря растратили патроны.

Лачуга, которую мы заняли, оказалась очень старой, в ее крыше было полно змей и пауков. Не успели мы в

нее войти, как наши ноги обсыпали маленькие белые клещи, известные под названием *garapatos do chaó*, способные хоть кого свести с ума; их укусы причиняли такой зуд, что вскоре мы готовы были содрать с себя кожу. Поэтому мы предпочли не оставаться в этой лачуге, а ночевать в лесу.

С вершины Рикардо Франко, возвышавшейся на 2400 футов над рекой, открывался величественный вид, но втащить туда наших животных оказалось нелегко. Одно из них полетело кувырком вниз по обрывистому склону и с тошнотворным звуком шмякнулось о дерево. Там оно висело на ветвях, пока мы не поставили его на ноги, после чего, по-видимому не получив никаких повреждений, животное резво затрусилло дальше по тропе.

Оказавшись на вершине, мы были вынуждены на протяжении мили или двух прорубить путь для животных в густых зарослях. В 1908 году нам пришлось проделывать такой труд для себя, и это еще куда ни шло, но вьючным животным требуется более широкая тропа, чем людям. Расчистка производилась Фишером и мною с помощью нескольких пеонов. Солдаты нервничали, боясь встречи с индейцами, — и не без основания, так как они были мулатами, а индейцы, памятуя прошлые гонения, никогда не пощадят темнокожего врага.

Вскоре мы выбрались на нашу старую тропу, пошли по водоразделу и через шестнадцать дней достигли истока Верди. На этот раз оленей здесь было сколько угодно, и они были совсем непуганые. Недели оказалось вполне достаточно, чтобы закончить работу и водрузить пограничные знаки. Затем, ввиду того что продуктов у нас было всего на десять дней, я решил вернуться в Вилья-Белья, а Леманью, как и было условлено, оставил дожидаться речную партию.

Я дал Леманье подробную карту района, так как его способности ориентироваться на местности были весьма ограничены. Мы расстались при ледяном сурсу, который прохватывал нас до костей и одел горы плотной завесой тумана, сократившего видимость до двадцати ярдов.

Мы решили двигаться по нашим прежним следам, пользуясь моей детальной картой, составленной в прошлый раз. Это была бы интересная проверка ее на точность, так как она была сделана с помощью компаса, а все расстояния вымерены шагами. Мы считали за милю 2000 шагов в среднем по относительно легкой местности и 2200 — в лесу. К нашему удивлению, этот метод отлично себя оправдал, так как на третий день мы достигли вершины горы, на которую взбирались, выйдя из Вилья-Белья, а на четвертый день вошли в старый город, где застали командира Оливейра, только что вернувшегося из района Верди и беспокоившегося об остальной части его отряда.

Я сказал, что мы там никого не видели. Он отказывался поверить, что его люди не достигли места назначения, но в конце концов послал на розыски спасательное судно вниз по Гуапоре. Людей нашли на левом берегу; у них вышло все продовольствие, они сильно ослабли. Меж тем Леманья ожидал их в истоках Верди до тех пор, пока его припасы не истощились, а затем вернулся назад, полный беспокойства о судьбе речного отряда. Теперь стало ясно, что, если бы не наше путешествие 1908 года, этот район вовсе не был бы нанесен на карту^[111].

Поскольку оставленные нами запасы были разграблены, по-видимому негритянским населением, Оливейра любезно поделился с нами продуктами. Времени у нас было достаточно, и я предложил Фишеру пойти лесом в северо-восточном направлении к индейцам племени паресси. Фишер и Пачеко не

поддержали мою идею, поэтому я двинулся в одиночестве по равнине на север от города в надежде встретить кого-нибудь из людей паресси, так как обычно они находились где-то тут поблизости. Они действительно были здесь, но, видя в моем появлении что-то подозрительное, не выходили из лесу и не приближались ко мне меньше чем на сто ярдов, в то же время не трогая меня. Между тем эти же самые люди вырезали все население негритянского поселка, в котором мы объелись сахаром в прошлом году.

На тропе, идущей в Сан-Луис-ди-Касирис — небольшую деревню на реке Парагвае, между Корумбой и Куябой, очень красивая черная тигровая кошка размером с английскую гончую пересекла наш путь, перепугав всех наших мулов. Это совершенно дикое животное и, подобно большой черной пантере, не поддается приручению., Здесь нас заедали клещи, которых полно зимою в Мату-Гросу. Они взбирались по ногам мулов, забивали им ноздри и глаза. Целыми колониями свисая с тростин и веток, они сваливались на нас, когда мы проезжали мимо. Каждый вечер мы снимали с себя от ста до двухсот штук, ощущая зуд от их мелких укусов, которые мы не смели расчесывать.

В гостеприимной эстанции Жауру я продал вьючных животных и дал ее владельцу седло в уплату за то, что он доставит нас в Сан-Луис-ди-Касирис. Хозяин Жауру рассказал нам о каком-то отряде, который поднялся вверх по реке Парагваю до ее слияния с другой рекой и нашел там россыпи самородного золота.

Ширина реки у Сан-Луиса около ста пятидесяти ярдов, и его население собралось на противоположном берегу, готовясь оказать нам восторженный прием: новость о нашем прибытии опередила нас. За нами послали лодку, полную мужчин, женщин и детей, чтобы доставить нас на тот берег. Лодка была так нагружена, что ее борт возвышался над водой всего на два дюйма.

Мы заняли наши места, и беспокойные волны, гонимые ни на минуту не ослабевающим ветром, подкатывались к самому планширу, грозя перехлестнуть через него. Пачеко, боясь, как бы не замочить свою одежду — мы уже выехали на самую середину реки, — привстал. Остальные задвигались, стараясь сохранить равновесие; налетел ветер, лодка накренилась, зачерпнула воду и пошла вниз. Поднялась она лишь тогда, когда освободилась от груза. Те, кто не умели плавать, ухватились за наполненную водой лодку, другие направились к берегу. На мне были тяжелые сапоги, мои бриджи раздулись от воды, подобно воздушному шару. Высоко над головой я держал пальто, в карманах которого находились драгоценные пластинки, снятые за время нашего путешествия, и плыть к берегу, гребя одной рукой, было нелегко. Один человек утонул.

Ожидавшие нас на берегу, казалось, давно так не веселились. Все покатывались со смеху, глядя на отчаянные усилия утопающего, и поощряли его одобрительными возгласами. Не было сделано ни малейшей попытки кому-нибудь помочь, и, когда Пачеко, который едва умел плавать, достиг берега и, задыхаясь, растянулся в грязи, все захохотали еще громче.

Наверное, еще ни одна Международная демаркационная комиссия не прибывала на место в более недостойном виде. Пирайи не оставили бы в живых ни одного из нас, если бы где-нибудь выше Дескалваду существовал мясоконсервный завод. На мне висело шесть геодезических хронометров — можете себе представить их тяжесть! — но, к счастью, лишь в один из них проникла вода.

Неделю спустя прибыл речной катер, и мы сели на него.

— Пройдите сюда, — сказал стюард, намереваясь провести нас во второй класс, где негры и метисы теснились среди своих пожитков.

— Это не пойдет, — сказал я. — Где первый класс?

— Первый? — Он окинул нас презрительным взглядом. На нас было лишь то обмундирование, в котором мы путешествовали по лесу, да и то уже довольно обтрепанное. К тому же мы обросли бородами, а наши лица и руки были сплошь искусаны насекомыми. В общем, надо полагать, мы не выдерживали сравнения с пассажирами в элегантных костюмах, ярких галстуках и котелках, прогуливавшихся на верхней палубе. — Да, первый, — повторил я.

Он отправился за капитаном, который пришел вместе с ним, оглядел нас с явным неодобрением и наконец неохотно согласился на то, чтобы нас проводили в каюту... В Парагвае только что разразилась очередная революция^[112], речные пароходы были захвачены, и мы не знали, как добраться из Корумбы в Ла-Пас. Но вот в порт пришел буксир, направлявшийся вниз по реке с двумя большими лихтерами, и мы уговорили шкипера сделать попытку прорваться. Мы с Фишером взяли билеты, подвесили гамаки на одном из лихтеров, и наш караван двинулся по грязным волнам реки.

Ночью крысы на лихтере устроили военный парад и провели спортивные состязания. Они облепили снасти, бегали по веревкам гамаков, гонялись друг за другом по нашим телам. Проснувшись при свете раннего утра, я на своем животе увидел двух крыс, преспокойно умывавших свои морды. Я хватил одну из них так, что она перелетела через всю палубу, а ее крайне изумленная компаньонка отпрянула в сторону и пропала где-то внизу. В шестидесяти милях ниже по течению к нам на борт поднялся парагвайский правительственный отряд — напыщенный маленький майор и сорок солдат. В результате еще ниже по течению, в Олимпо, буксир и лихтеры были временно реквизированы как транспортное средство. На лихтеры погрузились еще

200 солдат, и давка на борту стала невыносимой. К нашему облегчению, в это время показался баркас, шедший вверх по реке, и, подозревая, что это революционное судно, 150 солдат исчезли с наших лихтеров, когда баркас пришвартовался у берега. Майор скрылся в своей маленькой каюте и заперся на ключ, в то время как его люди понапрасну ждали своего начальника. Оказалось, что пришедший баркас был дружественным судном; нам лишь хотели сообщить о расположении революционных сил. Исчезнувшие солдаты снова вернулись на лихтеры.

Мы осторожно продвинулись вниз по течению к Меданосу — эстансии американской компании «Кебрачо», и так как наш шкипер отказался плыть дальше, босоногие и оборванные солдаты были вынуждены сойти на берег. Я предложил шкиперу сто фунтов, чтобы он поставил лихтеры на якорь, а с баркасом попытался пробиться сквозь блокаду, но он отказался рисковать. Тогда я отправился пешком по левому берегу вниз по течению и попробовал нанять баркас на скотоводческом ранчо Террерос, но снова потерпел неудачу. Продолжая идти дальше, я нашел одного парагвайского спортсмена, который даром отдал мне гичку с единственной просьбой оставить ее в Порту-Муртинью.

Используя большое одеяло вместо паруса, мы с Фишером продолжали путешествие в гичке, причем с гораздо большим комфортом, чем на зачумленном крысами лихтере.

— Не знаю, не перехватят ли нас, прежде чем мы доберемся до Муртинью, — пробормотал Фишер.

Мы полулежа дремали под горячим солнцем, между тем как гичка почти беззвучно скользила вперед. Я поднял голову и за ближайшим поворотом реки увидел клубы черного дыма.

— Да, — сказал я. — Похоже, нас ожидают неприятности.

Из-за поворота показалось маленькое, суетливое сторожевое судно и, изменив курс, пошло нам наперехват. Когда оно приблизилось, мы увидели мешки с песком, окружавшие палубу, и дуло допотопного полевого орудия, стоявшего на носу. Ощетинившись ружьями, торчавшими из каждой бойницы, судно развернулось и стало у нас по борту.

— Кто вы такие? — проревел в мегафон чей-то голос. Мы ответили, подчеркнув наш международный иммунитет.

— Следуйте в Порту-Муртинью, только смотрите, без всяких штучек! — послышалось предупреждение.

Я переложил руль, и мы легли по ветру, а за нашей кормой, чтобы мы, чего доброго, не ослушались, затарахтело сторожевое судно с мешками на палубе, загорелыми лицами над ними и торчащими ружейными дулами. Для этих головорезов встреча с нами была крупным сражением и, быть может, первой морской победой. Мы стали военнопленными, и по прибытии в порт гичка была реквизирована, а нас отправили на «Поллюкс», небольшой речной пароход, служивший временным местом заключения для иностранцев.

Один наш собрат по заключению, огромного роста детина, выдавал себя за знаменитого боксера и утверждал, что нокаутировал лучших мастеров кулачного боя на тихоокеанском побережье США.

— Да, сэръ, — гудел он, — никто не мог выстоять против меня!

Однако, несмотря на все свои громкие речи, он быстро стушевывался, всякий раз как показывался какой-нибудь пьяный «революционер» и, размахивая ножом, начинал выкрикивать разные угрозы. Мы начали подозревать, что наш боксер попросту хвостун.

— Они охотятся за мной, — оправдывался он. — У меня есть глушитель Максима к карабину, и они знают это. Они готовы убить меня, только бы завладеть им.

Он показал нам эту вещь и умолял меня взять ее на память. Я до сих пор храню ее в качестве курьеза.

Невысокий пьяный барбадосец из команды судна смерил глазами нашего нового друга и стал задираться перед ним.

Когда барбадосец начал задираться еще больше и обругал здоровяка самыми последними словами, тот уж никак не мог спустить. Он бешено взревел, сорвал с себя куртку и, бросившись на обидчика, вонзил зубы в его руку и вцепился ногтями ему в лицо. В ответ он получил короткий и сокрушительный удар по челюсти.

Они кричали, царапали друг друга ногтями и катались по палубе, меж тем как остальные девятнадцать заключенных всячески подбадривали их, а «революционные стражи» толпились вокруг в восторге от происходящего. Хороший же вид был у нашего здоровяка боксера, когда их наконец растащили. Он был весь залит кровью и ругался, на чем свет стоит. Его огромные плечи исчезли, как только он стянул с себя куртку, — оказалось, что его массивное тело суживается кверху, наподобие бутылки, и являет все признаки нездоровой тучности. Это стало предметом безудержных шуток на борту; с тех пор он уже больше не хвастал.

Скучать не приходилось, хотя нас снедало беспокойство по поводу задержки. Мы видели полуголых беженцев, спасавшихся от боев, происходивших выше по реке; их перевозили с противоположного берега. Мертвые тела плыли вниз по течению, не тронутые пираями, быть может, потому, что на них не было свежей крови. Один труп плыл с поднятой рукой и воздетым к небу указательным пальцем — жуткое зрелище, которое все стремились посмотреть. Издалека

доносилась беспорядочная ружейная пальба, и тут уж мы были уверены, что напыщенного маленького майора там не было!

С огромным трудом мне удалось добиться приема у начальника «революционных» сил, который с большим терпением и вежливостью выслушал мои жалобы по поводу нашего задержания и разрешил нам уехать на «Илексе» — бразильском пароходе, который в силу тех или иных причин имел право свободного прохода по реке. Это была своего рода коварная шутка с его стороны, так как нас наверняка должен был задержать для допроса «флот», стоявший в нескольких милях ниже, около Пальма-Чика, и там могли прийти к заключению, что мы слишком много знаем. Кроме того, начальник предупредил нас, что весь наш багаж могут реквизируют.

Наше судно было должным образом задержано, документы проверены, пассажиры допрошены. Главный начальник — доктор Кайо Ромеро, весьма достойного вида человек, — поднялся к нам на борт; он, по-видимому, знал, кто мы такие, так как мы получили разрешение следовать дальше. «Революционный» флот состоял из восьми речных пароходов, вооруженных полевыми орудиями, остальные силы занимали укрепленные позиции на территории английского концерна «Кебрачо», который сильно пострадал от военных действий.

Двигаясь дальше, мы повстречали пароход «Леда», направлявшийся вверх по реке и имевший на борту тысячу правительственных солдат, вооруженных пулеметами и маузерами новейшей системы. Нам сказали, что другой отряд в тысячу человек следует сушей вверх по течению. При виде этого войска «революционные» силы стали таять, и повстанческое движение потерпело крах.

Военный министр в Асунсьоне жаждал новостей и дал банкет в нашу честь. Как средство получения информации из первых рук о положении на фронте банкет, быть может, оказался не очень удачным, но во всяком случае гости были рады присутствовать на нем, и мы расстались со всеми в наилучших отношениях.

Пачеко присоединился к нам в Буэнос-Айресе. Оттуда мы все вместе доехали до Монтевидео, где сели на борт «Оравии», направлявшейся в Мольендо через Магелланов пролив. Пачеко продолжал преследовать злой рок, ибо в Монтевидео у него ночью украли штаны со всеми его деньгами. Он одолжил у меня пару брюк, но так и не удосужился когда-либо вернуть их.

Поездка была очень интересна. Конечно, современные лайнеры не знают тех трудностей, которые выпадали на долю старых парусных судов. Первая наша остановка была на Фолклендских островах — Мальвинах; Аргентина уже давно заявляла на них права как на свою собственность. Что касается моего личного впечатления, то, по-моему, более мрачного места не найдешь на всем свете.

Тут нет деревьев, постоянно бушуют штормы, и жизнь должна быть невыразимо тоскливой.

Когда мы плыли через пролив, все время шел снег, и до самого Вальпараисо море было очень бурным, так что даже «Оравию» сильно качало. Представляю себе, каково было в прежние времена морякам, проходившим этот пролив под парусами! Мы зашли в Пунта-Аренас, самый южный чилийский порт, и после этого с частыми заходами в другие порты стали подниматься на север вдоль побережья, уходя от холодного мыса Горн в более теплые широты. Поросшие лесами берега сменились пустынными селитряными пампас. Наконец мы достигли Мольендо и поездом прибыли в Ла-Пас.

Президент Боливии доктор Вильясон выразил большое удовлетворение результатами экспедиции и

предложил мне провести демаркацию границы с Перу. Для этого необходимо было предварительно исследовать реку Хит, что меня крайне привлекало, так как течение этой реки до сих пор также оставалось неизвестным. Перуанцы и боливийцы поднимались на несколько миль вверх по реке от места ее слияния с Мадре-де-Дьос, но дальше путь к ее истокам преграждали дикари. Тем временем пограничный вопрос оставался открытым и в любой момент мог повести к осложнениям. Попытка достичь соглашения за счет Боливии не увенчалась успехом.

Принять это предложение я мог только в том случае, если бы ушел в отставку, так как военное министерство не согласилось бы отпустить меня на срок более четырех лет. Однако в отношении армии я не питал никаких иллюзий. Для бедного человека это не профессия, и всякое проявление инициативы тут способно лишь вызывать к тебе враждебность. Повышение по службе происходило страшно медленно. Я служил уже двадцать лет, главным образом в тропиках, получая меньше, чем помощник приходского священника, и рискуя быть уволенным в чине майора.

Я подал в отставку, и военное министерство лягнуло меня напоследок, срезав мою и без того ничтожную пенсию на основании того, что я служил иностранному государству.

Глава 12

Добрые дикари

Прежде чем начать работу в 1910 году, я вернулся в Англию — не только потому, что хотел повидать жену и детей, но и чтобы подобрать себе помощников для предстоящей экспедиции, которая обещала быть нелегкой.

Необычайно опрятными и безопасными казались тропинки и луга Девоншира после безграничных лесов и равнин Южной Америки и необычайно далекими от тех грязных аванпостов цивилизации, где человеческая жизнь не стоит и гроша! Так смирны и приветливы были здесь небольшие кустистые деревца, таким мягким дождик, таким умеренным солнечное тепло! А взять хотя бы людей — я привык к таким местам, где встреча с другим человеком уже целое событие; здесь же их были толпы, хорошо одетых, разгуливающих взад-вперед, безразличных ко всему, кроме своих дел! Каждый раз, возвращаясь в Англию из Южной Америки, я испытывал подобное ощущение, и тем не менее всегда после нескольких месяцев безопасного существования на фоне паркового пейзажа окружающее начинало казаться мне тюремными воротами, которые медленно, но верно смыкаются за мной.

Даже «Уотерсайд», наш просторный дом с большим садом в Уплайме, около Лайм-Риджиса, казался мне каким-то угрожающе уютным или, лучше сказать, самодовольным. Вначале, пока я испытывал радость от встречи с семьей, он был для меня идеальным домом, но, увы, спустя месяц или два видения диких мест со всеми их язвами и болезнями, убожеством и неустройством нарушали окружающий меня покой и звали обратно. Меня охватывало желание уехать, к нему

примешивалась тоска новой долгой разлуки с семьей и домом, и все-таки в глубине души я ликовал оттого, что смогу снова бежать от обыденного существования. Очень хорошо понимал это чувство Киплинг — его поэзия полна им.

Мне удалось завербовать к себе на службу двух прекрасных капралов стрелкового полка — Г. Дж. Костина и Г. Ли. Они показали себя способными, легко приспособляющимися к трудным условиям людьми; лучших компаньонов невозможно было бы и найти. С нами отправился также солдат Ганнер Тодд, который был моим партнером по тренировкам в бытность мою младшим офицером; и еще у нас была надежда, что позднее к нам присоединится молодой офицер, которого моя жена учила обращению с теодолитом для астрономических наблюдений на крыше отеля в Мальте десять лет тому назад.

Наше путешествие было не из приятных, так как на борту парохода оказался какой-то герцог с семьей, которые ожидали от нас, простолюдинов, большего почтения, чем мы склонны были им оказать. «Святое семейство», как мы их прозвали, заняло для себя и своей прислуги целую половину палубы и почитало себя кровно оскорбленным, когда кто-нибудь нарушал их границы и принимал горничных за барынь или наоборот. На пароходе ехал также некий представитель дипломатического ведомства, на которого присутствие титулованной знати произвело такое впечатление, что он настоял на том, чтобы перепечатали список пассажиров и восстановили против его фамилии буквы «M. V. O.»^[113]. Шкипер был ошеломлен честью, оказанной ему и его судну, и полностью пренебрегал рядовыми пассажирами, поэтому приподнятой атмосферы, обычно царящей на большинстве английских пароходов, не было и в помине. Мы

почувствовали большое облегчение, когда пересели в Панаме на каботажное судно.

Мы зашли в Кальяо, и я счел необходимым съездить в Лиму, чтобы нанести визит министру иностранных дел и изложить ему преимущества приглашения британских офицеров для работ по определению границ, запланированных Перу на 1911 год.

— Возможно, я запрошу Лондон, — сказал он мне. — Но есть ли шансы получить их? Вы как будто думаете, что есть.

Я знал, что у нас вовсе не много людей, годящихся для такой работы — в программу военной подготовки не входит обучение топографической съемке. Я ответил:

— Есть люди, которые были бы рады такому случаю. Вопрос в том, чтобы разыскать их. Но дело стоит того.

— Я подумаю об этом, — сказал он. — Согласен, что, если мы хотим сделать все быстро и хорошо, это единственно правильное решение.

Пока я был в Англии, боливийское правительство просило меня найти еще одного офицера для работы в Чако, и я надеялся, что смогу способствовать установлению доверия к британским специалистам, чтобы когда-нибудь позже это могло быть использовано в политических соображениях. Поэтому Фишер покинул меня и уехал в Чако, но потом почему-то отказался от первоначального решения и в конце концов вернулся домой.

10 июня мы обедали у президента Боливии в Ла-Пасе, а на следующий день уехали в Тирапату — горную деревушку по ту сторону озера Титикака, где находилось главное управление «Инка майнинг компани». Там мы встретились с двумя боливийскими офицерами, пожелавшими участвовать в экспедиции, — капитанами Варгасом и Рикельме; кроме того, мы должны были принять целый караван мулов со всякого рода припасами. Но это было не все: к нам

присоединились капитан британской регулярной армии, один младший офицер в отставке, еще один унтер-офицер, доктор, а также прибыло не меньше двадцати ящиков медикаментов и полтонны прочего багажа. Каким образом вся эта армия пойдет по диким местам страны, я никак не мог себе представить. Большие экспедиции именно из-за своих размеров обречены на провал, так как дикари думают, что против них идут войска и осыпают их из засады отравленными стрелами, прежде чем обнаружат свое присутствие.

Чопорный английский капитан с самого начала показал себя с невыгодной стороны, отказавшись общаться с нашими тремя унтер-офицерами. В те дни взаимоотношения между людьми строились совсем иначе, чем сейчас; узкие классовые предрассудки, в которых капитан был воспитан, крепко сидели в нем. С младшим офицером дело обстояло иначе — он был молод и обладал большей приспособляемостью. Доктор тоже был славный малый; он оказался выносливее, чем можно было заключить по его хрупкому сложению. Во избежание возможных осложнений я еще до нашего отправления отослал в Ла-Пас унтер-офицера, прибывшего с капитаном, чтобы он присоединился там к экспедиции в Чако.

Мы двинулись по тропе, проторенной людьми, работающими в «Инка майнинг компани», и дошли до пустынного перевала Арикома. Здесь, на высоте 15 000 футов, снега не было, хотя повсюду вокруг возвышались снежные вершины, то тут, то там черневшие остриями и уступами скал; какой-то неприветливостью пахнуло на нас — только так я могу определить ощущение, которое неизменно охватывает путника среди вершин Анд.

В швейцарских Альпах есть пики столь же, если не более, величественные, чем в Андах, хотя, конечно, высоты значительно ниже. Зато Альпы производят какое-то впечатление доброжелательности, они

одомашнены, приручены, как слон или какое-нибудь другое большое животное. В Андах же есть нечто совсем не от нашего мира. Здесь чувствуешь себя совершенно по-другому, и ощущение ледящего ужаса не оставляет одинокого путника, который вторгается в их уединение.

Войдя в узкую горловину, тропа резко нырнула вниз; во многих местах она была вырублена в отвесных скалистых стенах. Нам без конца приходилось пересекать реку по головокружительным висячим мостам, сооруженным из проволоки и веревок и столь хрупким на вид, что мы невольно колебались доверить им нашу тяжесть. То тут, то там появлялись вигони, и наш доблестный капитан не мог удержаться от того, чтобы не убивать их всякий раз, как только представлялась к тому возможность. Животные здесь были незнакомы с человеком и совсем не боялись нас, поэтому опустошение, которое он производил среди этих прелестных и безобидных существ, вызывало у меня омерзение. Возможно, я был предубежден против капитана — я не выношу бессмысленного убийства подобного рода!

Случилось так, что, когда мы остановились в одном поселке, а я отлучился по какому-то делу, из Макусани приехал помощник префекта, чтобы поздравить нас с прибытием. Боливийские офицеры, ехавшие с багажом, отстали, а из присутствующих никто не знал толком по-испански. Спас положение Тодд. Он вскрыл ящик с медикаментами, в котором оказалось шампанское (!), и устроил грандиозную попойку. Вернувшись, я обнаружил, что Тодд безопасности ради привязал ошеломленного помощника префекта к кровати в комнате гостиницы, где мы остановились, и, упорно называя его Джорджем, вливал в него огромными порциями шампанское прямо из бутылки.

Наутро наш гость очухался и не стал обижаться на нас за оказанный прием, очевидно, сочтя его одной из обычных выходов сумасшедших гринго. С андийскими чоло обращаются так безобразно, что их уже ничто не может удивить.

Несколько дальше по этой тропе чуть не погиб Костин. Мы шли гуськом по карнизу горы, который отвесной стеной обрывался к реке с высоты тысячи футов. Костин вел за собой мула и остановился прикурить; мул наткнулся на него и толкнул его в пропасть. Интересно и показательно, как быстро наши подсознательные реакции выражаются в целесообразных мышечных движениях.

В тот момент, когда Костин уже летел в пространство, его рука рванулась и крепко ухватилась за стремя, свисавшее с седла. Мул, привыкший ко всяким неожиданностям, успел вовремя упереться ногами и принял на себя тяжесть повисшего человека; ремень стремени и подпруга выдержали, и Костин, бывший в армии инструктором гимнастики, подтянулся на одной руке и вылез на тропу, прежде чем полностью осознал, что, собственно, произошло.

Мулы всегда ходят по внешнему краю горных троп, чтобы не цеплять вьюком за скалу с внутренней стороны, так как удары болезненно отзываются на их спине. Иной раз камень вырвется из-под копыта животного, и оно оступится; когда это случается, всадник бледнеет и старается выдавить из себя улыбку. Идти по карнизу очень опасно, однако еще опаснее ехать верхом по качающемуся висячему мосту, ибо доски настила дают мулу весьма ненадежную опору, и, если его нога попадет в щель между ними, всадник почти наверняка летит в несущийся внизу ледяной поток, откуда можно спастись разве что чудом.

Мы перебрались через реку Инамбари и вышли к Санто-Доминго, который когда-то, как говорили, был

самым богатым золотым рудником Перу. Он расположен на самом верху горного хребта, протянувшегося между двумя глубокими долинами, в ручьях которых уже давно мыли золото. Рудник разрабатывался синдикатом, купившим его у некоего американца за 40 000 фунтов стерлингов. Американец в свою очередь приобрел его от какого-то индейца в обмен на корову и теленка — невероятная сделка, если принять во внимание ходячее поверье, по которому выдача иностранцу золотого месторождения влечет для неблагоразумного гибель семьи и его собственную смерть. Выход добываемого здесь золота составлял восемьдесят унций на тонну руды, но мне думается, что закладка новых выработок и необходимость постоянно улучшать дорогу поглощали большую часть прибылей синдиката.

За Санто-Доминго двигаться по тропе стало очень опасно из-за оползней, вызванных постоянными дождями. Караваны животных, доставляющих каучук из района реки Тамбопаты, разбились дорогу, наделав массу рытвин и выбоин, наполненных жидкой грязью. Наши мулы с монотонным хлюпаньем ступали в эти ямы, судорожно дергаясь всем телом, отчего мы так и подскакивали в наших жестких седлах. Горные склоны над нами заволакивались подвижной пеленой влажного тумана, а не дававший передышки дождь насквозь промачивал наши пончо и струйками стекал с ног. Даже растительность имела какой-то запачканный вид, за исключением огромных папоротников, буйно росших в расщелинах скал. Условия пути не изменились до самого Астильеро, где «Инка раббер компани» основала небольшую базу, которой заведовал шотландец по имени Ангус.

Два перуанских офицера, служивших в Астильеро, увидели в нас шпионов, посланных Боливией для сбора сведений о военном посту, находящемся в месте слияния рек Тамбопаты и Мальдонадо. Они вертели

перед нами своими пистолетами и что-то гневно бормотали, пока мы не умиротворили их шампанским, добытым из ящиков с медикаментами. В конце концов его запасы сослужили нам хорошую службу! Офицеры подобрали и, более того, сделались куда как разговорчивыми, узнав, что мы держим путь к реке Хит.

— Вам не подняться вверх по ее течению, — заявил один из них. — Уж очень там свирепые дикари — вас ждет верная смерть! Их в тех местах тысячи — не то, что кучка тут, кучка там, как на большинстве рек, — а именно тысячи. Не так давно две роты солдат пытались подняться по реке, но понесли такие потери, что отказались от своего намерения и быстро вернулись. Можете мне поверить: этих дикарей вы даже не увидите, даже не узнаете, что они где-то поблизости, как вдруг вокруг вас засвистят стрелы, застучат по лодкам, поражая Людей направо и налево! Стрелы у них отравлены, одна лишь царапина — и вы погибли!

— Послушайте только, что случилось с одним немцем по имени Геллер, — вмешался другой. — Он отправился с отрядом по реке Хит на двадцати лодках, да еще сорок человек прочесывали заросли по обоим берегам. Но это не помогло. Дикари напали из лесу — отряд понес ужасающие потери, прежде чем Геллеру удалось отступить с теми, кто остался в живых. Его путешествие продолжалось всего девять дней, не больше. Нет, идти туда невозможно, уверяю вас!

От таких рассказов нашему доблестному капитану стало явно не по себе, и воображаю, какое облегчение доставило ему письмо от президента, в котором тот спрашивал, не сочту ли я возможным отпустить капитана в Ла-Пас для работы в районе Чако. Для меня это тоже было облегчение, так как унтер-офицеры, возмущенные тем, как он с ними обходился, уже подумывали, не отказаться ли им от дальнейшего участия в экспедиции, а мне меньше всего хотелось,

чтобы между моими людьми были трения. Способность капитана к предстоящей работе также вызывала сомнение, а неумелое обращение с драгоценными геодезическими хронометрами уже привело к порче одного из них.

Нам пришлось ждать несколько дней, прежде чем удалось найти бателон, который довез бы нас до Мадре-де-Дьос. Все это время мы усиленно угощали астильерцев шампанским из ящиков с медикаментами. Нечего было и думать о том, чтобы забрать с собой этот громоздкий груз, поэтому Тодд делал все от него зависящее, чтобы их содержимое не пропало впустую, и глушил бутылку за бутылкой, словно лимонад.

Пришли известия, что индейцы племени чунчо ниже по реке настроены очень воинственно. Они напали на сборщиков каучука, поймали одного, обобрали его до нитки и отпустили, никого не убив. В сущности сами сборщики каучука провоцировали эти нападения, которых могло и не быть, если бы индейцев оставили в покое. Бателон следовало возвратить в Астильеро, и мы с Ли привели его в устье Тамбопаты. По пути мы увидели двух диких свиней, переплывавших Мадре-де-Дьос, которая в этом месте достигает 500 ярдов ширины. Для дикой свиньи это незаурядный подвиг. Мы подстрелили их, чтобы восполнить наши продовольственные запасы, но особенно полакомиться свежим мясом нам не довелось, так как оно пришлось весьма по вкусу боливийскому отряду, расположенному в устье Хит.

Мне удалось достать подходящую для поездки лодку и еще один бателон, который должен был следовать за нами. Начальствовали на нем мой младший офицер и один из боливийских офицеров. Когда они наконец пришли в устье реки Хит, где нас уже радушно встретил командир поста майор Альдасосо, мы узнали, что в пути у них случилось происшествие, которое могло окончиться весьма печально. Офицеры поссорились, и

англичанин ударил боливийца по лицу; в Южной Америке это смертельное оскорбление. То, что боливиец не застрелил обидчика на месте, я могу приписать только его достойному похвалы самообладанию, но тем не менее экспедиция лишилась услуг этого офицера, так как он предпочел остаться со своими соотечественниками в местном гарнизоне.

Майор Альдасосо пессимистически оценивал наши шансы на удачное путешествие вверх по реке Хит.

— Это невозможно, — сказал он. — Гуарайю злой народ, и их так много, что они даже осмеливаются появляться здесь и нападать на нас, вооруженных солдат! Приходится постоянно быть начеку. Рискнуть пробраться в самую глубь их страны — чистейшее безумие!

— И все-таки мы попытаемся, — ответил я. Он пожал плечами, а затем добавил:

— Ну что же, если вы должны идти — идите на свой страх и риск. Впрочем, я дам вам несколько солдат. Больше пяти человек выделить не могу, но они будут вам полезны.

Он также сумел раздобыть мне еще лодку, и, таким образом, Ли, Костин и я сели в одну, а остальные — в другую. Третья лодка с солдатами и одним штатским служащим из гарнизона следовала за нами.

Первые четыре дня наше продвижение вверх по реке шло без затруднений. Потом, когда достигли покинутой росчисти, сделанной индейцами на берегу, начались перекаты. Плыть стало труднее, на берегах начали попадаться свежие следы индейцев. На шестой день лодка с солдатами оставила нас и отправилась назад к устью реки. Индейцы были явно где-то поблизости и могли напасть в любой момент, но мы все еще не видели никаких признаков жизни, кроме многочисленных следов в кустах у кромки воды. На седьмой день за

поворотом реки, на песчаной отмели, показался большой индейский лагерь.

Залаяли собаки, закричали мужчины, женщины с воплями кинулись к своим детям — весь лагерь засуетился, заволновался. Женщины и дети устремились в ближайший лес, собаки бросились с ними вместе, путаясь у них под ногами и сбивая их с ног. Мужчины схватили луки и другое оружие, бросились к лодкам, лежавшим на песке, и столкнули их в воду с такой силой, что они почти долетели до противоположного берега. Затем индейцы выпрыгнули из лодок на высокий, поросший деревьями берег, вскарабкались по откосу, осыпая целые лавины из земли и камней, и исчезли среди густой листвы; на смену их лихорадочной болтовне пришла зловещая тишина.

Тем временем мы продолжали работать шестами, продвигаясь вперед, как можно быстрее, и налетели на мель. Не успел первый из нас выпрыгнуть на песок, как с другого берега в нас начали палить из дробовиков, и между нами зажужжали стрелы. Мы отнеслись к нападению довольно спокойно, только бедный капитан Варгас, должно быть, оступившись, вывалился из лодки в реку, откуда его пришлось выуживать. Борта нашей лодки были толщиной в целых полтора дюйма, но я заметил, что одна стрела, пробив оба борта, вышла наружу больше чем на фут. Легко себе представить, с какой силой она была пущена!

Мы вытащили обе лодки на песок, так, чтобы их не унесло, и один за другим вышли на берег. Стрелы так и шлепались в землю вокруг нас. Я поднял вверх обе руки и, повернувшись к другому берегу, выкрикнул фразу на языке чунчо, которую выучил наизусть в Астильеро от одного из сборщиков каучука. Я рассчитывал, что индейцы гуарайю поймут ее, так как между местными языками имеется известное сходство. Воображаю, как обрадовался бы шутник-самоучка, который научил меня

этой фразе, не объяснив ее смысла, если бы он увидел меня сейчас здесь на отмели. Оказывается, в эту минуту, когда наша жизнь висела на волоске, я кричал обстреливавшим нас индейцам, что мы их враги и явились затем, чтобы убить их! Не удивительно, что после этого стрелы полетели еще гуще!

Не могу понять, почему мы не были задеты; река в этом месте заужена, и расстояние между нами и индейцами едва ли составляло более двадцати — тридцати ярдов. Как правило, гуарайю — замечательные стрелки из лука, и если они возбуждены, они могут свободно послать стрелу через верхушку дерева и поразить мелкое животное за ним. У индейцев было также несколько ружей, но, выстрелив раз, они, видимо, слишком долго перезаряжали их.

Сам я в этот момент не видел стрел, но позже мне рассказывали, что несколько раз я был на волосок от смерти. Со стороны кажется, что стрелы летят довольно медленно, но если стрела летит прямо на тебя, ее совершенно не видно.

После того как мои призывы к миру ни к чему не привели, мы поставили лодки в более безопасное положение, причем никто из нас не пострадал. Затем Тодда посадили на бревно, лежавшее посередине отмели, как раз вне пределов досягаемости стрел, и велели ему играть на аккордеоне. Он был большой мастер по этой части, что явилось основным соображением, почему я взял его с собой. Итак, Тодд сидел на бревне и извлекал из своего инструмента одну мелодию за другой с таким спокойствием, словно веселился в каком-нибудь английском трактире. Надо полагать, мы являли собой совершенно смехотворное зрелище. Увертываясь от стрел, мы пели во всю мочь наших легких, а Тодд все наигрывал на аккордеоне, отбивая такт обеими ногами. Любой, увидевший эту картину, подумал бы, что все мы в стельку пьяны — такую невероятную какофонию мы

производили! Тодд бешено наигрывал «Старую кентскую дорогу», Костин, выкатив глаза и кривя губы от напряжения, громогласно уверял индейцев, что мы «Солдаты королевы». Доктор во все горло распевал о «Велосипеде на двоих», а я, насколько помнится, басил «Лебедь-речку». Кто-то еще — я не видел, кто именно, — выбрал псалм «Вперед, Христовы воины», а капитан Варгас, несомненно, исполнял какую-то жемчужину боливийского песенного эпоса.

Как долго мы давали этот концерт — не знаю. Казалось, он длился целую вечность. На время мы даже позабыли о стрелах, как вдруг я заметил, что Костин, продолжая распевать свой мотив, снова и снова повторяет: «Они — и все-е ко-ончили — и стре-лять». И вправду, стрелы уже не свистели вокруг, более того, из-за невысокого кустарника высунулось смуглое лицо, и широко раскрытые глаза уставились на нас. Потом еще одна голова вынырнула над кустарником, и еще одна. Хотел бы я знать, что думали о нас дикари в тот момент.

Мы не сделали ни единого выстрела. Таков был мой первый приказ, как только мы высадились на отмель, ибо, если бы мы ответили дикарям, это решило бы нашу участь. Теперь же они наверняка должны были понять, что мы пришли не с враждебными намерениями, а думаем установить с ними дружеские отношения.

Выразительная жестикуляция, которой подкрепляют слова в Латинской Америке, развилась в своего рода самостоятельный язык жестов, настолько прозрачный, что с его помощью можно вести довольно сложную беседу, не произнося ни единого слова. И вот я подошел к воде и замахал обеими руками над головой, стараясь внушить индейцам, что собираюсь переправиться к ним через реку. В это время из-за деревьев выглядывало уже много лиц, и я надеялся, что мои дружелюбные знаки будут правильно истолкованы.

Одна из лодок индейцев осталась на песке, наказав Тодду продолжать играть что есть силы, я сел в нее и попросил доктора оттолкнуть меня. Лодка сползла в воду, доктор тоже взобрался в нее, и в последний момент к нам присоединился младший офицер. Мы принялись грести на ту сторону, меж тем как импровизированный концерт на отмели продолжался еще энергичнее прежнего.

Из-под берега мы не могли видеть находившихся наверху дикарей, зато мы прекрасно сознавали, что они могут встретить нас огнем в упор, когда мы покажемся над гребнем берегового ската. Но колебаться не приходилось — это только затруднило бы то, что все равно было неизбежно — так бывает, когда нужно нырнуть в воду с большой высоты. Поэтому я подпрыгнул, ухватился за спутанную траву и стал вскарабкиваться на берег. Доктор последовал за мной.

Сверху, из густой листвы, ко мне протянулись две или три коричневые руки, подхватили меня и перетянули через гребень берегового откоса. Я оказался в середине группы из сорока — пятидесяти воинов гуарайю. Потом и доктор очутился рядом со мной, и мы стали рассматривать умные и красивые лица этих грозных дикарей.

Некоторые из них имели дробовики, украденные у сборщиков каучука, но большинство были вооружены большими черными луками шести или более футов длиной и столь же длинными стрелами. У нескольких воинов руки и лица были раскрашены клеточными узорами с помощью сока ягод уруку; на них были рубахи из тербленой коры с нанесенным пурпурной краской рисунком на груди. Некоторые были одеты в длинные темные платья, делавшие их похожими на женщин; другие были совершенно голыми.

Весело смеясь и болтая между собой, индейцы принялись разглядывать наши одежды. Потом нас

повели лесом, и, пройдя около четверти мили, мы пришли к хижинам, где нас ожидал касик^[114] племени. Мне пришел в голову лишь один способ выразить ему свои дружеские чувства. Я надел вождю на голову мою шляпу и похлопал его по спине. Он заулыбался, и все воины вокруг разразились смехом — надо сказать, они смеялись по любому поводу. Потом нам принесли дары — бананы и рыбу, и дружественные отношения были прочно установлены.

Касик повел меня к большому пруду, где рыбы всевозможных размеров и видов плавали у самой поверхности, растопырив плавники и едва колыша воду своими хвостами. Рыбы были оглушены соком растения солиман, добавленным в воду, — излюбленный у индейцев способ ловли рыбы. Сбор этого сока опасен, так как он чрезвычайно ядовит: если в глаз попадает малейшая капелька, это может повлечь его гибель. Однако сок солиман добывают повсюду, и разумные меры предосторожности, внушаемые индейцам с детского возраста, становятся у них привычкой^[115]. Как только сок вливают в воду, все рыбы по соседству парализуются и всплывают на поверхность. Вкус рыбы при этом как будто не страдает. Воины собрали для нас много рыбы, а затем мы вернулись к берегу реки и переехали на отмель, где стояли, сбившись кучкой, остальные члены отряда, несколько обеспокоенные нашим отсутствием. Мы разбили лагерь, и дикари с огромным интересом принялись рассматривать предметы нашего снаряжения. Они окружили Тодда и щупали его аккордеон. Тодд не терялся ни в какой компании и скоро стал называть их английскими именами на чистейшем кокни^[116], объясняя, что такое аккордеон, и извлекая из него рыдающие звуки, повергавшие дикарей в неудержимое веселье. Он даже сунул аккордеон в руки одному из воинов, рослому, одетому в платье детине, и, когда инструмент издал

воющий звук, индеец выронил аккордеон, словно это был горячий утюг, и упал, как подкошенный. Остальные, пронзительно крича, подняли его на смех. Ни в каком общепонятном языке не было необходимости, обе стороны и так превосходно понимали друг друга.

В эту ночь никому не надо было стоять на страже, и мы прекрасно выспались. Экспедиция всегда пользовалась гамаками, над которыми сверху, между деревьями или на треногах из тростника, навешивались длинные водонепроницаемые тенты. Более покойное ложе трудно себе и представить, если уже привык спать в несколько изогнутом положении, и даже в Англии я предпочитал гамак кровати.

Шесть индейцев ночевали с нами на отмели. Это были единственные люди из всего племени, которых мы увидели наутро. Остальные, по-видимому, ушли в лес, так как все лодки стояли у берега, а касик оставил нам в подарок несколько ожерелий из зубов. Двое из шести оставшихся вызвались помочь нам провести лодки вверх по реке, и я с радостью согласился. Им страшно хотелось знать, не являемся ли мы «soldados» — единственное испанское слово, которое они знали, — так как солдат они с полным основанием боялись и ненавидели. Бедный Варгас аж вспотел и умолял меня не выдавать его! На фото изображены эти двое индейских воинов. Тот, что сидит, одет в рубашку из тербленой коры, на том, что стоит, — окрашенное в красный цвет хлопчатобумажное платье. Я подарил им два покрывала для защиты от полчищ кусачих мух, делающих путешествие по этой реке особенно тягостным.

На третью ночь, после того как мы покинули отмель, эти двое гуарайю исчезли, прихватив с собой винтовку Тодда и патроны к ней. Тодд был на часах, но заснул. Выражения, которые мы слышали от него, когда пропажа была обнаружена, не допускали сомнения в

том, что отныне он не будет питать никакого доверия к индейцам! С запада донеслись выстрелы из винтовки, издевательски приглашавшие нас заняться преследованием. Но мы не поддались соблазну и продолжали продвигаться вверх по реке. Тодд был в бешенстве и не мог отойти еще несколько дней, так как задним числом сообразил, что с тем же успехом мог потерять свой любимый аккордеон.

В верховьях реки мы встречали множество следов индейцев, но не увидели ни одного человека. Возможно, их деревни находятся в значительном отдалении от реки, на ее западном высоком берегу, так как весь восточный берег занят обширными болотами, которые простираются до самого бассейна реки Мадиди. Чем выше мы поднимались, тем чаще попадались коряги, причинявшие нам большие неудобства, — вода стояла низко, и проходить над ними было нелегко. Потом, как назло, пошли перекаты, один за другим, так, что казалось, им вообще не будет конца.

В одном месте на берегу мы увидели несколько лодок, перевернутых вверх дном; мы проходили также мимо отмелей, где стояли покинутые хижины, построенные в сухой сезон. Однажды на высоком берегу показался дым — вероятно, индейцы занимались там расчисткой леса. Однако они упорно избегали встречи с нами. Иногда мы слышали голоса — крики или гортанные возгласы, но сами индейцы не показывались и не нападали на нас. Однажды капитан Варгас, стоя ночью на часах, якобы заметил фигуры, подползающие к лагерю, но его выстрелы остались без ответа и только лишний раз подтвердили, что все это ему примерещилось.

Свежей пищи было здесь вдоволь. Мы поймали вкусную чешуйчатую рыбу, называемую дорадо^[117], весом в четыре или пять фунтов, и убили несколько диких свиней. Больше всего мучений нам доставляло то,

что у нас начала облезать кожа с ног, так как мы постоянно мочили их в реке, перетаскивая лодку через пороги. Кожа сходила лоскутами, которые присыхали к носкам, отчего процедура раздевания на ночь была очень болезненной. Доктор подозревал, что виноват в этом какой-нибудь микроб, находящийся в воде, но я думаю, что все дело было в песке. Во всяком случае единственным средством было ежевечернее растирание ног спиртом. Это была сущая пытка, но приходилось ее терпеть. К счастью, спирта у нас было достаточно, хотя его запасы сильно сократились.

Другим нашим бичом были сутуту — личинки каких-то мух или оводов, которые, вылупившись из яиц, отложенных на рубашке, немедленно проникают под кожу, обычно на спине. Этим маленьким извергам нельзя извлечь до тех пор, пока не «созреют» болячки, которые они образуют, но даже тогда требуется немалое искусство, чтобы вытащить их, так как, потревоженные, они сейчас же вцепляются в мясо своими острыми челюстями. Иногда помогает сок табака, но, вводя его под кожу, можно вызвать заражение крови. Позже мы узнали, что у индейцев есть свои способы избавления от сутуту. Они производят языком какой-то удивительный, свистящий звук, и личинка сейчас же высовывает свою головку из сделанного ею гнезда. Болячку быстро сдавливают, и непрошенный пришелец выскакивает. Доктору такой метод лечения показался не ортодоксальным, смахивающим на черную магию, но после того как мы избавились таким образом от мучений, причиняемых этой нечистью, он позволил лечить себя тем же методом.

Двигаться стало еще труднее, так как из песчаного дно реки стало каменистым, гладким и скользким от водорослей. Мы оступались, сыпали проклятьями, разбивали себе колени и без конца плюхались в воду. Если б можно было надеяться, что в дальнейшем

продвигаться станет легче, это еще куда ни шло, но у нас были все основания полагать, что впереди дорога будет еще Хуже. Однако, несмотря ни на что, мы должны были идти вперед — нашей наградой будут ценные географические данные, которые мы соберем впервые.

— Дикари! — вскричал Костин как-то днем, когда мы с ним, потихоньку отталкиваясь шестами, подходили к очередному перекату, меж тем как Ли отправился назад, чтобы помочь второй лодке. — Вон там, прямо перед нами, майор! — Он указал на песчаную отмель в четверти мили от нас, и я увидел восемь коричневых фигур, которые внимательно смотрели в нашу сторону.

— Поворачивайте к берегу, — распорядился я. — Да поживее! Ждите меня в лодке, а я пойду к ним, постараюсь завязать с ними дружбу.

Взять с собою ружье — значило показать, что ты враг, поэтому я пошел к ним с пустыми руками, делая дружественные жесты, хотя и не был уверен, как они поступят, — может быть, повернутся и скроются в лесу. Но вместо этого дикари построились полукругом, натянули луки и с нацеленными стрелами стали медленно приближаться ко мне. Положение было не из приятных — индейцы были явно враждебно настроены, а чувство собственного достоинства не позволяло мне отступить. Когда дикари оказались на расстоянии сотни ярдов от меня, они пришли в необычайное возбуждение, и, оглянувшись, я увидел, что из-за поворота реки выходит вторая наша лодка. Когда я снова повернулся к дикарям, то увидел только их спины — они бросились врассыпную к ближайшему укрытию.

Я последовал за ними и остановился примерно в сорока ярдах от того места, где они скрылись. Напрасно я старался дать им понять, чтобы они вышли ко мне, и даже пустил в ход те немногие слова, которые выучил у гуарайю. Сделав знак Костину, чтобы он принес немного

сахару и другие мелкие вещи из лодки, я показал все это индейцам, положил на большой камень и удалился. Некоторое время спустя индейцы вышли из укрытия и внимательно осмотрели мои подношения. Потом они отошли к опушке леса, положили там свое оружие и приблизились ко мне. Мы были признаны друзьями.

Эти индейцы принадлежали к малочисленному племени эчока, владевшему расположенной поблизости большой плантацией, с которой мы получили от них в подарок маниоку, маис и бананы. Они дали нам также рыбы и настояли на том, чтобы мы позволили им тянуть наши лодки. Так мы добрались до их большой общинной хижины, где вместе с ними провели ночь и где нас радушно принимали и угощали.

На следующий день мы оставили лодки у наших новых друзей и отправились дальше пешком, неся багаж на себе. Некоторое время индейцы сопровождали нас. К моему удивлению, они рассказали, что у них была стычка со сборщиками каучука, и показали место, где она произошла. Это меня поразило; я никак не предполагал, что сборщики проникли так далеко вверх по реке; во всяком случае мы не ожидали встретить какие-либо признаки цивилизации после того, как покинули Мадре-де-Дьос.

Я знал, что мы находимся недалеко от Тамбопаты, и намеревался дойти до этой реки, произвести там необходимую работу и замкнуть круг, построив бальсу и спустившись на ней до Астильеро.

Дичи кругом было полно. В каждом озере водилась рыба, кроме того, мы подстрелили двух тапиров — их превосходное мясо походило по вкусу на говядину. Всюду по пути попадались плантации эчока, которые обильно снабжали нас овощами и фруктами. Право же, от великодушия этих добрых дикарей нам становилось просто не по себе.

Мы достигли гористой местности, и по ночам нас стали донимать вампиры. У Тодда, Воргаса и у меня были искусаны голова и пальцы ног, у Костина на одной руке пострадали кончики всех пальцев. Просыпаясь по утрам, мы обнаруживали, что наши гамаки пропитаны кровью, так как каждая часть тела, соприкасавшаяся с противомоскитной сеткой или высовывавшаяся из-под нее наружу, подвергалась нападению этих отвратительных животных. Ошибочно считать, что человеку они никогда не вредят. Как-то ночью я сам наблюдал поведение напавшего на меня вампира. Перед тем как сесть, он некоторое время обвевал мое лицо своими крыльями, эти движения производили успокаивающее действие, и мне стоило немалых усилий отбросить это существо прочь от себя. С интересом я отметил, что в этот момент у меня было лишь одно желание — заснуть и не противодействовать ему. Как большие, так и малые разновидности их придерживаются той же тактики и представляют большую опасность для лошадей и мулов, которые могут погибнуть от многократных потерь крови или от сепсиса.

К 14 сентября мы достигли мест, где река превратилась в простой ручеек шириною в один или два фута, стекавший с крутых, покрытых лесом холмов, очень трудных для подъема. Произведя необходимые наблюдения и замеры, мы пошли назад по своим следам, пока не достигли места, откуда было бы удобно пройти по суше, к Тамбопате. Прежде чем дойти до нее, мы опять повстречали эчока, которые принесли нам новые запасы продуктов и даже провожали нас до тех пор, пока не завиднелась Тамбопата. Здесь мы с ними распрощались и пошли по тропе, приведшей на расчистку сборщиков каучука — к барраке Марте.

Люди в Марте голодали. Под грязным навесом, стоявшим на краю расчистки, лежало около тридцати

индейцев в различной степени истощения, покрытых отвратительными фурункулами и болячками. Сеньор Нейслон, боливиец скандинавского происхождения, управляющий барракой, имел в запасе всего лишь около кварты маиса. Однако и это он готов был отдать нам. Рабочие уже некоторое время ели листья и траву, хотя на реке Хит, чуть подалее тех мест, до которых добрались сборщики каучука, было полно рыбы и дичи. Страх перед дикими индейцами заставлял сборщиков сторониться этих мест, и тут нетрудно было увидеть неизбежное действие закона причины и следствия. Ведь мы-то пришли сюда от дикарей, мы отнеслись к ним с уважением и в изобилии получали от них съестное. Здесьним сборщикам каучука было совершенно неизвестно, что река за холмами — Хит и что дикие индейцы, там живущие, вполне способны отвечать на дружбу дружбой. Когда мы сказали им об этом, они очень удивились.

Марте соединялась с территорией главной барраки Сан-Карлос тропой, непригодной для животных, но лучше такая тропа, чем никакая. До Сан-Карлоса было около тридцати миль, и мы шли туда два дня. Оттуда несколько лучшая тропа вела к Сандии и Альтиплано. Не доходя Сан-Карлоса мы встретили шесть эчока, нагруженных сахарным тростником, собранным с покинутой плантации; они щедро поделились с нами своею добычей и не хотели слушать никаких возражений.

В Сан-Карлосе также было плохо с продовольствием, хотя несколько лучше, чем в Марте. Здесьний управляющий, англичанин, женатый на боливийке, имел большой опыт работы на каучуковых участках в районе Вени, и я подозреваю, что там он и усвоил методы обращения с рабочими. В следующем году я узнал больше об этом селении. За немалые деньги мы получили от него немного маиса и чуню —

замороженный картофель. Пока члены нашего отряда лечились в барраке от разных недугов, Костин и я отправились пешком вверх по реке до ее слияния с Лансой — это был важный пункт при демаркации границ.

Многие индейские пеоны, жившие в Сан-Карлосе, были земледами; усвоив эту привычку, они обрекали себя на гибель через один-два года. Недавно один из них был отослан в дорогу, его снабдили бананами и мясом. При выходе из селения его застали за тем, что он готовил себе на завтрак три лепешки из грязи. Бедняга умер, не дойдя до места назначения.

Капитану Варгасу путешествие далось довольно трудно, и он не был расположен к поездке вниз по реке до Астильеро. Поэтому он покинул нас здесь и отправился домой по тропе на Сандию. Он был прекрасным попутчиком, и, расставаясь, мы очень сожалели, что лишаемся его.

Вернувшись в Марте, мы построили три бальсы и, погрузившись на них, начали сумасшедшую двухдневную поездку вниз по течению Тамбопаты до Астильеро — сумасшедшую потому, что мы проскакивали порог за порогом со скоростью тридцать миль в час, в этих местах река, ширина которой обычно составляла сто ярдов, сужалась на протяжении полумили до двадцати ярдов, создавая эффект струи из брандспойта. От такого передвижения волосы вставали дыбом. Ли и я были на одном плоту, младший офицер и доктор — на другом, а на третьем — Костин и Тодд. Наш плот прошел без каких-либо неприятностей, но другие плоты несколько раз терпели бедствие, а Костин и Тодд были буквально выловлены из воды индейцами племени чунчо, которые накормили их, устроили на ночлег и помогли починить плот. Здесь в низовьях реки индейцев этого племени было много, а выше Астильеро мы даже прошли мимо одной их деревни и видели их вождя.

Любителям сильных ощущений можно только посоветовать спуститься на плоту по этим горным потокам. При этом требуется большое искусство, чтобы не налететь на корягу или скалу; маслянистое течение плавно несет вас у самого подножия каменной стены; потом вдруг вы видите, что стены ущелья впереди сходятся и река исчезает из виду. Если вы не знакомы с рекой — а мы ее не знали, — нельзя сказать, ждет ли вас впереди водопад или пороги, а течение несет вас вниз все быстрее и быстрее, и вот совсем близко впереди вы видите крутой склон, по которому вода с ужасающей скоростью свергается вниз. Она несет вас, и у вас нет даже времени испугаться!

Отталкиваться шестом надо с осторожностью, особенно при проходе стремнин. Править следует так, чтобы обходить камни и коряги задолго до того, как вы достигнете их. Человек, находящийся на носу, ни в коем случае не должен держать шест прямо перед собой, не то шест может проткнуть его. Такие случаи уже бывали!

Поблизости от Астильеро нет леса, наши бальсы пришлись весьма кстати группе людей, желавшим спуститься вниз по реке до Мальдонадо. Наш друг, шотландец Ангус, радушно встретил нас в доме для приезжих и достал мулов для дальнейшего путешествия; после скудного питания в верховьях Тамбопаты здешние яства показались нам просто роскошью. У Тодда пропал носок, и он обнаружил, что его украл повар, чтобы варить в нем кофе! Я не шучу — носок был использован именно для этого. Варка кофе в Южной Америке производится следующим образом — кофе высыпают в мешочек и пропускают через него горячую воду. Носок Тодда, вероятно, отлично подходил для этой цели, зато нам пришлось отказаться от кофе на все время пребывания здесь.

От Ангуса мы узнали новости об английском капитане, которого я отослал в Чако. Немного отъехав

от Санто-Доминго, он реквизировал весь запас хлеба одного индейца, совершенно не думая о том, как тот сможет прокормиться, причем в вознаграждение бросил бедняге один шиллинг. Потом он попытался отобрать лошадь у четырех других индейцев, которые, правда, дали ему достойный отпор. В отместку он отправил длинное послание префекту с жалобой на наглость этих людей, которые сплотились для того, чтобы помешать ему отобрать их единственное достояние. Обычно англичане хорошо ведут себя в этих странах, но подобные поступки со стороны одного или двух человек приходится годами заглаживать остальным. Позже в Ла-Пасе я слышал, что капитан вернулся в Англию вместе с офицером, который был с ним в Чако, где их экспедиция потерпела полную неудачу. Оба они имели награды за свои геодезические работы в Африке — представляю, каков был уровень требований к таким работам на африканском континенте! Во всяком случае к южноамериканским условиям оба они оказались неприспособленными.

Наша партия распалась в Ла-Пасе. 25 октября Ли, Тодд и доктор уехали на родину; младший офицер поступил на службу каучуковой компании «Инамбари» и спустя некоторое время утонул; Костин и я остались работать еще на год. Как заметил Костин:

— Конечно, это ад, но его все-таки можно любить!

Фосетт, Фишер и Уркварт во время топографической съемки местности

Фосетт во дворе дома в Санта-Крус

Индейцы племени чамакоко (чако)

В верховьях реки Акри

Перетаскивание бателона у порогов

Пороги в верховьях реки Акри

Баррака Сан-Антонио. Это аванпост боливийской «каучуковой империи»

Солнечные часы в Мачу-Пикчу

Вид на заснеженные вершины Илампу

Река Мапури. Конец пути по воде. Впереди подъем в горы

Руины древнего города Мачу-Пикчу

Развалины города Тиацанако

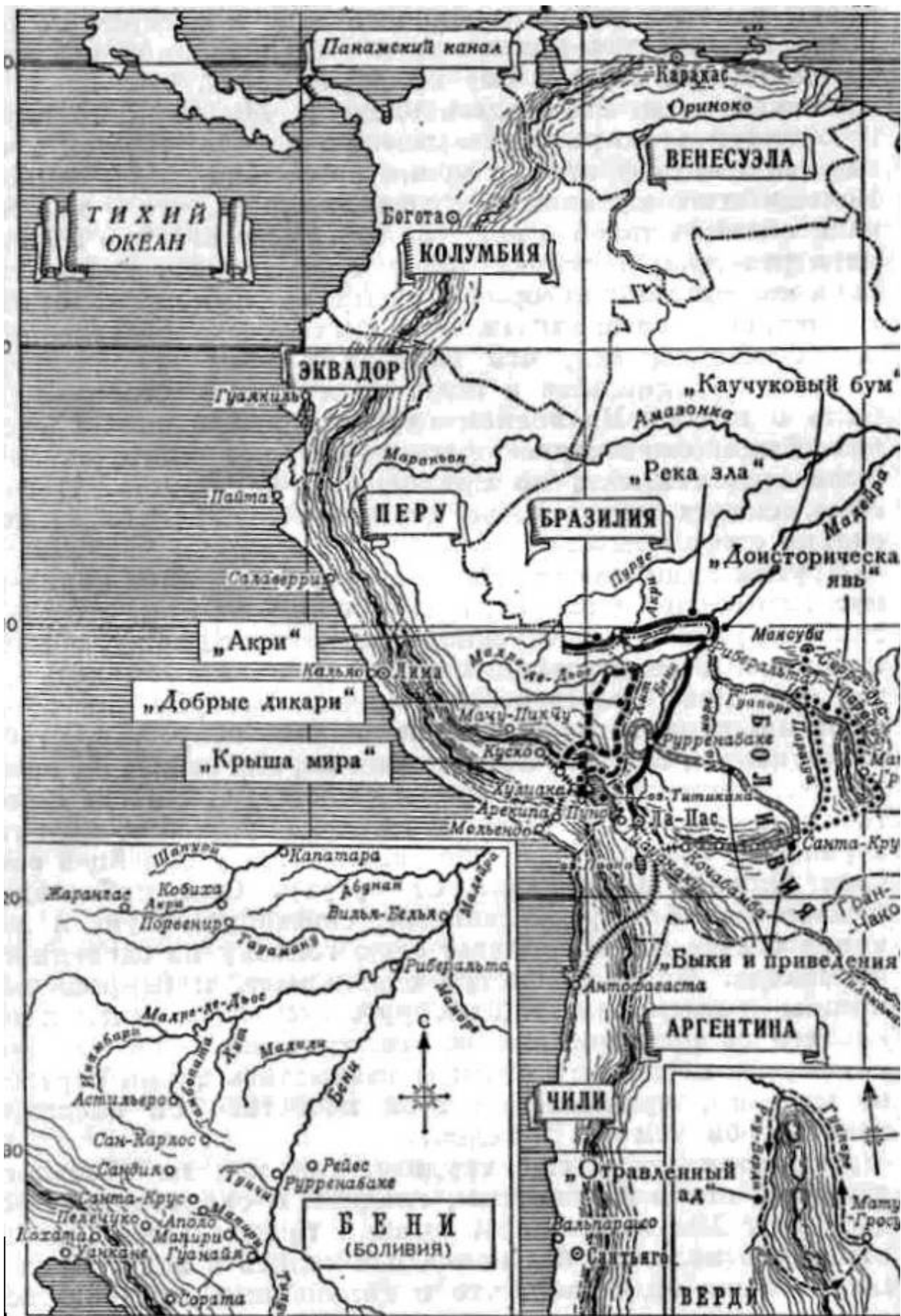
Мост в Пелечуко

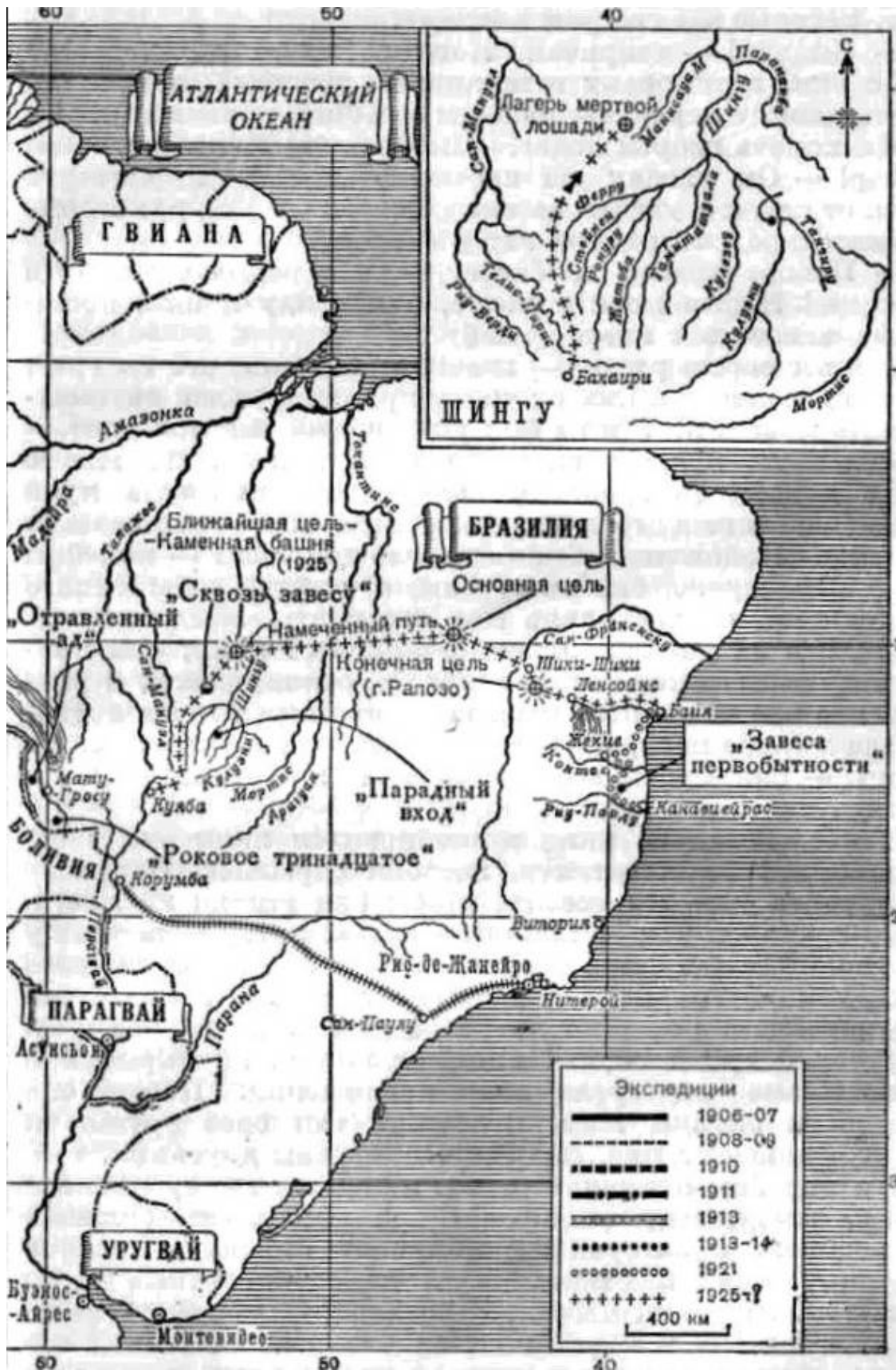

Экспедиция Фосетта у верховьев реки Хит

Хулиака, 1911 год. Костин, Мэнли, комиссар полиции и Фосетт

Маршруты экспедиций Я. Г. Фосетта

Глава 13

Крыша мира

К нам — ко мне и Костину — присоединился очень приятный молодой человек по имени Мэнли, работавший со мной еще в Англии. Родом из Девоншира, он был знатоком лошадей и постоянно оказывал экспедиции неоценимые услуги. В сущности он и Костин были единственными помощниками, на которых я мог полностью положиться и которые отлично приспособились к сложным условиям нашего путешествия. Лучших я и желать не мог.

Мы отправились из Ла-Паса в начале апреля 1911 года, пересекли озеро Титикака и достигли Хулиаки, в Перу. Этот старый колониальный испанский город расположен на Альтиплано, и через него все время шли напряженные грузовые перевозки по Южноперуанской железной дороге, которая являлась частью Diagonal de Hierro — Железной диагонали — международной железной дороги, ныне соединяющей тихоокеанское побережье с Боливией и Аргентиной.

Представьте себе обширную равнину, покрытую зелеными пучками трав, пастбищами и небольшими участками возделанной земли, распростершуюся от горизонта до горизонта, окаймленную вдалеке пурпурными горами с белоснежными вершинами. Это и есть Альтиплано. Здесь, около Хулиаки, отороченные тростником протоки воды тянутся от болот до самых берегов озера — излюбленного обиталища уток и другой водоплавающей птицы. Бальсы, составляющие неотъемлемую часть пейзажа Титикаки, лежат на своих неподвижных отражениях или скользят под тростниковыми парусами, и всюду видны индейцы в

пончо и вязаных шапочках с наушниками — мягкие, но стойкие люди, поглощенные собственными делами.

С ноября по май на Альтиплано хлещут дожди, и там, куда ударяет молния, взмываются клубы пыли, словно от взрыва снаряда. Во время этой канонады нередко гибнут люди. Однако грозы здесь так регулярны, что местные жители уже знают, когда можно их ожидать. В сезон дождей на высоте 1200 футов и выше холодно и сыро, за исключением тех дней, когда облака расходятся и долгожданное солнце осушает склоны гор, с которых начинают подниматься клубы пара. Но настоящий холод, бежалостный, жгучий холод, способный заморозить человека насмерть, наступает в сухой сезон, длящийся с мая по ноябрь, когда термометр по ночам показывает ниже нуля.

И напротив, в полдень на солнцепеке температура может подняться выше 112° по Фаренгейту^[118], причем никто не замечает этой жары, так сух в это время воздух. По ночам великолепное зрелище являют собой звезды. Здесь можно любоваться на далекие галактики, которые в более плотном воздухе на уровне моря не видимы невооруженным глазом; и, если небо безоблачно, ночью никогда не бывает по-настоящему темно, так ярко сверкает небесная иллюминация.

Нашей первой задачей было определить границу между Перу и Боливией в том пункте побережья Титикаки, где эти страны смыкаются друг с другом, и провести ее дальше по горам к Монтанье — лесному району у подножия восточных склонов Кордильер. Здесь для нас немалую опасность представляли собаки. Я люблю собак и всегда брал их с собой в экспедиции. Это были не ахти какие породистые псы, зато веселые нравом. Однако тут дело обстояло иначе: многочисленные собаки, жившие в горных деревнях индейцев аймара и кечуа, были обучены нападать на чужеземцев. Отогнать их палками было невозможно.

Однажды я видел простую дворнягу, которую сдерживали лишь тем, что всадили ей в пасть конец шеста, и, хотя шест глубоко сидел в ее горле, душа ее и, несомненно, причиняя сильную боль, пес так свирепо рвался к человеку, что почти преуспел в этом, и пришлось его прикончить. В конце концов мы обнаружили, что кусок веревки легко приводит их к повиновению. Этим собакам нипочем палки, но они питают полное уважение к веревке, так как еще щенятами их начинают приучать к порядку с ее помощью.

В Хулиаке к нам присоединился Каспар Гонсалес, молодой боливийский офицер. Мы начали триангуляционную съемку в местности на один градус восточнее главного хребта Анд и провели около трех месяцев в этой горной стране. По ночам было невыносимо холодно, температура, как правило, падала ниже 22 градусов по Фаренгейту^[119] внутри палаток; по утрам мы вставали с совершенно заоченелыми ногами и испытывали ужасные мучения, пока они не отходили. После восхода солнца температура начинала неуклонно повышаться и наступала такая жара, что, пока мы не приноровились к ней, у нас появлялись ожоги с пузырями. О бритье не могло быть и речи — кожа сошла бы с лица вместе с бородой.

Деревенские собаки не давали нам злоупотреблять гостеприимством местных жителей — более добрых людей трудно себе и представить. Помощники префектов и прочие местные именитости щедро потчевали нас бульонами, сушеным мясом, замороженным картофелем, а мы в ответ угощали их чаем с ромом, шампанским и миндальными пирожными. В большинстве мест мы останавливались также засвидетельствовать наше почтение местным священникам и выпить с ними стакан вина для причастия. Один из наших вьючных мулов по кличке

Чукара (Пугливый) был прекрасным животным, но не был приучен ходить под седлом. Мэнли жаждал сделать из него верхового мула и принялся за его перевоспитание. Мы без труда оседлали мула и держали его, а Мэнли, идя к нему так, чтобы он не видел его — мул был одноглазым, — уселся на него верхом. Затем мы отпустили поводья и ретировались. С минуты Чукара стоял как вкопанный, но потом разразился бурной деятельностью, и не успел Мэнли понять, что произошло, как мул с непостижимой быстротой поддал задом, так, что его морда уткнулась в передние ноги, и Мэнли, перелетев через его голову, тяжело плюхнулся на землю за добрых десять футов от него, зашибив себе плечо. Думаю, ни один опытный ковбой не удержался бы на этом упрямец без наколенников. Дело обошлось без переломов, однако Мэнли получил основательную встряску и отказался от всякой мысли использовать Чукару как верховое животное.

Горная болезнь — сороче — приняла у нас хроническую форму боли в желудке, и, пока она длилась, мы все время жили в Кохате. Это было жалкое местечко, постоянно страдавшее от свирепых штормов и лежавшее зимой под снегом, однако для нас оно имело свои преимущества, так как сравнительно с другими поселениями было наиболее близко расположено к Кордильерам. Отсюда мы отправлялись для проведения всех необходимых работ в течение дня. По вечерам мы принимали гостей и сами ходили в гости — в здешних местах это совершенно необходимо, если хочешь рассчитывать на помощь со стороны местных властей.

Здесь было обилие вискачей, — животных размером с кролика и очень похожих на него по внешнему виду, но имеющих пушистый хвост, как у белки^[120]. Их мех по цвету напоминает шиншилловый. Они тысячами прыгают по уступам скал и по горным склонам, и их мясо считается очень вкусным у местных жителей.

Удивительно, почему здесь не развился пушной промысел — шкурка этого зверька несравненно лучше кроличьей, и он водится по всему Альтиплано.

После Кохаты мы остановились в Пелечуко. Здешние места отличались в выгодную сторону своей обильной растительностью от селений, расположенных на плоскогорье, или пуне. Несмотря на то что Пелечуко расположено на высоте 12 000 футов над уровнем моря, тут было полно свободно растущей герани, фуксий, анютиных глазок и роз.

Громадные южноамериканские кондоры чувствуют себя здесь как дома^[121]. Сеньор Франк — боливиец немецкого происхождения, у которого мы остановились, очень много рассказывал нам о них. Как известно, это самые крупные птицы на земле — у королевского кондора размах крыльев достигает четырнадцати футов. Они редко спускаются ниже 15 000—16 000 футов, разве что затем, чтобы утащить овцу или — такие случаи бывали — ребенка. Они обладают невероятной силой. Известен случай, когда раненый кондор тащил за собой мула, а около Пелечуко кондор нес взрослого человека на протяжении двадцати ярдов. Однако обычно кондоры нападают в горах на небольших овец; они поднимают их в воздух на тысячу и более футов, а потом сбрасывают вниз и не спеша пожирают.

Карлос Франк, знавший горы, как свои пять пальцев, однажды наткнулся на группу королевских кондоров. Они торжественно кружили вокруг двух огромных черных и одного еще большего белого кондора, который по-видимому, был вожаком. Франку давно хотелось иметь чучело такой редкой разновидности, как белый кондор, и он был настолько неблагоразумен, что выстрелил в него. Немедленно весь хоровод кондоров распался, и две птицы накинулись на Франка; ему пришлось лечь на спину и отбиваться от них винтовкой. Потом он пустился в бегство, но птицы преследовали

его, и, когда он спускался по узкой скалистой тропе, вырубленной в отвесной каменной стене, кондоры все время старались сбросить его в пропасть ударами крыльев. В конце концов ему удалось спастись, и он считал, что ему исключительно повезло.

В деревне Курва недалеко от Пелечуко проживают своеобразные цыгане Южной Америки, племя индейцев, которых зовут брухас (колдуны) или калауайя. Подобно баскам в Европе, их происхождение теряется во мраке прошлого; они бродят повсюду в Андах в качестве коновалов, сборщиков лечебных трав и предсказателей будущего, и полагают, что они наделены таинственной властью.

— Вы знаете мою дочь, — сказал мне Франк. — В юности она страдала каким-то заболеванием тазобедренного сустава, фактически была калекой. Хотите верьте, хотите нет, но я расскажу вам, как она вылечилась. Я послал ее в Германию, думал, может, там ей чем-нибудь помогут. Бедная девочка! Ей сделали четыре операции, но ей не стало лучше, и мы уже отчаялись когда-либо вылечить ее. Потом, уже после того как она вернулась в Пелечуко, один из этих калауайя пришел к нам и предложил вылечить ее за основательное вознаграждение, с условием, если не вылечит, ничего не получит. Не буду рассказывать о том, какие отвары он велел мне готовить, вас может вывернуть наизнанку, такие они были противные. Если бы я не верил в могущество этих странных людей, я ни за что бы не осмелился дать их снадобья своему ребенку. И все-таки я их готовил и давал пить с водой. Дочь, конечно, понятия не имела, что принимает, и что же? Поверьте мне, через неделю — не больше, чем через неделю! — она совершенно поправилась и теперь здорова.

— И вы верите, что предписания калауайя вылечили ее? — спросил я.

— А что же еще? Моя дочь считалась безнадежной больной, даже крупные специалисты в Германии не могли ей помочь.

— Это звучит фантастично — в такие штуки перестали верить со времен средневековья.

— Когда живешь в таких уединенных местах, в непосредственной близости к природе, вдалеке от суеты внешнего мира, испытываешь много такого, что человеку со стороны может показаться фантастическим, а для нас обычное дело.

Нам не хотелось покидать гостеприимный кров Карлоса Франка ради холодных биваков в горах, но, чтобы определить опорные точки для триангуляционной съемки севернее, вдоль восточных склонов Кордильер, пришлось покинуть Пелечуко. На нашем пути, недалеко от Кеары, стояла ферма Франка, и здесь мы снова имели удовольствие воспользоваться его гостеприимством. Нас приветствовала серенадой большая группа пьяных индейцев, они ночь и день напролет танцевали, останавливаясь лишь для того, чтобы подкрепиться качасой.

Индейцы, проживающие в Пелечуко, Муньекас и Аполо, увидели в действиях пограничной комиссии, ведущей работу от лица Перу, попытку вторгнуться в их страну; на этой почве разгорелись патриотические страсти и создалась весьма деликатная ситуация. С другой стороны, мы, как представители Боливии, были для них героями, призванными дать отпор нашествию. Повсюду раздавались требования оружия, чтобы отомстить за посягательство на честь нации. Тот факт, что другая пограничная комиссия впоследствии уничтожила несколько занумерованных пирамид из камней, которые я соорудил для производства мензульной съемки, с очевидностью показал нам, что негодование было вызвано не только неосведомленностью и непониманием.

От Кеары мы поднялись вверх до истока Тамбопаты, ночуя на высоте 17 000 футов и страдая от жуткого холода. В одном месте мы обнаружили, что стрелка компаса совершенно не действует в радиусе около полумили; по-видимому, можно предполагать здесь наличие крупных залежей железной руды.

Из всех троп в боливийских Андах, на которых у путников волосы встают дыбом, тропа от Кеары до Мохос — самая страшная. Cuestas, то есть подъемы и спуски, были настолько крутыми, что их можно считать почти непроходимыми; во многих местах тропа была размыта вздувшимися от дождей горными потоками, оставлявшими глубокие провалы, которые надо было преодолевать. Из двадцати четырех вьючных мулов мы потеряли в этом путешествии двенадцать. Хорошо еще, что не погиб никто из людей. Иногда тропа делалась столь узкой, что, хотя мул шел по самому ее краю, вьюк все же задевал за скалу, сбивал мула, и он с ревом летел в пропасть. Один мул свалился с высоты в несколько сот футов и лежал внизу между двух скал ногами кверху, а рядом были разбросаны разбитые ящики с припасами. Другой мул свалился с высоты сто футов, но зацепился своим вьюком между двух деревьев. Так он и висел там, высоко над землей, невозмутимо общипывая всю зелень, до какой мог дотянуться; беднягу нельзя было высвободить, и пришлось пристрелить его.

Окрестности Мохос богаты золотом, и трудно понять, почему эта деревня была покинута. Выше ее нам встретилась еще одна покинутая деревня; климат здесь был прекрасный, вид великолепный. В деревне оставалось не более пяти индейских семейств и не было заметно никаких признаков жизнедеятельности, но я нисколько не удивлюсь, если это место опять станет центром золотопромышленности.

То взбираясь на горы, то спускаясь в цветущие долины, мы прошли по течению реки Кеара до ее

слияния с Пелечуко, откуда они текут дальше вместе под названием Туичи, а потом поднялись по крутой тропе к маленькой деревне Пата. Здесь были лишь четыре небольших фермы с дюжиной жителей; коррехидор радушно нас принял и устроил в хижине, где на нас набросились полчища блох. Воды в деревне не было, и буквально каждую каплю приходилось носить из реки, протекавшей на 2000 футов ниже.

Люди, живущие в этих глухих деревушках и лесных общинах, почему-то считают, что любой посещающий их иностранец обязательно врач. Действительно, путешественнику нужно обладать некоторыми медицинскими познаниями и навыками по оказанию первой помощи, ибо в диких местностях во всем приходится полагаться на самого себя. Поэтому там, где нет настоящих специалистов, на тебя смотрят как на доктора. Многие проникшие сюда миссионеры — квалифицированные врачи-практики. По приходе в какое-нибудь селение путника почти всегда просят осмотреть больного. Так было и со мной в Пате.

Одна живущая здесь женщина очень страдала от сильного нагноения на руке, и ее семья попросила меня вскрыть нарыв. Костин держал голову и руку больной, завернув их в одеяло, Мэнли присматривал за ногами и передавал инструменты, а я, не обращая внимания на ее приглушенные стоны, резал. Операция прошла успешно. На следующий день полная признательности женщина пришла ко мне и спросила, сколько она должна заплатить. Ее удивлению не было предела, когда она узнала, что никакого вознаграждения не требуется, — эти люди не привыкли принимать услугу или любезность без того, чтобы за это не запросили совершенно непомерную плату. Ее сын сказал, что отблагодарит меня хотя бы тем, что откроет мне местонахождение найденного им золотого рудника.

В старинных перуанских документах провинции Чаркас этот рудник описывается как исключительно богатый. Его местонахождение было утрачено после того, как в 1780 году касик Тунгасуки Хосе Габриэль Тупак Амару поднял индейцев на восстание против испанского владычества^[122], и все рудники к востоку от Кордильер были засекречены, а тропы, ведущие к ним, разрушены.

Открывший мне свой секрет молодой человек рассказал, что однажды, возвращаясь с местной ярмарки и желая избежать трудностей перехода с вьючными животными на особенно тяжелом участке тропы, он срезал путь и пошел вдоль ручья (он мне его указал). Внезапно он и два индейца, которые шли с ним, увидели несколько небольших отверстий, проделанных в склоне горы. Заросшие травой кучи руды, сложенные перед отверстиями, свидетельствовали о том, что здесь были разработки древнего рудника. Они вошли в один из туннелей и нашли там заржавленные инструменты и литейные формы, в которые выливалось расплавленное золото. Мне так и не удалось выкроить время, чтобы самому побывать в этом месте, и похоже на то, что оно до сих пор никем не тронуто.

Хотя в начале колонизации все существующие копи были детально описаны, местонахождение многих из них впоследствии было утрачено, и лишь очень немногие удалось снова обнаружить. Индейцы знают, где они находятся, но хранят тайну, и ничто не может заставить их выдать ее, разве только благодарность за добрую услугу. В жестокие давние времена даже пытки не могли сломить их. Насколько преуспевали в этом смысле беспринципные священники, пользуясь оружием суеверия и устрашения, — не могу сказать; но мне кажется, что коренные жители все еще питают гораздо больше уважения к своим древним богам, чем к христианскому аду.

Предание гласит, что индейцы насыпали высокий холм над входом в сказочно богатые копи Сунчули. Огромный рудник Сан-Хуан-де-Оро также до сих пор не обнаружен. Он расположен где-то около 13°15' южной широты, между излучинами Инамбари и Тамбопаты. Для того чтобы оценить его возможные запасы руды, можно взять мерилком рудник Олья-де-Оро, расположенный на восточных склонах Ильимани, близ Ла-Паса.

Энергичный американский горный инженер и золотоискатель Дэвид Брикер прослышал о руднике Олья-де-Оро и отправился на его розыски. После долгих и трудных поисков он наткнулся на место, где благодаря незначительному обвалу в скале открылось отверстие; американец вполз внутрь на животе и понял, что находится в штольне рудника, где имеется не менее двадцати восьми подземных галерей. Рудник стали разрабатывать, и счастливый открыватель разбогател, так как выход золота из руды превышал пятьдесят унций на тонну.

Существуют различные мнения о том, откуда инки добыли те огромные количества золота и серебра, которыми они владели к моменту испанского завоевания. Многие считают, что эти сокровища накоплены за многие сотни лет путем промывания золотого песка в реках; другие думают, что они добыты в исключительно богатых рудниках и что эти редкие в других местах земного шара металлы использовались инками так широко потому, что давались им в руки легко и в изобилии. Я склонен придерживаться последнего мнения. Цену золота и серебра в Южной Америке искусственно подняли испанские конкистадоры; до их прихода достоинством этих металлов считалась легкость их обработки и красота. Серебро в Перу и поныне не считается редким металлом.

Мой успех в качестве хирурга привлек ко мне нового пациента — жену коррахидора, у которой, насколько я

мог понять, была какая-то внутренняя опухоль, а может быть, и рак. Ее муж просил меня оперировать ее, но ввиду ограниченности своих познаний я не осмелился на это, боясь, что если она впоследствии умрет, буду за нее в ответе. Случилось так, что она действительно умерла три дня спустя, и я часто задаю себе вопрос, прав ли я был, отказав коррахидору в его просьбе.

Из Паты мы перебрались в Санта-Крус — другую покинутую деревню. Правда, здесь основанием для ухода жителей была странная болезнь, которая появилась тут пять лет назад. Она начиналась с кровавой рвоты, а кончалась высокой температурой и смертью. Деревня располагалась в центре удобной для разведения кофе области, фруктов было сколько угодно, но повсюду водились гремучие змеи, представлявшие постоянную опасность.

Мы устроились в портале церкви, которая казалась слишком великолепной для такого захудалого места. Несколько оставшихся жителей, при всей своей ужасающей бедности, приняли нас с обычным радушием. Мы, несомненно, были лучше снабжены продуктами, чем они, и, кроме того, были здесь чужими, иностранцами, но тем не менее эти бедные неграмотные чоло готовы были отдать последнее во имя гостеприимства. Этот прекрасный обычай вырождается в том обществе, которое нам угодно называть цивилизованным, но составляет неотъемлемую черту примитивных, отсталых народов, которых мы обычно считаем ниже себя по уровню развития. Гостеприимство, безусловно, одна из фундаментальных добродетелей, на которых зиждется подлинное благородство человеческого характера, и нельзя смотреть сверху вниз на тех, кто обладает этим качеством.

Мы угостили местных детишек шоколадом и печеньем, спасли одного из них от гремучей змеи и были счастливы, что хоть этим смогли отблагодарить жителей

деревни за их доброту. Между прочим, один англичанин в Аполо рассказывал мне, что здесь, в Санта-Круссе, была убита гремучая змея длиной в семь футов и что у нее было сорок два гремучих кольца на хвосте — то есть, насколько мне известно, на двадцать больше, чем достоверно засвидетельствовано! Они здесь так многочисленны, что делают опасным сбор кофе, а местный кофе пользуется большим спросом, эксперты считают его наилучшим.

Следующая наша остановка была в Аполо. Когда-то это был центр густо заселенного индейцами края, и после конкисты здесь была учреждена первая лесная миссия старого Перу. Аполо лежит посреди весьма плодородной равнины, но, несмотря на это, около пятисот его обитателей жили в страшной грязи и нищете и, казалось, вообще ничем не были заняты. Питьевую воду брали из загаженного ручья ниже того места, где жители сваливали в ручей отбросы и стирали свое грязное белье. Не мудрено, что болезни были здесь обычным явлением.

В городке работала боливийская медицинская комиссия, проверявшая эффективность препарата «606» для лечения ужасной болезни эспундии, или делийского фурункулеза. Прослышав об этом, больные приходили в Аполо за милю окрест; целая улица была запружена жертвами эспундии, чьи лица в некоторых случаях были полностью изъедены болезнью. Обычно полагают, что болезнь вызывает укус мухи, зараженной каким-либо лесным животным, подобно тому как муха табуна, заражаясь от капибар, вызывает болезнь *mal de cedera* и чуму у лошадей и рогатого скота. Однако этим нельзя объяснить распространенность той же болезни в горах на высоте более 10 000 футов, где она называется ута, так как лесная муха не может жить в высокогорных местах с резким климатом [\[123\]](#).

Я уверен, что «606» окажется неэффективным средством^[124]. Если захватить болезнь в ранней стадии, ее еще можно залечить сильно действующими антисептиками, но жители лесных поселений имеют собственную точку зрения на этот счет и предоставляют болезни развиваться своим чередом.

Можете быть уверены, что в любом глухом углу Южной Америки вы непременно встретите англичанина. На первый взгляд удивительно, что привлекает их в такие места, как Аполо, но немного поразмыслив, можно найти ответ на этот вопрос и увидеть, что они во многих отношениях счастливее нас. В общине эти люди занимают видное положение, живут они неплохо и с немалыми удобствами, почти без забот. Над ними не висит постоянный страх безработицы — этого наследия изжившей себя финансовой системы. Я уверен, что в этом все дело. Англичане легко расстаются со всем наносным, чем богата современная цивилизация, и приспособляются охотнее, чем представители других европейских народов, за исключением итальянцев; и чем тоньше воспитание, тем быстрее совершается метаморфоза. В этом нет ничего позорного. Наоборот, по моему мнению, они приобретают правильный взгляд на подлинные ценности жизни в противовес мнимым. Конечно, в таких превращениях нередко играет роль пьянство или дурное поведение, но не менее часты случаи, когда люди ищут крайней простоты жизни ради нее самой.

В Аполо нас принимал веселый и предприимчивый англичанин по фамилии Флауэр, женатый на боливийке; во время нашего пребывания в городке его хорошенькая дочь отпраздновала свой день рождения балом, на котором мы тоже присутствовали в наших грубых рабочих куртках. Мы танцевали качучу, стараясь не отставать от других, пили коктейли и пиво, которыми

обносили в таких количествах, что еще до конца праздника многие гости заснули прямо на полу.

Качуча — очень приятный танец, и, возможно, через какое-то время его будут отплясывать на балах Лондона и Нью-Йорка. Он изображает ухаживание самца птицы за самочкой, и его можно танцевать с поистине обворожительной застенчивостью. Некоторые южноамериканские национальные танцы уже проникли в северные страны и стали там настолько популярными, что можно с уверенностью ожидать успеха также для маринеры, самакеки, качучи и других танцев, если бы они возродились и были перенесены туда со своей «экваториальной почвы».

Из Аполо мы вернулись в Санта-Крус. Там Мэнли покинул нас и отправился на Альтиплано, где должен был встретить одного биолога из Национального музея в Ла-Пасе, который хотел отправиться вместе с нами в лесные районы. На обратном пути они должны были забрать мулов из Санта-Круса и отправиться вслед за Костином и мной; мы за это время должны были продвинуться до Тамбопаты.

Итак, мы с Костином достигли Ботуро на реке Туичи и направились дальше вверх по Асуриаме, намереваясь пройти напрямик к бассейну Тамбопаты и барраке Сан-Карлос. Это был тяжелый поход. Целыми днями приходилось нам расчищать путь для животных, кроме того, движение затрудняли недовольные нашим шумным вторжением насекомые и змеи, таящиеся в густом подлеске. Как-то раз мы с Костином миновали большое осиное гнездо, не потревожив его, но с мулами вышло иначе. Ведущее животное прошло, по-видимому, слишком близко к гнезду и задело его вьюком. Две осы тотчас впились в крестец мула, и тот так и взвился в воздух! Ящики разлетелись в разные стороны, подпруга лопнула, а сам мул исчез в кустарниках. Только испуганные крики птиц указывали направление, по

которому он бежал. Следующего мула постигла такая же судьба — и так с третьим, с четвертым!.. Весь остаток дня мы провели в поисках наших животных, собирая разбросанные вьюки и ремонтируя вьючные седла.

Идя вдоль одного притока Тамбопаты — он назывался река Кокос, — я увидел самую красивую бабочку, которую мне когда-либо доводилось встречать. Она была желтовато-серого цвета с коричневыми отметинами и оранжевыми усиками, нижние крылья имели темно-коричневые отростки длиной около семи дюймов с завитушками на конце. Может быть, энтомологам известна эта разновидность, но я ни разу не встречал такой бабочки ни до, ни после этого. Здешние леса — рай для энтомолога, они полны бабочек, причем количество и разнообразие видов просто невероятны. Наверное, многих из них еще нет ни в каких коллекциях, а может быть, они и вовсе не известны науке.

Обильные дожди подняли уровень реки Кокос, сделав невозможной переправу вброд, и это очень задерживало нас, но в конце концов мы достигли Тамбопаты у Плая-Паухиль и сделали привязку к съемкам, произведенным в прошлом году. Я хотел убедиться в правильности проделанной здесь работы, предвидя в будущем споры по этому поводу, так как перуанская комиссия решила не спускаться по реке Хит. В последующем я намеревался вернуться на эту реку, пройти лесом к Ихьямас, а оттуда к Рурренабаке на Бени, так как ходили слухи, что в этих районах можно обнаружить остатки культуры инков.

К тому времени я уже не в одном месте слышал смутные предания о памятниках древних цивилизаций, и они так подействовали на мое воображение, что я начал чувствовать все более настоятельное желание самому заняться исследованиями. Я уже начал работу по

отсеиванию данных, которая еще через несколько лет их углубленного изучения позволила установить местонахождение некоторых остатков древних культур. Если б я знал тогда о документе 1743 года, в котором излагаются сведения Рапозо о затерянном городе, я бы не потерял столько времени в боливийских лесах. Излишне упоминать, что мне ничего не было известно и об удивительном горном городе Мачу-Пикчу^[125], позже открытом Хайрамом Бингэмом (Йэйлская экспедиция) на реке Урубамба к северо-западу от Куско. Подобно тому как местонахождение Мачу-Пикчу оставалось неизвестным на протяжении всей колониальной эпохи, так же могли остаться неизвестными многие другие места, которые следует искать, основываясь на легендах, хранимых и передаваемых коренными жителями.

Выйдя из Плая-Паухиль, мы с большим трудом добрались до Сан-Карлоса. Положение барраки теперь было значительно легче, чем в предыдущее наше посещение. Управляющий ликовал по случаю неожиданного разрешения всех своих транспортных затруднений. К ним прибыл судья округа Сандия; он в то же время оказался перуанским погонщиком мулов и немедленно подписал контракт на вывоз из Сан-Карлоса всего запаса каучука. Рабочей силы, которую обычно очень трудно найти, тоже было сколько угодно; так, индейцы из Сандии охотно шли сюда с грузом, лишь бы спастись от префекта, вербовавшего их носильщиками в перуанскую пограничную комиссию — работа, которая явно страшила их.

Некоторое время нас поражало подчеркнутое уважение, которое нам оказывали жители Сан-Карлоса, но потом все объяснилось — дело в том, что мы благополучно прошли на плоту исключительно опасный участок реки ниже Плая-Паухиль, который, очевидно, даже самые искусные здешние плотовщики не пытались

преодолеть. Костин и я, исходяв вдоль и поперек все окрестности, понятия не имели о том, как мы рискуем, когда построили свою бальсу и в полнейшем неведении двинулись вниз по течению. Как нам удалось остаться при этом в живых, не знаю.

Индейцы потрясающе стойки. Как-то раз ко мне пришел индеец с оторванной левой рукой; у него взорвался обрез — кусок проржавевшей газовой трубы, какие по необыкновенно дорогой цене продают в качестве ружей сборщикам каучука. Увидев, что рука висит на обрывках мышц, он отсек ее своим мачете и остановил кровь, сунув культю в горячее масло копаибы^[126]. Выздоровел он без всяких осложнений, и это позволяет думать, что распространенная здесь вера в лечебные свойства этого масла имеет свои основания. Это средство в здешних лесах часто употребляется для лечения открытых ран.

Заставить индейца вскрикнуть или как-либо проявить свои чувства, если он этого не хочет, вообще говоря, невозможно. Похоже на то, что индеец в состоянии выдержать какую угодно боль, и, несомненно, известную роль тут играет привычка жевать кока — сок этого растения притупляет нервные реакции. Все же я помню один случай в Сан-Карлосе, когда индеец не выдержал боли и катался по земле, истошно крича. Он объелся сухим, невареным рисом и запил его водой из реки. Я лично не знал, что следует делать в таких случаях, и ничем не мог помочь ему. Но товарищи индейца привязали его за кисти рук и лодыжки к четырем деревьям и начали буквально выковыривать из него рис с помощью железных крючьев! Индеец перенес этот курс лечения, он был способен даже поблагодарить своих друзей и в дальнейшем, смею уверить, стал более осторожен.

Индейцы привыкли к тому, что иногда пищи бывает мало, а иногда много. Когда еды много, они стремятся

есть как можно больше, до тех пор, пока она не кончится, словно готовясь к последующему голодному периоду. Они могут поглотить невероятное количество пищи. На моих глазах восемь индейцев на реке Акри съедали пять свиней за один присест; однако и этот рекорд был побит в Сандии двумя любителями поесть, которые за пиршественным столом съедали целую ламу, а ведь мяса у ламы почти столько же, сколько у осла!

Над здешними лесами иногда проносятся ураганы, которые могут оставить за собой след в несколько сот ярдов шириною и много миль длиною, создавая завалы из сваленных деревьев, ветвей и кустарника. Трудность расчистки дороги после такого урагана усугубляется нападениями муравьев и ос, разгневанных разрушением их гнезд. Один такой ураган обрушился на Сан-Карлос во время нашего там пребывания. Мы услышали ужасающий рев ливня и треск падающих деревьев, и вот он уже набросился на нас, ослепил и оглушил. Одна из хижин разлетелась на части и исчезла, у другой вывалилась стена. Крыша главного здания начала подниматься; однако все, кто был способен двигаться, уцепились за нее, между тем как другие перебрасывали через крышу веревки и наваливали на нее большие камни. Затем, взревев напоследок, ураган пронесся дальше, и мы слышали, как он с грохотом прокладывает себе дорогу в лесу.

Биолог прибыл с Мэнли в конце сентября. Он был страшно разочарован, узнав, каким образом нам предстояло передвигаться, так как рассчитывал совершить путешествие с полным комфортом, со справочниками, ящиками для коллекций и так далее, а вместо того ему предложили взвалить на спину все, что ему необходимо, плюс часть продуктов и инструментов. Мулы не могли идти дальше, поэтому все, что нужно было взять, приходилось нести на себе.

Путь к барраке Марте был особенно тяжелым из-за поваленного штормом леса; во многих местах ноги по колена увязали в грязи. Мало-помалу биолог начал выбрасывать вещи из своей поклажи, пока не выкинул все, за исключением еды, лупы и гамака. Мы не несли ничего лишнего, и я запротестовал.

— Я знаю, что носить на себе вещи тяжело, — увещевал я его, — но через несколько дней вы привыкнете. Все, что вы сейчас выкидываете, обязательно понадобится впоследствии.

— Только не мне, — ответил он. — Мне эти вещи не нужны.

Я пожал плечами. Возможно, он настолько закален, что действительно обойдется без них.

Словно в назидание биологу мимо нас прошла вереница изнуренных сборщиков каучука — это были индейцы с Альтиплано. Каждый нес 150 фунтов каучука для Сан-Карлоса. Некоторые из них были больны сехтити — разновидностью проказы, распространенной в этих местах и в юнгас (теплых горных долинах). На коже у них были гноящиеся болячки и мягкие наросты. Они несли вьюки примерно втрое тяжелее наших и все-таки, хотя и больные, продолжали свой путь.

Опасаясь лихорадки, обычно свирепствовавшей в барраке Марте, мы обошли ее кругом, переночевали в лесу и на следующий день прошли напрямик к реке Хит. Индейцы из Сан-Карлоса не хотели идти дальше реки; они донесли наши вещи и припасы до берега, свалили их в кучу и ушли обратно.

Мы построили две бальсы и поплыли вниз по течению — Мэнли и я на одной, Костин и биолог на другой. Вскоре появились наши старые друзья, индейцы племени эчока; они были рады снова видеть нас и принесли нам бананы и маис.

Биолог с недоверием отнесся к дикарям, но переменил о них свое мнение, после того как их

мастерское вмешательство избавило его от сутуту, проникших ему под кожу. Он почему-то особенно нравился этим отвратительным существам и терпел от них постоянные муки.

— Почему бы вам не остановиться на этом и не вернуться обратно? — спросил я его. — Ведь мы только вышли в путь, и наше путешествие будет гораздо тяжелее всего того, что вам уже довелось испытать.

Его ответ наполнил меня недобрыми предчувствиями, но я восхитился его отвагой.

— Это не по мне, — сказал он, — я пришел сюда не для того, чтобы возвращаться!

Казалось, каждого из нас осаждал один определенный вид насекомого. У биолога это были сутуту, у меня — осы, у Костина — чудовищные муравьи тукандера в полтора дюйма длиной. Однажды утром Костин в присутствии эчока дал нам спектакль: надев один свой сапог, он вдруг словно сошел с ума — затанцевал, завопил и забегал на месте. В конце концов он сел, сорвал с себя сапог и выставил на всеобщее обозрение свой большой палец, в конец которого острыми, как кусачки, челюстями вцепился муравей тукандера. Эчока поначалу встревожились, а потом так и покатались со смеху. Они качались, схватившись за животы, катались по земле, шлепали друг друга по спинам и заново принимались хохотать, словно это буйное развлечение было устроено специально для них. После они часто давали понять знаками и смехом, чтобы Костин повторил представление, и даже предлагали положить живого муравья тукандера в его сапог!

Глава 14

На перепутье

Прежде чем мы отплыли вниз по реке Хит, управляющий барракой Марте, прослышав о том, что мы опять здесь, пришел к нам с большой группой своих людей.

— Мы хотим отправиться на те самые плантации, о которых вы нам говорили, — сказал он мне. — Теперь мы знаем о дикарях и о том, что у них есть съестное, и чувствуем, что должны как-то достать продовольствие. Сборщики в барраке едят одни листья, а ведь вы знаете, у нас три сотни человек — их надо прокормить.

— Вы хотите сказать, в Марте снова голодают?

— Да, именно это я и хочу сказать. А когда у нас было иначе? Уж в этом-то мы можем быть уверены! — Он похлопал меня по плечу и добавил: — Спасибо вам, теперь есть надежда, что нам станет легче. Хотелось бы, чтобы у нас было так же хорошо, как в Сан-Карлосе.

В этой местности можно найти два вида ценных растений, на которые стоило бы обратить внимание. Первое из них — это Jawal chunca, имеющее вид небольших кустиков с листьями длиной в десять и шириной в три дюйма, зелеными снаружи и темными с изнанки, с прожилками и верхушками кроваво-красного цвета. Три или четыре таких листа, настоенные в одной кварте кипятка, являются великолепным средством против лихорадки. Другое растение — кустарник, называемый пандоде-кока, весьма популярное у индейцев, которые жуют его листья. Свойства его такие же, как и у обычного кока, но воздействие несколько умереннее. Ни одно из этих растений не имеет коммерческого значения, хотя местное население постоянно ими пользуется.

В связи с распространенностью болезней и инфекций в Монтанье Боливии и Перу, нет ничего удивительного в том, что среди жителей этого района так популярны лекарственные растения. В горах тоже против каждого недомогания есть соответствующее естественное средство; любой чоло почти всегда лечится травами, за исключением случаев, когда необходимость заставляет его прибегнуть к хирургическому вмешательству. Простуда и кашель легко вылечиваются с помощью вила-вила — растения, похожего на эдельвейс, которое можно найти лишь на большой высоте в горах. В прибрежных районах надежным средством против артрита или ревматизма даже в самых запущенных формах считается *Sanguinaria canadense*^[127], или кровавой корень. Имеются сотни средств, употребляемых местными жителями для лечения разных недугов, однако официальная медицина не проявляет к ним должного интереса. А между тем эти травы часто оказывают просто замечательный лечебный эффект; я сам испытал действие многих из них на себе, причем с полным успехом. Насколько мне известно, лекарства из этих трав готовятся в виде настоев, наподобие чая.

На реке Хит очень много вампиров. Они безошибочно отыскивают лагерь и нападают по ночам на любую открытую часть тела, а иногда даже прогрызают противомоскитную сетку, чтобы добраться до вас.

В Южной Америке несметное множество летучих мышей, особенно в предгорьях Анд, и, быть может, придет время, когда этих животных будут ценить за их мех. Многие виды обладают прекрасными шкурками, не менее красивыми, чем у кротов, но другой расцветки — розовато-коричневой или малиново-красной с переходом в темно-кротовые оттенки. Инки использовали мех летучих мышей для украшения одежды, причем носить такую одежду имели право лишь члены царствующей фамилии. Вампиры приносят вред человеку и животным,

и богатство ждет того предприимчивого дельца, который найдет коммерческое применение их меху.

Мы легко дошли на бальсах до стоянки эчока. Их большая общинная хижина была повалена ураганом — даже здесь бедствие ощущалось так же явственно, как и в Сан-Карлосе, но пищи, как всегда, было в изобилии.

К этому времени биолог — между прочим, он был европейцем — начал сильно страдать от нарывов на коже и от отсутствия чистого белья; то, что было на нем, уже дурно пахло. Теперь он начал понимать, как глупо поступил, выкинув из своего тюка все, кроме самого необходимого, и, может быть, поэтому сделался мрачным и каким-то напуганным. Эчока на время избавили его от мучений, причиняемых сутуту, но он возражал против их метода извлечения паразитов и, когда выскочила новая порция волдырей, прибег к своему собственному средству — сулеме. В результате личинки погибли у него под кожей и образовались болезненные гноящиеся раны. Они дурно пахли и в сочетании с его затхлой одеждой делали нашего биолога весьма непривлекательным товарищем. Каждый день разражались грозы со страшными ливнями, и от этого ему становилось еще хуже.

Я не на шутку тревожился за него. Если начнется заражение крови, он погибнет, ибо мы ничем не могли бы помочь ему. К тому времени, когда мы достигли места, откуда нам следовало двигаться пешком, я считал, что он уже неспособен идти через лес; несколькими днями позже я уже сомневался, сможем ли мы вовремя доставить его в Сан-Карлос, чтобы спасти ему жизнь. Грозы продолжались, река разлилась, и возвращаться обратно против течения на бальсах можно было, только держась у самого берега и подтягиваясь за каждую ветвь — непосильный труд для больного человека. Единственное, что можно сделать, —

отправиться пешком по берегу реки; так мы и поступили.

Мэнли заболел лихорадкой, но держал себя в руках; у Костина сильно воспалилась нога из-за сутуту. К счастью, пищи хватало, так как плантации эчока были повсюду, и индейцы имели привычку «укладывать» верхнюю часть бананового дерева вместе с плодами, отчего бананы созревали гораздо скорее, чем если бы были сорваны. Главным препятствием при передвижении был колючий бамбук такуара — продираться через него больным людям почти не под силу. Но в конце концов мы добрались до стоянки эчока. Они уже построили новую хижину, так что у нас оказался и кров, и маис, составивший приятную перемену после надоевших бананов.

Добрые дикари вытащили из нас сутуту. Одна личинка, извлеченная из моей спины, была длиной почти в дюйм. Другая сидела в руке и очень мучила меня. Чтобы вытащить ее, пришлось прибегнуть к последнему средству — на нее налепили пчелиный воск и смазали соком какого-то растения. Когда мы двинулись дальше вверх по реке, эчока провожали нас, неся поклажу биолога и Мэнли.

Когда я говорю об эчока, мне совсем не хочется называть их «дикарями»; если я так делаю, то только для того, чтобы проводить различие между «окультуренными» индейцами и индейцами в первобытном состоянии. Эти люди примитивны, но по существу скорее похожи на жизнерадостных детей, чем на дикарей в общепринятом смысле. Им не свойственны ни хитрость, ни коварство, и та готовность, с какой они откликнулись на наше желание установить с ними дружеские отношения, наглядно доказывает, насколько несправедливо распространено мнение о диких лесных людях.

Дружба их обязывала. Они были готовы сделать все, что в их силах, чтобы помочь нам. Они были опытны и скромны, добры по натуре, и я проникся к ним симпатией и уважением, видя в них гораздо больше врожденного благородства, чем у многих «цивилизованных» людей.

Эчока знали все кратчайшие пути к Марте, и благодаря тому, что они нас провожали, мы сэкономили много времени. Но даже несмотря на это, я уже не надеялся доставить биолога в живых до Сан-Карлоса. Днем он едва мог самостоятельно двигаться, а ночью ему приходилось спать на земле, так как свой гамак он уже давно выкинул.

На одной отдаленной плантации мы застали продовольственный отряд из Марте за работой. Он вернулся вместе с нами в барраку.

— Четверо моих людей уже умерли от голода, — сказал управляющий. — Мы часто по несколько дней подряд сидим без еды.

— Почему же вы ничего не предпримете, чтобы исправить положение? — спросил я. — Ведь вам можно было бы послать продовольствие из Сан-Карлоса.

— Возможно, что так, но сколько бы это стоило? Марте едва окупает себя и не может оправдать такие расходы. Если наша продукция значительно не увеличится, об этом нечего и думать.

С нами оставалось трое эчока, и вопрос пропитания никогда не тревожил их. Проголодавшись, кто-нибудь из них отправлялся в лес и подманивал к себе дичь. Однажды я присоединился к эчока, чтобы посмотреть, как он это делает. Я не заметил никаких признаков дичи в кустарнике, но индеец знал, что делает. Он вдруг издал несколько пронзительных криков и сделал мне знак не шевелиться. Спустя несколько минут через кусты в ярде от нас прошел небольшой олень, и индеец пустил в него стрелу. Я видел потом, как эчока

подзывали к себе обезьян и птиц с деревьев с помощью таких же своеобразных криков.

Когда мы пришли в Марте, эчока остались с нами на несколько дней, пока больные не поправились настолько, чтобы идти дальше самостоятельно. Затем индейцы проводили нас до самого Сан-Карлоса; без их помощи наш отряд, возможно, так и не добрался бы туда. Раны на теле биолога привлекали тучи мух, но в барраке их тщательно промыли и залечили. Тут, на наше счастье, появился погонщик волов, который смог взять больного на мула и довезти его до Сандии. Мы очень сомневались, выживет ли он, но, как мы потом узнали, он все-таки остался жив. Теперь, я думаю, у него уже не появится желание предпринять еще одно такое путешествие в леса.

Как только Мэнли кончила трясти лихорадка, мы трое — он, Костин и я — отправились лесом к Санта-Крусу, где нас должны были ждать мулы. Однако на месте выяснилось, что погонщик, оставив двух самых жалких мулов, ушел со всеми остальными и, вероятно, продал их, ибо мы так их и не увидели. Чтобы достать новых у Флауэра, Костин поехал на одном из оставшихся мулов в Аполо. Но счастье нам изменило. Аполо сгорел дотла, и никаких мулов там нельзя было достать. Больше того, гринго в то время были там не в чести, так как Флауэра считали виновником несчастья.

Дело в том, что в Аполо давно не выпадало дождей, поэтому местная церковь устроила крестный ход с молением о дожде. Еретик Флауэр посмеялся над изображениями мучеников, истекающих кровью, с чадящими свечами; как назло, одна из свечей упала и начался пожар, распространившийся с необычайной быстротой. Пламя охватило сухие деревянные дома, и весь поселок сгорел буквально за несколько минут, уцелел только дом Флауэра, крытый черепицей и потому

устоявший против огня. Дело было ясное: причина трагедии — насмешка над святынями!

Мы взвалили нашу поклажу на двух оставшихся у нас мулов и, облегченные таким образом, отправились пешком в Пелечуко. Путешествие длилось целую вечность, ибо даже при наиболее благоприятных обстоятельствах дорога здесь ужасная, а мы шли пешком, не желая подвергать себя риску верховой езды по узким горным тропам. Когда, усталые и приунывшие, мы наконец прибыли на место, нас приветливо встретил Карлос Франк и снабдил мулами для продолжения пути до Кохаты. 19 декабря мы добрались до Ла-Паса.

Определение границ было причиной многих осложнений с Перу, несмотря на то, что Боливия уступила территорию, на которой пограничные знаки ранее были поставлены условно. Работа шла с бесконечными отсрочками, что мне совсем не нравилось. Мне не улыбалась перспектива быть втянутым в сложный пограничный конфликт между двумя странами, грозивший перейти в открытую войну, и я отказался от работы в пограничной комиссии. Президент был очень сердечен со мной и выказал полное понимание моего положения; министра иностранных дел все это, казалось, очень забавляло. В газетах обеих стран было много всяких толков и оскорбительных выпадов друг против друга, но, несмотря на угрожающие инциденты на границе, проистекавшие из патриотического рвения, до войны дело не дошло.

После нашей остановки пошли слухи, что индейцы готовы поднять восстание, и для установления границ Боливией была приглашена французская комиссия. Она не признала данных, представленных перуанской стороной, и один из членов комиссии, поссорившись с боливийским политическим представителем, вызвал его на дуэль, но боливиец благоразумно от нее отказался. Участок границы по реке Хит, уточненный нами в 1910

году, оказался единственным необследованным французами, по-видимому, потому, что там живут «дикари», и составленные мною карты были официально приняты. Возникли также некоторые разногласия относительно линии границы около устья Тамбопаты, и французская комиссия отказалась принять какие-либо данные, кроме своих собственных, которые в сущности очень мало расходились с нашей демаркацией 1910 года. Во всяком случае теперь я был вне игры и до известной степени доволен тем, что стою в стороне от всего этого, хотя я всегда любил самый процесс съемки и теперь сожалел, что демаркация не доведена до конца, к полному удовлетворению обеих сторон.

Когда я встретился с министром иностранных дел в следующий раз — это было в 1913 году, — он рассказал мне, что биолог уехал из Боливии.

— Дорогая затея, — заметил он, — платить жалованье пятьсот фунтов в год за одного пойманного жука, да и то самого обыкновенного. Это уж слишком даже для весьма гибких финансов Республики Западного Берега!

— Но ведь в Монтанье можно получить ценнейшие научные данные.

— Пусть за них платит кто-нибудь другой, майор. Пока что с нас хватит науки.

У меня уже не было возможности вернуться в армию: я сжег за собой все мосты. С другой стороны, это развязывало мне руки для частных исследований, которые мне не терпелось начать. Даже не заходя в глубь Анд, можно было провести широкие исследования среди развалин империи инков. Где-то в лесах севернее и северо-восточнее Куско находились многочисленные древние поселения и укрепления, которые предстояло разыскать и исследовать. Последней новостью было романтическое открытие Мачу-Пикчу. Но меня влекло другое, я ставил своей целью поиски культуры более

ранней, чем культура инков, и мне казалось, что ее следы надо искать где-то дальше на востоке, в еще неисследованных диких местностях. У всех наиболее развитых индейских племен были сказания о существовавшей когда-то на востоке великой цивилизации, народе, который мог быть предшественником инков, и даже о таинственных людях, построивших гигантские сооружения, остатки которых нашли пришлые инки и стали считать своими.

В южноамериканских лесах жило много зверей, еще неизвестных зоологам, таких, как mitla, которую я видел дважды; это черная, похожая на собаку кошка величиной с английскую гончую^[128]. Водились в изобилии змеи и насекомые, еще неизвестные ученым, а среди болот в лесах по реке Мадиди часто вспугивали каких-то таинственных огромных зверей — возможно, первобытных чудовищ, таких же, сведения о которых поступали из других частей континента. Во всяком случае были найдены следы, принадлежащие неизвестному животному — огромные, гораздо большие, чем те, какие может оставить любой известный вид крупного животного^[129]. Анаконды достигают там гораздо больших размеров, чем обычно принято считать, и поскольку сообщения достойных доверия путешественников упорно ставятся под сомнение, проверить это нельзя. Встреча с анакондой опасна, а поймать особо крупный экземпляр почти невозможно ввиду ее необычайной силы.

Дикари здесь также плохо изучены — имеются племена, о существовании которых даже не подозревают^[130]. Племена физически крепкие и здоровые не селятся около судоходных рек, а удаляются за пределы расселения цивилизованного человека. Во всяком случае белые, подозревая об их присутствии, боятся и всячески избегают их; что касается меня, я всегда искал встречи с ними. Быть может, в этом

кроется причина того, что в основу этнографии континента легло недоразумение, которое я попытаюсь рассеять в одной из последующих глав.

Таковы мотивы, в силу которых я решил посвятить себя в будущем исследованиям и с помощью уже накопленных сведений попытаться пролить свет на мрак, окутывающий историю этого континента. Я был уверен, что именно здесь сокрыты великие секреты прошлого, все еще хранимые в нашем сегодняшнем мире. Я стоял на перепутье и, к лучшему или к худшему — не знаю, — выбрал дорогу, ведущую в лес.

Мэнли еще далеко не выздоровел, а у Костина появились признаки эспундии, которую он в конечном счете вылечил в Лондонском институте тропической медицины. Поэтому 6 января 1912 года мы покинули Ла-Пас и направились на родину. По пути мы на несколько дней задержались в Арекипе, славившейся своим прекрасным климатом. Очень жаль, что это чудесное местечко посещает так мало туристов, ибо оно интересно не только само по себе, но и как преддверие к Куско и изумительным реликтам инкской и доинкской цивилизаций^[131]. Жизнь коренного населения на Альтиплано претерпевает значительные изменения, и, вероятно, уже в следующем поколении мало что останется от яркого, красочного быта здешних мест.

В Арекипе часто наблюдаются подземные толчки, как будто приуроченные к полнолуниям, и нередки случаи, когда жители в страхе выбегают из своих домов посреди ночи. Мне рассказывали о последнем толчке, он кончился величайшим весельем — паника сменилась всеобщим хохотом.

Отели были набиты туристами до отказа. В одном из них пятнадцать дам спали на полу просторной комнаты с одной стороны, меж тем как противоположную занимали пятнадцать джентльменов. Среди последних был дородный чилиец, отличавшийся феноменальной

волосатостью — не человек, а настоящая обезьяна! Среди ночи город потрясли сильные подземные толчки. Люди бросились на улицы и площади, одетые во что попало. Отель, о котором идет речь, стоял на Пласа-де-Армас — довольно хорошо освещенной главной площади, где скопилось множество народу.

Толчки и глухой подземный гул, который скорее чувствовался, чем был слышен, продолжались. Началась паника. На фоне звездного неба, угрожая рухнуть, закачались башни кафедрального собора. Женщины пали на колени и воздели руки в мольбе о пощаде, раздирая на себе одежды и разметав распущенные волосы. Мужчины в ужасе закатывали глаза и крестились, стараясь удержаться на ногах.

Вдруг из дверей отеля повалили люди, вопя и давя друг друга. Последним, спотыкаясь, появился тучный чилиец; он судорожно ловил ртом воздух, его волосатый торс был прикрыт женской блузкой, на ногах болталась пара съехавших вниз женских спортивных брюк. Он то и дело нагибался, останавливался, подхватывал брюки и пытался прикрыть ими свою срамоту, но каждый раз новый подземный толчок мешал ему осуществить свое намерение и гнал его дальше.

При виде этого необычайного зрелища люди, казалось, обо всем позабыли. Раздался взрыв смеха; веселье усиливалось по мере того, как чилиец делал все новые попытки натянуть штаны. Чувство юмора пришло на помощь жителям Арекипы и помогло им превозмочь страх перед землетрясением! Продолжая хохотать, все стали расходиться по домам. Люди смеялись и на следующий день, смеялись, вспоминая и пересказывая этот эпизод. Город продолжал трястись теперь уже от хохота!

Похоже на то, что опустошительные землетрясения происходят здесь всего лишь один или два раза в столетие. По-видимому, последнее серьезное

землетрясение произошло в 1867 году. Тогда город был сильно разрушен, рухнули башни кафедрального собора. Это же землетрясение в полную силу дало себя знать на южном побережье Перу; приливной волной смыло Арику, а в бухте Писагуа, представляющей собой не что иное, как кратер вулкана^[132], из воды поднялся высокий столб пара, напугавший окрестное население. Вся Южная Америка периодически сотрясается убывающими волнами эпохи великих извержений, историю которой можно узнать лишь из индейских легенд. Даже в глубине континента, на равнинах Мохос в Боливии, озеро Эксальтасия часто сотрясается от загадочных возмущений, во время которых выбрасываются столбы зловонного пара, по-видимому, вулканического происхождения. Вполне возможно, в будущем в этом районе обнаружат крупные месторождения нефти. Геологи уже исследовали в порядке ознакомления наиболее доступные части страны, но, как и у этнографов, в их отчетах слишком много теории и слишком мало подлинных фактов.

Глава 15

Быки и привидения

Ла-Пас опустел: все жители хлынули на Альто — плоскогорье над городом, — где должны были публично расстрелять какого-то убийцу. Мужчины, женщины и даже крохотные ребятишки, надев лучшее, что у них было, захватив с собой коврики и сэндвичи, весело направились по дороге, круто поднимающейся в горы, ибо такое зрелище никак нельзя было пропустить. Убийства и казни были редкостью в Ла-Пасе.

Иностранцы остались в городе, но впоследствии нам подробно рассказывали об этом событии. По правде сказать, в ближайшие несколько дней мы ни о чем другом и не слышали. Дело было так. Судья и начальник полиции привязывали преступника к стулу, выстроившийся неподалеку взвод солдат находился в состоянии крайнего нервного напряжения, намного превышавшего волнение самого приговоренного. Они так нервничали, что их дрожавшие пальцы невольно нажали на спусковые крючки, прежде чем с привязываньем было покончено, — раздался нестройный залп, пули засвистели во всех направлениях. Одна женщина была ранена, с криком она упала на землю, другая пуля сбила цилиндр с головы судьи, третья угодила в зад начальнику полиции! Приговоренный возликовал и изверг поток ругательств на спасающихся бегством чиновников. Командовавший взводом сержант быстро приказал дать по нему еще залп. Пули взбили пыль вокруг стула, не причинив преступнику ни малейшего вреда, и тот принялся издеваться над солдатами. Это был крепкий орешек! По нему дали целых восемь залпов, а он все еще был жив. Его

проклятья затихли лишь тогда, когда сержант подошел к нему и выстрелил в него в упор из револьвера.

Несколькими днями спустя Альто стало свидетелем еще одного парада, на этот раз авиационного. Был заключен договор с двумя братьями итальянцами по фамилии не то Франкелини, не то еще как — точно не помню; они должны были совершить полет на аэроплане с мотором в 25 лошадиных сил. Эту штуку здесь еще ни разу не видывали, и весь Ла-Пас пришел в страшный ажиотаж. Имя покойного перуанского аса Джорджа Чавеса еще было на устах у жителей западного побережья, и здесь считали, что для возвеличения Ла-Паса не хватало только полетов на аэроплане. К несчастью, никто не представлял себе, как трудно поднять летательную машину с земли на высоте 13 000 футов выше уровня моря. Маленький мотор, сколько было сил, вращал пропеллер без всякого результата, если не считать того, что этот хлипкий на вид самолетик совершил по земле несколько суматошных пробежек, во время которых были убиты трое индейцев.

Разочарование перешло в чувство оскорбленного достоинства. Дело близилось к расправе над итальянцами, поэтому они сочли за благо бросить аэроплан и как можно скорее укрыться в городе, где и отсиживались несколько дней. Когда они осмелились снова показаться на люди, их безжалостно осмеяли, дав им прозвище «братьев Фракасини» — от слова «fracaso», что означает провал. Нигде искусство метких прозвищ так не развито, как в Южной Америке.

Тодд, Костин и я как раз прибыли из Антофагасты и лично присутствовали при всех этих событиях. Это было в начале 1913 года. Вскоре нам предстояло снова отправиться в район Бени для исследований в Кауполикане, которые были сорваны в 1911 году из-за болезни биолога. Я рассчитывал поработать восточнее Санта-Крус-де-ла-Сьерра (не того Санта-Крус, который

упоминается в предыдущей главе, а более крупного города, расположенного южнее), но 1913 год был как раз годом семилетнего цикла, когда необычайно сильные дожди в горах и разливающиеся реки затопляют низменные лесные районы, превращая их в сплошные болота. Вот почему эту идею пришлось временно отложить.

Мне не терпелось начать свои исследования, так как еще в Антофагасте мое воображение воспламенилось шестью странными металлическими фигурками, которые принес продавать один индеец. Они были около шести дюймов высотой и напоминали о древнем Египте. Где он их достал, индеец говорить отказался. Когда я о них услышал, они уже были проданы, но мне дали возможность осмотреть их. Без сомнения, это были очень древние предметы, возможно, реликвии того, что мы намеревались искать.

В Ла-Пасе я принял в нашу группу одного англичанина, который мог быть нам полезен. Однако он сопровождал нас только до Уаная, так как, купаясь в реке Мапери, набрал полный рот воды, поперхнулся и потерял свои зубные протезы. Это и помешало ему отправиться снами дальше — без зубов он умер бы с голоду. В Чинири, по пути в Рурренабаке, я встретил нашего старого повара Виллиса — он купил там плантацию на деньги, которые выручил, пока держал свое питейное заведение в Риберальте. Я звал его с собой, но безрезультатно.

Рурренабаке совсем не изменился. Англичанин и тexasский бандит процветали; те же самые попугаи болтали на крышах домов; на своем обычном месте сидели два попугая макао, один из них передразнивал скрипку, другой — флейту, и они прерывали свой концерт лишь затем, чтобы приветствовать какого-нибудь иностранца залпом неприличных испанских слов. Хотя на вид в городе не замечалось перемен, они все-

таки были: сказывались неблагоприятные последствия падения торговли каучуком.

Здесь к нам присоединился один тexasский старатель; дав Тодду время оправиться от приступа малярии, мы пересекли реку и двинулись в направлении Тумупасы. Мне хотелось выяснить, насколько достоверны рассказы о «Колодце Тумупасы» — отверстии, якобы представляющем собой вход в серебряные рудники, но индейцы упорно отказывались сообщить мне его местонахождение. В католической миссии тоже ничего не знали о руднике или не хотели говорить. Поэтому мы прошли дальше на Ихьямас — чудесное маленькое местечко, которое могло бы иметь неплохие перспективы на будущее, если б только улучшилось сообщение с ним.

В церкви Ихьямаса мы увидели великолепную коллекцию серебряных блюд; нам сказали, что серебро это местного происхождения, но где находятся рудники — неизвестно. Нам также сообщили, что верховья реки Мадиди охвачены алмазной лихорадкой. Взвалив на плечи поклажу, мы отправились туда на разведку.

В своем верхнем течении Мадиди проходит по глубоким каньонам, образовавшимся в мягких красных породах, то и дело дающих оползни. Мы не нашли следов какой-либо алмазоносной формации, а «алмазы» оказались на самом деле топазами, и нет никаких оснований думать, что здесь когда-нибудь можно найти алмазы.

Пройдя через лес, мы вышли к реке Туичи у Асуриамы, откуда в 1911 году мы отправлялись на Тамбопату. Местность здесь холмистая, часто встречаются признаки наличия угля и нефти. Для меня эти места всегда будут ассоциироваться со змеями, так как именно здесь нам дважды грозила смерть от укуса сурукуку, или бушмейстера.

Я карабкался вверх по крутому береговому откосу, густо поросшему какими-то невысокими растениями, и угодил рукой на змею. Она мгновенно бросилась на техасца Росса, который был впереди меня. Он молниеносно повернулся и выхватил из кобуры револьвер.

— Берегись! — крикнул я Костину, и мы отпрянули назад. Техасец выстрелил два раза подряд, и бушмейстер сник, как подкошенный, с пробитой головой.

— Тут бы мне и конец! — пробормотал Росс, сдул дым с дула револьвера и хладнокровно сунул его назад в кобуру.

Мы с Костином поднялись на ноги.

— Хватанул он вас? — спросил я.

— Да, только не знаю куда — Росс обеими руками ощупал ноги снизу доверху, на секунду задумался и вытащил из кармана брюк кисет с табаком. С обеих его сторон мы увидели дырочки от зубов.

— Боже мой! — сказал Росс, глаза его расширились. — Он чуть не добрался до меня! Смотрите, он прокусил кисет насквозь!

Быстро расстегнув ремень, он спустил брюки. На бедре были видны два пятнышка, сделанные смертельными клыками змеи, но каким-то чудом кожа не была повреждена. Яд, стекая, оставил мокрую дорожку на ноге. Убедившись в том, что змея действительно мертва, мы смерили длину ее тела — желтого с ромбовидными крапинами. В ней оказалось семь футов.

Никто в Асуриаме не знал, можно ли спуститься вниз по Туичи на плотях, и так как мои компаньоны были непрочь рискнуть, мы принялись за постройку балъс. Надо было запастись продуктами в дорогу, и мы с Костином отправились за двенадцать миль к сахарной плантации, где надеялись что-нибудь купить. На

обратном пути мы пережили еще одно приключение с бушмейстером. На этот раз на волосок от смерти был я.

Мы оба были тяжело нагружены сахаром и утками. Я шел первым. Внезапно что-то заставило меня отпрянуть в сторону и широко расставить ноги. Между ними стремительно пролетела страшная голова и громадное тело нападающего бушмейстера. Я вскрикнул, подпрыгнул, припав на одну сторону, застыл на месте, ожидая повторного нападения. Но его не последовало. Гадина соскользнула с тропы вниз к ручью и залегла. С нами не было оружия, и так как бушмейстер все еще был опасен, мы забросали его камнями. Он был целых девять футов длиной и около пяти дюймов толщиной; соответственно его двойные клыки должны были быть длиною более чем в дюйм. Знатоки утверждают, что бушмейстеры достигают четырнадцати футов в длину, но мне никогда не приходилось видеть таких больших.

Что меня поразило больше всего — это предупреждение, отданное моим подсознанием, и мгновенная мышечная реакция. Бушмейстеры бросаются с молниеносной быстротой и метят в верхнюю часть бедра. Я увидел змею лишь тогда, когда она промелькнула у меня между ногами, но, если можно так сказать, мое внутреннее я не только вовремя заметило ее, но и точно рассчитало, на какую высоту и расстояние она прыгнет, и в соответствии с этим дало команду моему телу.

Все здесь указывает на то, что эта часть страны была когда-то дном океана. Почвы и климат идеальны для виноградарства, и, если бы эта отрасль земледелия стала тут развиваться, транспортная проблема была бы легко разрешена. Здесь хорошо родится и сахарный тростник. Есть здесь и золото, также как и во многих других местах, где сходятся леса и горы.

Когда бальсы были готовы, мы отправились вниз по течению. Каждый из нас считал себя опытным

плотовщиком, но все же мы с Костином сели на первую бальсу, а Тодд с Россом последовали за нами на второй. Мы не представляли себе все безумство нашей затеи, пока не вошли в каньон с высоченными стенами, расположенный в нескольких милях от Асуриамы; ширина Туичи с 200 ярдов уменьшилась тут до сорока, пороги следовали один за другим. Скорость движения плотов все увеличивалась, и вот мы уже мчались по течению с такой стремительностью, что я понял — рано или поздно беды не миновать. Через милю такого пути река стала глубже, а течение замедлилось. Мы уже совсем было успокоились, когда плоты плавно и легко обогнули крутой утес, как вдруг сердца наши болезненно сжались: совсем близко впереди раздался зловещий грохот водопада. Я предостерег криком Тодда и Росса, плывших за нами, и опустил шест в воду, чтобы направить плот к берегу, но тут уже было слишком глубоко, и я не смог достать дна. Нас подхватило течением, и мы все быстрее и быстрее заскользили к краю водопада, высота которого могла оказаться какой угодно — может, два-три фута, а может, и все сто.

— Держи прямо на него, — крикнул я Костину, сидевшему за рулем.

И вот мы скользнули на гребень водопада, плот словно повис на мгновение в воздухе и затем пошел вниз. Перевернувшись два или три раза, бальса низверглась в темную бездну.

Как мы остались живы — не знаю. Костин первым выскочил на поверхность в ста ярдах за водопадом и, не увидав меня, решил, что я утонул. Когда, едва не задохнувшись, я вынырнул из воды, чувствуя, что водовороты и завихрения больше не затягивают меня, я увидел около себя перевернутый вверх дном плот. Со страшной скоростью он несся по направлению к новым опасным порогам. Но вот стало мельче, я нащупал ногами дно. Течение донесло нас до прибрежных скал, и

после нескольких попыток мы с Костином вылезли по ним на берег. Бальса, не отстававшая от нас, вклинилась между двух скал неподалеку.

Обернувшись, мы посмотрели на водопад, который «прошли». Он был около двадцати футов высотой, и в месте падения реки каньон сужался до десяти футов в поперечнике; через это бутылочное горлышко с ужасающей силой устремлялась огромная масса воды и с грохотом низвергалась вниз, забрасывая коричневатой пеной черные зубцы скалистых выступов. Казалось совершенно невероятным, что мы могли выйти живыми из этого мальстрема!^[133]

Тодд и Росс, вовремя предупрежденные, удержали свою бальсу от захвата течением и пронесли ее мимо водопада берегом. Затем они снова спустили ее на быструю воду за водопадом и, не в силах справиться с течением, потерпели крушение как раз за тем местом, где нам удалось вылезти на берег.

Весь наш багаж был надежно привязан к бальсам, и мы не потеряли ничего, за исключением моей шляпы; но одежда, инструменты и фотоаппарат насквозь промокли. Фотоаппарат пришел в полную негодность. О дальнейшем движении по реке не могло быть и речи — мы не хотели испытать еще одно крушение. Поэтому мы оставили плоты и пешком направились в Аполо. Там наш друг Флауэр дал мне шляпу, чтобы прикрыть мою лысую голову; в этих местах шляпа, пожалуй, является наиболее необходимым из всех предметов одежды, защищающих тело.

Тропой, хуже которой нельзя себе представить, мы пошли на север к Тумупасе, а оттуда кратчайшим путем возвратились к Рурренабаке. Ничего нового после нашего ухода там не произошло, за исключением того, что убили анаконду тридцати футов длиной, захваченную в тот момент, когда она заглатывала супоросую свинью. Свинья, конечно, была мертвой, но ее

помет — еще нерожденные поросята — были спасены. Их кормила грудью одна индейская женщина. В Рурренабаке свиньи ценились дороже, чем люди!

Нам рассказали, что недалеко от Тумупасы один австрийский торговец был убит тремя рабами индейцами, с которыми он жестоко обращался. Сначала они его застрелили, потом изрезали всего ножом и для верности сунули головой в реку.

Как только преступление раскрылось, жители Рурренабаке, Ихьямаса и Тумупасы соединенными усилиями принялись ловить убийц, вскоре напали на след виновных и захватили их. Каждый получил по 500 ударов плетью; однако прибывший из Рейеса судья приказал добавить еще столько же каждому. После этого преступники были отосланы в Аполо по реке, но по пути бежали в лес. Следы одного из них вели к ручью и здесь непонятным образом исчезали, из чего было сделано заключение, что его унес дьявол или какой-нибудь неведомый зверь.

Теперь я хотел достичь Санта-Крус-де-ла-Сьерра и, как только наступит сухой сезон, двинуться дальше на восток. Идти пешком было опасно, так как стада дикого и очень свирепого рогатого скота бродили по равнинам Мохос. Нас предостерегали о возможности встречи с дикими быками, которые уже убили многих пеших путников. Ехать верхом на муле или на лошади было неопасно: дикие быки боятся всадников и убегают от них. Но, увы, мы не могли достать ни лошадей, ни мулов и поэтому поехали на повозке, запряженной волом. Это тоже было более или менее безопасно.

Запрягаемые волами повозки, которыми пользуются здесь на равнине, имеют прочные деревянные колеса шести футов диаметром, одеваемые на оси из крепких пород деревьев, растущих в джунглях. Оси легко можно заменять в случае поломки; можно также пользоваться импортными металлическими осями по 12 фунтов

стерлингов за штуку. Однако предпочтение отдается деревянным осям, так как пронзительный визг, издаваемый при трении деревянных частей, подгоняет волов — животные привыкли к этой музыке и неохотно идут без нее.

В Рурренабаке я расплатился с Россом и вместе с Костином и Тоддом отправился через пампас в нанятой нами повозке к Санта-Ане. Не успели мы достигнуть Рейеса, как Костина снова укусил в ногу большой черный муравей тункандера; нога распухла, и он был вынужден ехать в повозке. Это было куда менее приятно, чем тащиться за ней по грязи, как делали Тодд и я. Повозка с грохотом проваливалась в глубокие рытвины или подскакивала на невидимых в грязи камнях, и я очень сомневался, выдержат ли колеса это испытание. Ехать в телеге уже само по себе было настоящим подвигом, хотя бы только из-за медлительности, с которой она двигалась.

Рейес оказался кучкой убогих индейских хижин. Тут не было ничего интересного, разве что бывшая католическая миссия. Она была построена на искусственном холме, возвышавшемся футов на двенадцать над окружающей равниной, и, за исключением входа, вся была окружена широкой канавой. Должно быть, люди жили тут издавна, ибо всюду на окрестных равнинах попадаются следы деятельности многочисленного и, надо думать, древнего населения — сохранившиеся местами мощные дороги длиной в несколько миль соединяют друг с другом отдаленные хозяйства. Вся равнина в течение южного лета затопляется, и эти пространства, периодически находящиеся под водой, называются у местных жителей баньядос.

Около Канделарии, совсем близко у поверхности, недавно были открыты кости мастодонтов. Не исключена возможность, что некоторые из этих древних

млекопитающих существовали здесь до сравнительно недавних времен, и остается только гадать, каких еще чудовищ можно обнаружить в менее доступных районах. В этой местности мы видели тапиров и южноамериканских страусов; вся она представляет собой одно огромное прекрасное пастбище для бродящего здесь во множестве крупного рогатого скота; лишь местами встречаются островки леса.

Когда мы переправлялись вброд через небольшую речку, одна из наших собак, плывшая рядом с повозкой, прошла в каком-нибудь футе перед мордой огромного крокодила, и, что удивительно, тот не сделал попытки ее схватить. Это в высшей степени необычно, ибо, как я уже говорил, крокодил всегда не против полакомиться собакой.

Погонщик спустился с повозки и сунул ему в глаз стрекало, прежде чем тот сдвинулся с места.

В Потреро мы слышали о сказочно богатых серебряных копях, якобы находящихся в окрестностях места, известного под названием Буэна-Виста, которое вместе с тремя соседними холмами было занято индейцами. Мы уже подумывали было заняться проверкой этих сведений, но потом решили, что слухи слишком туманны, чтобы делать ради этого большой крюк. На хорах маленькой церкви в Потреро стояли деревянные изваяния двух святых; местные жители высоко их чтили и полагали, что внутри изваяний скрыта какая-то чрезвычайная тайна. Однако никто не мог набраться духу и проверить, так ли это, и, когда мы вызвались обследовать статуи, нам решительно отказали.

Во время пребывания в Потреро к нам обратились с просьбой помочь одному жителю, прострелившему себе голову из браунинга. У меня не было с собой ничего подходящего, чтобы удалить кусок кости из черепа больного, поэтому я ничем помочь не мог. В этих

отдаленных местах всегда встречаются больные и раненые люди, которые вынуждены глотать всякие шарлатанские средства, продаваемые по возмутительно высоким ценам меркачифлеро — бродячими торговцами. От змеиных укусов — а здешние равнины кишмя кишат змеями самых различных видов — местные жители употребляют одно-единственное средство, состоящее в том, что змею убивают и к месту укуса прикладывают ее мясо. Возможно, иногда это оказывает действие, но скорее всего эффект такого способа лечения только кажущийся. Лишь после двух недель кормежки змея накапливает достаточно яда, да и не всегда кусает в полную силу.

У Костина было несколько опасных встреч с норовистыми быками, которые бродят повсюду в одиночку и стадом. Как-то раз он пошел охотиться на диких индюков с ружьем 22-го калибра в один из лесных островков среди равнины. Лес был от нас довольно далеко. Наблюдая за Костином, мы заметили большого черного быка, который шел по его следу. Мы крикнули Костину, чтобы он остерегался, и, обернувшись, он увидел быка, готового напасть на него. К счастью, между ними оказалось достаточно расстояние, и Костин успел достичь чащи раньше своего преследователя, победив в стоярдовом спринте. Не обращая внимания на колючки и другие препятствия, он стремглав влетел в густую лесную чащу. Бык, не имея возможности добраться до него, топтался вокруг, разъяренно фыркая и роя копытами землю, а Костин палил ему в глаза из своего ружьишка. В конце концов ему удалось ослепить быка, и, в то время как обезумевшее животное металось перед чащей, Костин выбрался с другой стороны и прибежал в том же спринтерском темпе назад под спасительную сень повозки.

В другой раз я сам отстал ярдов на пятьдесят, как вдруг, к своему ужасу, увидел между мной и повозкой громадного красного быка. Он храпел, бешено работал хвостом и рыл копытами землю, а я не имел с собой винтовки и поблизости не видно было ни дерева, ни какого-либо другого укрытия. Оставалось лишь попытаться пройти мимо, и вот, проглотив вставший в горле комок, я стал медленно подвигаться вперед, вперив в него немигающий, как я полагал, гипнотический взгляд. Это возымело действие, я прошел мимо быка, и он на меня не напал. Но ни за что на свете я не соглашусь повторить подобный эксперимент.

Местные скотоводы ловят этих злобных животных с помощью лассо, привязывают за рога к деревьям и оставляют издыхать с голоду. Нечего и говорить — жестокая расплата! Но от быка не приходится ждать пощады, если ему попадешься. Однажды на нас напали три быка, нападение прекратилось только после того, как убили одного и изрешетили пулями двух других. Владелец одной здешней эстансии рассказал мне, что бык убил под ним лошадь и сам он спасся только благодаря тому, что зверь продолжал терзать уже мертвую жертву. Подобно слонам, быки иногда стараются свалить дерево, чтобы добраться до человека, прячущегося в ветвях. К счастью, они встречаются теперь уже реже, чем раньше, а было время, когда они бродили большими стадами до пятисот голов и во время брачного периода представляли серьезную опасность для обитателей равнин. Сейчас эти животные ходят по-двое, по-трое и еще более злобны и опасны, чем прежде, вследствие недостатка коров, которые практически истреблены, так как их легче ловить.

Мы попали на эстансию, где одного ребенка только что укусила змея, называемая здесь йоперобобо. Это змея из семейства *Lachesis*, вид жарараки. Меня

попросили как-нибудь помочь бедняжке. Кожа у ребенка была горяча и суха, на укушенной, сильно распухшей ноге виднелись следы зубов. перевязка, наложенная выше колена, была затянута слишком туго.

Со мной был небольшой флакон противозмеиной сыворотки, полученной от одной аргентинки во время переезда по морю. Я сделал ребенку две инъекции, одну в спину, другую в ногу над местом укуса. Мальчик очень боялся, но спустя полчаса у него появился обильный пот, и он заснул. На следующее утро, к крайнему изумлению родителей, ребенок был вне опасности, и они еще более поразились тому, что я не потребовал никакого вознаграждения.

Если бы мы пришли в Санта-Ану на день раньше, то смогли бы присутствовать при необычайном зрелище — битве между домашним и диким быком. Они дрались на окраине города в окружении сотен возбужденных коров, топавших копытами и пронзительно ревавших с начала и до конца схватки. Дикий бык победил. Побужденное животное потеряло оба глаза, и его пришлось пристрелить.

Выращивание скота — главное занятие в Санта-Ане, небольшом, но опрятном селении на реке Маморе. Хорошо построенные дома стоят на месте старой индейской деревни, единственная улица поселка содержится в чистоте. Его проклятие, как и многих других таких же глухих мест, — пьянство. Жители всегда пьяны — в каждый данный момент они или напиваются, или, напившись, спят!

Здесь мы в первый и последний раз увидели породу собак, известную под названием двуногая тигровая собака Анд. Два ее носа так явственно разграничены, будто прорезаны ножом. Размером с пойнтера, эта порода собак высоко ценится за острое чутье и умение охотиться на ягуаров. Распространена она только на здешних равнинах.

На катере «Гуапай» мы поплыли вверх по реке до Лас-Хунтас. Почти весь восточный берег реки Маморе находится во владении индейцев, которые в свое время были окультурены миссионерами, но затем снова одичали — я думаю, не столько в силу естественных наклонностей, сколько в результате скверного обращения с ними. Один белый, который прожил с ними несколько лет, имел подлость заманить в ловушку большую группу с целью продать их в качестве рабов каучуковым концернам. Одним или двумя годами позже, плывя по Маморе, он потерпел крушение возле устья реки, был обнаружен и опознан индейцами, которые отдали его женщинам своего племени для пыток.

Несколько лет назад Маморе не считалась судоходной в сухой сезон, но когда появились катера, они проложили себе фарватер и сейчас плавают круглый год без перерыва. В прежние времена здешние суденышки нередко налетали на мели и коряги, тогда команда — большей частью индейцы или рабы — поднимала мятеж, убивала капитана и уходила берегом вниз по реке. Говорили, что коренные жители, населяющие эту часть страны, предатели и трусы, однако, если принять во внимание те обиды, которые им приходилось терпеть, можно привести немало доводов в их оправдание.

На реке Куси, между Тринидадом и Эстрельей, есть обширная старица, на берегах которой уцелело несколько больших деревень диких индейцев. Одно время этими индейцами предводительствовал суровый рыжеволосый шотландец, имевший «зуб на цивилизацию» и не упускавший случая выразить свои чувства путем набегов на белые поселения. До самой своей смерти он был грозой этих краев. Однажды хорошо вооруженный отряд боливийцев численностью в восемьдесят человек вышел в поход, намереваясь взять штурмом его крепость, однако растерял всю свою

храбрость в пути и вернулся назад. Индейцы и поныне совершают периодические налеты на поселения белых и забирают в плен путешественников, хотя они уже далеко не так свирепы, как прежде.

«Гуапай» сел на мель под Лас-Хунтас, и пассажиров отправили дальше на бателоне. Кучка промокших под дождем, убогих и грязных лачуг — это и была деревня, где нам пришлось дожидаться повозок, идущих на Санта-Крус. Лачуга, которую мы занимали, была разделена надвое редкой дощатой перегородкой, за которой лежал человек, умирающий от оспы. Войдя на свою половину, мы заметили в темноте у стены что-то большое и извивающееся. Это оказался бушмейстер. К счастью, мы пустили в него пулю прежде, чем он успел броситься на нас. Между прочим, пока змея таилась в засаде, в самой хижине и во дворе играли дети.

Прежде чем мы покинули Лас-Хунтас, из Санта-Круса прибыл какой-то старик вместе с дюжиной рабов, которых он намеревался продать в Риберальте.

— Конечно, я хорошо заработаю на них, — доверительно сообщил он, — хотя они и мужчины. Этот товар не так выгоден, как женщины. Если бы вместо них были девушки, я бы сейчас и в ус не дул.

Куатро-Охос — настоящий речной порт для Санта-Круса, когда уровень воды достаточно высок. От Лас-Хунтас до Куатро-Охос мы ехали на повозке через болота по краю густого леса. Тропа представляла собой настоящее море грязи, до того глубокой, что животные брели в ней по брюхо, и только благодаря широченным, восьми футов в диаметре, колесам повозки мы имели возможность продвигаться вперед. Ощущение было такое, словно плывешь на плоскодонке в открытом море во время шторма, и тебя так и швыряет из стороны в сторону. Тут было полно куликов, и мы вдоволь настреляли их из наших винтовок 22-го калибра; они внесли желанное разнообразие в наш рацион,

состоявший из одних консервов. Были тут и клещи — bichu Colorado, мельчайшие, красного цвета, и garapata do chao — самые ядовитые. Их мучительные укусы заставляли нас непрестанно чесаться.

В Куатро-Охос к нам присоединилась еще одна повозка, на которой ехала вдова из Санта-Круса с двумя милοвидными смышленными детьми. Они не были ее родными, она нашла их у порога своего дома и усыновила, хотя сама была очень бедная женщина. В них явно была европейская кровь. Вдова рассказывала, что не так давно в Сан-та-Кресе существовал обычай оставлять нежеланных младенцев ночью у дверей церкви на площади, где их пожирали свободно бродившие по улицам свиньи. Чтобы положить этому конец, властям пришлось бы наложить запрет на свиней, но ведь приток нежеланных детей от этого бы не уменьшился!

Однажды утром Костин, выкрикивая бессвязные ругательства, подбежал к повозке.

— Он гонится за мной! — закричал Костин, хотя и без того все было ясно: огромный черный бык бежал за ним и был от него в каких-нибудь десяти ярдах. Так уж получалось, что если какой-нибудь дикий бык находился поблизости, то Костин обязательно обращал на себя его внимание. Мы разрядили в быка наши винтовки, после чего он яростно потряс головой, повернулся и тяжело побежал в сторону болота.

В окрестностях Санта-Круса много прекрасных пастбищ и земель, пригодных для возделывания зерновых, но пути сообщения здесь настолько плохие, что ни животноводство, ни земледелие не развиваются. Скверные вьючные тропы препятствуют прогрессу этих мест, и это очень жаль, ибо почва здесь так плодородна, что они могли бы стать житницей Боливии. Город насчитывает 20000 жителей и 2000 домов и лежит на высоте 1600 футов над уровнем моря. Климат здесь

прекрасный, с полей можно собирать три урожая маиса в год. Придет время — и район станет тем, чем должен быть, но сейчас он отличается невероятной бедностью и, возможно, как следствие этого, низким уровнем нравов поселенцев.

В тюрьме уже два года сидел англичанин по имени Уокер, ожидавший смертной казни за участие в зверском массовом убийстве с целью грабежа. Из-за порядочной суммы золота он в компании с одним немцем перебил конвоиров при транспортной колонне. Только одной женщине удалось спастись, и она подняла тревогу. Тем временем Уокер застрелил своего сообщника, чтобы воспользоваться его частью добычи. После того как Уокера поймали, он дважды бежал, но каждый раз его снова ловили и доставляли в Санта-Крус, причем один раз его схватили в нескольких шагах от границы, перейдя которую он оказался бы в полной безопасности. Я познакомился с ним много лет назад в Рурренабаке и пошел в тюрьму навестить его. Он сказал, что считает приговор совершенно справедливым и признал, что полностью заслуживает судьбу, которая ожидает его через один-два дня. Когда пришло время, Уокер с полным самообладанием стоял перед солдатами, расстреливавшими его на глазах у жителей города.

Тодд серьезно заболел, и, прежде чем направиться на восток, нужно было отправить его в Ла-Пас и устроить ему отъезд на родину. Мы решили с месяц пожить в Сан-та-Крусе, хорошенько отъесться и набраться сил для предстоящего тяжелого путешествия в Кочабамбу. Я предпочел не останавливаться в отеле, где было вполне комфортабельно, но слишком шумно от пьяных сборищ, а снять дом, тем более, что это очень дешево стоило. Санта-Крус не представлял собой ничего особо интересного, чтобы в нем задерживаться. На немощеных песчаных улицах в дождливую погоду стояли лужи, через которые можно было перейти только

по специально положенным шатким камням. Тут был кинематограф на открытом воздухе; жуткие мелодрамы так взвинчивали публику, что на каждом сеансе должен был присутствовать отряд солдат с заряженными винтовками. У людей здесь, по сравнению с чоло, составляющими большинство населения в горных районах, кожа более светлого оттенка; испанская кровь чиста здесь, как нигде больше в Южной Америке.

Так как мои компаньоны предпочли поселиться в отеле, я был рад возможности привести в порядок весь свой географический материал. Один безработный погонщик мулов взялся готовить для меня и устроился в заднем помещении дома, а я повесил свой гамак в большой передней комнате. Мебель состояла из стола, двух стульев, полки для книг и лампы. Кровати не было, но это меня и не беспокоило, ибо в каждом здешнем доме есть крюки для подвешивания гамаков.

В первую ночь, после того как я запер дверь на засов и закрыл окна, мой повар улегся у себя в заднем помещении, а я залез в гамак и устроился поудобнее в предвкушении сладкого сна. Погасив свет, я лежал так некоторое время, как вдруг что-то прошмыгнуло по полу. «Змеи!» — подумал я и быстро зажег лампу. Не заметив ничего подозрительного, я решил, что, должно быть, это мой повар шуршит по ту сторону стены. Не успел я снова погасить свет, как звук повторился, и по комнате с громким кудахтаньем пробежала курица. Опять я зажег лампу, удивляясь, каким образом сюда могла попасть птица, и опять ничего не увидел. В тот момент, когда я вторично потушил лампу, с пола донесся шаркающий звук, словно через комнату тащился старик калека, обутый в войлочные туфли. Это уже было слишком. Я зажег лампу и больше ее не гасил.

На следующее утро ко мне пришел мой повар, на его лице был написан ужас.

— Боюсь, мне придется уйти от вас, сеньор, — сказал он. — Я не могу оставаться здесь.

— Почему? Что случилось?

— В доме bultos [\[134\]](#), сеньор. Я не люблю их.

— Какая ерунда! — с деланным презрением ответил я. — Здесь нет ничего подобного. Если вам неприятно спать одному в задней комнате, перетащите ваши вещи сюда.

— Очень хорошо, сеньор. Если вы разрешите мне спать здесь, я остаюсь.

В эту ночь мой повар, завернувшись в попоны, лег в углу, а я залез в гамак и погасил свет. Лишь только мы оказались во тьме, раздался звук шелестящих листов, как от брошенной через комнату книги. Казалось, она шлепнулась о стену надо мной, но, зажегши свет, я ничего не увидел, кроме повара, схоронившегося под своими попонами. Я опять потушил свет, и снова вернулась курица, а за нею шаркающий старик. Снова я оставил свет в лампе, и наваждение прекратилось.

На третью ночь наступление темноты ознаменовалось громким стуком в стены, вслед за чем начала скрипеть мебель. Я зажег лампу и, как обычно, ничего не увидел; однако мой повар вылез из своих попон, отпер дверь и, не сказав ни единого слова, исчез в темноте ночи. Я закрыл за ним дверь и снова улегся, но, как только свет погас, стол был поднят вверх и с большой силой брошен на кирпичный пол, и в то же время несколько книг пролетело по воздуху. Когда я снова зажег свет, казалось, ничего не было тронуту. Потом вернулась курица, а вслед за нею старик — его появление сопровождалось звуком открываемой двери. У меня крепкие нервы, но это было уже слишком, и на следующий день я переселился в отель.

В шумных пьянках по крайней мере было что-то человеческое!

Я навел справки и узнал, что никто не хотел жить в этом доме из-за его дурной славы. По общему мнению, в нем бродил призрак человека, который спрятал там серебро. Однако никто еще не дерзнул искать этот клад.

Мой «дух» хотя и шумел, но, на мой взгляд, был не так страшен — во всяком случае для человека, неискушенного по части привидений, — как выходец с того света, бродивший по другому, хорошо известному в городе дому. Там, как мне говорили, привидение появлялось ночью в определенной комнате, наклонялось над спящим человеком и начинало шарить костлявой рукой по телу несчастного, обдавая его зловонным дыханием. Некоторые из занимавших этот дом помешались; теперь он необитаем.

Тодд был отправлен в Ла-Пас, и я телеграфировал в Англию, чтобы мне подыскали человека, который заменил бы его. Затем мы с Костином направились в горы, намереваясь ознакомиться с условиями разработки полезных ископаемых севернее Кочабамбы. По пути мы миновали Самаипату, довольно захудалое местечко, имеющее, однако, бесспорные перспективы развития, поскольку оно расположено на высоте 5300 футов, и климат здесь превосходный. Поблизости от деревни находятся развалины инкских построек. Из всех поселений инков оно находилось на крайнем юго-востоке их страны. Возможно, его основал Инка Юпанки^[135] как базу для своих походов на восток, ибо здесь найдены развалины дворца, бань, а также шахта, или туннель, как говорят, служивший входом в сокровищницу. В этом месте, вероятно, стоит вести раскопки, так как жители деревни то и дело выворачивают плугами из земли фигурки золотых лам и другие реликвии. Как мне удалось выяснить, единственная попытка исследовать шахту не была доведена до конца вследствие того, что у изыскателя украли оборудование. Тем не менее, сказали мне, на

половине высоты от шахты ответвляется боковая галерея, уходящая в глубь горы. Внутри шахты видны основательно истоптанные, выбитые в твердой скальной породе ступени; я склонен думать, что здесь когда-то был рудник.

Тропа на Кочабамбу местами совпадает с руслом реки Рио-Гранде и в период дождей часто делается непроходимой. Там, где она пролегает по узким каньонам — их один или два на пути, — идти становится попросту опасно, если вдруг разразится один из ливней, столь частых в Андах. Растительности мало, однако эта бесплодная местность не лишена привлекательности — попадающиеся здесь гигантские кактусы придают пейзажу какой-то почти сюрреалистический вид.

Жизнь в Тоторе — довольно большой горной индейской деревне — красочна, но отнюдь не свидетельствует о стремлении ее жителей к чистоте. В полуразрушенном тамбо — доме для приезжих — мы делили помещение с овцами и свиньями, а также их паразитами.

Пройдя высшую точку пути, лежащую на высоте 11 000 футов, мы стали спускаться в долину Кочабамбы и у Пукары услышали паровозный свисток — впервые с тех пор, как мы вышли из Ла-Паса. Из всех звуков этот наиболее громко возвещает о твоём возвращении в обыденный мир, после многих месяцев примитивной и одинокой жизни на аванпостах цивилизации, красноречиво напоминает о доме, о воссоединении с семьей и друзьями. Когда мы подошли ближе, сладчайшей музыкой отдались в наших ушах натужное пыхтение суетливого маневрового локомотива и лязг сцепки. Это был всего лишь паровой трамвай, но каким величественным он нам казался!

Мы сели на этот трамвай и поехали в Кочабамбу по плодородной местности, поросшей эвкалиптами и густо населенной горными индейцами. Кочабамба, возможно,

самый лучший из городов Боливии, так как климат здесь идеальный, высота над уровнем моря сравнительно невелика.

Тут кончается ветка железной дороги Антофагаста — Боливия, поэтому Кочабамба может стать очень важным населенным пунктом, что несомненно уже произошло бы, если бы отсюда была проведена дорога или железнодорожная линия к производящему району Санта-Круса.

Мы в огромных количествах поглощали клубнику со сливками и фрукты умеренного пояса, которых мы так долго не видели. Друзья старались всячески нас занять, повели в превосходные бани Калакала, с гордостью показывали красоты своего города. Им действительно можно было гордиться, ибо он красив и превосходно расположен в межгорной котловине. На севере высятся покрытые снегом вершины. Если бы не общепринятый обычай одеваться во все черное, улицы выглядели бы еще веселее, так как дома здесь отличаются разнообразием расцветки, а площади обильно украшаются цветами.

Лишь одно неприятно в Кочабамбе — это *buichinhas*, или кровососущие тараканы^[136]. Эти твари забираются ночью в дома через открытые окна и упиваются человеческой кровью. Разумеется, есть и блохи — в Южной Америке они есть почти везде, но тут на них не обращают особого внимания. Во всяком случае даже для самого свежего иностранца наступает такой момент, когда он перестает замечать их.

В ту пору в городе существовало предприятие, производившее два очень вкусных напитка, которые мне нигде еще не приходилось пить. Один назывался за свое молниеносное и могучее действие Винья-Райя^[137]. Другой назывался кока и изготовлялся путем настаивания в спирте специально отобранных листьев кока с добавлением некоторых других ингредиентов.

Никогда я не пил более замечательного напитка. По цвету и консистенции он похож на зеленый шартрез, но обладает совершенно своеобразным вкусом. Один стакан этого напитка утоляет муки голода и снимает усталость; кроме того, кока превосходное желудочное средство. Тот, кому посчастливится добыть рецепт приготовления кока и организовать производство этого напитка в Европе или Соединенных Штатах, без сомнения, наживет состояние. Я взял с собой на родину дюжину бутылок, но, увы, их ненадолго хватило! При слиянии рек Оакамба и Инкисиви, недалеко от Кочабамбы, находятся развалины иезуитской миссии; утверждают, что там зарыт большой клад. Сакамбая был наиболее доступным из тридцати восьми золотых рудников, когда-то разрабатывавшихся в этом районе. Рудники принадлежали иезуитам, которые основали при них миссии и руками индейцев добывали руду. К тому времени когда иезуитов начали изгонять из Южной Америки, все их золотые рудники работали с полной отдачей. Иезуиты на некоторое время приостановили отправку золота в Рим, чтобы накопить достаточно средств, откупить у Боливии часть ее территории и основать на ней иезуитскую колонию. Узнав о грозящем им изгнании, они собрали все золото в руднике Сакамбая, где шесть индейцев целый год трудились над прокладкой туннеля, в котором было сделано тридцать восемь ниш. Сокровища каждой миссии закладывались в отдельную нишу; еще шесть месяцев ушло на то, чтобы заделать туннель — его тщательно засыпали, и большой яйцевидной формы камень был положен на месте входного отверстия. Чтобы обеспечить тайну, все шестеро индейцев были убиты, и восемь священнослужителей вернулись в Рим. Там семеро из них были казнены, а восьмой заключен в тюрьму.

Оставшегося в живых священника освободили много лет спустя, и он вернулся в Боливию, где у него росла

дочь — большая часть местных священнослужителей имела незаконных жен. Эта девица стала не то женой, не то любовницей одного англичанина, которому и рассказала тайну сокровищ. Секрет стал передаваться из уст в уста, пока кто-то из потомков этой пары не решил заняться поисками клада. Искатели отправились в Сакамбаю, удостоверились в подлинности своих сведений, нашли скелеты шести индейцев и приступили к раскопкам.

Тем временем на сцене появился некий корнуэлец, который сумел примазаться к компании кладоискателей, находки которых позволяли думать, что они на верном пути, однако в результате ссоры компания распалась, и корнуэлец продолжил поиски в одиночку. Всю эту историю рассказал мне он. Корнуэлец утверждал, что нашел туннель с явными следами извести, древесного угля и остатками монашеской одежды. Тут у него кончились денежные средства, и поиски пришлось прекратить.

— Вам удалось возобновить их? — спросил я.

— Да, только не сразу. Люди узнали, что я владею секретом, и меня спешным порядком посадили в тюрьму по обвинению в ограблении почтового экипажа. Надо полагать, кое-кому попросту захотелось убрать меня с дороги, чтобы завладеть сокровищами, но их ждало разочарование; через год я снова был на свободе. Я вернулся в Сакамбаю и начал раскопки с того места, где пришлось их прекратить, но денег снова не хватило, и я снова был вынужден остановиться.

— Чтобы искать сокровища, нужен капитал. Это весьма дорогое удовольствие. Обычно на раскопки тратят больше денег, чем выручают.

— Ваша правда, майор. Так и получилось. Я заинтересовал этим делом четырех англичан, и мы образовали синдикат для продолжения раскопок. Мы проторчали на месте две недели, и я потерял всякую

надежду сварить с ними кашу, когда увидел, что мои компаньоны гнушаются черной работы. Мы поссорились. Они хотели, чтобы раскопки вели индейцы, но я не собирался никого нанимать, ведь тогда тайна была бы разглашена. Мы должны были сами сделать всю работу, и толковые люди так бы и поступили. С полдюжиной наших парней из Корну-эла я бы вырыл сокровище за неделю, ибо нет лучших рудокопов, чем корнуэльцы, доложу я вам!

— Что же из всего этого получилось?

— Мы разошлись. Они уехали в Англию, и один потребовал, чтобы ему уплатили его долю по синдикату стоимостью в сорок тысяч фунтов. Претензия будет рассматриваться в Лондонском суде по делам о несостоятельности.

— Зачем вы мне все это рассказываете?

— А вот зачем, майор. Не заинтересует ли вас это дело и не захотите ли вы участвовать в нем? Если у вас есть немного капитала и вы готовы поместить его в верное предприятие, мы с вами организуем товарищество. Вы производите на меня впечатление надежного человека, и я знаю, вы не боитесь работы. Что вы на это скажете, майор?

— Гм!.. Сперва надо пойти и взглянуть на место. Кстати сказать, это нам по пути.

Глава 16

Доисторическая явь

Проходя горами севернее Кочабамбы, мы потратили некоторое время на ознакомление с рудничными разработками района и окольным путем вышли к Сакамбае. К этому месту нетрудно добраться как от Кочабамбы, так и от Инкисиви. Сакамбая — поселок рудокопов, находился в трех лигах вверх по течению, на открытой местности, поблизости от него было расположено несколько ферм. Обвалившиеся стены — вот все, что осталось от бывшей иезуитской миссии. Невдалеке можно было увидеть шесть или восемь глубоких отверстий и несколько других, выглядевших так, будто их вырыли лишь затем, чтобы снова засыпать землю.

Зарытое здесь сокровище оценивается молвою в полмиллиона фунтов стерлингов — если, конечно, оно вообще существует, в чем я склонен сомневаться. Местное предание как будто свидетельствует в пользу его существования, однако после истории с сокровищем, которое я якобы зарыл на Верди, я с подозрением отношусь к рассказам о спрятанных кладах. И все же: некий местный боливиец, условия жизни которого были весьма скромными, в удивительно короткое время стал обладателем огромного состояния. Он никому не объяснял, как ему удалось разбогатеть, однако ходили слухи, что он предпринял несколько тайных походов в Сакамбаю.

На мой взгляд, если сокровище действительно здесь существует, попытки его обнаружить велись очень неумело. Всякий, кто понимает в этом деле толк, легко сможет раз и навсегда решить вопрос — есть туннель или нет. Корнуэлец утверждал, что нашел туннель, но я

не обнаружил ни малейших его следов, несмотря на тщательное обследование. Вырытые ямы были похожи на шахтные стволы, которые должны были переходить в туннель, но это явно было не так.

Мне тут нечего было делать — лишнего капитала я не имел, и, хотя я был уверен в искренности корнуэльца, само место разочаровало меня. Не было «чувства», что здесь зарыто сокровище, а я склонен до некоторой степени верить подобным ощущениям.

Оказавшись на мели, корнуэлец в конце концов уехал в Рио-де-Жанейро и, насколько мне известно, поступил там на службу электрической компании «Лайт энд Пауэр». Я больше не имел с ним контакта, и, как мне кажется, он так и умер в Рио-де-Жанейро. Вероятно, были предприняты дальнейшие попытки найти сокровище, так как члены синдиката были посвящены в его тайну, и всегда находятся авантюристы, готовые принять участие в охоте за кладами, если даже она их разоряет.

От Инкисиви мы прошли через горы к Эукалипто и оттуда уехали поездом в Ла-Пас. Я уже давал в Англию телеграмму с просьбой найти замену Тодду и в скором времени ожидал прибытия Мэнли. Тем временем я занялся в столице кое-какими делами, включая предварительные переговоры относительно подготовляемого мной проекта автомобильной дороги Кочабамба — Санта-Крус.

Я подсчитал, что ежедневно, даже в сезон дождей, между этими двумя городами проходит в среднем 150 мулов с грузом, однако вьючный транспорт, не говоря уже о его медленности и малоэффективности, совершенно не приспособлен для будущих перевозок овощей, фруктов и леса из «Сада Боливии» на Альтиплано. Казалось бы, напрашивалась необходимость строить железную дорогу, однако тут были свои «но». Трасса прошла бы по очень

пересеченной местности, и постройка стоила бы больших денег, однако главным препятствием являлась трудность поддержания в постоянной исправности железнодорожного пути, проходящего по узким, постоянно размываемым горными потоками ущельям. Между тем трассу автомобильной дороги можно профилировать более гибко, так, чтобы она проходила, минуя опасные участки. Тогда в случае перерыва сообщения из-за оползней и размывов потребовалось бы меньше времени для возобновления движения, и на дороге можно было бы держать меньше постоянной рабочей силы. Даже в 1913 году легко было предвидеть развитие перевозок по этому пути, хотя охотно допускаю, что здесь могут встретиться затруднения, которые даже не приходили мне в голову. Воображение рисовало мощные грузовые автомобили, доставляющие пиленный лес из глубинных областей страны, которые могли бы поставить подходящую, если не наилучшую, древесину для любых промышленных нужд. Однако у меня не было ни знаний, ни опыта относительно нагрузок на полотно и мосты, износа шин и специфики поворотов на горных дорогах. Я видел лишь возможные преимущества автодорожного транспорта и невыгоды железнодорожного. Последний уже зарекомендовал себя наиболее аффективным методом перевозок тяжелых грузов, особенно в критические для государства моменты, и в глазах общественного мнения казался несравненно более солидным, чем какие-то фантастические автомобильные концерны.

Однако я с таким энтузиазмом поддерживал идею строительства автомобильного шоссе, что представители правительства, которым я доложил свои соображения, как будто склонялись в мою пользу. Казалось вероятным, что они гарантируют возмещение затрат на строительство из государственных средств, и я не предвидел особых затруднений со сбором средств

на местах. Увы, разразилась война^[138], и мой проект был отложен на неопределенное время.

Рождество 1913 года мы мирно отпраздновали в Ла-Пасе и вернулись поездом в Кочабамбу через Оруро. Потом мы наняли мулов, пополнили запасы и отправились в Санта-Крус — тяжелое путешествие в сезон дождей, когда реки то и дело разливаются.

Мы шли по узкому ущелью, как вдруг над нами в горах разразился ливень. Я прекрасно понимал, что может за этим последовать, и стал искать путь вверх по склону ущелья. Нам посчастливилось дойти до такого места, где мулы наконец смогли начать подъем. Мы ушли со дна каньона как раз вовремя. Из ущелья донесся глухой рев, и, обернувшись, мы увидели внизу стену пенящейся воды высотой в 12 или 15 футов, сметающую все на своем пути. Запоздай мы на минуту или на две — и она захлестнула бы нас, да и то наш последний мул едва успел увернуться, от скачущих валунов и потоков коричневой пены.

На день-другой мы задержались в Тоторе, где нам представилась возможность познакомиться с местными обычаями. Здесь мы видели, как муж женщины, которая собирается родить, ложится в кровать, обвязав себе голову, и лежит так четыре дня, тяжело охая и вздыхая. За это время его жена не только производит на свет дитя с обычной для индианок легкостью, но и ухаживает за своим бедным мужем, кормит его маисом, разбавленным чаем, между тем как соседи, собравшись вокруг, выражают сочувствие несчастному отцу, которому жестокая природа послала такие муки. Этот нелепый обычай встречается не только в Тоторе, он распространен среди отсталых народов во многих странах мира.

По прибытии в Санта-Крус я заболел брюшным тифом или чем-то вроде этого и несколько дней был совсем плох. Спартанское лечение — сидеть часами

обнаженным на солнцепеке — выжгло недуг из моего организма. Потом последовал неприятнейший приступ сусу — заразного конъюнктивита, весьма распространенного здесь из-за пыли и грязи. Веки у меня сильно распухли и покрылись ячменями. Мне удалось вылечить себя с помощью содержимого медицинского ящика, но только потому, что заболевание было незначительным. Слечь в постель — для меня чрезвычайное происшествие, и мне было страшно стыдно за самого себя.

В Санта-Круссе принято называть болезни *espasmo*, то есть удар. Ревматизм будет *espasmo de aire* (воздушный удар), любая лихорадка — *espasmo del sol* (солнечный удар). Всякая болезнь от расстройства желудка до желтой лихорадки становится *espasmo* того или другого! Жители города так бедны, что немногочисленные врачи с трудом зарабатывают на пропитание. Болезни обычно не лечат, предоставляя им беспрепятственно развиваться. Все это свидетельствует о том, как необходимо здесь государственное медицинское обслуживание. Во внутренних районах Боливии и Бразилии нет иного способа оказать медицинскую помощь тем, кто более всего в ней нуждается. Рано или поздно эти страны придут к необходимости создать у себя систему здравоохранения, как и все другие страны, считающие себя цивилизованными.

Жизнь в Санта-Круссе дешевле, чем где бы то ни было, и, несмотря на свою бедность, народ здесь гостеприимен и ни на что не жалуется. За плату, эквивалентную 30 шиллингам в месяц, я снял новый, прекрасно построенный дом (на этот раз без *bultol*). Питание, включая мясо, хлеб, молоко, фрукты и овощи, стоило всего лишь один шиллинг шесть пенсов в день на человека. Не удивительно, что иные иностранцы никак не могли расстаться с этим местом!

Земля здесь продавалась примерно по 80 фунтов за квадратную лигу, и мне пришло в голову, что здесь имеются блестящие возможности для предприимчивых иностранцев, готовых развивать неограниченные природные ресурсы, благоустраивать город и строить железнодорожные ветки для доставки товаров в центральный распределительный пункт.

Молодые женщины в Санта-Круссе большей частью очень хороши собой, но нравы оставляют желать лучшего. На улицах часто можно перехватить беззастенчиво смелые взгляды, и если по ночам вы услышите легкое постукивание в дверь или ставню и голос, осведомляющийся, не нуждается ли сеньор в чем-нибудь, не удивляйтесь — здесь это в порядке вещей! Легкость нравов особенно заметна во время трехдневного карнавала, когда отбрасывается всякая благопристойность и мужчины, и женщины предаются пьяным оргиям.

Во время карнавала произошло землетрясение — несколько подземных толчков, и дома сильно шатались, однако все обошлось испугом, и особых разрушений не было. Мы отважились ходить по улицам, рискуя тем, что нас забросают яйцами с краской или чернилами, или выльют на голову ведро с нависающего над тротуаром балкона. Это весьма потешало тех, кто пользовался правом необузданно веселиться в течение этих сумасшедших дней. Но мы были рады, когда все кончилось, и короля карнавала торжественно похоронили на кладбище.

Как только мой старый друг Мэнли прибыл из Ла-Паса, мы попрощались с нашими многочисленными друзьями в городе и верхом отправились к бразильской границе. По дороге повсюду были видны последствия сезона дождей, который в 1913 году затянулся почти до середины августа, вода в реках стояла ненормально высоко. Через Рио-Гранде пришлось переправляться на

pelotas — оригинальных лодках, сплетенных из тростника и обтянутых сыромятной кожей, однако при сильном течении даже этот способ переправы был небезопасен. Затем мы прошли тридцать шесть лиг ничем не примечательным лесом, где небольшой отряд боливийских солдат блокировал диких индейцев. Вся область к югу от реки Парапети и к северу между реками Пирай и Рио-Гранде находилась в руках индейцев племени янаигуа, которые иногда нападали на путешественников. Мы прошли через лес, никого не встретив, и вышли к холму Эль-Серро, где было небольшое скотоводческое ранчо, на котором работало около пятидесяти рабочих индейцев.

Спустившись с Эль-Серро, мы попали в страну пальм. Озеро Пальмарес разливалось здесь в период дождей обширными баньядос. Мы шли по сухой дороге, лежавшей на десять футов ниже уровня последнего паводка, и достигли Эль-Серрито — другого скотоводческого ранчо. Оно занимало площадь в две квадратные лиги, здесь легко можно было содержать 500 голов крупного рогатого скота, и тем не менее имение было куплено всего за 240 фунтов стерлингов. Вот наглядный пример того, сколько стоила здесь земля в те времена!

По сухой и пыльной дороге мы прошли отсюда до Сан-Игнасио. Местность эта богата минеральным сырьем. В горах на севере есть золотые месторождения с выходом золота полторы унции на тонну руды. Первоначально рудники разрабатывались иезуитами. Сейчас весь этот район из-за оторванности от внешнего мира пришел в упадок и запустение. Даже Сан-Игнасио — столица провинции Чикитос — оказалась всего-навсего обнищавшей деревней с населением в 3000 человек, главным образом индейцев, влачивших жалкое существование.

Тем не менее карнавал в Сан-Игнасио еще продолжался — новогодние праздники никак не могли кончиться. Из многих, весьма жалких с виду домов слышалось бречание гитар и заунывное пение, в воздухе густо висел запах качасы. Там и сям валялись пьяные, кто опираясь о стену или растянувшись на пороге, кто распластавшись на земле, словно жертвы побоища. Не было слышно ни собак, ни птиц; казалось, все погрузилось в оцепенение, предшествующее смерти.

Мы подходили к местам, в которых змей, вероятно, больше, чем где-либо в Южной Америке. Огромное число людей гибнет здесь от их укусов. Многие уверяли меня в том, что в этих краях водится змея около трех футов длиною, которая перед нападением складывается, как подозрительная труба. Слово для того чтобы смягчить впечатление от сказанного — мне это казалось просто невозможным с анатомической точки зрения, — они добавляли, что змея эта не очень ядовита. Я был бы не прочь увидеть ее, но мне так никогда и не удалось.

Коренные жители провинции Чикитос отличались светлым цветом кожи и жили в пещерах — ямах в земле диаметром около двенадцати футов. Вход делался в виде длинного наклонного туннеля, яму наглухо закрывали сверху ветвями и пальмовыми листьями. Индейское племя морсега в Бразилии все еще живет таким образом^[139].

В лесу, росшем в низине за Сан-Игнасио, мы шесть дней с трудом пробирались через баньядос по жидкой грязи; во время дождей местность здесь совершенно затопляется. Вертикально подымаясь от земли, стволы хлопчатниковых деревьев^[140] стояли подобно белым призрачным башням с корнями-подпорками; их сплетающиеся наверху ветви, отяжеленные бородами мхов и лианами-паразитами, образовывали свод, сквозь который лишь там и сям пробивался тонкий лучик света.

В сумраке между огромными стволами смутно белели каучуковые деревья, тянущиеся к солнцу.

В лесах умеренного пояса стволы деревьев сравнительно хорошо освещены, имеют темную окраску и их кора отличается очень интересной структурой в виде бесчисленного множества чешуек. Здесь, в тропическом поясе Америки, стволы деревьев гладкие, бледных светлых оттенков, заметных даже во тьме. Повсюду спутанные плети ползучих растений стелются на открытых местах, охватывают деревья или любой куст, достаточно крепкий, чтобы выдержать их тяжесть, с беспощадной настойчивостью взбираются на кроны деревьев, образуя зеленые, вознесшиеся ввысь террасы джунглей, там яркий солнечный свет, там в буйстве красок пламенеют орхидеи. Сверху сетями свисают лианы, словно какой-то чудовищный паук свил паутину из живого волокна, чтобы поймать человека или зверя в свои путы, разорвать которые невозможно. С земли волнами зелени поднимаются листовенные ползучие растения, прорываясь сквозь завесу пальм и бамбука.

То там, то здесь лежат удушенные гиганты леса, свалившиеся замертво, гниющие в грязи, и солнечный свет падает на прогалину, где папайя, или капустная пальма, стоит прямо и грациозно, словно прекрасная нимфа. От смерти к разложению в лесу один только шаг. Деревья проживают свою жизнь и падают, и никому нет дела, что они становятся добычей несметного множества насекомых, их домом и кормом. Вечная сырость, вездесущая плесень быстро превращают погибшие деревья в зловонную массу, разъедают их, пока они не становятся частью той грязи, которая поглощает их. Здесь не найдешь ничего похожего на сухую, мягкую, словно подушка, землю, которая встречается в лесах севера, здесь сплошная слякоть и грязь, которой нет только на приподнятых над

местностью островках. Когда идешь в этом лесу по ковру опавших листьев и спутанной травы, ступня проваливается вниз с монотонным хлюпающим звуком, и мышцы ног болят от постоянных усилий, с которыми приходится вытаскивать из грязи ногу для каждого последующего шага.

Там, где лес расступается, образуя открытые пространства, уже от самой его опушки начинается плоское болото, местами усеянное небольшими островками в несколько футов высотой, поросшими зарослями бамбука и кустарником. На одном из таких островков — довольно большом — расположилась убогая эстансия Сан-Диего, населенная такими же мрачными людьми, как и вид, открывающийся из их дома с его полусгнившей тростниковой дверью. Это место кишело змеями — все островки среди болота служат им убежищем во время разливов; за три месяца в доме было убито трицать шесть змей, причем все ядовитые. В тростниковой крыше дома день и ночь можно было слышать их шорох.

Пройдя две лиги за Сан-Диего, мы вышли на уже знакомую мне тропу Сан-Матиас — Вилья-Белья. Поскольку повозки, которые мы захватили из Сан-Игнасио, не могли переправиться через вздувшуюся реку Барбадос, пришлось разбить лагерь как можно ближе к Казалваску и расстрелять кучу ружейных патронов, чтобы привлечь внимание людей на другом берегу реки. На третий день на противоположной стороне показался негр, который, как потом выяснилось, был участником бразильской пограничной комиссии 1909 года. Он вернулся в Казалваску и привел оттуда лодку, чтобы переправить нас на тот берег.

— Если бы вы попробовали переплыть эту реку, вы недалеко бы ушли, сеньор, — сказал он, отчаливая от берега. — Крокодилы хватают здесь людей.

Когда я сказал ему, что в 1909 году переплыл эту реку, он чуть не задохнулся от изумления.

— Просто чудо, что они не схватили вас. У белого человека гораздо меньше шансов избежать их, чем у цветного, это вам каждый скажет.

— Но мне говорили, что они не нападают на человека до полудня.

— Да, сеньор, так говорят. Но ведь в реке есть не только крокодилы. Здесь есть также анаконды, и уж они-то не станут ждать часа второго завтрака, чтобы напасть на вас! Может быть, Гуапоре в смысле анаконд еще похуже, на ее берегах, особенно в некоторых местах, совсем небезопасно разбивать лагерь. Один отряд, с которым я шел, расположился лагерем на подходящем берегу, там было удобно развесить гамаки. Среди нас был человек, который любил подвешивать свой гамак в стороне от других — говорил, что спит лучше, когда никто не храпит рядом.

Как-то ночью мы услышали сдавленный крик, он оборвался, словно кто-то схватил человека за горло. Мы все повыскакивали из гамаков, схватили ружья и бросились к тому месту, где тот человек повесил свой гамак. Кто-то захватил фонарь, и при его тусклом свете мы увидели картину, которую мне никогда не забыть: огромная анаконда схватила пастью веревки гамака и несколько раз обернулась вокруг человека. Мы стали палить по змее, и через некоторое время она отпустила свою добычу и уползла в реку. Человек был мертв, сеньор, у него ни одной косточки не осталось не поломанной.

В Мату-Гросу, где полно анаконд, существует смешной предрассудок, что, если человека укусит анаконда и он спасется от нее, он будет невосприимчив к яду любой змеи. В бразильских сертанах, или глухих местностях, существует поверье, что змеи никогда не нападают на человека, который носит на себе мешочек с

сулемой. Индейцы упорно придерживаются подобных поверий, и, если начнешь с ними спорить, отвечают: «Сеньор, я всю жизнь прожил в сертанах и знаю, о чем говорю».

Казалваску, население которого было перебито дикарями, снова стало обитаемым — здесь жило несколько негров, и нам посчастливилось достать лодку, на которой мы отправились в Порту-Бастос, где Антонио Альвес, мой старый друг, с которым я работал на демаркации границ, продал мне отличное каноэ для дальнейшего путешествия по реке.

Вилья-Белья как был, так и остался грязным, запущенным и полуразрушенным городом, но лишь только мы вступили на заросшую травой улицу, как меня ударила в грудь какая-то черно-белая торпеда, вылетевшая из одного дома. Это был фокстерьер, которого я здесь оставил с поломанной ногой в 1908 году; он принялся быстро-быстро лизать меня языком. Я отнюдь не был забыт.

Чтобы избежать вороватых индейцев, шныряющих ночью по улицам Вилья-Бельи, мы расположились лагерем на другой стороне реки, где нас посетили крокодил, ягуар, тапир и несколько свиней, а также множество ночных обезьян, объявивших о своем присутствии жуткими завываниями.

Верховья Гуапоре изобилуют дичью, так как ее мало кто беспокоит. Через одиннадцать дней тяжелой работы веслами мы достигли реки Мекенс, где была баррака немецких промышленников каучука. Здесь мы встретились с бароном Эрландом Норденшельдом^[141], который вместе со своей отважной женой занимался исследованием индейских племен, живших в более или менее доступных районах по Гуапоре. Эту привлекательную молодую шведку красноречиво характеризует уже тот факт, что она охотно бродила вместе со своим мужем в лесах и днями ходила по

болотам для того, чтобы добраться до какого-нибудь отдаленного индейского племени.

Милях в двенадцати к востоку были горы; барон считал, что идти туда было бы опрометчиво.

— Там наверняка обитают многочисленные дикие племена, — заметил он. — Можно с уверенностью сказать, что это опасные люди. Я кое-что слышал о них от индейцев, которых мы уже посетили. Все они говорят, что где-то в той стороне живут каннибалы.

— По их же словам, это очень высокие и волосатые люди, — вставила жена барона.

— Скоро мы это узнаем, ведь это как раз туда мы и направляемся, — засмеялся я.

— Это будет в высшей степени опрометчиво! — проворчал барон. — Честно говоря, я не рассчитываю снова увидеть вас в живых. Вы совершаете явное безрассудство.

Горбясь под тяжелыми ношами, мы покинули Мекенс и два дня пробирались по жидкой грязи широко раскинувшихся болот, пока не пришли к питавшей их реке с крайне медленным течением. Мы пошли вверх по этой реке и спустя несколько дней достигли травянистых равнин у предгорий Серрадус-Паресис. Здешние места так хороши, что я понял, почему тут в лесах встречается столько отшельников самых различных национальностей, предпочитающих жизнь в одиночестве, среди дикой природы, скудному и шаткому существованию в цивилизованном обществе. Чем жалеть этих людей за то, что они лишены удобств, без которых мы не мыслим свою жизнь, скорее нам следует завидовать тому, что у них хватило мудрости понять, сколь обманчивы все эти ценности. Может быть, именно эти отшельники познали истинный смысл жизни.

Идя по гористой местности, мы снова попали в лес; подлесок почти не мешал нашему продвижению. Огромные каучуковые деревья — некоторые из них

достигали двенадцати футов в окружности — не обнаруживали следов регулярной подсечки. Правда, на некоторых деревьях были грубые зарубки, но мы видели, что они сделаны не рукою серингейро. Похоже было на то, что белые люди никогда раньше здесь не бывали, зато следы индейцев были налицо.

В здешних лесах мы нашли несколько видов замечательно вкусных плодов. Как они называются — не знаю, я никогда раньше таких не видел. У одних почти весь плод состоял из косточки, мякоти было немного, но она была так вкусна, что хотелось есть все больше и больше. Другой плод мы решили попробовать только после того, как заметили, что он очень нравится насекомым. Размером он был с гранат и тоже оказался вкусным, но с вяжущим привкусом; отведав его, мы почувствовали себя очень плохо и некоторое время испытывали головокружение. Через три недели, после того как мы вступили в лес, мы наткнулись на широкую, хорошо протоптанную тропу, пересекавшую нашу под прямым углом.

— Дикари! — сказал я. — Деревня должна быть совсем близко, этой тропой пользуются каждый день!

— Но ведь та, по которой мы идем, тоже хорошо натоптана, — возразил Костин. — Уж если на то пошло, и та, и другая может вести к деревне.

Я посмотрел на тропы и не мог решить, какая из них та, что нам надо.

— Знаете что, майор, давайте кинем монету — орел или решка, — предложил Мэнли.

Я сунул руку в карман и нащупал монету.

— Орел — идем по новой тропе, решка — по старой. Я подбросил монету, и мы наклонились над тем местом, где она упала. Выпал орел.

— Итак, идем по новой.

Мы прошли две или три мили, миновав несколько плантаций, и вдруг оказались на большой расчистке,

залитой ярким солнечным светом. Очень осторожно мы выглянули из кустов — прямо перед нами, на обширной, гладко утопанной площадке стояли две большие хижины, по форме напоминающие ульи. В центральной своей части они достигали высоты почти в сорок футов и имели сто футов в диаметре. Однако вход можно было увидеть только в одной из них, той, что была к нам ближе, возможно, футах в тридцати.

В это время из одной хижины вышел голый меднокожий ребенок с орехом в одной руке и маленьким каменным топором в другой. Он присел на корточки перед плоским камнем, положил на него орех и принялся разбивать его топором.

Глядя на эту сцену, я забыл своих спутников и все на свете. Завеса времени отодвинулась в сторону, позволив заглянуть в отдаленное прошлое, в доисторическую явь. Ведь именно так должен был выглядеть ребенок неолита, именно так он должен был вести себя в те отдаленные времена, когда человек начал свое восхождение по лестнице эволюции. Первобытный лес, прогалина, хижина — все выглядело точно так, как, должно быть, выглядело несчетные тысячелетия назад! Но вот орех раскололся, ребенок издал слабый хрюкающий звук удовлетворения и, отложив в сторону топор, сунул косточку в рот.

Я заставил себя вернуться к действительности и тихо свистнул. Мальчик поднял голову, перестал жевать и вытаращил глаза; из темных недр хижины высунулись две руки, схватили ребенка и втащили внутрь. Послышалось возбужденное невнятное бормотание, шорох разбираемых луков и стрел, сдавленные крики. Бесполезно прятаться в лесу, когда дикари уже обнаружили твое присутствие, поэтому я вышел из укрытия, быстро пересек пространство, отделявшее меня от хижины, пролез в узкое входное отверстие и присел у стены. Когда глаза у меня привыкли к темноте,

я увидел, что в хижине никого нет, кроме одной старой женщины. Она стояла у центрального столба среди высоких глиняных горшков и смотрела на меня. На противоположной стороне хижины были другие входы, через которые бежали ее обитатели. Меня осенила догадка: по-видимому, мы пришли в то время, когда мужчины работали на плантациях, и теперь женщины и дети, которые только что были в хижине, бегут поднимать тревогу, оставив в хижине лишь древнюю старуху, неспособную быстро передвигаться.

Старуха что-то пробормотала про себя, потом наклонилась и возобновила работу, которую прервала, когда началась суматоха, — она варила на огне маисовое пиво. Я показал ей жестами, что голоден, и явно напуганная, она взяла тыкву и, с трудом передвигая ногами, подошла ко мне, по-прежнему что-то бормоча про себя. В тыкве оказалось что-то очень вкусное, хотя я не знал, что именно, и я отнес еду моим спутникам, которые все еще ждали в зарослях на краю расчистки.

Небо подернулось тучами, раздался гром, и полил проливной дождь.

— Пойдемте в хижину! — крикнул я. — Теперь все равно, где быть, что там, что здесь, снаружи.

Мы вошли в хижину, и, когда тыква была опорожнена, я передал ее старухе, чтобы она снова наполнила сосуд. И вот, когда мы уничтожали добавку, появились мужчины. Они проскользнули внутрь через входы, ранее нами не замеченные, и через ближайший к нам вход мы могли видеть еще более многочисленные тени людей снаружи — вероятно, они окружили хижину. Все мужчины имели с собой луки и стрелы. Человек, которого я принял за вождя, стоял около старухи, слушая ее взволнованный рассказ. Я подошел к нему и жестами попытался дать ему понять, что мы пришли с мирными намерениями, хотим только пищи и уже

получили ее. Вождь стоял совершенно спокойно, и нельзя было понять, доходит ли до него то, что я хотел ему сказать. Я вернулся к входу, взял из тюка несколько небольших подарков и отдал ему. Он взял их, ничем не выразив свою благодарность, однако после этого к нам подошли женщины с тыквами, наполненными земляными орехами. Это означало, что в нас признали друзей; вождь уселся на изогнутую скамеечку и стал есть орехи вместе с нами.

Позже я выяснил, что это племя называется максуби, живет оно в двадцати четырех деревнях и насчитывает свыше двух тысяч человек. Кожа у этих индейцев не очень темная, ярко-медного оттенка, волосы слегка рыжеватые. Максуби не очень рослый народ. Мужчины носят раковины и палочки в ушах, деревянные шпильки, продеваемые через ноздри и нижнюю губу, и браслеты из зерен и дерева чонта. На лодыжки и запястья они надевают каучуковые ленты, окрашенные в красный цвет соком растения уруку. Увидя эти ленты, мы поняли, кто делал надрезы на каучуковых деревьях в окрестностях. Женщины не носили украшений, и волосы у них были короткие, тогда как у мужчин длинные — прямая противоположность нашему обычаю. На мой взгляд, люди этого племени, подобно многим другим в Бразилии, являются потомками какого-то высокоцивилизованного народа. В одной деревне максуби я видел рыжего мальчика с голубыми глазами — но он не был альбинос [\[142\]](#).

Цель нашего путешествия лежала значительно дальше на восток, и мы оставались у максуби лишь для того, чтобы немного изучить их язык и обычаи. Они оказались солнцепоклонниками; один или два человека в каждой деревне должны каждое утро приветствовать солнце, распевая при этом музыкальными голосами таинственные, полные роковых интонаций песнопения в своеобразной пятиступенной гамме, сходной с ярави

горных индейцев в Перу. В глубокой тиши леса, когда первый проблеск дня заглушит не стихающий всю ночь гул насекомых, гимны максуби глубоко впечатляют своей красотой. Это музыка развитого народа, а не просто шумные ритмы, характерные для подлинных дикарей. У максуби есть имена для всех планет, а звезды называются у них вира-вира — словом, которое любопытным образом ассоциируется со словом «виракоча», означавшим солнце у инков.

Максуби отличаются учтивостью манер и безупречными нравами. У них небольшие, красивые ноги и руки и тонкие черты лица. Им знакомо гончарное искусство, они выращивают табак и курят его из небольших чашеобразных трубок в виде сигарет, сворачиваемых из маисовых листьев. Во всем максуби производят впечатление народа, когда-то стоявшего на высокой ступени развития и переживающего стадию упадка, а не дикарей, выходящих из первобытного состояния.

На еще неисследованных пространствах Южной Америки рассеяны и другие племена, подобные максуби; некоторые из них несколько более развитые и есть даже такие, что носят одежду. Это полностью опровергает выводы, к которым пришли этнографы, исследовавшие лишь области по берегам рек и не заходившие в менее доступные места. В то же время есть и настоящие дикари...

Нигде мы не видали таких земляных орехов, какие выращивают максуби. Это был их основной продукт питания. Орехи в кожуре были длиной в три-четыре дюйма, они обладали прекрасным вкусом и высокими питательными свойствами; трудно найти более подходящую пищу для дороги, что мы оценили позднее. Во время еды каждый мужчина угощается из общей чаши, наполненной этими огромными орехами, между

тем как женщины едят отдельно и следят за тем, чтобы чаша мужчин пополнялась.

Примерно через десять дней мы уже могли объясняться с максуби на их языке, и они рассказали нам о племени каннибалов марикокси, живущих на севере. «Винча марикокси, чимбиби коко!» — говорили они (привожу эти слова, чтобы дать понятие об их языке), то есть: «Если пойдете к марикокси, попадете прямо в их котел!» Это предупреждение сопровождалось выразительной пантомимой.

Полученные от максуби сведения были полезны и интересны. Посетив несколько ближайших их деревень, мы попрощались с максуби и направились на северо-восток, где, по их словам, обитали марикокси. Мы вступили в совершенно нехоженный лес — очевидно, это была ничейная земля, куда избегали заходить как максуби, так и марикокси. На пятый день мы наткнулись на тропу, которая выглядела так, словно ею постоянно пользовались.

Пока мы стояли, озираясь по сторонам и решая, в каком направлении пойти, ярдах в ста от нас с юга появились двое дикарей; они быстро шли и оживленно переговаривались друг с другом. Заметив нас, они остановились как вкопанные и спешно стали прилаживать стрелы к лукам. Я закричал им на языке максуби. Деревья отбрасывали на них тени, и мы не могли как следует рассмотреть их, но мне показалось, что это были люди самого примитивного вида — высокие, волосатые, совершенно голые, с очень длинными руками и скошенными к затылку лбами над выдающимися надбровными дугами. Внезапно они повернулись и убежали в подлесок, а мы, зная, сколь бесполезно следовать за дикарями в лесу, двинулись по тропе в северном направлении.

Это произошло незадолго до заката солнца, когда мы услышали неясный, приглушенный деревьями звук —

несомненно, это был звук рога. Мы остановились и внимательно прислушались. Снова мы слышали призыв рога, на который последовали ответы с разных сторон. Теперь уже трубило несколько рогов сразу, издавая неприятно резкий звук. В померкнувшем вечернем свете, под высоким шатром леса, где не ступала нога цивилизованного человека, звук этот казался сверхъестественно жутким, подобно начальным нотам какой-нибудь фантастической оперы. Мы знали, что издают его роги дикарей и что дикари эти идут по нашему следу. Действительно, вскоре мы могли слышать крики и бессвязное бормотание, сопровождаемые резкими звуками рогов, — варварский, беспощадный, назойливый шум, резко контрастировавший с бесшумной повадкой обыкновенных дикарей. Верхушки деревьев еще были освещены, но здесь, в чаще, быстро темнело, и мы стали высматривать такое место для ночлега, где мы могли бы до какой-то степени обезопасить себя от нападения. Наконец мы избрали для этой цели заросли такуара. Здесь голые дикари не стали бы нас преследовать из-за острых, длиной в дюйм, шипов этого бамбука. Привязывая свои гамаки за ширмой естественного частокола, мы слышали, как дикари, собравшись со всех сторон, возбужденно тараторили, однако входить в заросли не решались. Затем с наступлением полной темноты они ушли, и больше мы их не слышали.

Наутро мы не видели поблизости ни одного дикаря; не встретили мы их и тогда, когда пошли по другой, хорошо найденной тропе, которая привела нас к расчистке, где были посадки маниоки и папайи. Яркие туканы с криком клевали плоды на пальмах, и, так как никакая опасность не угрожала, мы вдоволь полакомились фруктами и стали здесь лагерем. Под вечер, лежа в гамаках, мы устроили концерт — Костин играл на губной гармонике, Мэнли — на гребешке, а я —

на флажолете. Быть может, с нашей стороны было глупо таким путем объявлять о своем присутствии, но нас никто не потревожил, и дикари не появлялись.

Утром мы пошли дальше и через четверть мили наткнулись на своего рода сторожку из пальмовых листьев, а потом — на другую. Затем совсем неожиданно мы вышли на такое место, где подлесок сходил на нет, открывая между стволами деревьев поселение из примитивных навесов, под которыми сидели на корточках дикари самого зверского вида, каких только мне приходилось видеть. Некоторые были заняты приготовлением стрел, другие просто бездельничали. Это были громадные, обезьяноподобные существа, имевшие такой вид, словно они едва поднялись над уровнем животных.

Я свистнул, и огромное существо, невероятно волосатое, вскочило на ноги под ближайшим навесом, молниеносно приладило стрелу к луку и, пританцовывая с ноги на ногу, приблизилось к нам на расстояние четырех футов. Испуская какие-то странные звуки, оно остановилось, приплясывая на месте, и вдруг весь лес вокруг нас ожил, наполнился этими же ужасающими обезьяночеловеками, ворчащими свое «юф-юф!» и пританцовывающими с ноги на ногу; одновременно они натягивали свои луки. Положение было не из приятных, и я спрашивал себя, уж не пришел ли нам конец. На языке максуби я сказал, что мы идем к ним друзьями, но они не обратили на мои слова никакого внимания. Казалось, человеческая речь была вне пределов их понимания.

Существо, стоявшее напротив меня, прекратило свой танец, с секунду стояло совершенно неподвижно, потом натянуло тетиву вровень со своим ухом, одновременно поднимая зазубренное острие шестифутовой стрелы на высоту моей груди. Не мигая, я пристально смотрел в щелеподобные глазки, полураскрытые под нависшими

бровями, зная, что стрела не полетит с первого раза. И действительно, дикарь опустил лук так же нерешительно, как поднял его, и снова началось медленное пританцовывание и сопровождающее его «юф-юф!»

Во второй раз он поднял лук и натянул тетиву, и снова я знал, что выстрела не последует. Все было в точности так, как мне говорили максуби. Снова он опустил лук и снова стал приплясывать. Наконец, в третий раз, немного переждав, он стал поднимать стрелу. Я знал, что теперь он намерен выпустить ее, и вытащил маузер, висевший в кобуре у бедра.

Это была большая, неудобная штука с неподходящим для пользования в лесу калибром, но я все-таки взял маузер потому, что он мог укрепляться на торце деревянной кобуры, превращаясь в подобие карабина, и был все же легче, чем настоящая винтовка. Заряжался он патронами 38-го калибра с черным порохом, производящими страшный грохот, несмотря на свои малые размеры.

Я даже не поднял маузер, а просто нажал на спусковой крючок и выпалил в землю у самых ног обезьяночеловека. Это произвело мгновенное действие. На лице обезьяночеловека появился взгляд совершеннейшего изумления, маленькие глазки широко раскрылись. Он выронил лук и стрелы, быстро, как кошка, отпрыгнул в сторону и скрылся за деревом. В нас полетели стрелы. Мы дали несколько залпов по ветвям, рассчитывая, что шум напугает дикарей и настроит их на более дружелюбный лад. Но они не выказывали никакого желания заводить, с нами дружбу, и, не дожидаясь, пока кого-нибудь из нас ранят, мы отказались от своего намерения и отступили назад по тропе, пока селение не скрылось из виду. Нас не преследовали, но в деревне еще долгое время

слышались шум и возня. Мы шли на север, и в наших ушах все стояло яростное «юф-юф!» дикарей.

Потом мы повернули на восток и несколько дней шли лесом, все время высматривая признаки индейцев, все время прислушиваясь, не раздадутся ли угрожающие звуки рога. Мы знали, что эти человекоподобные могут неслышно красться по нашим следам, и не питали иллюзий насчет того, какая судьба была бы нам уготована в случае, если бы они нас схватили. По ночам наши сны были полны видениями ужасных лиц с нависающими бровями, толстых ухмыляющихся губ, открывающих ряд черных обломанных зубов. Нервы Мэнли начали сдавать, Костин вздрагивал по любому поводу, да и мной владело постоянное нервное напряжение. Пришлось признать, что в таком состоянии мы не сможем достичь намеченной цели, и решили повернуть назад, как это ни было печально. Только что пережитое вместе с испытаниями прошлого года исчерпало наши силы. Мы нуждались в полном отдыхе, полном освобождении от необходимости быть постоянно начеку.

Эту страшную деревню мы обошли возможно дальше стороной, насколько позволяли наши расчеты ее местонахождения, и возвратились к максуби, с отменной точностью выйдя к их первому поселку. Наш приход совпал с похоронами одного воина максуби, который был загнан и подстрелен группой охотящихся марикокси, и я задавал себе вопрос, не связывают ли суеверные максуби эти два обстоятельства воедино. Хотя к нам не выказали явной враждебности, мне почудилось, что я уловил легкую холодность и несколько подозрительных взглядов, брошенных в нашу сторону.

Внутренности убитого были вынуты и положены в урну для захоронения. После этого тело разрубили на части и распределили для съедения между двадцатью четырьмя семьями, жившими в одной хижине с убитым.

Это религиозная церемония, которую не следует смешивать с каннибализмом. Под конец хижину освободили от духа покойного посредством следующего тщательно разработанного ритуала.

Вождь, его помощник и знахарь сели в ряд на маленьких скамеечках перед главным входом в хижину и начали производить такие движения, словно выжимали что-то из рук и ног, подхватывали это что-то с пальцев и бросали на подстилку из пальмовых листьев площадью около трех квадратных футов, которая закрывала чашу из тыквы, частично наполненную водой с какими-то травами, плавающими сверху; время от времени все трое внимательно глядели на подстилку и воду под ней. Эту процедуру они повторяли много раз, потом впали в транс и около получаса сидели неподвижно на своих скамеечках с закатившимися глазами. Когда они пришли в себя, то первым делом принялись потирать животы. Чувствовали они себя очень скверно.

Ночь напролет все трое просидели на скамеечках, в одиночку или хором протяжно беря три ноты с интервалом в октаву, вновь и вновь повторяя слова: «Тави-такни, тави-такни, тави-такни». Семьи, живущие в хижине, причитали хором им в ответ.

Этот ритуал продолжался три дня. Вождь торжественно заверил меня, что дух мертвого находится в хижине и виден ему. Я ничего не видел. На третий день ритуал достиг апогея: пальмовую подстилку внесли в хижину и положили на такое место, куда падал свет, проходящий через входное отверстие. Люди опустили на колени и припали лицом к земле, а трое старейшин племени отбросили скамеечки и в крайнем возбуждении расprostерлись на земле перед входом в хижину; я тоже стал на колени позади них, чтобы видеть пальмовую подстилку, на которую они пристально глядели.

В глубине хижины, сбоку от подстилки, находилось отгороженное перегородкой место, где лежал покойный; глаза старейшин были устремлены туда. На секунду воцарилась мертвая тишина, и в этот момент я увидел смутную тень — она появилась из-за перегородки, проплыла к центральному столбу хижины и исчезла из виду. Вы скажете — массовый гипноз? Очень хорошо, пусть так; знаю только, что я видел тень!

Напряжение, охватившее обоих вождей и знахаря, спало, они обильно вспотели и ничком распластались на земле. Я покинул их и вернулся к своим товарищам, которые не присутствовали при всей этой церемонии.

В трех деревнях, которые мы посетили после описанного происшествия, наше появление каждый раз совпадало с тапи — ритуалом успокоения духов. Были те же песнопения, но меня уже не допускали присутствовать при ритуале, так как усилились подозрения, что случаи смерти являются результатом пагубного влияния нашего присутствия. Максуби истолковывали мою работу с теодолитом в окрестностях их деревень как «разговор со звездами», и это их очень беспокоило. Нас было только трое, и, хотя максуби выказывали дружелюбие, приходилось считаться с возможностью того, что суеверный страх может обернуться гневом против нас. Пора было двигаться дальше.

Прежде чем мы отправились в путь, я выяснил, что племя марикокси насчитывает около полутора тысяч человек. К востоку живет другое племя каннибалов — арупи, а дальше к северо-востоку — еще одно — низкорослые чернокожие люди, покрытые волосами. Они жарят свои жертвы над огнем, насаживая их целиком на бамбук, как на вертел, и во время подготовки отщипывают кусочки. Молва об этом племени доходила до меня еще раньше, и теперь я знаю, что все эти рассказы вполне обоснованны. Максуби явно считали себя

цивилизованным народом и с величайшим презрением отзывались об окружавших их каннибалах. В тех местах на границе своей территории, где обитали враждебные племена, они имели тщательно продуманную систему постов, «сторожки», служившие, как мы видели, убежищами, из которых можно было посылать стрелы.

Нагруженные сетками с земляными орехами, каменными топорами, луками и стрелами — оружие это поистине являлось произведением искусства, — мы покинули максуби и повернули на юго-запад в направлении Боливии. Дичь встречалась редко; был один из периодов, когда по тем или другим причинам животные и птицы уходят отсюда, куда — неизвестно. Однажды нам удалось подстрелить трех обезьян, но бродивший поблизости ягуар унес двух из них, и мы продолжали двигаться дальше, довольствуясь восьмью орехами в день на каждого. Возможно, именно это спасло нас от чрезмерного упадка сил, ибо доказано, что в то время как растительная пища, если ее хватает, поддерживает человека в полной силе и энергии, то мясо в условиях полуголодного существования вызывает ощущение большого утомления^[143].

Идти было трудно. Уже сильно изголодавшиеся, мы в конце концов набрали на лачугу сборщика каучука, стоявшую на берегу небольшой речушки. Здесь мы задержались на два дня, отъедаясь рисом и чарке.

Никогда мне не забыть первого завтрака в этой лачуге. Рядом с нами в тени крыши лежал человек, умиравший от земледства. Это было истощенное существо со страшно распухшим животом. Тем, кому известны симптомы этой болезни, было ясно, что больной безнадежен, и наш хозяин серингейро не считал нужным проявлять сочувствие к умирающему. Несчастный, не переставая, стонал и восклицал:

— Как мне больно, сеньоры... Как мне больно!

— Через полчаса ты умрешь, — отвечал ему серингейро. — К чему подымать такой шум? Только портишь завтрак сеньорам.

— Ох! — жалобно стонал умирающий. — Как мне больно!.. Ох, как мне больно!

Внезапно какая-то женщина сдернула с несчастного противомоскитную сетку. На нос ему села оса, кожа едва заметно вздрогнула, но человек не издал ни звука — он был уже мертв. Через час умершего похоронили и, вероятно, тут же забыли о нем. «Зачем он родился? — подумалось мне. — Какой смысл был в его детстве, в беспросветно нищенской жизни и одинокой, мучительной, никем не оплаканной смерти? Не лучше ли жить зверем, чем таким вот получеловеком?» И все же — какой-то смысл во всем этом есть. Не знаю, почему на меня так подействовал этот случай, ведь я видел много людей, умиравших подобным образом! Подергивание носа умершего не выходило у меня из головы, и я вспомнил одну ламу. Ей перерезали горло, а она своим коротким хвостом отгоняла назойливую муху, словно с ней не происходило ничего неладного.

Погребение не было последним напоминанием об умершем. Серингейро утверждал, что ночью приходил призрак покойного. Повсюду во внутренних областях считается само собой разумеющимся, что после чьей-нибудь смерти дух покойного некоторое время еще бродит поблизости; люди, живущие в диких местах, близки к природе, и им известно то, что от нас скрыто.

Мы двинулись дальше вниз по реке и в конце концов встретили другого сборщика каучука, дона Кристиана Суареса, который в свое время вел немаловажные исследования в Чако, а теперь временно осел на Гуапоре. Он принял нас радушно и гостеприимно, насколько позволяли его скромные припасы, и показался мне чрезвычайно интересным и образованным человеком, совершенно не в духе тех примитивных

пеонов, которые обычно занимаются подсачиванием каучуковых деревьев.

— В Чако, сеньор, я мог бы составить себе состояние, — сказал он как-то вечером, когда мы сидели вокруг огня, на котором он окуривал каучук. — Да все мой несчастный характер — не могу сидеть на одном месте. Со мной там был приятель, вот уж у него-то была башка на плечах, не то, что у меня. Я принимаю вещи такими, какие они есть. А этот парень кое-что соображал: он купил в кредит большой участок пастбищной земли под Санта-Крусом. Потом он отправился на север Чако и в район Парапети, где индейцы кинагуа и другие держат большие стада скота. С собой он взял игрушечную корову — знаете, такая штучка, когда ее заводишь, она принимается идти, как дерганная, и мотает головой. Он сказал индейцам, что это великий дух, которому известны все их мысли. Потом он вдруг брал в оборот какого-нибудь индейца, открывал в нем плохой помысел и говорил, что он умрет за оскорбление духа, который сидит в игрушечной корове. Индеец терял голову от страха, и тогда мой приятель говорил: «Если не хочешь умереть, я умилю великого духа за сто голов скота — ты доставишь его в Санта-Крус!» Индеец с радостью соглашался, а мой приятель на тарабарском языке говорил с игрушечной коровой, и она кивала головой. Вскоре у него уже было ранчо и самое лучшее стадо в Санта-Кресе — и все за те деньги, что он заплатил за игрушку, ни гроша больше. Да, он умел шевелить мозгами, доложу я вам!

Подобно Суаресу, все серингейро, которых мы встречали, были любезны и гостеприимны, и только в немецкой барраке возможность нажиться на путешественниках затмила остальные соображения. Будучи там, мы взвесились и обнаружили, что со времени отъезда из Англии Мэнли потерял двадцать

девять фунтов, Костин — тридцать один, а я — пятьдесят три, и все-таки мы чувствовали себя от этого ничуть не хуже.

Наше продвижение по реке Парагуа к Порвениру задержалось из-за огромного скопления плавучих растений, или камелоте. По пути мы были свидетелями схватки между крокодилом и ламантином. Казалось бы, трудно предполагать воинственность в скромной «морской корове», но она решительно забивала крокодила.

Пять дней мы провели в Порвенире, затем из Сан-Игнасио прибыла повозка, запряженная волами, и мы воспользовались ею для дальнейшего путешествия. Через три дня тяжелого передвижения по лесной тропе мы достигли первой эстансии, после которой путь стал легче. При путешествии с повозкой большая часть дневного перехода обычно делается в ранние утренние часы; на нашей повозке вообще места хватало только для багажа, а мы шли пешком рядом. Во всех эстансиях, которые попадались по пути, свирепствовала скарлатина; люди мерли, как мухи. В Сан-Игнасио, которого мы достигли в начале сентября 1914 года, была целая эпидемия. Здесь мы впервые услышали, что в Европе разразилась война. Сказал мне об этом немец; несмотря на то что мы как будто стали врагами, он одолжил мне денег, чтобы добраться до Санта-Круса — у меня к тому времени оставалось всего 4 фунта, — с единственным условием возратить долг его представителю, когда приедем на место. В Сан-Игнасио мы смогли раздобыть всего лишь одного мула, поэтому, нагрузив его тюками с имуществом и провиантом, мы пустились в путь пешком — до Санта-Круса была 231 миля. Поскольку мы только что покрыли расстояние в 250 миль, идя рядом с повозкой, предстоящее путешествие нас не смущало; во всяком случае, наши мысли были полны войной и теми последствиями,

которые она могла оказать на наши семьи и друзей в Англии.

Через две недели ходьбы по десяти часов в день мы пришли в Санта-Крус. В пути наш дневной рацион состоял из двух сухарей поутру, сардин и сахара — вечером. И этого нам вполне хватало. Немцы в городе ликовали. Напившись пива, они разорвали бюллетени, вывешенные на дверях британского вице-консульства, и парадным строем прошествовали по улицам, распевая патриотические песни. Многие из них покинули город, чтобы уехать в Европу на фронт, но, добравшись до побережья, узнали, что немецкие суда не могут забрать их с собой, так как их попросту нет. Мы тоже стремились поскорее вернуться на родину и принять посильное участие в войне, но восемь дней ушло на то, чтобы достать животных, и еще десять дней потребовалось, чтобы добраться до Кочабамбы.

В Кочабамбе мы снова встретили барона Норденшельда, он был крайне удивлен тем, что мы вернулись. Индейцы племени уари, у которых он побывал, также рассказывали ему о волосатых каннибалах, живущих где-то на северо-востоке; однако дикари не умеют правильно судить о расстояниях, их рассказы часто создают впечатление соседства там, где его на самом деле нет.

Мы миновали Ла-Пас, пересекли озеро Титикака и, прибыв на побережье, еще увидели, как злополучная эскадра адмирала Кредока отплывала навстречу своей судьбе [\[144\]](#). После ее гибели англичанам приходилось туго в портах тихоокеанского побережья, особенно в Чили, где германское влияние было наиболее сильным. Правда, потом все изменилось, когда события приняли иной оборот в связи с битвой у Фолклендских островов. Но пока что шел неблагоприятный для нас период войны. На пути домой мы застали Нью-Йорк

погруженным во тьму, так как германские подводные лодки уже действовали в американских водах.

В начале января 1915 года мы были поглощены одной из великих будущих армий.

Глава 17

Парадный вход

Неспроста говорится: «Посмотри Рио, прежде чем умрешь». Я не знаю другого места, которое могло бы сравниться с Рио-де-Жанейро, и лелею надежду когда-нибудь поселиться здесь, если счастье мне улыбнется. Это будет возможно при условии, если мои исследовательские труды окупятся материально. Тогда на склонах гор, возвышающихся над этой великолепной бухтой, мы построим дом, рассеянная по всему свету семья сможет собираться здесь каждое рождество, и мы с женой кончим свои дни в одном из самых чудесных мест, какие только есть на земле. Мне нравятся здешние люди, и, если моя мечта осуществится, я буду рад, если они примут меня в свою среду. Сейчас я работаю в их стране, и ничто не доставило бы мне большего удовлетворения, чем возможность провести остаток моей жизни на службе Бразилии.

Мои исследования вызвали в Англии некоторый интерес, но финансовой помощи не последовало. Возможно, для твердолобых консерваторов цель моей работы представлялась слишком романтической: куда спокойнее было играть наверняка и поддерживать экспедиции на Эверест или в добрую старую Антарктиду. Я не виню их. Нелегко поверить в подлинность той истории, о которой вы прочли в начальной главе этой книги. Но это еще не все! Есть вещи более странные, о которых я не говорил. В свое время ученые с пренебрежением относились к идее существования Америки, а позднее — Геркуланума, Помпеи и Трои. Мне могут возразить, что в результате великих открытий неверующие были посрамлены, и это говорит в мою пользу. Как медалиста Королевского

географического общества меня почтительно выслушивали пожилые джентльмены, археологи и музейные эксперты в Лондоне, но заставить их поверить хоть в частицу того, что я доподлинно знал, было решительно не в моих силах.

Из войны я вынес убеждение в том, что как мировая держава Британия находится на ущербе и Европу мне следует избегать. Надо полагать, тысячи людей утратили подобные иллюзии за эти четыре года, прожитые в грязи и крови. Таково неизбежное следствие войны для всех, за исключением тех немногих, кто нажился на ней. Что касается меня лично, я многое потерял; война оборвала нити моих новых начинаний, и подхватить эти нити представлялось весьма трудным. Меня уволили из армии, великодушно назначив пенсию в 150 фунтов в год. Между тем у меня ушло вдвое больше, чтобы вернуться на родину с Костином и Мэнли, а обратный путь заберет все деньги, которые я смогу наскрести, предварительно обеспечив семью.

Костин, который был со мной некоторое время на войне, дослужился до чина лейтенанта артиллерии, женился и уже больше не мог отдавать себя дальнейшей исследовательской работе в Южной Америке. Мэнли уцелел на войне, но вскоре умер от сердечного приступа.

Из-под нависших туч послевоенной депрессии я обращал свой взор на обе Америки и видел в них единственную надежду нашей цивилизации. Северная Америка уже заняла ведущее положение среди западных стран; однако все мое внимание было сосредоточено на латиноамериканских республиках, развитие которых только начиналось. Любой ценой нам надо покинуть Англию, размышлял я, дать детям возможность вырасти в мужественной атмосфере Нового Света. Они были еще в школьном возрасте, мой старший сын уже заканчивал школу, но это было не единственное

образование, в котором они нуждались. Решение уехать было принято, корни обрублены. Наш дом в Ситоне, куда мы переехали из Аплайма, мы арендовали, так что продавать нам почти ничего не пришлось. Забрав всю движимость, жена и дети отправились на Ямайку, а я в Бразилию.

Когда президент Бразилии доктор Пессоа приехал с визитом в Лондон, он любезно принял меня и с интересом выслушал все, что я хотел ему сказать. Позже я узнал, что бразильское правительство в то время не имело возможности субсидировать какие-либо исследовательские работы, но причиной тому было отнюдь не безразличие. Бразилии угрожал финансовый кризис, и все несущественные расходы сокращались до минимума. Возможно, думалось мне, я добьюсь большего успеха в Рио, войдя в непосредственный контакт с министрами, занимающимися внутренними делами страны. Несомненно, на месте у меня будет больше шансов на удачу.

Я прибыл в Рио-де-Жанейро в феврале 1920 года. Обмен фунтов стерлингов на мильрейсы оказался для меня очень невыгодным: я получил немногим больше двенадцати мильрейсов за фунт; позже, когда я был вынужден проделать обратную операцию перед тем как вернуться в Англию, мне пришлось платить сорок мильрейсов за фунт.

Жизнь в Рио была дорогой, особенно потому, что приходилось останавливаться в отелях. Я испытывал постоянное чувство тревоги: что будет, если мои усилия собрать средства для экспедиции пойдут прахом? Сперва я остановился в отеле «Интернационал», вверх по улице Сильвестра; однако здесь жило много немцев, и я переехал, хотя и не без сожаления. Несомненно, это предрассудок, но война еще вспоминалась как трагедия недавнего прошлого — рана далеко не зарубцевалась, — и я еще не мог относиться к немцам без предубеждения.

Тот факт, что перед войной я общался и дружил со многими немцами, был забыт или скорее затмился иллюзией патриотизма, как мы его понимали. Во всяком случае перемена была к лучшему, так как британский посол сэр Ральф Пэджит устроил меня у себя в великолепной резиденции посольства.

Я провел в Рио-де-Жанейро шесть месяцев; в общем мне жилось отлично, несмотря на все мои тревоги. С крыши посольства во все стороны открывались чудесные виды, а в этом отношении Рио несравненен. Внизу прекрасное авеню Бейра-Мар, идущее у подножия горного кряжа, вливалось в пригород Копакабана, затем проходило через другой пригород, третий и так далее на протяжении двенадцати миль вдоль чудесного берега. По вечерам мы часто уезжали на автомобиле по этому шоссе и возвращались затемно, когда одна из наиболее замечательных в мире систем городского освещения внезапно вспыхивала во всем своем великолепии, бросая россыпь мерцающих отсветов в спокойные воды бухты.

Какими тусклыми и мрачными кажутся наши состарившиеся английские города после такой красоты! Здесь просто невозможно было скучать. Гавань всегда была оживлена: приходили и отплывали лайнеры, местные парходики суетливо сновали, подобно гигантским водяным жукам, между городом и столицей штата Нитерой. Веселая, нарядная публика наводняла улицы. Песчаные пляжи были настолько просторны, что даже тысячи купальщиков не могли их переполнить. Для завершения картины не хватало только яхт. Их не было ни одной, но придет время, и они появятся, ибо Рио-де-Жанейро богатый город. Я вижу в нем столицу нарождающейся цивилизации.

В тропическом и субтропическом поясах Южной Америки климат зимой становится прохладнее. С мая по сентябрь нигде не найти более приятной температуры, чем в Рио, и, если бы этот сезон не совпадал с северным

летом, я уверен, что тут был бы огромный наплыв приезжих. Тот, кто не видел Рио, не может себе представить, какой это рай. Рио — парадные ворота обширной страны, безграничные богатства которой не поддаются оценке. У бразильцев есть все основания гордиться своей столицей^[145]. Здесь превосходная гавань, прикрытая высокими живописными горами; в это-то чудесное обрамление и вписался город-жемчужина, поражающий богатством, изобилующий роскошными отелями, великолепными магазинами, широкими проспектами и несравненными бульварами.

Я получил возможность снова говорить с президентом, и он любезно выслушал мои предложения, быстро и легко схватывая суть дела, что так типично для южноамериканских государственных деятелей. Я докладывал также членам кабинета, но не добился успеха, пока английский посол не поддержал мои просьбы своим авторитетом. Только после этого правительство согласилось субсидировать экспедицию. Я отказался от всякого жалованья, зато было назначено хорошее вознаграждение одному офицеру наших военно-воздушных сил, который хотел сопровождать меня.

Я сознавал, что совершаю преступление против бонтона, входя в дворцы и парламенты без фрака и цилиндра, но, по правде сказать, их у меня и не было. С безрадостных дней учебы в Вестминстерской школе и в более поздние времена, когда я восставал против правил, предписывающих молодым офицерам приближаться к богам Уайтхолла не иначе как во фраке и цилиндре, у меня в памяти навсегда остался ужас перед этими видами одежды. Было время, когда требовалось строго соблюдать условности при посещении южноамериканских президентов, теперь это стало необязательно, и я увидел в этом признак

распространения на континенте большей широты взглядов.

Я телеграфировал офицеру в Англию, чтобы он выезжал и присоединялся ко мне. Посольство дало каблограмму в министерство иностранных дел, а бразильское правительство отправило телеграмму своему послу в Лондоне. Однако офицер передумал, и передо мной встала проблема найти компаньона здесь. Мне казалось, что в Рио найти такого человека невозможно. Тогда издатель английской газеты в Сан-Паулу решил помочь мне и дал объявление о том, что требуются «способные молодые люди». В объявлении лишь намеком указывалось на то, для какой цели они нужны, но откликов было столько, что появилась надежда найти хотя бы одного подходящего человека среди массы совершенно неприемлемых кандидатов. Претенденты осаждали посольство, караулили меня на улицах, заваливали меня письмами и рекомендациями. Большинство из них имело работу, но романтика исследований непреодолимо отрывала этих людей от их занятий, и они готовы были пожертвовать своей благоустроенностью. Мне было жаль разочаровывать их, но никто из них явно не подходил мне.

Когда я почти совсем отчаялся, мне встретился один здоровенный австралиец, который искал работы. Его звали Батч Рейли. Это был широкоплечий детина шести футов пяти дюймов ростом. Он утверждал, что был майором, волонтером добровольческого корпуса, укротителем диких лошадей, матросом и т. д. и т. п.

— К тому же, — сказал он, — я владею скотоводческой фермой в двадцать тысяч акров. Что касается лошадей и кораблей — учить меня нечему!

На последнем матче по боксу Батч с таким жаром принялся отделять своего противника — американского боксера, что его не мог остановить ни гонг, ни секунданты, ни судья. Потребовались

соединенные усилия многих зрителей, чтобы развести противников, которые решили закончить бой нокаутом — либо на ринге, либо вне его. Такой человек, как Батч, должно быть, мог выдержать путешествие по лесам, и я охотно взял его своим попутчиком.

Бразильское правительство обещало прикомандировать ко мне двух бразильских офицеров. Генерал Рондон, инженер и широко известный исследователь, сопровождавший экспедицию Рузвельта на Рио-Дувида, любезно взялся подыскать мне подходящих людей. Когда все было готово, мы с Батчем, попрощавшись с самой гостеприимной и веселой колонией британских подданных в Южной Америке, 12 августа уехали в Сан-Паулу.

Английские резиденты Сан-Паулу развлекали нас как могли и всячески старались нам помочь. Они даже преподнесли нам пистолеты и патроны к ним. Это были дары сомнительной ценности, но тем не менее мы приняли их с благодарностью. Мы посетили Бутантанский змеиный институт, где нас снабдили большим количеством противозмеиной сыворотки на случай укусов. Этот институт хорошо организован и оказывает неоценимые услуги жителям наводненных змеями местностей. Заведение подобного рода неплохо было бы иметь и в других странах мира.

В течение многих лет не зарегистрировано ни одного случая, когда в результате применения сыворотки укушенный не поправился бы, даже находясь в крайне опасной степени отравления. Бушмейстеры, жарараки, смертоносные гремучие змеи и практически все другие разновидности бразильских ядовитых змей содержатся здесь на учете и используются для приготовления сыворотки. Мы видели также ценную неядовитую змею, называемую *musserau* — черную, блестящую рептилию от четырех до шести футов длиной, пожирающую ядовитых змей и потому заслуживающую, чтобы ее

разводили. Сотрудники института обращаются со змеями с небрежностью, основанной на многолетнем опыте, и, хотя со стороны кажется, что они безрассудно неосмотрительны, они знают, что делают и насколько могут рисковать.

Путь от Сан-Паулу до реки Парагвая был утомительным и пыльным. Мы ехали, вероятно, по наихудшей во всей республике железной дороге. Она была плохо построена и отвратительно содержалась. К западу от реки Параны поезд обычно два или три раза сходит с рельсов, и постоянная качка каждую минуту напоминает пассажиру о грядущей опасности. Но нам определенно повезло — мы сошли с рельсов всего один раз, и то лишь потому, что тормозной кондуктор перевел стрелку под паровозом как раз в тот момент, когда мы выходили на однопутную магистраль после разъезда с другим поездом. Наиболее памятным инцидентом путешествия была потеря моей драгоценной шляпы; она улетела из окна вагона по небрежности Батча, а ведь хорошую шляпу не так легко купить здесь, на окраинах цивилизованного мира!

Дальше мы двинулись вверх по реке пароходом до Корумбы; по сравнению с 1909 годом город сильно изменился к лучшему — его торговцы и скотопромышленники основательно нажились за войну. Здесь меня ждала телеграмма. В ней говорилось, что правительство вынуждено отказаться от своего намерения прикомандировать ко мне двух офицеров, причиной чему был финансовый кризис и большие расходы в связи с визитом бельгийского короля и королевы. Это была немаловажная новость, и мне стало веселее, когда пришла еще одна телеграмма от друга из Рио, который знал о моих затруднениях и высылал ко мне пополнение — одного молодого человека из гринго. Он должен был присоединиться к нам в Куябе. Река обмелела, и с парохода, на котором мы отплыли из

Корумбы, пришлось пересесть на катер, который и довез нас до Куябы. Это обнищалое, отсталое местечко во всех отношениях уступало Корумбе, хотя и являлось резиденцией правительства штата Мату-Гросу. Население, в основном состоявшее из мулатов, жило крайне бедно, главным образом оттого, что бессовестно эксплуатировалось местными торговцами, а то немногое, что людям удавалось скопить, отбирали муниципалитет и церковь. Хитрый, энергичный епископ Мату-Гросу, одновременно занимавший пост губернатора штата, не мог допустить, чтобы его епархия оставалась в накладе; многочисленные священники и монахи поощряли в верующих глубокое невежество и фанатические предрассудки, позволявшие держать их в подчинении церкви. В общем город мог считаться таковым лишь по названию; но зато здесь имелась транспортная контора Форда, которая поддерживала автомобильное сообщение на полуторамильной дороге, соединяющей город с речным портом. С кипящими радиаторами автомобили сновали взад-вперед, поднимая клубы пыли, в которой задыхались их неустрашимые пассажиры.

Куяба была основана как крупный золотопромышленный центр; золото и алмазы добывались повсюду из речного песка и земли. Здесь и севернее, в районе Диамантину, на реках и ручьях работали драги, однако промысел себя не оправдал; золотой лихорадке пришел конец, и город оказался заброшенным. Все же еще бывают случаи, когда после сильного ливня здесь находят самородки золота на главной площади, не говоря уже об окрестностях города, где все переворачивается. К западу от Куябы расположен упоминаемый в предыдущих главах Сан-Луис-ди-Касирис, к северу — Розариу и Диамантину. Два последних города пришли в упадок. На восток, к границе штата Гояс, нет ничего, кроме редких алмазных

разработок и нескольких небольших поселений с плантациями. Почва в этих краях неблагоприятна для сельского хозяйства и к тому же весьма распространены различные заболевания. Общее положение может в какой-то степени улучшиться с вводом в действие строящейся ныне железной дороги, которая свяжется с северо-западной железной дорогой в Агуас-Кларас, близ реки Параны, однако я сомневаюсь, что затраты на ее прокладку окупятся.

Мы прожили в Куябе месяц, дожидаясь нового члена экспедиции. Приехал опрятный, веселый молодой человек, которого так и распирала благие намерения. Он назвал мне свое полное имя и добавил: «Зовите меня просто Фелипе». Когда кто-либо спрашивал, как его зовут, он запускал пальцы в длинную прядь бесцветных волос, падавшую ему на лоб, и отвечал: «Зовите меня Фелипе». Так он и остался для всех Фелипе.

— Надо полагать, вам рассказали о цели нашей экспедиции? — спросил я.

— О да. Это страшно интересно! Я очень рад возможности повидать новые места, где могут оказаться птицы, еще никому не известные. Орнитология — моя страсть, полковник!

Он почти не говорил ни о чем другом, кроме орнитологии, и через неделю-другую и меня с Батчем заставил толковать о трогонах и других штуках, о которых раньше мы слыхом не слыхивали. Его кипучая натура ободряюще действовала на нас, но, к сожалению, лишь только мы вышли из Куябы, он впал в какую-то тревожную молчаливость и оставался таким до тех пор, пока мы снова не стали приближаться к цивилизованным местам.

В мои намерения не входило возвращаться через Куябу. Я предполагал провести по меньшей мере восемнадцать месяцев в лесу и выйти обратно на какую-нибудь крупную реку. Генерал Рондон посоветовал нам

начать путешествие с двумя лошадьми и двумя волами; в каком-то месте нам придется отказаться от лошадей и двигаться дальше с одними волами. Затем нам придется оставить и волов, после этого мы должны тащить необходимое снаряжение на собственных плечах. Своей цели мы могли достигнуть весной, переждав сезон дождей у индейцев. Таков был план, теперь все зависело от того, проявят ли мои спутники достаточно выдержки.

Спустя два дня после прибытия Фелипе мы оставили Куябу. Батч, знаток лошадей, как оказалось, никогда не ездил верхом. Его хвастовство уже подготовило меня к разочарованиям, и я разуверился в его способности выносить тяжелые испытания после сумасбродных похождениях с женщинами, азартных игр и пьянства, которые он позволил себе в Куябе. На все мои увещания я получал всегда один и тот же ответ:

— Настоящему мужчине полагается погулять, а я тоже из мяса и костей!

При нашем отъезде присутствовала немалая часть населения города, ибо такие события как-никак скрашивают монотонность городских будней. Батч неуклюже взобрался на лошадь, с секунду покачался, удерживая равновесие, и грохнулся наземь. Он попробовал сесть еще раз, но с тем же результатом. В третий раз положение спасла лошадь — она пошла, пока Батч еще не успел свалиться, и под веселые возгласы зрителей мы отбыли легкой рысцой. Батч с мрачной решимостью держался за седло. Проехав с милю, он почувствовал себя в некоторой безопасности и обрел дар речи.

— Это не те лошади, каких я знал, — сказал он. — Я не привык к таким лошадям и не привык к седлу. У себя на родине я всегда ездил на неоседланных лошадях.

Хотя мы все время шли шагом, каким обычно ходят вьючные животные, Батч за два дня успел свалиться

четыре раза, причем один раз прямо в речку. Его морской лексикон не производил никакого впечатления на маленькую терпеливую лошадку, но когда он принялся злобно колотить животное ногами, пришлось вмешаться.

— Я слишком долго был на море, — пробормотал он в свое оправдание, — и, должно быть, забыл, как обращаться с лошадьми.

На третий день он почувствовал себя очень плохо, и, хотя он боялся возвращаться в одиночку, в конце концов мне удалось убедить его, что, если ему дорога жизнь, ему лучше возвратиться сейчас же, пока он еще может идти. Он покинул нас, даже не извинившись, без всяких угрызений совести, и, по-видимому, был обеспокоен только тем, чтобы получить следуемую ему плату. Взгромоздив в седло свое большое, распухшее от пьянства тело, он повернулся ко мне и сказал:

— Будьте покойны, полковник, когда я приеду назад, я про вас ничего худого не скажу.

Больше мы его не видели. Позднее я слышал, что он добрался до Куябы пешком, потеряв маленькую лошадку в пути. О том, как он путешествовал в одиночку, он никому не рассказывал. Так или иначе Батч стоил мне 600 фунтов; кроме того, он взял у доверенного миссионера в Куябе узел с моей одеждой, с тем чтобы отдать ее на хранение в Рио, и присовокупил это имущество к своим доходам. Теперь я остался с одним Фелипе, в выносливости которого я был вовсе не уверен.

Продвигаясь на север, мы повсюду встречали радушный прием. Маленькие эстанции давали нам приют, снабжали нас продуктами, а лошадей — фуражом, причем с нас решительно отказывались брать деньги. В одном из таких мест нам сообщили, что наводящее ужас племя морсего живет всего лишь в десяти днях пути на север. Эти морсего — народ «летучих мышей», — как говорят, наибольшие варвары

среди всех дикарей, обезьянолюди, ютящиеся в земляных ямах и выходящие оттуда только по ночам.

— Я знаю парня под Куябой, который побывал у них, — рассказывал мне один человек. — Он поднимался с экспедицией вверх по реке Шингу, их было десятеро, и девять из них убили. Ему удалось бежать, но морсего снова поймали его и лишь потому, что он приглянулся одной из женщин, оставили в живых. Долгое время он был в плену, но в конце концов ему удалось снова бежать. Он выбрал для этого дневное время, взобрался на дерево, потом, раскачиваясь, стал перескакивать с дерева на дерево, чтобы дикари потеряли его след. Они проследили его путь до дерева, но тут след кончался, и они просто не могли себе представить, куда он девался.

В ранчо полковника Эрменежилду Гальвао мне рассказали, будто вождь племени нахуква, обитающего между реками Шингу и Табатинга, знает про «город», где жили индейцы, у которых были храмы и обряды крещения. Тамошние индейцы рассказывали о домах с «освещавшими их звездами, которые никогда не угасали». Это был первый, но не последний раз, когда я слышал о неугасимых огнях, которые время от времени обнаруживают в древних домах, построенных во времена забытой цивилизации прошлого. Я знал о некоторых индейских племенах в Эквадоре, известных тем, что они по ночам освещают свои хижины посредством светящихся растений, но, мне кажется, это две совершенно разные вещи. Очевидно, древним был знаком еще какой-то неведомый способ освещения, и современным ученым остается лишь заново открыть его. Быть может, речь идет об использовании неизвестной нам энергии.

Скоро мы оказались недалеко от границ цивилизованного мира — тут уже можно время от времени видеть дикарей. Здесь, неподалеку от истоков реки Куябы, много прекрасных пастбищ, зато анаконды

— настоящий бич этих мест. Почти в каждой впадине, заполненной водой, скрываются два или три таких чудовища, поэтому, приближаясь к рекам, необходимо соблюдать крайнюю осторожность. Местные индейцы бесстрашно нападают на змей, прыгая в такие ямы по десятку человек за раз, и закалывают анаконд ножами. Для них это развлечение, но главное в том, что мясо анаконд считается очень вкусным.

Некий морадор — так называются здесь мелкие поселенцы — рассказал мне о своем необыкновенном приключении с бушмейстером. Как-то раз он отправился к ручью вымыть руки и напиться. Присев на корточки у воды, он почувствовал, как кто-то хлопнул его по плечу сначала с одной стороны, потом с другой. Он обернулся и, к своему ужасу, увидел над собой голову крупного бушмейстера, раскачивавшегося в воздухе. Немедля ни секунды, он бросился в воду и поплыл что было мочи прочь от берега. Змея не сделала попытки напасть или погнаться за ним, хотя эти существа считаются весьма агрессивными и часто буквально охотятся на людей. Возможно, их агрессивность ограничена периодом выведения потомства.

Мы продвигались дальше на север, в незнакомые места, пересекая открытые пространства, заросшие грубыми травами, и время от времени входя в невысокий кустарник, зачастую росший на болоте, что вынуждало нас делать основательные обходы. Мы взбирались на обрывистые крутые кряжи по узким тропам, протоптанным тапирами, или углублялись в северные леса, расстилавшиеся по низменным равнинам. Непрестанно шли дожди — в 1920 году они начались очень рано. Ночью и днем над нами бушевали неистовые грозы. Казалось, будто стихии старались прогнать нас обратно, да так оно и было на самом деле: мы не знали, что для путешествия по этим местам мы опоздали на целый месяц. Еще больше отравляли нам жизнь клещи,

они кишели повсюду, и хуже всех из них были garapatas do chao. С утра до вечера микроскопические мушки облепляли наши лица, забирались под одежду и, если светила луна, не оставляли нас в покое всю ночь. Утром на рассвете они целыми кучками скапливались в гамаках. Укусы их не были особо болезненными, но вызывали раздражение, как от грубой шерстяной фуфайки, только значительно сильнее. Сам-то я был привычен к таким вещам, но Фелипе совсем извелся и слабел духом с каждым днем.

С нами были два пса. Один большой, рыжешерстый, неопределенной породы, его завещал нам Батч. Другой — чудесный пес с вытянутым корпусом, крепкий, также неизвестной породы, отвечавший на кличку Вагабундо^[146]; он прибился к нам в Куябе. Вагабундо был удивительно умный и добродушный и оказывал нам неоценимую услугу, предупреждая об осиных гнездах, попадавшихся на нашем пути. Осы явно питали к нему слабость, и они были здесь самой различной величины — от размеров домашней мухи до чудовищ в полтора дюйма длиной.

Волы имели привычку при первой же возможности сходить с тропы и ломиться через подлесок, росший с одной стороны. При этом они задевали вьюками осиные гнезда, и разгневанные хозяева срывали зло на любом живом существе, находившемся поблизости. Вагабундо, которого привлекали интересные запахи, все время шнырял в кустах и неизменно принимал на себя главный удар. Как только раздавался его отчаянный вой боли, мы быстро делали обходное движение, и, случалось, осы нас не трогали. Волы вообще не обращали на них внимания, зато Вагабундо от них здорово доставалось.

Фелипе страшно боялся ос, и какие только акробатические номера он не выделывал, отбиваясь от них! Я отлично понимал его, ибо еще ни разу не встречал человека, который без страха выдержал бы

сорок или пятьдесят осиных укусов в лицо и шею, а эти осы, во всяком случае те, что поменьше, непременно норовили ужалить в глаза.

Рыжая собака, казалось, терзалась муками хронического голода и приохотилась жевать по ночам сыромятную сбрую волов. Вследствие непрекращающихся дождей кожа сбруи начала вонять, словно падаль, и, когда мы брали ее в руки, царапины на руках загнаивались, так что Фелипе уже решил, что заражения крови нам не миновать. Однако эти сыромятные подпруги были нам совершенно необходимы — без них невозможно было навьючивать животных, а в таком случае мы остались бы без продовольственных запасов.

— Надо что-то сделать, чтобы собака перестала жевать подпруги, — сказал я как-то раз без особого умысла.

Фелипе погрузился в раздумье, и в один прекрасный день рыжий пес пропал.

— Не ищите его, полковник, — сказал Фелипе. — Я пристрелил его!

Меня это крайне огорчило, так как я был далек от мысли убивать собаку. В подобных экспедициях собаки не только веселые спутники, но и бесценные сторожа.

Мы были в пути уже шесть недель, когда один из волов лег и дальше не пошел. Неделей раньше лошадь Фелипе каким-то образом утонула ночью. Моя лошадь уже давно была разжалована во вьючную, и Фелипе, как и мне, пришлось идти дальше пешком, чего он терпеть не мог. С этого момента он стал сдавать не по дням, а по часам. У него начали отекать ноги, и он стал опасаться рецидива особого мышечного заболевания, которым он страдал в детстве; потом дали себя чувствовать болезненные ощущения в легких — по его словам, он раньше на это не обращал внимания. Ему казалось, что его сердце больше не выдержит. Затем объявилась еще

одна болезнь — он ложился на землю с головной болью и замогильным голосом вещал: «Не обращайтесь на меня внимания, полковник, идите дальше и оставьте меня здесь умирать!»

Под конец у него появилось нечто вроде той болезни, какую иногда можно наблюдать у британских солдат, когда их слишком донимают парадами, — его «всего разламывало». Что я стал бы с ним делать, если бы пришлось встретиться лицом к лицу с настоящей опасностью? Отослать его назад одного было невозможно — он почти наверняка сбился бы с пути, и я не мог взять на себя такую ответственность. Оставалось лишь вернуться с ним обратно и признать, что экспедиция провалилась самым досадным образом.

Мы ночевали в очень сухом лесу и мучились от жажды — за последние тридцать шесть часов мы не выпили ни глотка воды. Мельчайшие кусающие мушки *riim* досаждали нам беспрестанно, а осы и пчелы просто не давали нам житья. Два уцелевших животных недомогали, их приходилось все время погонять, и это очень затрудняло продвижение вперед. К счастью, вол еще держался сносно и служил нам хорошим проводником, словно чутьем выбирая наилучшие маршруты, зато лошадь шла с трудом. Она умудрилась попасть в болото, и лишь с помощью вола нам удалось ее вытащить. На следующий день она свалилась от слабости, и ее пришлось пристрелить.

Таща на плечах столько груза, сколько было под силу нести, мы продвигались вперед, непрестанно мучимые мухами и осами, стирая в кровь ноги мокрыми сапогами. Затем, во время переправы через реку, вол рухнул прямо в воду и утонул. Тяжело нагруженные, с трудом пробираясь через высокую траву среди скользких кочек и шатких, уходящих из-под ног камней, оступаясь и падая на каждом шагу, мы шли три или четыре дня, пока не достигли ближайшего передового

поста. Никогда еще мне не приходилось так трудно в пути, но Фелипе, по мере того как мы приближались к дому, постепенно обретал свою обычную жизнерадостность и даже начал снова проявлять интерес к птицам.

Начальник поста хорошо нас накормил, и, перед тем как опять отправиться в путь, мы отдохнули там день или два.

— Если б вы пришли чуть-чуть пораньше, вы застали бы отряд солдат, возвращавшихся в Куябу, — сказал он нам. — Вы могли бы пойти вместе с ними.

Нам предстоял большой переход, однако он был пустяком по сравнению с тем, который мы только что проделали.

— Говорят, там, где вы были, плохие места, — заметил начальник. — Двадцать лет назад расквартированный здесь отряд отправился туда во главе с полковником, но мало кто вернулся обратно. Сам полковник сошел с ума. Они наткнулись на морсега, живущих по левому берегу Арагуаи. Ваше счастье, что этих дикарей не оказалось поблизости, когда вы там бродили.

Он сказал мне, что на расстоянии четырех дней пути отсюда можно достать лодки, и одолжил нам лошадей, чтобы добраться до тех мест. Это была совершенно неожиданная помощь. Однако Табатинга так разлилась, что лошади не могли перейти ее вброд. Поэтому пришлось отослать их обратно и продолжать путь пешком, таща на себе поклажу. Тут Фелипе снова постигли серьезные неприятности, включая солнечный удар, но, прежде чем мы дошли до следующего поста, он оправился настолько, что мог даже посвистывать на ходу. Так мы перебирались от поста к посту, и повсюду нам оказывали гостеприимство и помощь. В конце концов мы достигли места, где можно было достать какой-то транспорт, чтобы уехать в Куябу. К тому

времени мы так изуродовали себе ноги, что о дальнейшем передвижении пешком не могло быть и речи. Фелипе был совершенно измотан, меня уже давно тревожила больная нога, особенно сильно по ночам, так что я почти не мог спать. Но еще до прибытия в Куябу мы почувствовали себя лучше, а Фелипе совсем воспрял духом.

Двумя днями позже мы отплыли в Корумбу, оставив Вагабундо в его родных местах дожидаться нашего возвращения в феврале. Вследствие забастовки речников катер, направлявшийся в Корумбу, был более, чем обычно, переполнен цветом куябского общества. Эта публика, толпившаяся на крохотной верхней палубе, была шокирована, потрясена до глубины своей респектабельной души, когда Фелипе снял башмаки и носки и принялся всовывать тампоны с вазелином между тощими пальцами ног. Более дурного воспитания они и представить себе не могли. Мне стоило немалого труда загладить инцидент: ведь Фелипе был моим компаньоном, следовательно, известная доля позора падала и на меня, а мне предстояло находиться месяц или два в непосредственном контакте с этими людьми. Посыпались вопросы — не мой ли он сын? Или, может быть, он мой соотечественник? И как только я могу общаться с таким невоспитанным человеком?

Фелипе отправился в Рио, чтобы вернуться с новым снаряжением для следующей экспедиции. Мне тоже очень хотелось поехать вместе с ним, но я не мог позволить себе этого и решил дожидаться его в Корумбе, которую предпочитал Куябе. Я рассчитывал снова выступить в поход в феврале, но уже без животных, а по воде. Мне хотелось подыскать еще одного компаньона, который разделит бы с нами тяготы пеших переходов с поклажей; тогда, при условии, что большую часть пути мы проделаем в лодке, поход мог бы оказаться не слишком тяжелым для каждого из нас.

Как мои спутники поведут себя, когда мы встретим индейцев, — об этом можно было только догадываться.

У британского консула в Корумбе, который служил офицером в бразильском флоте, была хорошая библиотека, и он предоставил ее в мое распоряжение. Это, а также местный кинематограф спасали меня от скуки. Кроме того, время от времени в город приезжали англичане с эстансий вниз по реке, желая внести какое-то разнообразие в свою жизнь.

Я вернулся в Куябу в середине февраля. В пришедшей от Фелипе телеграмме говорилось, что он обещал своей матери вернуться на рождество. Решив, что он уже в пути, я ничего не мог предпринять. Надо полагать, мало кто из исследователей, готовясь к рискованному походу, получал такие сообщения от своего спутника! На деле вышло так, что он смог вернуться не раньше апреля, а я тем временем должен был торчать в этой дыре, по сравнению с которой Корумба кажется настоящим столичным городом.

Пасха отмечалась здесь одной из тех удивительных процессий, которые в определенные дни года можно видеть в каждом провинциальном городке Южной Америки, а также и в некоторых столицах. Процессия возглавлялась облаченными в мантии священниками и прислужниками, размахивающими кадилами. За ними следовали негры; каких только можно встретить в городе; они были тоже в мантиях и несли на плечах шаткие изображения святых и мучеников. Были здесь страшно окровавленные Христос и Дева Мария в короне из фольги, в усыпанном блестками одеянии и с нимбом, сделанным из жестяных рельсов детской железной дороги. Они сильно раскачивались из стороны в сторону, угрожая свалиться с помоста, по мере того как процессия шаг за шагом волочилась по булыжникам, переступая открытые сточные канавы. Позади кающихся негров — каждый из них был правонарушителем и таким

образом надеялся искупить свои многочисленные мелкие грешки — вразброд шел оркестр, искусный по части ударных инструментов, но во всем остальном никудышный; он играл бравурный марш, под который никто и не пытался идти в ногу. В хвосте и вдоль по тротуарам в полном составе шло население Куябы — все с непокрытыми головами и полные благочестия.

Когда процессия проходила по каменному мосту на главной улице, тень от Девы упала на поверхность небольшого грязного ручейка, уносившего из города сточные воды. Тотчас же десятки негров, с нетерпением ожидавшие этого момента, бросились к канаве и принялись жадно пить вонючую воду, полагая, что таким образом их болезни будут чудотворно исцелены. Тот факт, что очень часто так и случалось, лишь доказывает, насколько сильна их вера!

Иностранное население Куябы состояло из проспиртованного англичанина, промышлявшего реализацией всего, что выбрасывается волнами на берег — там это можно встретить повсюду, — нескольких итальянцев и двух американских миссионеров и их жен. Иностранцы были как будто довольны своей судьбой: миссионеры с рвением отдавались своему делу, итальянцы были заняты умножением своих состояний, англичанин имел возможность доставать вожделенное спиртное по исключительно дешевым ценам. Однажды, когда я пересекал городскую площадь, англичанин поднялся со скамейки и, шатаясь, подошел ко мне с намерением попросить на водку, и это заставило меня устыдиться собственного нетерпения и скуки и открыть ему свой тощий кошелек. Жалкое подобие человека, стоявшее передо мной, уставилось на мои бриджи для верховой езды, потянуло руку, потрогало материал и разразилось слезами.

— Боже мой, сэръ, это же боксклот!^[147] — пробормотало оно. — Как же, знаю его: я сам когда-то

был майором кавалерийской части в Индии.

Глава 18

Нащупывая путь

— Какой черт дернул вас закупить все это, Фелипе? — спросил я, с трудом сдерживая возмущение. — Ведь вы должны были отлично знать, что нам нужно!

Фелипе зажег сигарету, уселся на стол и спросил:

— А что я сделал не так?

Что он сделал не так! Он все сделал не так! Совершенно очевидно, он не дал себе труда искать необходимое снаряжение, а просто купил в самый последний момент, что попало под руку, не задумываясь над тем, подходит оно или не подходит. В конце концов Фелипе уже путешествовал со мной и мог бы не привозить такую ерунду, как шила для починки обуви и огромное количество медикаментов, годных для излечения всех известных в фармакопее болезней! Вряд ли хоть одна купленная им вещь годилась нам. Он не только опоздал на два месяца, но и привез совсем не то, что я наказывал ему купить перед отъездом в Рио. Более того, он перерасходовал кучу денег да еще бесстыдно потребовал выдать сумму на его личные расходы.

Эта задержка испортила мне много крови. Куяба сама по себе была ужасно скучным местом, но хуже всего для меня была бездеятельность и сознание того, что время, которым мы располагаем, чтобы добраться к индейцам до начала дождей, истекает. Кроме того, меня весьма беспокоил недостаток средств, хотя жизнь здесь, к счастью, была недорога по сравнению с большинством подобных городков: я платил за номер в отеле всего восемь шиллингов в день — цена вполне скромная. Кормили здесь вкусно и изобильно, имелись также приспособления для купания, и я принимал ванну

ежедневно, как только выгребали уголь для кухонных печек. Но само место было страшно грязным, да и вообще я против того, чтобы в моей спальне жили тарантулы и ящерицы!

Каждый вечер куябское общество собиралось в парке, размерами не превышавшем небольшой садик; там по воскресеньям играл оркестр, и городская молодежь на закате прогуливалась по кругу по четверо-пятеро в ряд, девушки в одну сторону, юноши — в другую. Проходя мимо, юноши кидали нежные взгляды на девушек и заигрывали с ними. Это обычное времяпрепровождение, которое можно наблюдать в любом провинциальном городке Южной Америки, но не торопитесь кривить губы в презрительной усмешке: прожив несколько лет в этих странах, вы в одно прекрасное время сами начнете выходить по вечерам на площадь посмотреть на гуляющих, если не присоединиться к ним.

Был здесь и кинематограф, где дважды в неделю показывали сентиментальные голливудские драмы или западные фильмы в нескольких частях. Сеансы были расписаны так, чтобы они совпадали с часами вечернего гулянья; когда наступала темнота и комары заводили свою песню, молодые люди направлялись к маленькому театрику, занимали свои обычные места на хлипких стульях и приступали к грандиозной игре, состоявшей в передаче записочек под покровом темноты, в то время как городские ребятишки визжали до хрипоты, следя за действиями страшного злодея на экране.

Мне не хотелось отправляться в новую экспедицию с Фелипе в качестве единственного компаньона, и, пока он отсутствовал, я подыскивал еще одного человека, который мог бы пойти с нами. Единственный, кого мне удалось найти, был бывший офицер английской авиации; он готов был идти с нами без всякого

вознаграждения, но, к моему разочарованию, оказался форменным дегенератом.

Скрепя сердце путешествие пришлось отставить; впрочем, не имея надлежащего снаряжения, об этом нечего было и думать. Хотя я был убежден, что верно наметил маршрут для достижения цели, я все же решил отправиться в Баию и проверить достоверность некоторых интересных случаев в районе Гонгужи.

Продав животных и снаряжение, мы уехали в Рио. Без сомнения, я потерпел провал, и на душе у меня было горько. Я страстно ждал того дня, когда мой сын станет достаточно взрослым, чтобы работать вместе со мной; здесь казалось невозможным найти человека, который был бы способен выдержать неизбежные лишения и тяготы путешествия. Если б только можно было достать в Бразилии инструменты для определения местонахождения по звездам, причем достаточно легкие, чтобы один человек мог свободно нести их, вероятно, я бы отправился один. Позже я так и сделал.

Мне представлялось, что основная цель поисков может быть достигнута, если пойти через штат Гояс, тогда не пришлось бы возвращаться к Мату-Гросу. Территория Гонгужи все еще находилась во владении индейского племени паташо, которое наводило ужас на немногочисленных местных поселенцев, но у меня не было никаких опасений на этот счет — опыт прошлого показывал, что дикарей всегда рисуют в более мрачных красках, чем они того заслуживают.

В Гонгужи были открыты надписи на скалах; в лесах по берегам реки Прегиса обнаружили прекрасную глиняную посуду и нашли серебряную рукоятку старинного меча. Около Конкисты один старик, возвращаясь из Ильеуса, потерял ночью быка; он пошел по тропе через лес и вдруг оказался на площади древнего города. Пройдя под арками, он попал на

мощенные камнем улицы, а в середине площади увидел статую человека. Испугавшись, он убежал из руин.

Все это, особенно рассказы о городе и рукоятке меча, наводило на мысль, что, возможно, старик попал в город, открытый Рапозо в 1753 году, хотя его близость к населенным местам не вяжется с описанием того долгого пути, который Рапозо проделал, возвращаясь в Баию. Поговаривали также о какой-то старой крепости, расположенной неподалеку от Риуди-Кобре. Считали, что она относится к инкскому периоду и в ней когда-то были статуи, теперь же они сильно повреждены искателями кладов.

В Баию я отправился вместе с Фелипе, ибо ему было заплачено вперед до конца 1921 года. Мы попали туда 3 мая. Этот город был раньше столицей Бразилии и центром торговли рабами, привозимыми из Африки. Баия — весьма симпатичный город, имеющий большое будущее ввиду неограниченных природных ресурсов и чудесного климата. Население — негроиды и мулаты, во всех отношениях резко отличающиеся от жителей Рио, к которому Баия стоит примерно в таком же отношении, как Брайтон к Лондону. В Баие отлично налажено трамвайное сообщение, прекрасные дороги и бесчисленное множество церквей. Здесь очень много иностранцев всех национальностей, ибо город весьма активен в деловом отношении. Тут обилие фруктов, весьма внушительные магазины, великолепные отели и множество кинотеатров.

Бразильские семьи, принадлежащие к высшим классам, держатся несколько особняком, но простой люд и официальные лица, в общем, приветливы и любезны. Местность здесь очень здоровая, хотя одно время была сильно распространена желтая лихорадка. Коренные жители произвели на меня впечатление чрезвычайно суеверного народа; говорят, макумба (черная магия) свободно практикуется здесь неграми, к которым

постоянно обращаются за советом как к прорицателям, несмотря на энергичные попытки полиции положить конец этому делу.

Капитан английского военно-морского флота, ручаясь за истинность передаваемого, поведал мне историю о фейтицейро^[148] из Баии, которую стоит пересказать.

В 1910 году английское китобойное судно зашло в Баию пополнить запасы провианта и воды после на редкость неудачного рейса. Чтобы немного отвлечься от неприятностей, капитан зашел выпить в местный бар. Он сидел один, успешно справляясь с бутылкой виски, когда в баре появился бразилец и по-английски любезно попросил у капитана разрешения присесть к его столику. Капитан указал рукой на табурет, на виски, и вскоре оба собутыльника погрузились в беседу, во время которой капитан рассказал о своем неудачном рейсе.

— Вот что я вам скажу, капитан, — промолвил бразилец. — Давайте я проведу вас к знакомому ведуну, уж он сумеет вам помочь.

— Какая чушь! — презрительно усмехнулся капитан. — Не верю я во все эти штуки.

— Ничего, капитан, пойдемте, не пожалеете.

— Да какой смысл? Лучше выпей-ка эту, приятель, и налей еще.

— Ладно выпьем еще по одной, а потом пойдем к ведуну, так, что ли?

— Хорошо, раз уж ты так хочешь. Бутылка все равно уже пуста.

Если бы капитан был трезв, он, возможно, рассудил бы иначе, но он уже достаточно накачался и был готов на все, а бразилец к тому же обещал ему нечто совершенно неизведанное. Бразилец повел его узкими улицами, которые были застроены невзрачными домами, и после многократного стука в дверь одного дома и

обмена таинственными паролями, они вошли внутрь и увидели человека, оказавшегося ведуном, фейтицейро.

— Знаю, зачем вы пришли ко мне, капитан, — сказал колдун по-португальски, и бразилец начал переводить. — Так вот, вы отплывете в ближайший понедельник и направитесь на юго-восток. Через пять дней вы заметите крупного кита. Не трогайте его. На следующий день вы увидите стаю в пять штук. Нападите на них, и вы добудете жира, сколько вам надо. Это все.

С достоинством поднявшись, фейтицейро соблаговолит принять плату и, не поблагодарив ни словом, проводил их до дверей.

Отплывая в понедельник, капитан с недоверием вспоминал предсказание, но спустя пять дней, в субботу, они действительно заметили огромного кита самца. Указания ведуна тут же были забыты; матросы спустили шлюпки и направились к киту. Помощник капитана первым добрался до него, но как только кит почувствовал гарпун, он бросился на лодку и разнес ее в щепы, утопив помощника капитана и двух матросов. Потом животное нырнуло и больше уже не показывалось.

На следующий день были замечены пять китов и снова спущены шлюпки, но, прежде чем они смогли достаточно близко подойти к стае, все пятеро ушли под воду и исчезли.

Капитан вернулся в Баию сообщить консулу о смерти своего помощника и встретил в порту своего бразильского знакомого, который убедил его снова сходить к ведуну. Войдя в дом, они застали колдуна вне себя от ярости.

— Вы не исполнили моего приказа! — набросился он на удрученного капитана, прежде чем тот успел раскрыть рот. — Вы напали на первого кита, а это был я — сам. — Фейтицейро резким движением стянул рубаху и показал свежую рану на своем плече. — Вот, смотрите,

что сделал гарпун вашего помощника! Теперь не ожидайте ничего до конца рейса!

Китобои не выследили больше ни одного кита и вернулись домой с пустыми трюмами...

Мы покинули Баию на пароходе компании Навигасас Баиана, который доставил нас к речному порту Назаре, а оттуда поездом доехали до Жагуакуары, где в то время был конечный пункт строящейся железной дороги.

Это место оказалось небольшой деревушкой, находившейся в крайне грязном, антисанитарном состоянии; совсем недавно она пережила сильную эпидемию желтой лихорадки. Мы познакомились здесь с любезным и преуспевающим торговцем сеньором Роберто Грилло, который одолжил вам мулов для путешествия до Жекие на Риу-ди-Контас.

Жекие — центр обширного края, откуда вывозится в Баию большое количество какао, табака, кофе, хлопка и медицинского сырья. Места здесь исключительно красивые, однако редко населенные — в основном итальянскими иммигрантами. Сам город совсем новый — старый был начисто смыт грандиозным наводнением 1914 года, которое нанесло неисчислимый ущерб югу штата.

Мы повстречали здесь одного старого негра по имени Элиас-Жузе-ду-Санту, который когда-то был генералом — инспектором императорской полиции, а теперь продавал вразнос спиртные напитки на окраинах города. Монархист до мозга костей, он был полон чувства собственного достоинства и имел весьма внушительный вид. Он старался как можно чаще упоминать имя Дона Педру и низко кланялся при этом. Фелипе тоже приобрел недавно привычку кланяться, возможно, под влиянием заочных курсов для иностранных коммерсантов; причем проделывал это с видом комика из мюзик-холла. Я едва мог смотреть спокойно на этих двух идиотов, низко кланявшихся друг

другу чуть ли не при каждой фразе. Они походили на пару флиртующих морских коров!

В назидание мне старик облачился в свою допотопную форму с роскошными золотыми эполетами и чудовищным кивером. Что и говорить, это была колоритная фигура, хотя и несколько жалкая, если сравнить важность его прежнего положения с тем, что он представлял собою сейчас. Он рассказывал мне удивительные истории о районе Гонгужи — о рыжеволосых индейских женщинах со светлой кожей и о Сиададе Энкантада — Заколдованном городе, который привлекает путешественника все ближе и ближе, а потом вдруг исчезает, словно мираж.

Таких историй он знал множество. Аймаре, или ботокуды, жившие далеко на юге, хранили легенду об Альдеа-де-Фого — Огненном городе, который назывался так потому, что дома в нем были крыты золотом. Эта легенда относится к давно забытому прошлому, и ни Сиададе Энкантада, ни Альдеа-де-Фого в этих местах никогда в действительности не находились.

Следует ли думать, что древние города, если только они вообще существуют, непременно должны находиться в том районе, где о них рассказывают предания? Снова и снова я убеждался, что индейцы неправильно оценивают расстояния и говорят обо всем отдаленном, как о чем-то сравнительно близком. Возможно, индеец еще ребенком слышит от матери рассказы о чудесном городе, который лежит «вон там», и, став взрослым, полагает, что город этот находится непосредственно за пределами района обитания его племени. Но может случиться и так, что предание переходит из поколения в поколение с отдаленнейших времен, когда племя было частью народа, — со времен, предшествовавших катаклизмам, которые отбросили людей к стадии кочевого существования.

Если вы услышите легенды о древнем городе, якобы находящемся в районе распространения определенного индейского племени, а потом установите, что никакого такого города там нет, это вовсе не говорит о том, что легенды не имеют под собой фактической почвы. Для первобытных народов время течет гораздо медленнее, чем для нас. Они могут проследить своих предков за тысячи лет, между тем как мы редко можем вспомнить своих более чем за несколько столетий; о происшествиях, относящихся к древнейшим временам, индейцы рассказывают, как о недавно происшедших событиях.

В этом и состоит одна из величайших трудностей при определении местонахождения древних поселений, а игнорировать это обстоятельство — значит, тратить зря время и терять уверенность в себе.

Весь этот прекрасный край — фактически весь штат — страдал от «politica». В бразильцах крайне сильна патриотическая жилка, и, как все романские народы, они необычайно серьезно относятся к политике, хотя и не имеют необходимых навыков искусства управления государством. Однако бразильскую «politica» не следует смешивать с политикой в нашем понимании — тут имеется различие. Человек, сколотивший значительное состояние и забравший силу в своей местности, может найти себе последователей, вооружить их и объявить себя «chefe politico»^[149], то есть обладателем голосов всего местного населения. Если его не хотят признавать таковым и отказывают ему в официальном положении, на которое дает право этот титул, он принимается за дело и уничтожает всю оппозицию. Начинается своего рода местная гражданская война, погибает немало людей, следуют поджоги, грабежи, стрельба и всеобщее разрушение.

Эта система зачастую препятствует развитию богатейших природных ресурсов страны и мешает

процветанию, которого она вполне заслуживает и которого, я уверен, она со временем добьется.

Отвергнув всякие предложения уплатить за проезд на его мулах до Жекие, сеньор Грилло нашел нам мулов для следующего этапа путешествия, до Боа-Нова. Это место казалось мне наиболее подходящим отправным пунктом.

Выйдя оттуда, мы сразу попадем в каатингу — заросли низкорослого колючего кустарника, занимающие большую часть площади штата к югу и востоку от реки Сан-Франсиску. По ним трудно идти, там очень сухо и полно гремучих змей. В тех местах, где есть вода, немногочисленные поселенцы влачат жалкое существование; остальные районы, известные под названием *chapadas*, представляют собой настоящую пустыню, расположенную высоко над уровнем моря и поросшую низкорослым кустарником. Дальше лежат огромные лесные массивы рек Гонгужи и Парду, простирающиеся до Жекитиньоньи, богатой водою местности, изобилующей великолепными лесами. В этих-то лесах, окруженных плантациями бразильских поселенцев, постоянно вторгающихся в чужие владения, находят свое последнее прибежище остатки некогда многочисленного коренного населения страны.

Земли бассейна Гонгужи удивительно плодородны. С его западной окраины сельскохозяйственные продукты отправляются на воскресные рынки Боа-Нова, Посойнса, Конкисты и Верруги, с восточной — очень выгодный продукт какао отправляется в Ильеус. На севере, неподалеку от слияния рек Гонгужи и Риу-ди-Контас, американская лесопромышленная компания имеет весьма перспективную концессию; южнее лесами владеют индейцы племени паташо, которые держат в своих руках и северный берег Риу-Парду, в то время как на другом берегу реки, между Верругой и Жакарандой, располагается несколько эстансий. К западу от дороги

Жекие — Вerrуга и северо-западу от Риу-ди-Контас лежит область каатинг, во многих местах безводная или почти безводная, так что земля там непригодна для сельского хозяйства, хотя и богата ценными полезными ископаемыми.

За три дня мы достигли Боа-Нова — небольшого опрятного селения, снабжение которого зависело от воскресного рынка; текстильные товары приобретались здесь местными плантаторами по непомерно высоким ценам. Как и в других местах, прибыли доставались посредникам. Нас любезно принял один торговец, который позаботился о том, чтобы я был обеспечен животными и всем необходимым для экспедиции.

Никаких сведений о районе Гонгужи собрать тут не удалось, ибо никто ничего о нем не знал, хотя как раз к востоку от селения начинались леса, за счет которых в основном и существовали его обитатели. В Бразилии мне часто приходилось сталкиваться с подобным положением, когда люди проявляли полную неосведомленность об окружающей их местности. Кроме непосредственного района их обитания, все остальное представляет для них тайну, в которую они не дают себе труда проникнуть, хотя готовы верить любым слухам на этот счет.

Глава 19

Завеса первобытности

— Должно быть, мы ошиблись, забравшись сюда, — сказал я Фелипе. — Отсюда будет трудно проникнуть в район Гонгужи.

— Что же вы думаете делать? — обеспокоенно спросил он.

— Возвращаться в Боа-Нова и взять еще южнее, быть может, оттуда будет легче пройти.

— Хотите сказать — вернуться тем же путем, каким пришли?

Мы преодолели высокие горы, покрытые каатингой^[150], прежде чем спустились в густые леса, взбирающиеся на горные склоны, совсем как на восточной стороне Анд.

В конце концов мы достигли Баиша-ди-Фактура, последней эстансии на реке Гонгужи, где она имеет всего десять дюймов ширины; ее исток находится в восьми лигах отсюда. Между этим местом и Боа-Нова лежит длинное узкое плато, где холод временами дает себя знать; мы пришли по этому плато, и, естественно, Фелипе вовсе не улыбалось возвращаться тем же путем, так как он очень зябнул и боялся за свое «больное место» в легких, о котором часто поминал.

Я ставил своей целью проникнуть по наилучшему маршруту в лес Мату-Бруту, еще не отторгнутый у коренных жителей. В прошлом Баиша-ди-Фактура часто подвергалась нападениям со стороны дикарей — замечательная коллекция луков и стрел, которой владел хозяин эстансии, была наглядным доказательством, — но сейчас она уже не находилась на краю света. Поселенцы проникли сюда, и об этих местах уже было кое-что известно.

Я спросил хозяина, слышал ли он здесь какие-нибудь рассказы о затерянном городе.

— Знаю только, что такой город есть, — ответил он. — В поместье Пау-Бразил-ди-Риу-Нову, в четырех лигах отсюда, живет человек, который знает, где расположен этот город, и может указать вам туда дорогу.

Это была волнующая новость. На следующий день мы отправились в поместье Пау-Бразил-ди-Риу-Нову. Нас там хорошо приняли, но оказалось, что вся история выдумана — ее обитателям ничего не было известно о затерянном городе.

Мы вернулись в Боа-Нова; шел сильный дождь и было чертовски холодно; переночевав здесь, на следующий день мы направились в Посойнс, небольшую, пришедшую в упадок деревушку, где процветали только блохи. Дальше за Посойнсом находится Конкиста, мы пришли туда в ярмарочный день. В самых разнообразных причудливых одеждах окрестные жители валом валили в город с ананасами, апельсинами, земляными орехами, местными сладостями и обувью. Сделки по главным статьям торговли — кофе, какао и хлопку — производились не на рынке, а непосредственно с торговцами в обмен на одежду, охотничьи припасы и инструменты. Жители очень гордились тем, что у них такой современный город; электрический свет и средней руки кинематограф, открывавшийся раз в неделю, наполняли их чувством превосходства над любой другой общиной по соседству.

Здесь только и было разговору, что о драгоценных камнях. Начиная прямо от здешних мест и дальше на юг, в глубине штата Минас-Жераис, весьма распространены аквамарины и турмалины. Поэтому в городе постоянно был наплыв людей, приносивших с собой камни для экспертизы и оценки. Все таили друг от друга свои находки, хотя в такой скрытности почти не было

необходимости, ибо мало какие из камней представляли действительную ценность. Однако время от времени приносили и ценные экземпляры, большей частью голубых, а то и редко встречающихся зеленых оттенков.

Мы остановились в отеле, принадлежавшем донне Ритта-ди-Кассиа-Альвес-Мейра, чье романтически звучащее имя не мешало ей вести свое небольшое дело по-хозяйски — здесь было чисто и уютно. Лишь только ярмарка замерла и ларьки опустели, Конкиста впала в дремоту, которая продлится до следующего ярмарочного дня, ибо метисы, наводнявшие улицы своими товарами, были не здешними жителями и, как только рынок кончался, нагружали своих пони и к вечеру исчезали.

Я проснулся в половине седьмого утра и выглянул из окна отеля. Солнце уже взошло, но на улицах не было дни уши. Потом из церкви напротив вышла темнокожая женщина в белой одежде и яркой шали, раскрашенной анилиновыми красками, высморкалась с помощью пальцев, задумчиво сплюнула на ступени и снова вошла внутрь. Несколько минут спустя в конце улицы показался неоседланный осел, на нем, пристроившись у самого хвоста, сидел небольшой чернокожий мальчуган; он гнал осла галопом, осыпая его градом непристойных ругательств. Топот копыт разбудил спящих во многих домах; двери начали открываться, в оконных решетках показались взъерошенные головы. Мало-помалу в Конкисте разгоралась жизнь.

Мне стоило немало труда добудиться моего погонщика, ленивого, аристократической внешности негодяя, совершившего несколько убийств, и после завтрака мы снова тронулись в путь. Спустившись с плато по скользкой и грязной тропе, мы вышли к бассейну Риу-Парду и добрались до эстанции Морру-ди-Глория. Ее хозяин уговорил нас остаться у него на ночь и спросил наше мнение о нескольких аквамаринах,

которыми он владел, полагая, что я, как иностранец и путешественник, должен непременно разбираться в драгоценных камнях. По правде сказать, я в них не разбираюсь, хотя во время путешествий и приходится узнавать то одно, то другое из самых разных областей; исследователь всегда знаком со всем понемногу, или должен быть знаком.

Здесь мне рассказали другую историю о «затерянном городе». Некий метис с Риу-ди-Пейши переправился через Гонгужи неподалеку от Боа-Нова и заблудился в лесах Серра-Жерал, расположенных на востоке. Взобравшись на какой-то холм, чтобы как-то сориентироваться, он увидел недалеко на равнине древний город с арочными воротами. Он был так близко от города, что смог разглядеть на улицах и за городскими стенами индейцев, поэтому он тотчас же благоразумно удалился. Рассказ меня заинтриговал, похоже было на то, что этот метис набрел на город, найденный в 1753 году. Вот почему, добравшись до Верруги, я решил, что поиски в глубине лесов у Боа-Виста, возможно, окажутся наиболее плодотворными.

На одной эстансии в нескольких милях за Морру-ди-Глория из верхней части большой окатанной глыбы кварца, лежавшей в каких-нибудь трех ярдах от тропы, недавно извлекли громадный кристалл чудесного цвета, весом около центнера. Долгое время он лежал на виду у прохожих, и никому не приходило в голову вытащить его из материнской породы. В середине кристалла был пузырек, и те, кто его нашли, думая, что это алмаз, разбили кристалл надвое и искромсали одну половину на мелкие куски, чтобы добраться до драгоценности. Позднее я слышал, что вторая половина была продана за шестьдесят конто, что примерно равно 2500 фунтам стерлингов.

Рассказывали также об одном негре, который обнаружил на берегу реки Жекитиньонья выступающий

из земли кристалл. Негр вырыл его и взвесил, в нем оказалось четверть тонны, после чего находка была продана одному немцу за 100 фунтов. Тот погрузил свое сокровище в лодку, спустился вниз по реке и в конце концов доставил кристалл в Германию, где продал его за 9000 фунтов или что-то около этого. В Германии и США на эти кристаллы существует большой спрос— они идут на изготовление недорогих ювелирных изделий.

В Верруге только и было разговоров, что об этих камнях, и их бесконечные поиски разоряли жителей района. С величайшим трудом мне удалось собрать кое-какие сведения о живущих в округе индейцах, и в конце концов выяснилось, что их встречают главным образом к северо-востоку от величественных гор Коуро-де-Анта. Индейцы эти будто бы темнокожие, а один из их вождей носит черную бороду, что для них весьма необычно, ибо, как правило, у них нет растительности на лице. Другой вождь был знаменит своими огромными ступнями — они якобы были у него более восемнадцати дюймов длиной. Здешние индейцы отличаются резко выраженной негроидной внешностью и происходят от подлинных негров — аборигенов Южной Америки с примесью тупикарибской крови^[151]. Индейцы, живущие в лесах Гонгужи, сравнительно малочисленны, более светлокожие и явно принадлежат к другой расе.

Снова покинув Боа-Нова, мы направились на северо-восток, к лесам, окаймляющим подножие высокой горы, известной под названием Тиморанте. Говорили, что там расположен богатый золотой прииск, заброшенный из-за нехватки капитала для его дальнейшей разработки. Уже одно это стоило проверить, если б даже нас не влекли туда другие интересы.

Мы достигли реки Гонгужи в том месте, где все признаки свидетельствовали о наличии здесь каменного угля и нефти, и двинулись по берегу реки, переходя от

эстансии к эстансии, пока не добрались до последней, расположенной у слияния Гонгужи с Риу-ди-Оуру. Здесь царил переполох: индейцы, живущие в лесу, к востоку отсюда, вышли на берег Гонгужи, стали стрелять из луков и убили ребенка. Местные жители немедленно снарядили карательную экспедицию и начали преследование индейцев в лесу. Наткнувшись на небольшой поселок аборигенов, они вырезали всех его обитателей, которые там были, за исключением одной молодой девушки; ее вместе с несколькими попугаями доставили в ранчо. Я рад сообщить, что позже девушке удалось бежать. Поселенцы, живущие на границе диких местностей, не считают индейцев за людей — здесь, в Бразилии, та же картина, что и в Боливии!

Слухи, которые так сильно влекли меня сюда, сосредоточивались на бассейне Риу-ди-Оуру, но, по-видимому, никто на Гонгужи ничего не знал об этой реке, за исключением того, что эстансии, расположенные неподалеку от места ее слияния с Риу-ди-Оуру, постоянно подвергались нападениям дикарей. Даже восточные берега рек Гонгужи и Нова всецело оставались в руках индейцев.

Из ранчо под названием Барра-ду-Риу-ди-Оуру мы отправили наших животных назад в Боа-Нова, намереваясь идти дальше пешком. Местные бразильцы были в ужасе от нашей затеи — для них отважиться выйти в эти опасные леса вдвоем было равносильно самоубийству.

Тщательно сделанные карты уже посещавшихся районов дали мне возможность пользоваться в качестве ориентиров высотами, которые мы уже проходили, и, хотя лесные массивы здесь огромны, мы почти не рисковали заблудиться; на расстоянии дневного перехода от ранчо тропы кончились, во всяком случае по соседству с рекой их уже не было. У Фелипе снова дала о себе знать его легочная болезнь. Сердце у меня упало.

Мы едва вышли в путь, и старая история начинается сызнова! Затем у него заболели пятки, и, когда пять дней спустя, следуя по новой тропе, мы набрели на одинокое скотоводческое ранчо, пришлось задержаться там на день-другой, пока Фелипе не поправился.

Покинув ранчо, мы стали подыматься на высокую гору с голой вершиной, известную под названием Серро-Пеладо. Пока что мы еще встречали там и сям поселения, зато следов пребывания индейцев совершенно не находили, из чего я склонен был заключить, что мы идем вовсе не по неисследованной стране.

С вершины горы нам открылась еще одна плантация, расположенная к юго-западу от Риу-ди-Оуру, и, заметив ориентиры, мы двинулись по направлению к ней.

У подножия Серро-Пеладо я убил большого бушмейстера, притаившегося внутри прогнившего пня; эта отвратительная змея не выказала никаких агрессивных намерений, но была в полной боевой готовности. Фелипе пожелал вырезать из ее тела несколько котлет, хотя считается, что бушмейстер одна из немногих змей с не очень вкусным мясом. Бушмейстеры попадают здесь на каждом шагу, и имеются три их разных вида, одинаково ядовитые, — просто сурукуку, затем сурукуку-пикудижака и, наконец, сурукуку-апага-фогу, или «огонь гасящая». Последнюю привлекает огонь, и жители лесов так ее боятся, что никогда не оставляют на ночь горящих костров. Эти змеи имеют обыкновение укладываться клубком на пепле, под которым еще тлеет огонь, поэтому, когда жгут лес под плантации, их находят обгоревшими на золе. Говорят, у этого вида змей исключительно острый слух, и они достигают четырнадцати футов в длину при семи дюймах в диаметре.

Один владелец ранчо рассказал мне, что он как-то послал своего мулата с поручением в соседнюю

эстансию, и так как тот не вернулся, на его поиски отправилась группа людей. Он был найден мертвым на тропе, вокруг его бедра обвилась большая сурукуку. Она искусила все тело несчастного, нападая на него снова и снова, пока не устала и не истощила весь свой яд.

В другом поместье хозяину и его жене заранее было известно о нашем прибытии, и они ждали нас.

— Мы знали, что к нам идут гости, потому что наши куры стали жаться головами друг к другу, — сказали они. — Когда куры так делают, это всегда означает, что кто-то придет к нам до наступления ночи.

Хозяин поместья рассказал мне о странных змеях, называемых саламандрами (не следует смешивать с настоящими саламандрами). Я уже слышал о них раньше и был склонен полагать, что это те же сурукуку-апагофогу, однако хозяин описал их как крупных желтых рептилий до двадцати футов длиной, с поперечными черными полосами. По его словам, они водились в здешних лесах. Возможно, это особый, очень крупный вид бушмейстера. Во всяком случае я не встретил ни одной такой змеи, и, надо полагать, к лучшему, так как, по его словам, это крайне злобные существа.

Я отправился с ним в лес — мы хотели поймать обезьянку. Проходя мимо одного дерева с дуплом на высоте примерно десяти футов от земли, мы услышали тонкий, пронзительный, жалобный звук. Мой попутчик вскарабкался на дерево, устроился повыше над дуплом и разрядил свой дробовик в полость ствола. Как попрыгунчик, выскакивающий из коробки, оттуда метнулась в воздух сурукуку, упала на землю и уползла в кусты. Если б она могла добраться до нас, мы наверняка были бы покусаны. Этот случай произвел на меня неприятное впечатление, наглядно подтвердив правдивость рассказов, что сурукуку скулят во сне, подобно тому как анаконды издают по ночам

меланхолические всхлипы — жуткие звуки, которые я не раз слышал.

Отсюда на восток шла тропа до Ильеуса. Леса к югу и к западу от этих мест были населены индейцами; время от времени они приходили собирать маниоку с плантации, не причиняя никакого вреда поселенцу и его жене. Хозяин поместья полагал, что он последний поселенец по Риу-ди-Оуру. Сразу за его ранчо начинается девственный лес, и там уж наверняка нет никаких троп. Именно в эту сторону мы и направились, покинув наших гостеприимных хозяев.

Теперь нам всюду попадались следы индейцев, главным образом в виде ловушек из остроконечных палок, расставленных так, чтобы ранить неосторожного налетчика прямо в живот. Я не мог себе представить, каким образом человек может стать жертвой такой ловушки, если только он не бежит вслепую ночью. В нормальных условиях такая палка может разве что слегка оцарапать кожу, если идущий не заметит ее на своем пути. Возможно, эти палки отравлены, тогда укол или даже легкая царапина могут оказаться смертельными! Мы обнаруживали иногда и другие ловушки — заостренные колья, едва торчащие из земли, а в кустах за ними — поставленные в наклонном положении копыя, на которые босоногие жертвы должны были, споткнувшись, упасть.

Наш друг поселенец ошибался, считая, что он забрался в лес глубже всех, ибо спустя пять дней, после того как мы расстались с ним, мы снова наткнулись на тропу, по которой дошли до отличной плантации, где вдосталь полакомились сахарным тростником. В миле от нее лежала эстансия, владелец который радушно встретил нас и угостил маниокой, маисом, яйцами и цыплятами. Низкие поклоны Фелипе, по-видимому, немало удивили его, и я вполне его понимал. Меня

самого начала раздражать привычка Фелипе без конца кланяться, но я не решался сказать ему об этом.

То, что мы все время обнаруживали тропы и поселения там, где ожидали найти совершенно дикую местность, стало действовать мне на нервы. Морадоры проявляли полнейшее невежество относительно того, что делается за пределами их собственных плантаций, и со всей искренностью заявляли, что их владения расположены дальше всех по реке. Таинственность, окружавшая Риу-ди-Оуру, лопнула, как мыльный пузырь. Правда, поселения и поместья были разделены значительными расстояниями. Эти люди, подобно американским поселенцам, неуклонно продвигались все глубже в дикие места; каждый делал для себя расчистку, и она заменяла ему весь мир. Поселенцу и в голову не приходило, что другие занимаются тем же самым справа и слева от него. Упоминание о соседних плантациях всегда изумляло их, они воображали себя совершенно изолированными.

Но вот наконец мы как будто действительно вышли к крайнему аванпосту цивилизации, ибо в тех местах, куда мы намеревались идти, к западо-юго-западу, не было никаких троп, а из дома владельца эстансии мы часто видели индейцев, которые выходили на возвышенность за плантацией и посылали в нашу сторону стрелы.

Узнав о том, что мы совершенно одни собираемся залезть в самую гущу дикарей, наш хозяин счел нас безумцами.

Как только мы тронулись в путь, пошел дождь. Было новолуние, и дожди лили непрерывно много дней подряд. Двигаться в таких условиях было мучительно. В лесу достаточно одного хорошего ливня в день — и вам уже не быть сухим, а постоянно приходится идти в сырой одежде, что угнетающе действует на настроение. Фелипе, побаиваясь за свое здоровье, все время стонал, да и я потихоньку утрачивал весь свой

исследовательский пыл, но мы упорно тащились вперед. Так мы двигались три дня, не видя следов индейцев, за исключением бессмысленных заостренных кольев, какие уже встречались нам раньше. Потом опять стали попадаться тропы, сначала они шли, как обычно, но затем терялись в лесу — такова излюбленная уловка дикарей, чтобы запутать врага.

Как-то раз мы спокойно шли лесом, ни о чем особенно не думая, как вдруг увидели индейскую хижину высоко на склоне холма. Я стал на месте как вкопанный.

— Тише! — прошептал я Фелипе. — Не шевелитесь. Они еще не заметили нас!

Около хижины стоял дикарь, заостряя палку, рядом висел небольшой гамак, в котором качался другой. С минуту, не двигаясь, мы смотрели на них, потом осторожно скользнули за дерево и пошли в обход, чтобы приблизиться к хижине под прикрытием подлеска. Но когда мы дошли до того места на склоне холма, там ничего не оказалось. Нигде не было видно даже намека на хижину. Ни разу в жизни у меня не было более отчетливого видения, и я не могу найти никакого объяснения этому необыкновенному явлению.

На следующий день, придерживаясь еле заметной тропы, мы набрали на заброшенную стоянку у небольшого ручья. Там стояло восемь хижин, вернее, простые навесы, вокруг которых были разбросаны скорлупы орехов кузи и большие раковины улиток. Судя по всему, двумя-тремя днями раньше в лагере побывало около шестнадцати человек. На некоторых деревьях поблизости были сделаны зарубки, свидетельствовавшие о том, что у индейцев были ножи, возможно, украденные у поселенцев на Гонгужи.

Пройдя еще с полмили, мы наткнулись на другую стоянку, более старую и побольше предыдущей, тоже забросанную скорлупой орехов кузи и раковинами

улиток. Орехи кузи^[152] можно найти повсюду на Гонгужи; они растут на высоких пальмах гроздьями по несколько сот штук и имеют очень твердую скорлупу, внутри которой находится от одного до трех маслянистых ядрышек размером примерно вдвое больше миндалина. Вкусом они похожи на кокосовые орехи, и местные индейцы, по-видимому, высоко их ценят как пищевой продукт.

Неподалеку от стоянки мы увидели разоренное пчелиное гнездо; надо думать, что мед местные индейцы также употребляют в пищу. Очевидно, и большие улитки хороши на вкус, но где их можно найти, нам так и не удалось выяснить; улитки нам не попадались, а то бы мы не преминули их попробовать.

Следуя другими, резко обрывающимися тропами, мы вышли к ручью, протекавшему среди великолепного леса, и, поднявшись вверх по течению, добрались до третьей покинутой стоянки, возможно, устроенной всего лишь несколько месяцев назад; здесь оказалось несколько хорошо построенных хижин, в одной из них мы заночевали. В полумиле отсюда снова оказалась стоянка, но индейцев опять-таки не было видно. Я очень надеялся встретить их, ибо все говорило за то, что мы находимся среди них, но они либо намеренно уклонялись от встречи с нами, либо мы расходились с ними случайно. Местность здесь изрезана многочисленными потоками, между которыми располагаются высокие горные гряды с крутыми склонами, очень трудные для подъема. Похоже было на то, что основной район обитания индейцев находится на более равнинной местности севернее нашего маршрута. Во всяком случае можно думать, что их не очень много.

Несколько дней спустя мы попали на тропу, которую по всем признакам проложили цивилизованные люди. Следуя по ней, мы вышли с юго-запада к поселению на Риу-Бури, притоку Риу-Ново, которая в свою очередь

впадает в Гонгужи. Итак, мы прошли через весь лесной массив. На Риу-Ново были два или три селения; хозяин одного из них, сеньор Марселино — набожный баптист, — радушно принял нас в своем доме, сдобрив гостеприимство молитвами и гимнами под аккомпанемент хриплой фисгармонии.

Когда мы снова оказались среди поселенцев, Фелипе явно воспрял духом. Непрестанные дожди, лившие во время нашего перехода по лесу, хоть на кого могли нагнать тоску; мрак, царивший в темной чащобе под огромными деревьями, тяжело давил нам на душу. Длинные бороды мха, свисавшие почти с каждой ветви, придавали лесу торжественно-таинственный вид, а шишковатые, искривленные суки, казалось, только и ждали момента, чтобы схватить нас. Мы не голодали, питаясь мясом обезьян, перепелами, куропатками; Фелипе даже подстрелил ленивца, однако он оказался мало съедобным.

Сама дорога была нетрудной, кошмар наводила лишь вся атмосфера леса. Конечно, ко всему прибавлялось и разочарование. Мы не повстречали индейцев, не нашли ни одного чудесного дома с никогда не угасающими огнями, которые, если верить охотникам с Оуро, должны были быть в этой местности. Мои надежды на то, что в районе Гонгужи можно обнаружить что-либо интересное, улетучились. Зато теперь я могу сказать, что эта часть страны вполне подходит для заселения, климат здесь здоровый, и существуют большие возможности для развития лесопромышленности, так как лучшего леса, чем тут, не сыскать во всем штате.

По хорошо найденной тропе мы прошли через высокий кряж и спустились в долину Риу-Колония, где одно время существовала деревня, впоследствии начисто стертая с лица земли индейцами паташо [\[153\]](#). Через два дня у Баия-Бранка мы вышли на дорогу

Верруга — Ильеус. Я хотел пересечь ее и пройти дальше на Риу-Парду, надеясь попасть к чернокожим индейцам племени паташо — если, конечно, их можно будет найти, — но Фелипе совсем расклеился, и у него оказалось столько болячек, что я счел за благо повернуть на Верругу.

Полковник Паулину-дус-Сантус, состоятельный человек и весьма известный политический деятель, владевший ранчо в местечке по названию Дуас-Баррас, пришел в ужас, узнав, что двое *senhores* путешествуют пешком, и дал нам мулов, чтобы добраться до Верруги. Так как грязи на дороге становилось все больше и она страшно липла к ногам, эта услуга оказалась нам весьма кстати, и до Верруги мы ехали с настоящим комфортом. Вот когда Фелипе прямо-таки воспрял духом!

В Верруге мы остановились у того же человека, который приютил нас в предыдущее посещение этого местечка; не ограничиваясь этой любезностью, он нашел мулов, с которыми мы проделали первую часть пути до Риу-Парду.

Переправившись через Риу-Парду у вымершей деревни Кашимбу, мы двинулись вниз по течению по хорошей дороге, проходившей вдоль южного берега реки через многочисленные эстансии — все они только начали оправляться после разрушительного наводнения 1914 года. Мы свернули с дороги у высокой горы Коурод-Анта, господствующей над окрестностями, — мне хотелось подняться на нее, чтобы определить ряд азимутов, — и наткнулись на плантацию негра по имени Васурино, который согласился провести нас на вершину. Когда-то иезуиты построили у подножия Коуро миссию, но с тех пор, как она была покинута, индейцы не позволяли ни одному поселенцу осесть на северном берегу реки, где она была расположена.

Подъем на вершину занял у нас два дня, но открывшийся перед нами великолепный вид с лихвой

вознаградил нас за все усилия. Под нами, словно на карте, раскинулся темно-зеленый ковер леса, там и сям испещренный небольшими полянами и прорезанный светлыми лентами рек, которые, причудливо извиваясь, терялись вдали. Далеко на севере виднелся Серро-Пеладо, на востоке возвышались холмы Салобро, где когда-то процветал алмазный промысел и где берет начало река Уна. Отчетливо рисовались вдали Баия-Бранка и дорога, которой мы пришли из Верруги. Если бы здесь, среди этих лесов, находились какие-нибудь «затерянные города», отсюда их прекрасно было бы видно. На юго-западе высилась таинственная скала Макики, гигантским монолитом возносясь над лесом на полпути к Жекитиньонье. С нею связано много поверий, особенно у индейцев.

Повсюду на склонах горы виднелись следы пребывания индейцев. Васурино сказал мне, что они часто наблюдают с вершины за эстансиями, расположенными на южном берегу реки. В лесах на крутых склонах было много поальи, более известной под названием ипекакуана. Она ценится здесь как лечебное средство и несомненно употреблялась как лекарство задолго до того, как ее действие в качестве рвотного средства стало известно в цивилизованном мире.

Два дня путешествия вдоль живописной излучины реки — и мы добрались до Анжелин — полуэстансии, полудеревни. Здесь есть пещера длиной около трехсот ярдов; многие годы в ней жили два священника, которые превратили ее в церковь. Ее стены сложены из чередующихся пластов известняка и песчаника, а многочисленные сталактиты придают ее внутренности внушительный вид, подобно тому как это делают громадные органные трубы в обычной церкви.

— Как насчет того, чтобы опять побродить по лесам? — спросил я Фелипе. — Это очень хороший

отправной пункт, и мы наверняка недалеко от мест, где живут чернокожие индейцы.

Фелипе ничего не ответил. С недавних пор он уже начал посвистывать — верный признак того, что он предвкушает конец бродяжничества в диких лесах, и страдальческое выражение, появившееся у него на лице и в опущенных плечах, ясно давало мне понять, что ожидать от него поддержки не приходится.

Добрые жители Анжелин дали нам мулов, на которых мы проделали следующую часть пути, и через день, спускаясь вниз по реке, мы достигли Нову-Оризонти — жалкой кучки хижин на берегу. В непосредственной близости к этому месту, в пойме реки, лежали остатки прекрасной деревни, погибшей в наводнение 1914 года. Здесь мы сделали передышку, и, как обычно, ни один из наших хозяев не захотел принять от нас плату. Предложить вознаграждение было равносильно оскорблению! И богатые, и бедные повсюду одинаково хорошо принимали нас, и мне оставалось лишь рассыпаться в благодарностях и произносить обычное: «Dius Ihe pague» — «Да воздаст вам за все господь бог».

В Жакаранде тучная негритянка приютила нас в самом грязном отеле, какой я когда-либо видел, и это еще мягко сказано! Небольшой, всего в 300 домов, городок процветал — он был речным портом алмазных россыпей Салобро, которые в свое время считались довольно богатыми, но теперь как будто истощились. Они много раз меняли хозяев, но с тех пор, как пришлось отказаться от рабского труда, стали не особенно доходными. Трудно сказать, какого происхождения местные алмазы — это относится и ко всем месторождениям бразильских алмазов. Они вымываются со дна рек, их находят вкрапленными в конгломерат, но, возможно, первоисточник их — вулканические трубки, ибо вся эта часть страны была перевернута вверх дном

землетрясениями, в настоящее время забытыми. Восточная Бразилия была когда-то районом вулканической деятельности, и до сих пор здесь можно обнаружить ее следы.

Щетинистое волокно пальм пиассава^[154], в изобилии растущих близ Жакаранды, используется для изготовления щеток, которые составляют основную статью торговли для всего района. Еще дальше вверх по реке можно видеть обширные расчистки, где раньше находились поселения индейцев племени айморе; в настоящее время севернее Жекитиньоньи уже не найти ни одного индейца айморо. Этот некрасивый, негроидного типа народ все еще держится на побережье и в лесных местностях штата Эспирити-Санту. Бразильцы его не тревожат, и он ведет независимый образ жизни.

От Жакаранды до Канавиейрас мы ехали в большой лодке с шалашом из веток в качестве каюты. Фелипе и три бразильца забились в эту каюту, и там было так душно, что я предпочел просидеть на крыше весь путь, несмотря на проливной дождь, раскаты грома, мокрую одежду и собачий холод.

Когда мы ранним утром приплыли в Канавиейрас и я почувствовал запах океана, меня охватила дрожь восторга. По мере того как рассветало, мачты и рангоут парусных судов все отчетливее вырисовывались на чистом, медно-желтом небе. О самом городке мало что можно рассказать, в основном мне запомнилась грязь, заросшие травой улицы и многочисленные итальянские торговцы.

Отсюда Фелипе должен был вернуться в Рио-де-Жанейро, так как в дальнейших исследованиях, которые я намечал, лучше было обойтись без него. Однако он пожелал сопровождать меня до Баии на бразильской каботажной шхуне, капитан которой согласился провести нас за десять шиллингов с каждого.

Чтобы сойти на берег в Баие, необходимы были удостоверения о прививке, и мы бросились на поиски доктора, который бы выдал нам такую бумажку после соответствующей обработки или без оной. Приемная доктора выходила на кухню и была полна плачущими детьми, собаками и мухами. Отмечалось какое-то семейное торжество, и доктор, в рубашке без пиджака, потрясал скальпелем и бутылкой с вакциной в такт треньканью банджо и гитар. Он тщательно стерилизовал скальпель, положил его на грязный стул и вымыл руки. Когда он произвел мне вакцинацию, его проспиртованное дыхание обволокло меня удушливым облаком. Этот же обряд был выполнен над Фелипе, и нам выдали удостоверения, на которые доктор расточил все свое искусство каллиграфии, снабдив свою подпись неизбежной *gubrica*, или вязью замысловатых завитушек. Когда мы открыли дверь и вышли на улицу, из-под наших ног врассыпную бросились цыплята.

Канавиейрас очень неудобный для навигации порт. Поперек входа в бухту протянулся мелкий бар, который очень опасно пересекать, если ветер дует с моря на берег. «Витория» — так звали нашу шхуну — при выходе из устья села на мель, и задержка оказалась вполне достаточной, чтобы в последнюю минуту принять на борт груз свежесодранных шкур в весьма пахучем состоянии. На судне находились пять матросов, кок, бой, две свиньи, две собаки, два индюка и две пассажирки, которые, так же как и Фелипе, страдали морской болезнью с начала и до конца путешествия.

У шхун нет оттяжек, придающих устойчивость мачтам, и если все они проделывают такие же рискованные штуки, как наша «Витория», то просто чудо, что их рейсы оканчиваются благополучно. Нам удалось пересечь бар, и, взяв другой галс, мы стали выходить в море при сильном прибое и крепком встречном ветре, как вдруг, в самый критический

момент, у нас унесло главные фалы. Фелипе и женщины валялись на койках, бесчувственные ко всему на свете, а на палубе творилось что-то невообразимое. Матросы метались взад-вперед, выкрикивая кому-то распоряжения, на которые никто не обращал внимания; зеленые волны перехлестывали через шхуну, и свиньи визжали, что есть мочи, перекатываясь по палубе и попадая в шпигаты. Нам едва удалось обойти с наветренной стороны выступ берега при выходе из залива, и мы чудом увернулись от гряды коралловых рифов, грозно торчавших из волн у нас на траверзе. Благодаря энергичным действиям капитана — гигантского роста мулата — судно было приведено к повиновению, и в дальнейшем плавание шло без волнений.

По прибытии в Баию Фелипе покинул меня, и позже я слышал, что вскоре после возвращения в Рио он женился. Забрав в консульстве свою почту, я пересек гавань в направлении Кашуэйры и Сан-Фелиса — двух городов, расположенных друг против друга немного выше по реке Парагуасу, откуда в глубь страны ведет железная дорога, обслуживающая алмазные копи.

Конечной станцией в те времена была Бандейра-ди-Меллу, где я остановился в «Дона Лидия» — одном из самых лучших и чистых отелей, какие только попадались мне в Бразилии, к тому же с превосходным столом. Это было поистине восхитительное место, где можно было забыть про грязь и неустройство маленьких городков.

В Бандейра-ди-Меллу я нанял мулов до Ленсойнса — крупного центра алмазодобывающей промышленности штата Баия, городка, расположенного на западных отрогах сложенных конгломератом гор, которые простираются на юг до большого хребта Синкора.

Тысячи гаримпейрос — алмазоискателей — изо дня в день переворачивали груды гравия в тщетных попытках

найти драгоценные камни; это однообразный, выматывающий труд, обрекающий людей на крайнюю нищету. Здесь распространены всевозможные болезни, и если судьба вдруг улыбнется какому-нибудь труженику, «politica» быстро кладет конец его благоденствию.

Иногда здесь находят небольшие, чудесно окрашенные алмазы, обычно в полкарата весом, не больше. Синие, розовые, зеленые, винно-красные, прозрачные и дымчатые камни время от времени извлекаются из лона земли, и одна такая находка год за годом поддерживает надежды и настойчивость остальных. Гаримпейрос собираются повсюду, где в конгломератовых горах или поблизости от них есть вода, и промывают каждое скопление алмазоносного песка. Прибыли достаются покупателям, ибо конъюнктура в Ленсойнсе настолько благоприятна, что алмазы часто привозятся сюда из других разработок на юге ввиду более высоких цен, по которым они здесь продаются.

Я не думаю, что местная алмазодобывающая промышленность сказала свое последнее слово, ибо весьма вероятно, что будут открыты другие россыпи алмазов и в один прекрасный день найдут их коренное месторождение. Алмазы извлекаются промывкой речного песка на площади, простирающейся от атлантического побережья до крайнего запада Мату-Гросу и от одиннадцатой параллели к югу до Сан-Паулу. Когда будут найдены трубки — а они должны существовать, — бразильские россыпи еще раз побьют алмазодобывающую промышленность Южной Африки, ибо превосходство бразильских камней бесспорно.

Я купил двух мулов, одного для верховой езды, другого вьючного, и один отправился в глубь страны. Я был там три месяца; раз привыкнув путешествовать в одиночестве, я нашел, что такой способ значительно

удобнее, чем ходить с одним или несколькими неважными компаньонами. Одиночество довольно легко переносить, когда тобою владеет одна только мысль. Недостаток такого способа в том, что, если бы я нашел что-нибудь ценное с научной или археологической точки зрения, у меня не оказалось бы свидетелей, чтобы подтвердить мои слова. Но сейчас моей главной задачей было проникнуть за завесу первобытности — устранить все ошибочное, сбивающее и убедиться в правильности избранного пути. Тогда можно будет организовать экспедицию для дальнейших открытий.

Материал, которым я располагаю, настоятельно требует снаряжения новых экспедиций... Имея добрых спутников, хорошую организацию и зная верный путь, можно прийти — я в этом уверен — к их успешному завершению. Я зондировал почву с трех сторон, нащупывая верный путь; я достаточно видел и знаю: можно идти на любой риск, чтобы увидеть еще больше. И когда мы вернемся из следующей экспедиции, наш рассказ потрясет мир!

... Я познал горечь неудач, но дело постоянно подвигалось вперед. Если бы Костин и Мэнли все еще были у меня компаньонами, возможно, вместо неоконченной рукописи я смог бы уже сейчас представить миру историю удивительнейшего открытия новейшего времени.

Случались у меня и разочарования. После экспедиции в Гонгужи я некоторое время сомневался в существовании древних городов, но затем я увидел руины, свидетельствующие об истинности хотя бы части рассказов. Все еще представляется возможным, что моя главная цель «Z» с остатками исконного населения не что иное, как город в лесу, обнаруженный Рапозо в 1753 году. Он находится не на реке Шингу и не в Мату-Гросу. Если нам суждено когда-нибудь достичь

«Z», мы, вероятно, задержимся там на значительное время, ведь только безуспешные путешествия кончаются быстро.

Наш нынешний маршрут начнется от Лагеря мертвой лошади ($11^{\circ}43'$ южной широты и $54^{\circ}35'$ западной долготы), где в 1921 году погибла моя лошадь, и пойдет примерно в северо-восточном направлении, к реке Шингу. По пути мы обследуем древнюю каменную башню, наводящую ужас на живущих окрест индейцев, так как ночью ее двери и окна освещены. Пересекши Шингу, мы войдем в лес где-то на полпути между этой рекой и Арагуаей, потом возьмем севернее по водоразделу до $9-10^{\circ}$ южной широты. Затем мы направимся к Санта-Мария-ду-Арагуая и оттуда по тропе пойдем к реке Токантинс у Порту-Насио-нал или Педру-Афонсу. Наш путь проляжет между $10^{\circ}30'$ и 11° ю. ш. до высокогорья между штатами Гояс и Баия — к совершенно неисследованному и, если верить слухам, густо заселенному дикарями району, где я рассчитываю найти следы обитаемых городов. Горы там довольно высоки. Затем мы пойдем горами между штатами Баия и Пиауи к реке Сан-Франсиску, пересечем ее где-то около Шики-Шики, и, если хватит сил, посетим старый покинутый город 1753 года, который лежит примерно на $11^{\circ}30'$ южной широты и $42^{\circ}30'$ западной долготы. На этом наша экспедиция закончится, и, выйдя к железной дороге, мы поездом доедем до Баии [\[155\]](#).

Я имел беседу с одним французом, который несколько лет искал легендарные серебряные рудники, косвенным образом связанные с покинутым городом (ведь именно при поисках затерянных рудников Мурибеки отряд Рапозо открыл его в 1753 году). Француз утверждает, что исходил вдоль и поперек весь район, который я предполагаю посетить, что эта местность населена цивилизованными поселенцами повсюду, где есть вода, что настоящих лесов там нет и

никаких развалин не может быть! По его словам, он лишь обнаружил выветрившуюся причудливых форм формацию песчаника, которую можно принять на расстоянии за древние развалины, и он уверен, что именно ее увидели в 1753 году участники отряда Рапозо, а потом уже в духе времени выдумали все остальное. Когда я рассказал ему о надписях, о которых они сообщали (он никогда не видел документа, оставленного Рапозо, и ничего не слышал о нем), он не нашелся что ответить; во всяком случае различные существенные детали явно не вяжутся с его рассказом. Надписи на руинах и «прыгающие крысы» (тушканчики) безусловно не могли быть чистой выдумкой.

По правде сказать, француз не внушал доверия. Исходить вдоль и поперек весь этот район вряд ли возможно. Там есть песчаные пространства, лишенные воды; крутые утесы преграждают путь; хотя бы одна-единственная долина может оставаться там скрытой от глаз на протяжении веков, так как систематические исследования никогда не велись, и лишь в результате алмазной лихорадки были открыты в прошлом безопасные и доступные места. У меня такое впечатление, что там существует внутренняя область, окаймленная безводным поясом, через который не могли пробиться экспедиции. От француза, когда он говорил, несло перегаром, а пьяница в моих глазах — не тот человек, на чьи слова можно полностью положиться. Кроме того, мне говорили, что он никогда не выходил больше чем на две-три недели зараз, а это слишком короткий срок для основательного исследования^[156].

Бывший британский консул в Рио полковник О'Салливан Бэр, в чьей добропорядочности я несколько не сомневаюсь, указал мне — насколько точно позволяли никуда не годные карты района — местоположение развалин города, к которому в 1913 году его проводил кабокло^[157] (об этом упоминается в главе I). Ему не

приходилось пересекать реку Сан-Франсиску — его город был расположен гораздо восточнее ее, в двенадцати днях пути от Баии. Сан-Франсиску веками ассоциировали с легендами о белых индейцах, и вполне возможно, что авангард Рапозо видел двоих в белых одеждах где-то между устьем Риу-Гранди и Шики-Шики. С тех пор вторгнувшаяся сюда цивилизация могла удерживать индейцев в долине за безводным поясом.

Там, между реками Шингу и Арагуая, должны быть удивительные вещи, но иной раз я сомневаюсь, смогу ли выдержать такое путешествие. Я стал уже слишком стар, и даже ноша в сорок фунтов слишком тяжела для меня, чтобы таскать ее многие месяцы подряд^[158]. Организация крупной экспедиции стоила бы уйму денег, да и риск был бы больше. Кроме того, все, кто пошел бы со мной, должны были бы обладать отличной тренировкой, а таких найдется из тысячи один, не больше.

Если намеченное путешествие окажется безрезультатным, это будет означать бесславный конец всем моим трудам, ибо большего я уже не совершу. Меня неизбежно объявят фантазером и заклеят стяжателем, стремившимся лишь к личному обогащению. Кто поверит, что я не ищу для себя ни славы, ни денег и в моих начинаниях нет корыстного расчета, а одна лишь надежда, что в конечном счете они принесут человечеству пользу, которой будут оправданы многолетние поиски?

Последние несколько лет моей жизни были самыми несчастливыми и горькими, полными тревоги, неопределенности, материальных лишений, вероломства и открытого предательства. Дети и жена были принесены в жертву исканиям и лишены многих благ, которыми они пользовались бы, если бы я остался в обычной жизненной колее. Из двадцати четырех лет супружеской жизни лишь десять мы с женой провели

вместе. Не говоря о четырех годах, проведенных на войне, десять лет я прожил в лесах, но ни разу не слышал жалоб от жены. Напротив, ее деловой помощи и постоянному поощрению я немало обязан всем тем, что мне пока удалось достичь, и если в конце концов я достигну успеха, то этим в значительной мере буду обязан ей.

Эпилог

Рассказал ли я про реку? Иль на ней поставил мету?

Взял ли пробу с самородком? Нет, не я копался там!

Потому что сам Создатель втрое мне платил за это.

Только ты понять не можешь. Уходи и действуй сам.

Редьярд Киплинг

Сквозь завесу

Казалось, средства для заключительной экспедиции никогда не удастся собрать — так складывались обстоятельства в 1924 году. Надежды лопались одна за другой, меж тем как где-то далеко сиял образ Великой Цели — древние города Бразилии. Денег было мало — так мало, что вставал вопрос, как сможет просуществовать семья, если даже она будет вести самый скромный образ жизни. При всем том следовало быть наготове, чтобы двинуться в путь в любой момент.

Со времени возвращения в Англию в конце 1924 года отца все сильнее снедало желание отправиться в новое путешествие. Всегда сдержанный и молчаливый, он стал почти угрюм. Правда, бывали и такие минуты, когда одолевавшее его мрачное настроение рассеивалось, и он по-прежнему был для нас, детей, веселым товарищем наших игр.

Мы — то есть моя мать, брат, младшая сестренка и я — уехали в 1920 году на Ямайку; мы думали, что уж никогда больше не возвратимся в Англию, однако через

два года снова вернулись туда. Уехать с Ямайки нас заставило разочарование. Этот остров вовсе не был похож на Цейлон, как мы ожидали. Для белого меньшинства условия жизни были тяжелыми, образование было поставлено плохо, поэтому мы спешно уложили вещи и сбежали в Калифорнию, которая в течение многих лет была чем-то вроде Мекки нашей мечты. По ряду причин, из которых не последней была дороговизна, спустя всего лишь год мы были вынуждены уехать из Лос-Анджелеса; в сентябре 1921 года мы прибыли в Плимут и месяцем позже встретили там отца, который возвратился из Бразилии.

Некоторое время мы жили в Эксетере, снимая дом, а затем переехали в сторону Тивертон, в Стоук-Кенон; там у нас было жилище просторное, но довольно ветхое. Здесь мы жили до тех пор, пока не разъехались кто куда. Первым уехал я, получив место на железной дороге в Перу. Затем покинули Стоук-Кенон отец и брат: дела отца внезапно приняли успешный оборот, и он с братом отплыл в Нью-Йорк. Мать и сестра отправились на остров Мадейру; они прожили там несколько лет, затем переехали во французскую Ривьеру, а после в Швейцарию.

Эта книга была написана отцом в то время, когда мы жили в Стоук-Кеноне, и непосредственно от него самого я узнал многие из тех забавных историй и многие из его идей, которые он здесь излагает. Я слишком поздно понял, что, если бы я больше интересовался его рассказами, он и рассказал бы мне больше. Чего бы я ни отдал сейчас за это! Так всегда бывает. В то время я был всецело поглощен паровозостроительной техникой и недоступен для других интересов.

Отец вставал ни свет ни заря и готовил для меня завтрак. Потом я отправлялся на велосипеде на машиностроительный завод в Эксетере, где я проходил чумазое, но интересное ученичество в качестве

помощника формовщика в литейном цехе. Отец умел готовить отличные завтраки и нес эту службу с молчаливым смирением, смысл которого я понял лишь много лет спустя, вспоминая обстоятельства того периода. Он делал это для того, чтобы дать больше покоя и отдыха моей матери, и потому еще, что не хотел, чтобы этим занимался я.

Хотя сидеть в Стоук-Кеноне было для него все равно, что сидеть в тюрьме, случались и светлые минуты. Крикет всегда доставлял ему радость и целиком захватывал его и брата, когда наступал сезон. Оба они были незаурядными игроками в масштабах графства и много разъезжали, так как их буквально разрывали на части.

Последний раз я видел отца в марте 1924 года. Ливерпульский поезд отошел от станции Сент-Дэвид в Эксетере, и его высокая фигура исчезла за окном вагона. Я уносился на север, преодолевая первый отрезок своего длинного путешествия в Перу, и был вполне уверен, что через несколько лет мы снова встретимся в Южной Америке.

«Я с неделю пробыл в Лондоне по делам экспедиции, — писал он в мае 1924 года, — и похоже на то, что обстоятельства складываются удовлетворительно. Возможно, от начала до конца дело будет делаться в США, и в таком случае туда же будут направлены и результаты. Однако Королевское географическое общество единодушно поддержало экспедицию, так что сейчас она по крайней мере имеет научную поддержку.

Возможно, в июне мы с Джеком отправимся в Нью-Йорк, где к нам присоединится Рэли. Он полон энтузиазма. Приятно сознавать, что все мы соберемся на одном континенте».

Но все произошло не так скоро. Приготовления затягивались, и тем временем отец занялся тренировкой

Джека. Он вбивал в Джека начатки португальского языка и учил его обращаться с теодолитом. Они перешли на вегетарианскую пищу, зная, что в экспедиции придется голодать, а, это даст им возможность легче переносить голод. Физической тренировки не требовалось. Джек был крепким парнем шести футов трех дюймов ростом, весь кости да мышцы; все, что наиболее губительно действует на здоровье — алкоголь, табак и разгульная жизнь, — претило ему. Находиться в хорошей физической форме было для него превыше всего, и единственные домашние работы, от которых он никогда не отказывался, это те, которые требовали применения силы.

В школе Джек был первым в игре, в драке и всегда стойко сносил суровые наказания, налагаемые директором школы.

Но и в учении, если его интересовал предмет, он также мог превзойти многих других. Будучи на три года моложе, я смиренно следовал за ним — верный участник его затей, скромный, но не презираемый рядовой. На первом году учения мальчишки совсем было затюкали меня, и только кулаки Джека принесли мне избавление. Однако после этого случая он предоставлял мне защищать себя собственными силами и вступался только тогда, когда бой бывал чересчур неравным.

И дома не кто иной, как Джек, был главным зачинщиком всех беспорядков. Он же вел и дневник, куда заносились все наши проделки, которые со всем основанием можно считать антиобщественными. Его толковым и послушным помощником был Рэли Раймел, сын ситонского врача. Рэли был с нами большую часть школьных лет, проведенных в Ситоне. Он был прирожденный комик, полная противоположность серьезному Джеку, и между ними завязалась тесная дружба, приведшая к совместному участию в экспедиции 1925 года.

Во время войны 1914-1918 годов мы были еще слишком молоды для службы в армии, но уже достаточно взрослые, чтобы иметь в своем распоряжении устрашающую коллекцию огнестрельного оружия, с которым мы обращались столь свободно, что местные власти оказали нам высокую честь, поручив специальному констеблю выследить нас и доставить пред лицо закона. Мне кажется, бедняге пришлось очень плохо, кончилось тем, что не он, а мы стали выслеживать его с намерением выкинуть над ним какую-нибудь штуку. Полиция смотрела на наши шалости сквозь пальцы; мы продолжали стрелять в безобидных скворцов, сидевших на крышах городских домов, и даже сделали своей мишенью эмалированные таблички на почтовых ящиках. Рэли призвали к ответу, и он был вынужден возместить стоимость разбитой таблички, уплатив десять шиллингов. После этого, всякий раз проходя мимо почтового ящика, он протирал табличку носовым платком и приговаривал: «Ведь это моя, сами знаете!»

Когда мы уехали на Ямайку, Рэли был уже там; он работал в «Юнайтед фрут компани» на плантации кокосовых пальм в Порт-Мария. Джек устроился подпаском на большой скотоводческой ферме, расположенной в районе бухты Монтего, на противоположной стороне острова. Время от времени они встречались. Потом Рэли уехал в Калифорнию, еще до того как мы сами переехали туда. Однако там мы его не застали — он уже перекочевал дальше. Джек с интервалами вынужденного безделья работал паромщиком в речной инспекции и сборщиком апельсинов. Будучи искусным рисовальщиком-самоучкой, он также выполнял некоторые работы для газеты. На какое-то время его захватила романтика кино, это бывает с большинством впечатлительных людей, посещающих Голливуд, и он снялся статистом в

нескольких проходных сценах в фильмах с Бетти Блайт и Назимовой; имена этих двух кинозвезд сейчас уже позабыты, но в те времена они были в зените славы. Вполне возможно, Джек мог бы сделать себе карьеру в кино, внешних данных у него хватало, если бы один из друзей, работавший техническим руководителем на съемке экзотической картины «Омар Хайям», которая, к стати, так никогда и не вышла на экран, не предостерег его, прежде чем спрут кино оплел его своими щупальцами. Так что больше всего Джек сделал для киноискусства тогда, когда дал пользоваться своей крикетной битой Мэри Пикфорд, игравшей в фильме «Маленький лорд Фонтлрой»; бутафор утверждал, что у его биты какой-то удивительно доподлинный вид. Кроме денежного вознаграждения Джек получил благодарственное письмо от звезды и фотографию с ее автографом.

К концу 1924 года были приняты меры к финансированию экспедиции, и один из друзей отца загодя выехал в Нью-Йорк, чтобы собрать деньги и округлить дела к тому времени, когда отец с Джеком прибудут туда. Когда они приехали в Америку, обнаружилось, что «друг» не тратил времени попусту и промотал в бесшабашном кутеже, длившемся шесть недель, 1000 долларов отца и 500 долларов миссис Раймел, матери Рэли, полученные от нее под предполагаемые доходы от горного синдиката, который якобы будет создан. Нечего и говорить, что ему не удалось раздобыть ни цента, а из вверенных ему были спасены всего 200 фунтов стерлингов.

Отец принялся собирать средства для финансирования экспедиции. Он справился с этим делом за месяц, сумев заинтересовать в экспедиции различные научные общества; кроме того, он продал право публикации всех посылаемых им известий

Североамериканскому газетному объединению, которое назначило его своим специальным корреспондентом.

«Нам неплохо будет в пути и в самой Бразилии, пока мы не исчезнем в лесах года на три, — писал мне отец в сентябре 1924 года до отъезда из Англии. — Думаю, что Джек и Рэли останутся довольны. В экспедиции никто больше не будет участвовать, за исключением двух бразильцев, которые дойдут с нами лишь до определенного места».

В конце января 1925 года он писал с борта парохода «Вобан» компании «Лэмпорт и Холм»:

«Вместе с Рэли мы приближаемся к Рио. Лично я нахожу путешествие скучным, но Джек в восторге... В Нью-Йорке к нам отнеслись с симпатией и гостеприимством, но положение наше было очень трудное. Так или иначе, сейчас мы находимся на одном с тобой континенте, по пути к Мату-Гросу, и по меньшей мере сорок миллионов человек знают о цели нашего путешествия.

Если не будет задержки со стороны таможенных властей в Рио и т. д., через неделю мы отправимся к Мату-Гросу, а 2 апреля — в Куябу. После этого мы исчезнем из цивилизованного мира до конца будущего года. Представь себе нас где-то за тысячу миль на востоке, в лесах, где еще не ступала нога человека.

Нью-Йорк сильно нас утомил — там было страшно холодно, выпало около фута снега, дул резкий ветер. Джек не вылезал из кино, хотя картины, в общем, были дрянные, и изжевал массу резины. Все мы питались в ресторане-автомате».

А вот что писал мне Рэли из Рио:

«Во время путешествия на пароходе я познакомился с одной девушкой. С течением времени наша дружба крепла и в конце концов — признаюсь — стала угрожать перерасти во что-то серьезное. Твой отец и Джек забеспокоились, боясь, как бы я не улизнул от них или

что-нибудь в этом роде! Но я вовремя опомнился и сообразил, что, как члену экспедиции, мне не положено брать с собой жену. Пришлось потихоньку закруглить роман и взяться за дело. Сочувствую тебе, если ты время от времени способен расчувствоваться!

Как-то Джек сказал мне: «Надо думать, после того как мы вернемся, ты женишься через год?» Я ответил, что не дам никаких обещаний, но и не собираюсь всю жизнь быть холостяком, даже если Джек решил так для себя!..

Много раз мне хотелось, чтобы ты тоже поехал с нами, так как уверен, что с тобою это путешествие было бы и интересней, и веселей. Я с нетерпением ожидаю того времени, когда мы двинемся в лес, и, думаю, Джек полностью разделяет мои чувства. С такой конечной целью, как наша, надо иметь огромное терпение, чтобы усидеть на одном месте. Задержки в Нью-Йорке были для нас совершенно невыносимы...»

В Рио-де-Жанейро они остановились в отеле «Интернациональ», осматривали достопримечательности и купались в море. На Джека город не произвел большого впечатления. Он писал:

«Я не согласился бы жить в Рио или в любом другом здешнем городе даже за миллион в год, разве что приезжать сюда время от времени на месяц-другой! К этому месту я равнодушен, хотя само по себе оно и великолепно. Мне почему-то кажется, что Бразилия страшно далека от остального мира. Но должен сказать, что люди здесь повсюду вполне приличные и рады помочь чем могут».

Экспедиционное снаряжение было опробовано в «джунглях» в саду отеля и признано удовлетворительным; в феврале 1925 года они выступили в путь, сначала взяв курс на Сан-Паулу. Из Корумбы Джек прислал живой отчет о путешествии,

каким оно представлялось глазам полного энтузиазма молодого человека двадцати одного года.

«Целую неделю мы ехали поездом от Сан-Паулу до Порту-Эсперанса, что в пятидесяти милях ниже Корумбы, и очень рады, что наконец добрались сюда. Поездка по железной дороге оказалась интересной, несмотря на однообразие местности, по которой мы проезжали. В наше распоряжение предоставили отдельный вагон, предназначенный для администрации железной дороги. Нам было очень покойно. В этом отношении нам повезло — от Рио до Сан-Паулу, а оттуда до реки Параны мы ехали в отдельном вагоне президента дороги.

Большей частью дорога пролегла через заросли низкорослого леса и пастбища с многочисленными болотами у рек. Между Акидауаной и Порту-Эсперанса встретилось кое-что интересное; В этой скотоводческой стране несметное множество попугаев, кроме того, мы встретили две стаи (или как они там называются) молодых страусов высотой от четырех до пяти футов. Видели мы и паучье гнездо на дереве: паук величиной с воробья сидел в центре паутины. Сегодня утром на реке Парагвае появились небольшие аллигаторы; мы собираемся поохотиться на них.

Из-за того, что наши паспорта остались в Рио, нас могли задержать, когда мы высадились здесь сегодня утром, но, похоже, теперь все улажено, и завтра мы отплывем в Куябу на «Игуатеми», грязном маленьком баркасе размером с военно-морской катер. Там будет уйма пассажиров, и наши гамаки, вероятно, придется подвесить вплотную один к другому.

Пока мы ехали из Бауру в Порту-Эсперанса комары не давали нам житья, но прошлой ночью на реке Парагвае они словно исчезли. Пища здесь хорошая и здоровая, гораздо более питательная, чем в Рио или Сан-Паулу. Едят рис, фасоль — она крупная черная, цыплят,

мясо и какой-то слизистый овощ размером с грецкий орех, по строению напоминающий огурец, по форме яйцо. Потом идет гойябада (джем из гоябы^[159]), хлеб и сыр и неизбежный черный кофе. Макароны тоже в почете. Все это съедается за один раз.

Сейчас здесь жарко до удушья, но в отеле не так уж плохо. Хотя народ тут очень любезный, мы по горло сыты этими полуцивилизованными городами и постараемся, насколько возможно, сократить срок нашего пребывания в Куябе, поскорее попасть в лес. Когда скука очень уж начинает донимать нас, мы с Рэли заводим разговор о том, что будем делать, когда весной 1927 года вернемся в Ситон с полными карманами денег. Мы хотим купить себе мотоциклы и как следует погулять в Девоне, разъезжая по всем нашим друзьям и старым любимым местам.

Путешествие по реке до Куябы займет около восьми дней; возможно, к середине марта у нас уже будут мулы, и мы начнем их откармливать. Мы покинем Куябу 2 апреля и через полтора, а возможно, и два месяца достигнем места, до которого дошли в прошлый раз папа и Фелипе. Путь до «Z», вероятно, займет еще два месяца и очень может быть, что мы попадем туда как раз в день рождения папы, когда ему исполнится пятьдесят восемь лет (31 августа).

Английские и американские газеты дают забавные сообщения об экспедиции, не правда ли? В бразильских газетах тоже масса преувеличений. Нам не терпится поскорее начать собственно путешествие и покончить с этими городами, хотя месяц в Куябе, возможно, пролетит довольно быстро. Только сегодня я отдал себе отчет в том, что пересекли всю Бразилию и можем видеть отсюда Боливию — те места, где папа работал по демаркации границ.

Из Сан-Паулу нас провожали с помпой, было много англичан, включая членов посольства и служащих

консульства. Перед тем как отправиться, мы посетили Бутантанскую змеиную ферму, и сеньор Бразил, ее основатель, прочел нам лекцию о змеях — как они нападают, сколько выпускают яда, какие существуют противоядия и т. д. Он преподнес нам большое количество противозмеиной сыворотки. Один из служителей вошел за ограду, где в похожих на улья домиках, обнесенных рвом с водой, содержатся змеи, и шестом с крючком на конце подцепил бушмейстера. Он положил змею на землю, наклонился и схватил ее за шею, прежде чем она смогла что-нибудь предпринять. Потом он принес бушмейстера к нам и показал его клыки; они подвижны, и если основные клыки сломаются, у этой змеи имеются еще запасные, которые лежат плоско на челюсти. Сеньор Бразил дал змее укунить стеклянное блюдце, и было видно, как брызнул яд.

Прошлой ночью был конец карнавала, и все жители города метались взад-вперед перед отелем, по единственному кусочку приличной мостовой. Шум стоял невообразимый, на всех были самодельные карнавальные костюмы, некоторые просто превосходные. Здесь существует обычай опрыскивать друг друга на карнавале духами или эфиром, который попадает в глаза и замораживает их. Сегодня чертовски жарко, пот катит с нас градом. В Куябе, говорят, прохладнее. Сегодня утром мы разговаривали с немцем, только что прибывшим оттуда, и он сказал, что сейчас там ходит свыше сотни автомобилей Форда — неплохо для места, расположенного за две тысячи миль вверх по реке! Он сказал также, что прибыл на «Игуатеми» — том самом судне, на котором должны ехать мы, что кормят на нем хорошо, но комары не дают житья. Говорят, в новом парке держат в неволе пару ягуаров, хочу сходить посмотреть на них.

Туалетные здесь весьма примитивные. Совмещенный с душевой ватерклозет так грязен, что следует смотреть себе под ноги, куда ступаешь, но папа говорит, что в Куябе будет еще хуже.

Нам необычайно повезло — мы достали билеты, и весь наш багаж доставлен на борт «Игуатеми» в целостности и сохранности. На судне будет страшно тесно, но поездка вверх по реке обещает быть интересной. Места, которые мы пока что видели, ужасающе однообразные, хотя в этом отношении здесь, пожалуй, не так плохо, как на Миссисипи.

Мы решили не затруднять себя бритьем, пока будем плыть в Куябу, и у меня на щеках уже щетина двухдневной» давности. Рэли выглядит отъявленным негодяем, каких часто видишь в фильмах о диком Западе, от которых кровь стынет в жилах.

25 февраля 1925 года. Вот уже два дня, как мы выехали из Корумбы, и прибудем в Куябу в следующий понедельник вечером, если только не помрем со скуки. Судно рассчитано лишь на двадцать человек, а везет около пятидесяти пассажиров. Идем мы со скоростью трех миль в час по малоинтересной, заболоченной местности, но сегодня однообразная картина сменилась холмистым ландшафтом. Спим мы в гамаках на палубе, и это вполне удобно, если бы не комары. Они уже сейчас достаточно досаждают, но, говорят, станут совсем несносны к вечеру, когда мы войдем в реку Сан-Лоренсу. В первую ночь было так холодно, что пришлось встать и надеть две рубахи, носки и брюки. Однообразие действует удручающе, и нет возможности хоть как-нибудь поразмяться. После этого путешествия Куяба покажется раем!..

Большинство пассажиров — «турки» (так зовут здесь выходцев из балканских стран), владельцы небольших лавчонок в Куябе. Мы без конца пристаем к берегу,

чтобы пополниться дровами для котла, причем при погрузке тщательно считают каждую палку, которую отправляют к нам на борт.

Пока что берега реки сплошь покрыты кустарниковым леском, за которым громоздятся скалистые холмы высотой футов восемьсот. Иной раз показываются аллигаторы, и всюду у кромки воды видны журавли и грифы. Из-за толкучки на палубе нечего и думать о том, чтобы достать ружья и пострелять аллигаторов.

27 февраля. Папа говорит, что это самая тухлая, скучнейшая речная поездка, которые он когда-либо предпринимал; до Куябы еще три дня пути, и мы считаем каждый час. Мы все еще плывем через болотистую местность, хотя и не по реке Парагваю, так как позавчера вошли в Сан-Лоренсу, а прошлой ночью — в реку Куябу. Сан-Лоренсу известна своими комарами, которые плодятся в обширных болотах; в среду ночью эти насекомые налетели на нас тучами. Крыша над тем местом, где мы едим и спим, была черной — буквально черной от них! Ложась спать, мы обернули головы рубашками, не оставив даже отверстий для дыхания, ноги тоже обмотали рубахами, а поверх накрылись макинтошами. Другой напастью были термиты. Они не давали нам покоя около двух часов, кружились вокруг ламп, пока у них не обгорали крылья, и мириадами падали на палубу и на стол.

Сегодня мы видели нескольких капибар. Одна из них стояла на берегу в каких-нибудь восемнадцати ярдах от нас, когда мы проплывали мимо. Просто трагедия, что вся эта местность на сотни миль кругом совершенно не населена и никак не используется. Мы поднимаемся вверх по реке черепашьим шагом, до того медленно, что сегодня нас обогнали двое в лодке. Они скоро ушли вперед и скрылись из виду.

Невелика радость — рассматривать берег; с тех пор как мы покинули Корумбу, он ничуть не изменился: все те же перепутанные заросли ползучего вьюнка да бананообразные листья дикого щавеля; у самой кромки воды видны норы онса-ягуаров, растительность вокруг вытоптана. Позади возвышаются, подобно башням, толстые деревья самых различных пород, они занимают полосу ярдов в двадцать шириной, а за ними начинаются болота, уходящие вдаль, насколько хватает глаз; их однообразие нарушают лишь одиночные группы болотных деревьев, похожих на мангровые. Время от времени попадаются какие-то зловонные разводья, обиталища анаконд и рассадники комаров. Подчас болото подходит прямо к реке, и никакого берега нет. Здесь масса грифов и ныряющих птиц, похожих на бакланов; у них длинные шеи, и, когда они плывут, это придает им сходство со змеями. Jacares (аллигаторы) водятся только там, где есть грязевые или песчаные отмели, на которых можно погреться.

Сегодня был сильный дождь, и температура понизилась примерно до той, какая обычно бывает летом в Англии. Во всяком случае ожидается похолодание — приближается сухой сезон.

Папа говорит, что ему не приходилось тут бывать в настоящий сухой сезон, и он думает, что насекомые будут не так несносны, как в 1920 году.

Сегодня к нам пожаловала новая чума. Это mutaca, нечто вроде слепней, которые ужасно больно жалят. Мы перебили их великое множество, но отца и Рэли они все-таки здорово покусали. Разумеется, на нас живого места нет от укусов комаров. По чему мы сильно стосковались — это по фруктам, но пока мы не попадем в Куябу, их нельзя будет достать. Вообще же кормят нас хорошо. Тягостно отсутствие упражнений, и уж в Куябе мы возьмем свое — каждый день будем уходить на долгие прогулки. По существу у нас не было возможности

поразмяться, с тех пор как мы выехали из Рио, если не считать довольно длительной прогулки пешком вдоль линии железной дороги, когда нас на день или два задержали в Акидауане. При всяком удобном случае я стараюсь выжимать разные тяжести, но мы едем в такой тесноте, что даже это не всегда возможно.

Забавный малый Рэли. Он называет португальский язык чертовой тарабарщиной и даже не пытается изучать его. Зато Рэли бесит каждый, кто не говорит по-английски. Кроме *far favor* и *obrigado*^[160], он ничего не умеет сказать или просто робеет. А я уже могу поддерживать разговор при условии, что мой собеседник отвечает медленно и отчетливо. В здешнем диалекте много испанских слов вследствие близости Боливии и Парагвая.

4 марта. Наконец-то Куяба — и не так уж она плоха, как я ожидал. Отель вполне чистый, и кормят великолепно. Теперь мы отъедаемся, и я надеюсь прибавить до отъезда десять фунтов — надо нагулять жирок, который даст нам возможность переносить вынужденные голодовки во время похода. Путешествие по реке заняло восемь дней — это, пожалуй, много, принимая во внимание тесноту, в которой мы ехали, будучи вынуждены всю дорогу сидеть на одном и том же месте, на той же скамейке. Вчера мы ходили гулять в заросли кустарника и были рады, что теперь ничто не мешает нам делать разминки. Сегодня мы в первый раз пойдем тренироваться в стрельбе — не по птицам, а по мишеням.

Мы зашли к Фредерику, человеку, который должен обеспечить нас мулами, но он куда-то ушел до воскресенья. Его сын говорит, что достать требующихся нам двенадцать мулов не составит труда. *Sertanista*^[161] (некто вроде нашего проводника), которого папа хотел взять с собой, умер. Вагабундо ушел с кем-то в сертаны, и это очень жаль, я много слышался о нем, и мне

хотелось бы посмотреть на него. Здесь есть американский миссионер, у которого масса старых номеров «Космополитэн» и других журналов; сегодня вечером собираемся поменяться с ним книгами...

5 марта. Вчера мы с Рэли опробовали винтовки. Они бьют очень точно, но производят страшный шум. Мы расстреляли двадцать патронов, для дальнейшей тренировки осталось 180 штук.

Говорят, что, покинув Куябу, мы войдем в местность, покрытую кустарником, и через день пути достигнем плато. Потом пойдет низкорослый кустарник и трава — и так всю дорогу, до поста Бакаири. Через два дня пути от поста нам попадется первая дичь. В первые же дни пути мы сможем сфотографировать нажравшуюся *sucigí* (анаконду), если кто-нибудь согласится показать нам ее в окрестностях.

14 апреля. Пришла почта — последняя, которую мы получаем, так как 20-го мы выступаем. Здесь жарко, совсем как на Ямайке в самое знойное время; Рэли и я каждый день отправляемся к ручью по дороге на Росарио, влезаем в воду и сидим так с час или около этого. Это не очень освежает, так как температура воды примерно та же, что и воздуха, но, когда обсыхаешь, от испарения становится прохладно.

Я хотел немного порисовать, но все сюжеты так банальны, что я никак не могу их оживить, и ничего путного не получается! Чего мне всегда не хватает — это действительно хорошего сюжета, тогда, быть может, у меня и вышло бы что-нибудь стоящее. Когда дойдем до места, где появятся первые надписи, я обязательно зарисую их — такого рода вещи требуют тщательной копировки.

Ты бы немало позабавился, увидев меня с двухнедельной бородой. Теперь уж не придется бриться много месяцев. Мы ходим в высоких сапогах, чтобы разносить их, и ноги у Рэли сплошь залеплены

заплатками из пластыря, но он сейчас больше, чем когда-либо, ждет наступления того дня, когда мы тронемся в путь. Мы страшно долго ожидали животных, но во *всем виноват Фредерику с его враньем*. Вести с ним дело безнадежно, и мы начали переговоры с другим парнем — Орланду. Думаю, мулы прибудут сегодня. Наши два пса — Чулим и Пастор — стали прекрасными сторожами и бросаются на каждого, кто осмеливается постучать в дверь.

В Кошипу, в одной лиге отсюда, произошло скверное происшествие. На парня по имени Режиналду и его шестерых товарищей — всех их мы видели утром, когда они уходили из отеля «Гама», — напала из засады шайка, имевшая с ними счеты. Обе компании поссорились по пьянке на состязаниях в алмазопромышленном районе Казамунга и, встретившись в Кошипу, расквитались друг с другом с помощью револьверов. Режиналду и один из бандитов были убиты, двое других серьезно ранены. Несколько дней спустя полиция приступила к расследованию — за чашкой кофе убийц спросили, зачем они все это сделали, и дальше дело не пошло...»

Вот выдержки из письма отца от 14 апреля:

«После обычных задержек, свойственных этой стране, мы наконец готовы отправиться через несколько дней. Мы выходим, глубоко веря в успех...

Чувствуем себя прекрасно. С нами идут две собаки, две лошади и восемь мулов. Наняты помощники — один из них очень учтивый человек по имени Гардения, отличающийся безудержным аппетитом на авансы, или *providencias*, как их здесь эвфемистически называют; другой — трудолюбивый темнокожий рабочий, который отзывается на любое имя. Мы отпустим их, как только обнаружим следы диких индейцев, поскольку цвет их кожи может вызвать у индейцев подозрения и принести нам лишние хлопоты.

До нашего приезда тут стояла чудовищная жара и шли дожди, но теперь становится прохладнее — близится сухой сезон.

Джек уже здорово болтает по-португальски и понимает кое-что из того, что ему говорят. Рэли неспособен усвоить и слова!

Один мой знакомый со скотоводческого ранчо рассказал, что, будучи мальчиком, он сидел как-то со своими родителями на веранде дома, находящегося в шести днях пути отсюда, и время от времени слышал странные шумы, доносившиеся из леса на севере. Он говорит, что это было нечто вроде свиста, как от ракеты или большого снаряда, взрывающегося ввысь, а затем падающего в лес с таким «бум-м-буумм». Он не знает, что это такое, и мне думается, что речь идет о каком-то метеорологическом феномене, связанном с высокогорными вулканическими областями, подобном тому, какой имел место в Дарджилинге; там между порывами муссона слышались звуки, которые принимались жителями за артиллерийскую канонаду. В других местах этого возвышенного района также слышны звуки «бум-бум» и какие-то всхрапы, наводящие ужас на тех, кто слышит их.

Мой знакомый говорит, что неподалеку от его ранчо, на реке Паранатинге, есть длинная прямоугольная скала, в которой проделаны три сквозных отверстия, причем среднее закрыто и вроде как замуровано с обеих сторон. За скалой можно увидеть тщательно скрытую надпись из четырнадцати странного вида иероглифов. Мой знакомый обещает провести нас туда, чтобы сфотографировать надпись. Индеец с его ранчо знает другую скалу, покрытую такими же знаками, и мы собираемся обследовать и эту скалу.

Другой человек, живущий на чападе^[162] — высоком плато, расположенном прямо на север отсюда и являющемся когда-то побережьем древнего острова, —

сказал мне, что видел скелеты крупных животных и окаменелые деревья. Он знает о надписях и даже фундаментах доисторических построек, находящихся на этой же чападе. Несомненно, мы на краю той области, которую ищем. В самом центре одной из обширных травянистых равнин поблизости отсюда возвышается большой камень в виде гриба — какой-то таинственный, непонятный монумент. То древнее сооружение, которое стоит между «Z» и пунктом, где мы покинем цивилизованный мир, по описаниям индейцев, представляет собой нечто вроде толстой каменной башни. Они очень ее боятся, потому что, по их словам, видят по ночам свет, льющийся из ее двери и окон! Я предполагаю, что это и есть тот самый свет, который никогда не гаснет. Другим основанием для страха служит то, что башня стоит на территории троглодитов морсего — народа, живущего в ямах, пещерах, иногда в густой листве деревьев.

Не так давно, когда я впервые привлек внимание к Мату-Гросу своей деятельностью, образованному бразильцу, жителю этого города, совместно с армейским офицером было поручено нанести на карту одну из рек. Работавшие у них индейцы рассказали, что на севере существует какой-то город, и вызвались провести их туда, если они не боятся встречи с ужасными дикарями. Город, как рассказывали индейцы, состоит из низких каменных зданий и имеет много улиц, пересекающихся под прямым углом; там будто бы есть даже несколько крупных зданий и огромный храм, в котором находится большой диск, высеченный из горного хрусталя.

На реке, которая протекает через лес, расположенный у самого города, есть большой водопад, и грохот его разносится на много лиг вокруг; ниже водопада река расширяется и образует огромное озеро, воды которого стекают неизвестно куда. Среди спокойных вод ниже водопада видна фигура человека,

высеченная из белого камня (может быть, кварца или горного хрусталя), которая ходит взад-вперед на месте под напором течения.

Это похоже на город 1753 года, но место, указываемое индейцами, совершенно не совпадает с моими расчетами. Мы сможем посетить его по пути, или, если позволят обстоятельства, пока будем находиться в «Z».

Мой знакомый, хозяин ранчо, рассказал мне, что однажды он привез в Куябу индейца одного отдаленного и своенравного племени и стал водить его по большим церквам, думая, что они произведут на него впечатление. «Это пустыки! — сказал индеец. — Неподалеку от мест, где я живу, есть здания куда больше, выше и красивее этих. У них. тоже широкие двери и окна, а посередине стоит высокий столб с большим кристаллом, который освещает светом все внутри и ослепляет глаза!»

Пока что часто идут дожди и очень жарко. Не помню, когда в последний раз так потел, а ведь температура всего только 80° в тени...»

Отсюда рассказ о путешествии опять продолжает Джек.

«Пост Бакаири, 16 мая 1925 года. Мы прибыли сюда вчера после довольно напряженного перехода от Куябы. Мы покинули ее 20 апреля с дюжиной животных; лошади в сносом состоянии, мулы отощали. Похоже на то, что в том месте, куда их посылали откармливаться, их морили голодом, желая заработать на этом деле несколько лишних мильрейсов.

Вначале мы шли очень медленно из-за животных и в первую ночь разбили лагерь примерно в двух лигах от Куябы. Ночью один из волов наткнулся на гамак Рэли, он вывалился на землю, но, к счастью, даже не особенно ушибся. На следующую ночь мы остановились, пройдя

три лиги, и выкупались в очень Славном горном ручье. Третью ночь мы провели на высокой равнине — чападе, где нас привели в ужас муравьи saube^[163], принявшие пожирать наше снаряжение. На следующий день мы впервые заблудились, были вынуждены возвратиться по своим следам и заночевать в стороне от нашего маршрута. К счастью, на другой день мы напали на основную тропу и, достигнув дома одного морадора — поселенца, живущего на тропе, — спросили его, далеко ли до Риу-Мансу. Он ответил, что осталось всего четыре лиги, и мы решили пройти их в тот же день; однако на деле до Риу-Мансу оказалось около семи лиг, и, прежде чем мы дошли до реки, начало темнеть.

Папа шел вперед так быстро, что мы совершенно потеряли его из виду и, когда добрались до места, где тропа раздваивалась, не знали, каким путем идти дальше. На ответвлении тропы что пошире, я заметил следы какой-то лошади, мы двинулись по этим следам и наконец вышли к Риу-Мансу. Было уже совсем темно, и отца мы там не нашли. Я немедленно развьючил животных и велел Рэли и Симану, одному из пеонов, походить и пострелять в воздух — может быть, отец ответит. Тем временем мы разбили лагерь и приготовили чай; кругом было темно, хоть глаз коли, и, когда Рэли и Симан вернулись, так и не найдя папу, мы решили, что он, должно быть, заночевал у морадора. Наутро мы снова стреляли, но ответа не получили. Наконец, когда мы кончили завтракать, он появился — оказалось, он ночевал прямо на земле.

Весь следующий день мы провели в лагере, дав отдых себе и животным, но клещи гарапата не дали нам житья. Они кишели на земле, большие и малые, и здорово покусали Рэли; его нога имеет такой вид, словно его ужалила ядовитая змея. На следующий день мы переправились через реку на бателоне и стали лагерем

в покинутом месте, где раньше жил морадор; здесь мы нашли немного апельсинов.

Пытаясь сократить путь, мы снова заблудились; Рэли был мрачен всю дорогу до реки Куябы, переправиться через которую мы не смогли из-за порогов и еще потому, что наши животные очень ослабли. Немного выше мы нашли брод; животных пришлось развьючить и заставить переправляться вплавь, груз перевезли на лодке, найденной у переправы. Рэли ничем не мог нам помочь из-за больной ноги, поэтому мы с папой взяли на себя хлопоты с грузом, а пеоны присматривали за животными. После тяжелого перехода мы наконец достигли дома Эрменежил-ду Гальвана, где остановились на пять дней, чтобы отдохнуть и набраться сил. Оказалось, что, с тех пор как мы вышли из Куябы, я прибавил в весе семь фунтов, несмотря на то, что ем гораздо меньше обычного. Рэли потерял больше, чем я прибавил. Похоже на то, что труднее всего в нашем путешествии приходится ему.

Спустя пять дней, после того как мы покинули дом сеньора Гальвана, мы достигли реки Паранатинги и обнаружили, что деревня Бакаири покинута. На другом берегу реки была лодка. Кому-то надо было переплыть на ту сторону, забрать лодку, и я отправился за ней, хотя, признаться, холодел от страха при мысли о всей той живности, что водится в реке. В общем я чувствовал себя примерно так, как однажды на Ямайке, когда за Брайном и мной погналась акула. Мы заночевали в деревне, а наутро переправили груз и животных точно таким же образом, как через Куябу. Через лигу нам пришлось повторить все сначала, чтобы пересечь болотистый ручей, а еще через лигу снова проделать от начала до конца всю эту утомительную процедуру. К этому времени мы уже были совершенно вымотаны, пришлось сделать привал, и на пост Бакаири мы попали только вчера утром.

Здесь хорошо, все полно новизны, и прямо за холмами — они в четырех милях отсюда — начинается совершенно неисследованная местность. В наше распоряжение предоставили здание школы, столуемся мы у начальника гарнизона, славного парня по имени Вальдемира.

Вскоре после нашего прибытия на пост явились восемь диких индейцев из района Шингу, все совершенно голые. Они живут в восьми днях пути ниже по реке и время от времени наведываются сюда из любопытства, а также ради вещей, которые им тут дают. Их пять мужчин, две женщины и ребенок, они живут в хижине сами по себе. Вчера мы дали им немного «сыра» из гоябы, и он им страшно понравился. Это приземистые люди примерно пяти футов двух дюймов ростом, очень хорошо сложенные. Бдят они только рыбу и овощи, мяса не едят совершенно. На одной женщине было очень красивое ожерелье из крохотных кружочков, вырезанных из раковин улиток; чтобы проделать такую работу, надо обладать поистине чудовищным терпением. Мы предложили ей восемь коробков спичек, немного чаю и несколько пряжек, и она охотно отдала нам свое украшение. Ожерелье будет послано в Музей американских индейцев в Нью-Йорке.

17 мая. Сегодня мы сфотографировали несколько индейцев племени мехинаку, разумеется, снимки будут отосланы Североамериканскому газетному объединению. На одном из них четверо индейцев стоят с луками и стрелами у небольшого ручья, протекающего недалеко от джунглей. Я стою вместе с ними, чтобы показать разницу в росте. Они едва доходят до моего плеча. На другой фотографии индейцы нацеливают стрелы на рыбу в реке. Луки здесь больше тех, что были у нас дома в Ситоне, и имеют в длину свыше семи футов, стрелы — шесть футов; но этот народ не отличается

особой силой — я легко натягиваю тетиву вровень со своим ухом.

Прошлой ночью мы пошли к ним в хижину и дали им концерт. Я играл на флейте, Вальдемира — на гитаре, папа — на банджо. Успех был грандиозный, правда, мы чуть не задохнулись от дыма.

Индейцы объяснили жестами, что в четырех днях тяжелого пути на север живет племя макахири, что они каннибалы и их рост не превышает пяти футов. Возможно, макахири и морсего одно и то же, в чем я сильно сомневаюсь, так как макахири умеют пользоваться луками, а морсего до этого еще не доросли.

Через три недели пути отсюда мы рассчитываем достичь водопада, о котором говорил Эрменежилду Гальван со слов индейца бакаири по имени Роберто, которого мы увидим завтра. Водопад никому не известен, Роберто слышал о нем от своего отца, жившего в тех местах, когда бакаири были еще дикими. Его шум слышен за пять лиг окрест, и там есть защищенная от воды вертикальная скала, разрисованная изображениями людей и лошадей. Он также упоминал о сторожевой башне, якобы расположенной примерно на полпути к городу.

19 мая. Какой чудесный, погожий денек выдался на мой день рождения — самый интересный из всех, какие у меня были!

Пришел Роберто и, после того как мы поднесли ему Vinho de Сајо^[164], рассказал нам интересные вещи. Он говорил, что считал делом чести всей своей жизни достигнуть большого водопада с надписями и обосноваться возле него со своим племенем, но сейчас уже слишком поздно. К тому же в тех местах живут племена морсего и каксиби, а он их боится. Мы получили от него описание местности и местоположения водопада. Сначала идет безводная пустыня, которую

можно пересечь из конца в конец за день пути, потом мы попадем в местность, покрытую травой, где совершенно отсутствует лес. Его дядя говорил о городах, и он утверждает, что они построены его далекими предками. Мы выступаем послезавтра и через пять дней окажемся в неведомом краю. С нетерпением жду момента, когда пеоны оставят нас, они действуют нам на нервы.

Возможно, тебе будет интересно узнать, чем мы питаемся в походе. В половине седьмого утра мы съедаем по тарелке овсяной каши, выпиваем по две чашки чаю с третью банки сгущенного молока; потом в половине шестого вечера выпиваем по две чашки чаю с двумя бисквитами, гойябадой или сардинами, либо съедаем тарелку чарке с рисом. Здесь мы смогли купить некоторое количество farinha^[165] и сладкого картофеля в добавление к рису, и я взял на себя готовку. Нам также удастся доставать немного костей и маниоки. В поселке много коров, и по утрам можно достать парное молоко.

Мы сняли бороды, без них легче. Должно быть, после Эрменежилду я еще поправился, несмотря на все переходы, и никогда я не чувствовал себя лучше. Нога у Рэли почти зажила, папа в превосходной форме. Мы только и думаем о том, чтобы как можно скорее достигнуть лагеря номер 15 и отделаться от наших пеонов.

Между прочим, поговаривают, что бакаири вымирают из-за какого-то амулета; в деревне живет человек с амулетом, и этот человек их ненавидит. Только вчера умерла одна девочка — как говорят, от амулета.

20 мая. Только что проявили снимки для Североамериканского газетного объединения. Среди них есть несколько очень удачных фотографий с индейцами мехинаку, папой и мной. Здесь трудно проявлять с такой теплой водой, но нам

посчастливилось найти ручей с температурой воды не выше 70° по Фаренгейту^[166].

У Рэли распухла другая нога. Как-то утром он не то растер, не то расчесал ее, а после полудня, когда стал снимать носок, чтобы выкупаться, вместе с носком сошла кожа, обнажив мясо. Теперь нога начала пухнуть; такое же место без кожи есть у него и на руке. Не представляю, что с ним будет, когда насекомые по-настоящему примутся за нас! Через неделю предстоят большие переходы, надеюсь, нога не подведет его. Брайн так бы не расклеился, ведь мы еще и не нюхали настоящих испытаний. Сегодня папа сказал, что из всех его спутников лишь Костин и Мэнли держались в форме в течение всего срока путешествия. Мы оба почувствовали себя посрамленными.

Возможно, в следующий раз я напишу из Пары или из самого «Z»!

Для Джека экспедиция представлялась увлекательным приключением, для которого он родился, к которому постоянно себя готовил. Письма отца были более прозаического свойства. Для него все это было обычной рутинной путешествий, и его глаза были устремлены лишь на лежащую впереди цель. Вот что он говорит:

«Пост Бакаири, Мату-Гросу, 20 мая 1925 года. Мы добрались сюда после несколько необычных перипетий, которые дали Джеку и Рэли отличное представление о радостях путешествий в сертанах. Мы трижды сбивались с пути, имели бесконечные хлопоты с мулами, которые падали в жидкую грязь на дне потоков, и были отданы на съедение клещам. Как-то раз я далеко оторвался от своих и потерял их. Когда я повернул назад, чтобы их найти, меня захватила ночь, и я был вынужден лечь спать под открытым небом, используя седло в качестве подушки; меня тотчас же обсыпали

мельчайшие клещи, от которых я чесался две недели подряд.

Джеку путешествие идет впрок. Он окреп и пополнил, стал совсем не тот, каким был в Рио. Беспокоюсь за Рэли — выдержит ли он наиболее трудную часть путешествия. Пока мы шли по тропе, одна нога у него от укусов клещей вся опухла и изъязвилась, а с недавних пор он опять стал чесаться, и кожа сходит у него лохмотьями.

К великой радости Джека, мы увидели первых местных диких индейцев, голых дикарей из района Шингу. Я заснял их и послал двадцать пять превосходных фотографий Североамериканскому газетному объединению.

Виделся с вождем индейцев по имени Роберто и разговаривал с ним. Вино развязало ему язык, и он подтвердил все, что сообщил мой приятель из Куябы, и даже кое-что добавил. Памятуя о том, что рассказывал ему дед, он всегда хотел отправиться к водопаду, но сейчас уже стал слишком стар. Он убежден, что там много опасных индейцев, но решительно утверждает, что древние города построили его предки. Я склонен думать, что это не так, ибо Роберто, подобно всем индейцам племени мехинаку, человек смуглого, или полинезийского, типа, а я связываю постройку этих городов со светлым, или краснокожим, типом.

Люди племени бакайри мрут как мухи, от лихорадки и амулетов. Всякая смерть оказывается делом амулета! Без сомнения, тут благодарная почва для миссионеров; если бы появился хоть один из них, мало-мальски сведущий в медицине, он мог бы легко войти в доверие у диких индейцев и оцивилизовать их.

Стоит ли говорить о том, что меня надули с мулами, да и со всем остальным. Человек, который должен был достать их, подвел меня, и мне пришлось в срочном порядке приобрести их в другом месте, а в Куябе о

коммерческой честности нечего и мечтать! Мулы оказались такими плохими, что пришлось покупать их дополнительно в пути. По этой причине, а также для того, чтобы Рэли мог залечить свою ногу, мы остановились на пять дней в имении моего друга Эрменежилду Гальвана. Пеонов мы тоже не можем использовать — перспектива дальнейшего передвижения на север, где живут дикие индейцы, прямо-таки бросает их в дрожь.

Джек уже сносно говорит по-португальски, а Рэли двух слов связать не может. Я предпочитаю испанский, но в Бразилии более необходим португальский, и, разумеется, я довольно свободно владею им.

Из крайнего пункта, до которого пеоны идут с нами, я пошлю с ними письмо; они возвратятся, предоставив нас самим себе. Рассчитываю войти в соприкосновение с древней цивилизацией через месяц и достичь главной цели в августе. С этой минуты всецело поручаем себя богам!»

Наконец от отца приходит последнее письмо, датированное 29 мая 1925 года и отосланное вместе с пеонами. После этого от него уже не поступало никаких вестей, и по сегодняшний день их судьба остается тайной.

«Писать очень трудно из-за мириадом мух, которые не дают покоя с утра до вечера, а иногда и всю ночь. Особенно одолевают самые крошечные из них, меньше булавочной головки, почти невидимые, но кусающие, как комары. Их тучи никогда не редуют. Мучения усугубляют миллионы пчел и тьма других насекомых. Жалящие чудовища облепляют руки и сводят с ума. Даже накомарники не помогают. Что касается противомоскитных сеток, эта чума свободно пролетает сквозь них!

Через несколько дней мы рассчитываем выйти из этого района, а пока расположились лагерем на день-другой, чтобы подготовить возвращение пеонам, которым больше не вмогуту и не терпится выступить в обратный путь. Я на них за это не в обиде. Мы идем дальше с восьмью животными — три мула под седлами, четыре вьючных и один *madrinha*, или вожак, заставляющий остальных держаться вместе. Джек в полном порядке, с каждым днем он все крепнет, хотя и страдает от насекомых. Сам я весь искусан клещами и этими проклятыми пиум, как называются самые мелкие из мушек. Рэли внушает мне тревогу. Одна нога у него все еще забинтована, но он и слышать не хочет о том, чтобы вернуться назад. Пока что у нас достаточно пищи и нет необходимости идти пешком, но как долго это будет продолжаться — не знаю. Может случиться так, что животным нечего будет есть. Едва ли я выдержу путешествие лучше, чем Джек и Рэли, но я должен выдержать. Годы берут свое, несмотря на все воодушевление.

Я рассчитываю войти в соприкосновение с индейцами примерно через неделю или десять дней, когда появится возможность достигнуть водопада, о котором мне так много говорили.

Сейчас мы находимся в Лагере мертвой лошади, в пункте с координатами 11°43' южной широты и 54°35' западной долготы, где в 1920 году у меня пала лошадь. Теперь от нее остались лишь белые кости. Здесь можно искупаться, только насекомые заставляют проделывать это с величайшей поспешностью. Несмотря ни на что, сейчас прекрасное время года. По ночам очень холодно, по утрам свежо; насекомые и жара начинают наседать с полудня, и с этого момента до шести часов вечера мы терпим настоящее бедствие.

Тебе нечего опасаться неудачи...»

Эти последние слова, которые он написал матери, эхом отдаются у меня в ушах через все двадцать шесть лет, прошедших с того времени. «Тебе нечего опасаться неудачи...»

Новый Джон Простер^[167]

В 1927 году, когда я работал в горном отделении Центральной железной дороги Перу, из Лимы пришло известие о том, что туда приехал французский гражданский инженер по имени Роже Куртевиль, который утверждал, что месяц или два тому назад, будучи в Бразилии, в штате Минас-Жераис, он встретил моего отца.

Я ринулся в Лиму и встретился с Куртевилем. Он рассказал, что вместе с женой они пересекли весь континент на автомобиле от Атлантического побережья до Тихоокеанского, следуя через Ла-Пас. Проезжая через сертаны штата Минас-Жераис, они повстречали сидящего у обочины старика, оборванного и больного; на заданный ему вопрос, кто он, тот ответил, что его зовут Фосетт.

— Сказал он что-нибудь еще? — спросил я.

— Он был словно чем-то смущен и вроде как не в своем уме, словно пережил что-то страшное.

Куртевиль горячо убеждал меня обратиться к Североамериканскому газетному объединению, собрать средства для экспедиции и разыскать старика.

— Я не знал, кто такой полковник Фосетт, пока не попал сюда, — объяснил он. — Не то бы я взял его с собой. Во всяком случае, если мы вернемся, найти его не составит труда — в этом округе очень мало гринго.

К известию я отнесся скептически, но не хотел просто так отмахнуться от него — а вдруг оно окажется правдой? В конце концов все может быть! Однако в

Газетном объединении думали иначе, и средств собрать не удалось. Еще не настало время больших, прекрасно финансируемых, громоздких «спасательных» экспедиций, снабженных киноаппаратурой и средствами двухсторонней радиосвязи.

Тем не менее в следующем году Газетное объединение все-таки организовало большую экспедицию под началом Джорджа Дайотта (я встречал его в Перу в 1924 году) для расследования судьбы, постигшей моего отца. Экспедиция Дайотта вышла из Куябы в мае 1928 года и, пройдя к реке Кулизеу, добралась до деревни индейцев племени нахуква. В хижине вождя племени Алоике Дайотт увидел металлический ящик для хранения одежды, а сын вождя носил вокруг шеи тесемку с медным ярлычком, на котором стояло имя изготовителя этого ящика — «Сильвер и К0, Лондон».

Алоике сказал, что ящик ему дал караиба (белый человек), пришедший к ним с двумя другими белыми помоложе, которые хромали. Всех троих Алоике проводил до деревни индейцев калапало на реке Кулуэни. Они перебрались через реку и пошли оттуда на восток. В течение пяти дней были видны дымки их костров, потом они исчезли.

Экспедиция Дайотта вернулась ни с чем, даже без каких-либо доказательств того, что партия Фосетта посетила этот район в 1925 году; хотя металлический ящик действительно принадлежал отцу и был опознан фирмой-изготовителем, он не может служить доказательством этого факта, так как отец бросил его еще в 1920 году. Дайотт был уверен, что отца убили; я привел свидетельские показания, пусть читатель делает выводы сам. Что же касается нас, его родных, то мы ни в коей мере не могли считать это дело окончательно решенным.

Следующей экспедицией, стремившейся разрешить загадку, руководил журналист Альберт де Винтон; в 1930 году он достиг вышеупомянутой деревни индейцев кала-пало, где, по его убеждению, убит Фосетт и его спутники. Но Винтон сам не вернулся назад, и ничего нового установить не удалось.

Затем последовала сенсация 1932 года. Швейцарский траппер Стефан Раттин, побывав в Мату-Гросу, по возвращении оттуда рассказал, что отец якобы находится в плену у одного индейского племени к северу от реки Бонфин, притока Сан-Мануэл. Раттин утверждал, что разговаривал с отцом. Привожу его сообщение.

«Под вечер 16 октября 1931 года я и мои два спутника стирали белье в речке Шимари, притоке реки Игуасу, как вдруг мы заметили, что нас окружили индейцы. Я подошел к ним и спросил, могут ли они дать нам немного чичи. Мне было трудно с ними объясняться — они не знали языка гуарани, разве что несколько слов. Индейцы провели нас в свой лагерь, в котором оказалось около 250 мужчин и большое количество женщин и детей. Все сидели на корточках на земле и пили чичу. Мы сели рядом с вождем и тридцатью другими индейцами.

После захода солнца вдруг появился какой-то старик, одетый в шкуры, с длинной желтовато-белой бородой и длинными волосами. Я сразу увидел, что это белый. Вождь бросил на него суровый взгляд и что-то сказал своим людям. Четверо или пятеро из индейцев, сидевших с нами, поднялись и посадили старика с собой в нескольких ярдах поодаль. Он выглядел очень несчастным и не сводил с меня глаз. Мы пили всю ночь напролет и на рассвете, когда большинство индейцев, в том числе и вождь, крепко заснули, старик подошел ко мне спросил, не англичанин ли я. Он сказал это по-английски. Я ответил: «Нет, я швейцарец». Тогда он

спросил: «Вы друг?» Я сказал: «Да», и он продолжал: «Я — английский полковник. Зайдите в английское консульство и спросите там майора Пэджита, у которого кофейная плантация в Сан-Паулу, скажите ему, что я здесь в плену». Я обещал исполнить его просьбу. Он сказал: «Вы джентельмен», — и пожал мне руку.

Старик спросил, есть ли у меня бумага, и повел в свою палатку. Несколько индейцев, наблюдавших за ним, пошли за нами. Он показал мне четыре чурбака, на которых острым камнем были нацарапаны грубые планы. Я перерисовал их, насколько мог точно, и тут заметил, что руки старика сильно расчесаны. Тогда я послал одного из моих спутников за йодом, который мы имели с собой. Когда старик стал мазать руки йодом, индейцы забрали у него йод и принялись раскрашивать им себя.

Вождь и большая часть индейцев все еще крепко спали, и я спросил старика, находится ли он здесь один. Старик ответил что-то вроде того, что его сын опочил, и заплакал. Ни о ком другом он не упоминал, а я не посмел больше спрашивать его. Потом он показал мне золотой медальон, который носил на цепочке, надетой на шею. Внутри была фотография дамы в широкополой шляпе и двух детей (от шести до восьми лет). Старик носил четыре золотых кольца — одно с красным камнем, другое — с зеленым, на котором был выгравирован лев, еще одно — очень тонкое, с небольшим бриллиантом и последнее — в форме змеи с двумя красными глазками. Это был человек лет шестидесяти пяти, могучего сложения, примерно пяти футов одиннадцати дюймов ростом. Глаза у него светло-голубые с желтоватым оттенком, ресницы каштановые, над правым глазом небольшой шрам. Он выглядел очень подавленным, но, похоже, сохранял полную ясность ума. Он был как будто вполне здоров, не толст и не худ.

Вскоре после восхода солнца мы вернулись к двум своим мулам и покинули лагерь. Около пятидесяти индейцев провожали нас до полудня. Я не люблю задавать вопросов, но все-таки постарался выяснить, что делает у них старик. Они твердили одно: «пошу демас», что, по-видимому, должно означать «плохой человек». Шесть дней мы двигались на юг, и... я направился в Баррету через Гояс...

До Баррету я никогда не слышал о полковнике Фосетте».

Таково заявление, сделанное Раттином главному британскому консулу в Рио-де-Жанейро; позднее бразильские власти подвергли его перекрестному допросу.

Заявление было принято на веру, в основном потому, что в нем упоминалось о «майоре Пэджите», но меня это не убедило. Большой друг моего отца сэр Ральф Пэджит действительно одно время был послом его британского величества в Бразилии, но к тому времени, о котором идет речь, давно уже возвратился в Англию; помню, еще до моего отъезда в Перу отец навестил его в Ситтингборне, что в графстве Кент. Я убежден, что по существу Раттин говорил правду, но не могу согласиться с тем, что встреченный им старик и есть мой отец.

Борода у моего отца должна бы быть мышино-серого цвета, а не желтовато-белая, и, если Раттин увидел у отца длинные волосы, значит, они удивительным образом выросли на голове у человека, который довольно рано облысел. Зачем бы отцу, если это был он, говорить с Раттином по-английски? Ведь тот настолько плохо знал этот язык, что свое заявление в консульстве сделал на немецком языке. Естественнее было бы разговаривать друг с другом по-португальски, на языке, которым, надо полагать, они владели одинаково свободно. Старик якобы сказал, что его сын «опочил», и

тут же заплакал. Подобная манера выражаться и проявлять свои чувства совершенно не характерна для моего отца.

Маловероятно, чтобы он когда-нибудь носил медальон, подобный описанному Раттином, и уж во всяком случае он никогда не носил такого набора колец. Рост, приводимый Раттином, слишком мал для моего отца: он был гораздо выше шести футов. Впрочем, Раттин дает лишь приблизительную величину. Глаза у отца были не голубые, а серо-стальные, по временам почти зеленые. Ресницы не каштановые, а мышиного цвета. Когда он уезжал из Англии, никаких шрамов над глазами у него не было. И, наконец, почему старик не назвал своего имени? Пограничные с цивилизованными областями районы, где живут «вырождающиеся племена», как их называл отец, часто посещаются белыми — это старатели, охотники, беглые преступники, естествоиспытатели и т. д. Ведь и сам Раттин бродил по этим местам! Вполне возможно, что какой-нибудь белый действительно жил в плену у какого-нибудь индейского племени, но есть все основания сомневаться в том, что это был мой отец. Раттин не выставил никаких денежных требований и не искал гласности. Он не поддержал попыток снарядить спасательную экспедицию за общественный счет и отправился за стариком один.

— Английский полковник потом сам отблагодарит меня, — сказал он.

Больше о Раттине ничего не было слышно; известно лишь, что он прошел через ранчо сеньора Эрменежилду Гальвана, друга отца. 8 июля 1932 года сеньор Гальван писал матери о тех «громоздких» экспедициях, о которых я уже говорил:

«Эти экспедиции считаются научными, но состоят из одних авантюристов, которые, хотя и утверждают, что

ведут розыски вашего супруга, на самом деле видят в них нечто вроде увеселительной прогулки и не принимают их всерьез. Таков же и швейцарский траппер Раттин, который недавно побывал в Куябе. Ему показали, в каком направлении двигался полковник Фосетт, а он пошел в совершенно другом, по пути на Росарио и далее к Диамантину; от Диамантину, расположенного на Мату-Гросу, он прошел к реке Арияус и поплыл по ней на лодке вместе с двумя своими компаньонами. Аринус — приток Журуэны, являющейся основным притоком большой реки Тапажос, которая в свою очередь вливается в Амазонку. Эта розыскная группа ни в коей мере не сможет дать правдивые сведения о вашем муже...

Полковник Фосетт... намереваясь предпринять свою последнюю экспедицию... сообщил мне маршрут, по которому он хочет пройти, и, поскольку я заметил, что все, кто приходят сюда с целью найти вашего мужа, не идут по этому маршруту, а если и идут, то вовсе не стремятся установить истину и не пытаются ничего узнать у индейцев, населяющих эти районы, я решил предоставить себя в ваше распоряжение, взять на себя заботу об организации экспедиции для установления местопребывания отряда вашего мужа».

В июне 1933 года секретарь Королевского географического общества вручил моей матери сверток, содержащий буссоль от теодолита, опознанную фирмой-изготовителем как часть инструмента, который был поставлен отцу в Девоншире 13 февраля 1913 года. Буссоль находилась в очень хорошо сделанном ящике какого-то южноамериканского дерева, внутри под крышкой была записка следующего содержания:

«Буссоль от теодолита. Найдена около стоянки индейцев бакайри в Мату-Гросу полковником Анисето Ботельо, бывшим депутатом этого штата, и отдана им

инспектору по делам индейцев доктору Антонио Эстигаррибиа, который 14 апреля 1933 года подарил ее Фредерику Глассу (миссионеру). Ящик сделан доктором Эстигаррибиа».

Гласе переслал буссоль А. Стюарту Макнейрну, члену евангелического союза Южной Америки, живущему в Лондоне, через Макнейрна она попала в руки секретаря Королевского географического общества.

Эта находка знаменательна тем, что, насколько известно, отец не входил в контакт с индейцами племени бакаири до его последнего путешествия, когда, как вы помните, он разговаривал с индейцем бакаири Роберто о водопаде и надписях. Роберто сказал, что его племя живет «очень далеко на севере», возможно, как раз на пути, которым хотел пройти отец.

Буссоль была в прекрасном состоянии и явно не подвергалась сколько-нибудь длительному действию непогоды. Судя по некоторым признакам, она была во владении человека, умевшего обращаться с такими инструментами. Моя мать держалась того мнения, что отец намеренно оставил буссоль на пути полковника Ботельо, зная, что тот находится где-то поблизости, с тем, чтобы она была найдена и опознана. Согласно уговору между отцом и матерью, это должно было означать, что работа выполнена, и отец готов вернуться с доказательствами — быть может, с каменной плитой, на которой имеются надписи, но ему необходима небольшая команда для доставки груза. Такой вариант отец обсуждал с матерью в 1924 году.

Я лично убежден, что отец оставил буссоль в этом районе еще в 1920 году, когда возвращался из очередной экспедиции и, по мере того как у него погибали: вьючные животные, выбрасывал все вещи, за исключением самых необходимых. Он мог оставить ее и в виде дара на одном из постов, где ему и Фелипе было

оказано гостеприимство. Возможно также, что буссоль нашли индейцы при осмотре недавно покинутого лагеря.

В июле 1933 года появился отчет экспедиции о реке Кулуэни, предпринятой Вирджинио Пессине. Он был послан председателю Королевского географического общества монсеньором Кутюроном, апостолическим главой Салесской миссии в Мату-Гросу.

«... Мы прибыли в поместье Ранчария, расположенное на левом берегу реки Сан-Мануэл, притоке Паранатинги, где и остановились на ночь. Нам стало известно о том, что вот уже около года здесь живет некая индианка из племени нафакуа индейцев куйкуру вместе со своим сыном и другим индейцем племени калапало.

Хозяева дома сообщили нам, что эта индейская женщина, выучив несколько слов по-португальски, изъявила желание рассказать о том, что в течение нескольких лет среди индейцев племени арувуду, которые находятся в дружественных отношениях с ее племенем, живут белые люди. На следующее утро мы могли сами услышать рассказ этой женщины. Она объяснялась с нами жестами, а также с помощью индейца бакайри, работавшего в поместье и говорившего по-португальски.

Еще до того как ее сын был отнят от груди, сказала она, сверху по Кулуэни спустились на лодке к деревне ее племени *трое белых людей*. Один из них был старый, высокий с голубыми глазами, бородатый и лысый; другой — юноша, бывший, насколько она сумела нам объяснить, сыном первого; третий был белый человек постарше юноши. Сыну этой женщины, который, по ее словам, еще сосал грудь в то время, когда в деревне появились эти люди, на наш взгляд, было лет девяносто. Трогая наши руки, жестикулируя и коверкая слова, она дала понять, что старший из белых носил на

правой руке большое кольцо — очень большое — и другое, тоненькое, на указательном пальце. Тот, кого она называла его сыном, носил на голове колониальный шлем, похожий на те, какие были надеты на нас; старше — отец карамба, как она его называла, — носил такую же фетровую шляпу, какая была у сеньора Бесерра (хозяина дома). Она сказала, что видела белых всякий раз, как приходила к арувуду, и что еще год назад они были живы и здоровы.

Белые люди говорили на всех языках дружественных племен, и карамба — тот, что с длинной белой бородой, — стал вождем племени арувуду, а его сын женился на дочери вождя племени жеруата. Когда она видела белых в последний раз, рассказывала женщина, у дочери вождя был на руках мальчик, совершенно голый и еще очень маленький, с голубыми глазами (она показала на голубой комбинезон одного из присутствовавших) и волосами цвета маис (она показала на маис, сложенный в углу комнаты).

Карамба, продолжала она, обрабатывают небольшой участок пахотной земли, охотятся и ловят рыбу. Они любят ходить из деревни в деревню, собирают вокруг себя детей и рисуют на песке картинки. Тут мы вспомнили, что же соседству с порогами, где Кулуэни огибает отроги Серра-Азул, мы видели метки на деревьях, вырезанные, как нам казалось, каким-то каменным орудием, — метки, похожие на буквы алфавита и выглядевшие так, словно они были нацарапаны два года назад. Женщина сказала далее, что вождь карамба и двое других белых пользовались большим почетом у племени, и за ними очень ухаживали. Когда ее спросили, почему белые люди не убежали, она неопределенно ответила, что у них не осталось патронов для ружей, и уже более вразумительно добавила, что близко от тех мест, где они живут, бродят свирепые племена суйя и кайяпо и

что даже любившие белых индейцы убили бы их, если бы они попытались уйти, потому что белых всегда сторожат и неотступно следуют за ними, куда бы они ни направились...

Потом женщину спросили, каким самым коротким путем цивилизованные люди могли бы добраться до этих белых, и она пустилась в длиннейшие объяснения, сопровождая их обильной жестикуляцией. Необходимо миновать многие племена, прежде чем удастся добраться до арувуду». Отчет заканчивался так:

«Продолжая жестикулировать и объясняться обрывками слов, она топала ногой и настойчиво повторяла, что белые люди все еще там и находятся в полной безопасности. Мы заставили ее несколько раз повторить этот рассказ, и каждый раз она давала одинаковую версию, особенно настаивая на том, что белые люди продолжают жить среди индейцев арувуду...»

Несколько деталей приведенного сообщения несомненно говорят в пользу того, что этими белыми могли быть мой отец, Джек и Рэли. Собирать вокруг себя детей и рисовать им на песке картинки — это ли не простейшая форма самовыражения художественных натур, какими были мой отец и брат? К тому же я хорошо помню, что Джек просто не мог пройти мимо чистой полоски песка без того, чтобы не найти веточки или щепки и что-нибудь не нацарапать. То, что они плыли на лодке, может быть объяснено гибелью всех животных и тем, что Рэли хромал.

В описании, которое дала женщина, есть два несоответствия. У моего брата Джека не было шлема — все трое носили фетровые шляпы. Рэли не был «постарше» Джека, хотя мог казаться таким в результате длительной болезни. Но, как бы то ни было, эти противоречия не представляются серьезными:

нельзя требовать абсолютной точности от этой женщины, и, кроме того, следует учитывать возможность недоразумений при общении, главным образом с помощью жестов.

Я слышал, что дикие индейцы любят держать у себя пленниками белых людей. Это поднимает их престиж в глазах соседних племен; пленника, как правило, всячески улаживают, но зорко стерегут — ведь он играет роль талисмана, приносящего счастье. Белые путешественники обычно обладают широкими навыками лечения различных болезней, и это идет на пользу всему племени. А человек волевой со временем может добиться того, что индейцы станут рассматривать его как вождя.

Я знал случай в Перу, когда один англичанин стал почти королем, чья власть распространилась на довольно большую территорию. Естественно, индейцы не хотят лишаться талисмана, приносящего счастье, врача и вождя!

Патрик Ульятт, вернувшийся из Мату-Гросу в 1935 году, в письме к моей матери писал:

«Несмотря на то что я еще не имею доказательств и не желаю, чтобы у вас создалось впечатление, будто они у меня есть, я все-таки твердо убежден, что хотя бы один человек из отряда вашего мужа жив. Я располагаю лишь самыми смутными слухами, собранными в Мату-Гросу. Я ничего не могу утверждать категорически и в настоящий момент предпочитаю держать все при себе. Мой брат согласен со мной. Хотелось бы добавить, что сейчас я еще больше, чем когда-либо, верю в „затерянный город“ вашего мужа...»

Я должен вернуться туда. Возможно, это трудно понять. Мы прошли через тяжкие испытания, но я должен вернуться туда, даже если придется пойти одному...»

Вместе со своим братом Гордоном он отправился вверх по реке Жамари, притоку Мадейры, и пробился к реке Машадинью. Они едва не ввалились в лагерь индейцев бока-прета, как вдруг увидели себя в окружении дикарей, которые решительно отказались пропустить их дальше. Братья спаслись лишь тем, что отдали индейцам все, что у них было, кроме винтовок, которые они унесли, перевернув вниз дулом в знак мира. Почему дикари не хотели, чтобы братья Ульятт прошли через их территорию? После многочисленных приключений братьям посчастливилось выйти из этих мест, и они полны решимости снова вернуться туда. Патрик Ульятт писал, что сборщики каучука, обитатели лесов, многое знают о моем отце, хотя понятия не имеют, кто он такой, и что район, где, как предполагают, он находится, окружен враждебными индейскими племенами.

13 февраля 1944 года мне позвонили из Сан-Паулу по междугородному телефону. В трубке трещало и шипело. Меня вызывал сеньор Эдмара Морел, журналист «Аженсия Меридионал». Он сказал мне, что вместе с ним находится индейский, вернее, белый мальчик по имени Ду-липе — *сын моего брата Джека*. В то время я был в Лиме, в Перу, 1%из-за шума в трубке вследствие плохой погоды и неясного произношения сеньора Морела мне было трудно понять все, что он говорил. Однако я разобрал, что все готово для того, чтобы отправить мальчика самолетом в Перу, как только я дам согласие! Он привез этого мальчика от индейцев племени куйкуру в районе Шингу, где были добыты определенные доказательства гибели отряда отца.

Я вовсе не был склонен дать свое согласие, ибо уже не — в первый раз слышал о Дулипе. В 1937 году моя мать получила длинное письмо от миссионерки мисс Марты Менних, только что прибывшей из района Шингу; в письме были вложены несколько отличных

фотографий «белого мальчика» по имени Ду-ри-пе, жившего у индейцев племени куйкуру.

«Весной 1925 года группа из трех человек направилась из Куябы к верховьям Шингу, — писала мисс Менних (она имела в виду отряд отца). — Они прошли через Центральное плато к реке Кулизеу и далее на Паранатингу. Затем они в течение девяти дней спускались вниз по реке на лодке, пока не достигли первой деревни индейцев племени нафакуа. Здесь полковник оставил свой армейский дорожный сундук вождю Алоике и двинулся дальше сушей на север, к поселениям индейцев куйкуру на реке Кулуэни, взяв с собой только самое необходимое...

Вскоре после того, как они попали в район Шингу, Рэли Раймел умер от лихорадки и укусов насекомых. Полковник и Джек оставались с племенем куйкуру около года; индейцы обращались с ними хорошо (конечно, насколько можно ожидать от примитивного народа, у которого ничего нет). Тем временем в джунглях родился мальчик, и так как мать индианка и Джек ушли, их отпрыск был взят на попечение приемным отцом индейцем и родными, которые воспитали его как умели.

Полковник и Джек решили отправиться к «реке Смерти» (Риу-дас-Мортес) — это была их последняя попытка добраться до цели. Оставив индейцев куйкуру, они ушли на юго-восток к племени калапало. За рекой Кулуэни их несколько дней сопровождала группа индейцев. Когда у них кончился запас пищи, состоявший из маниоки и фасоли, люди калапало жестами стали упрашивать белых вернуться в их деревню, давая понять, что бесполезно пытаться проникнуть в район, где их все равно ждет неминуемая смерть, а кроме того, они слишком истощены и не могут идти дальше. Однако, несмотря на физическую слабость вследствие чудовищных лишений, отец и сын все еще сохраняли

неукротимость духа и продолжали идти вперед без пищи, медикаментов, белья и т. д. Потом наступила трагическая развязка. Из полной драматизма жестикуляции нашего индейца племени ваура я и трое моих друзей поняли, что индейцы убили их, но не из вероломства (чего можно было бы ожидать в подобной ситуации от дикарей кайяпо или кашиби), а из смешанного чувства жалости и возмущения. Жалости — потому что индейцы ясно видели, что белых ждет неизбежная смерть, и возмущения — потому что они не вняли их доброму совету.

Наша группа из четырех человек побывала у куйкуру, а некоторые из нас прошли к калапало. Фактически мы вошли в контакт с девятью из одиннадцати племен. Мы ходили там, где ходил полковник, сидели там, где сидел он...

Теперь о мальчике: у него совершенно белая кожа, он румяный, хрупкого сложения. Его голубые глаза плохо переносят тропическое солнце. В нем прослеживаются черты английской сдержанности и подтянутости, а индейская кровь сказывается в том, что при виде лука со стрелами или реки он сразу превращается в дитя джунглей...

Достопочтенный Эмиль Халверсон впервые увидел его в 1926 году, тогда он был еще совсем младенец. В 1934 году мы снова видели его...»

На фотографиях, присланных мисс Менних, мальчик, несомненно, был бы похож на сына белого человека, если бы не прищуренные глаза и бесцветные брови, как у альбиноса. У диких племен действительно существуют альбиносы, а также, по свидетельству отца, «белое» потомство с голубыми глазами и каштановыми волосами. Дулипе мог оказаться наполовину белым, а его отец — одним из тех белых, которые бродят в этих мало цивилизованных краях. Но почему именно Джек должен быть его отцом? Во всяком случае далеко не доказано,

что он мог им быть, хотя, конечно, большое значение имеет то, когда этот мальчик родился. Помните, Джек был совершенным девственником и нимало не интересовался женщинами — все равно цивилизованными или дикарками. С недавних пор стало обычным изображать Джека сексуально неудовлетворенным солдатом. Люди, распространяющие подобные рассказы, очевидно, считают сексуальную неудовлетворенность неизбежной характеристикой мужчины!

Упоминание о вожде Алоике и ящике для хранения одежды сходно с данными отчета Дайотта, и им можно вполне пренебречь по причинам, о которых уже говорилось выше.

Отец недвусмысленно заявлял, что не намерен идти к Риу-дас-Мортес, потому что это был уже исследованный район, не представлявший для него никакого интереса. Тем не менее во многих отчетах утверждается, что его следы вели именно в том направлении. Как видно, гипнотизирующее действие названия реки было для людей поистине непреодолимо.

Телефонный звонок сеньора Морела не застал меня врасплох. К тому времени я уже имел определенное мнение на этот счет: кем бы ни был Дулипе, неразумно отрывать его от своего дома и племени и обрекать его на пагубы цивилизованной жизни. Но мальчика уже привезли — зло уже сделано, и головоломный вопрос о его будущем мог бы быть легко разрешен, если бы меня смогли убедить признать его племянником. Я предвидел возможность того, что мальчика посадят в самолет и, так сказать, «с вашего позволения» доставят его мне, а потому с помощью друзей из дипломатических кругов принял все меры, чтобы предотвратить это. О моем категорическом отказе признать родство сообщалось в бразильской прессе, и, после того как поднявшаяся вокруг меня шумиха улеглась, я уже больше ничего не

слышал о бедном Дулипе. Надеюсь, что, к счастью для мальчика, его вернули к своему племени, к той жизни, для которой он был рожден^[168].

Примерно в это же время пришло сообщение о том, что офицер бразильской армии нашел компас и записную книжку с записями, в которой было имя отца.

Я попросил одного моего друга достать найденные вещи для ознакомления. Мне казалось, что со дня на день может быть найден полевой дневник последнего путешествия отца. Моему другу удалось достать эти вещи, и я смог рассмотреть их. Компас оказался игрушкой, которой мог играть ребенок, а взрослый мужчина носить в виде брелока на цепочке от часов; в записной книжке были записи религиозного содержания, нацарапанные карандашом. Ничего похожего на почерк отца в ней не было. По моему мнению, записная книжка принадлежала миссионеру и не имеет никакого отношения к кому-либо из членов группы моего отца. Я вернул вещи, изложив выше упомянутые соображения, но тем не менее их и поныне продолжают считать вещами полковника Фосетта!

Время от времени на поиски полковника Фосетта отправлялись и другие экспедиции, а также приходили отдельные сообщения о находках скелетов и высушенных голов.

Перечисление всех попыток — добросовестных или мнимых — раскрыть «тайну Фосетта» заняло бы слишком много места, если даже я имел бы в своем распоряжении соответствующие отчеты, а у меня их нет. Достаточно сказать, что те из них, о которых здесь не упомянуто, не представляют, или почти не представляют, никакого интереса, а о некоторых мое мнение полностью совпадает с мнением сеньора Гальвана.

Последнее сообщение опубликовано в европейской прессе в апреле 1951 года, а датировано шестью

месяцами раньше. Сеньор Орландо Вильяс Боас из Центрального бразильского фонда исторг «признание» у вождя племени калапало Изарари. Вождь драматически покаялся на смертном одре в том, что он, Изарари, убил дубиной Фосетта и двух его спутников. Он сказал, что трое белых пришли вместе с Алоике, вождем нафакуа, и белый сын старика вступил в связь с одной из его, Изарари, жен.

На следующий день старик белый попросил у него носильщика и лодки для дальнейшего путешествия. Вождь отказал в его просьбе, ссылаясь на междуплеменные раздоры, и тогда старик ударил Изарари по лицу! Вне себя от ярости, вождь схватил боевую палицу и разможил ему череп. Двое молодых белых бросились на вождя и в мгновение ока были уложены страшной палицей рядом со стариком.

У Изарари был сын Ярулла, которому едва исполнилось двадцать лет; товарищи звали его «карамба». Цветом кожи он был светлее своих соплеменников, как если бы в его венах текла кровь белого человека. А, ну так все ясно — это и есть сын Джека Фосетта![\[169\]](#)

Коматси, который стал вождем после смерти Изарари, лишь после долгих уговоров согласился показать могилу убитого исследователя; его кости выкопали и передали на экспертизу. Трупы молодых спутников старика, сказал Коматси, были брошены в реку. Во всяком случае найти их не удалось.

Группа экспертов Королевского антропологического института в Лондоне, исследовав кости, пришла к выводу, что это кости не моего отца. Кому они принадлежат, выяснить не удалось, и, кроме того, вообще ставится под сомнение их принадлежность белому человеку. «Тайна Фосетта» так и остается тайной по сегодняшний день, и читатель, знающий теперь все факты, если он дошел до этого места, может

составить обо всем собственное мнение. Изложу вкратце свое.

Одна из возможных причин, побудивших отца направиться в район обитания индейцев калапало, то есть пойти в направлении, прямо противоположном намеченному маршруту, могла быть следующей. Предположим, что, после того как они покинули Лагерь мертвой лошади, больная нога Рэли не только не зажила, но разболелась еще сильнее вследствие непрерывных укусов насекомых. После одной-двух недель пути животные вследствие отсутствия корма оказались не в состоянии двигаться дальше, и всем троим пришлось взвалить поклажу на собственные плечи и продолжать путь в сторону Шингу пешком.

Еще до того как им удалось достичь реки, Рэли свалился с симптомами заражения крови, в которое с удивительной быстротой переходит любая поверхностная инфекция в тропиках Южной Америки. Единственная надежда спасти Рэли состояла в том, чтобы вовремя доставить его к границам цивилизованного мира. Возвращаться прежней дорогой через Лагерь мертвой лошади и пост Бакайри было невозможно, так как Рэли уже не мог передвигаться самостоятельно, без помощи своих спутников. К счастью, до Шингу было уже недалеко, и с превеликим трудом они дотащились до нее. Тут им снова повезло — они наткнулись на индейцев бакайри, у тех было несколько лодок, и они выменяли одну на единственное снаряжение, которым могли пожертвовать, — научные инструменты.

Одним из притоков Шингу является Кулуэни, верховья которой расположены дальше на юг и ближе к Куябе, чем у какого-либо другого притока. Если бы удалось подняться вверх по Кулуэни, была бы покрыта половина расстояния до границ цивилизованного мира; двоим путникам, обремененным больным товарищем,

это было не под силу. Нести Рэли они не могли, поэтому плыть на лодке представлялось единственным выходом из положения. Если они предприняли это путешествие, то непременно у того места, где сливаются реки Кулуэни и Тангуру, должны были встретить индейцев калапало...

Могло случиться и так, что после выхода из Лагеря мертвой лошади Рэли поправился и все трое шли по намеченному маршруту до тех пор, пока не наткнулись на ужасных морсего и не убедились в невозможности пройти дальше. После нескольких попыток пробиться они были вынуждены отказаться от своего намерения, и тогда, если им удалось достать лодку, они могли двинуться в обратный путь вверх по реке...

Другое возможное объяснение состоит в том, что у водопада они нашли нечто очень важное — настолько важное, что необходимость дальнейших исследований в этом месте перебила их первоначальное намерение достичь «Z». В таком случае могли появиться и причины, побудившие их подняться вверх по реке, в район обитания калапало...

Как видите, я ищу объяснения их возможного появления на Кулуэни. Что они там действительно были, для меня еще вовсе не так очевидно. Гораздо разумнее предположить, что, если их убили индейцы, это должны быть какие-то дикие и неизвестные племена, например морсего, а не наполовину оцивилизованные индейцы, живущие по берегам рек, через чьи деревни без труда проходят миссионеры и исследователи. Конечно, если мой брат усвоил привычку соблазнять жен вождей, а отец — раздавать вождям пощечины, любое индейское племя могло представлять для них серьезную опасность, каким бы смирным оно ни было.

Подобные утверждения, очевидно, нелепы и могут быть порождены лишь завистью. Человек, который настолько не одобрял применения насилия против

индейцев, что в течение длительного времени позволял осыпать себя и своих спутников отравленными стрелами, ничего не предпринимая в ответ, — такой человек просто не способен умышленно нанести смертельное оскорбление вождю племени!

Однако есть и другая возможность. Допустим, им удалось проникнуть через заслон диких племен и достигнуть намеченной цели. Если это так и если, согласно легенде, последние остатки древней расы действительно охраняют свое убежище, сплотив вокруг себя свирепых дикарей, велик ли был шанс вернуться? Ведь это означало раскрытие тайны, свято охранявшейся в течение веков.

Вплоть до того момента, когда я пишу эти строки, судьба моего отца и двух других, бывших с ним, остается такой же загадкой, какой была всегда. Возможно, загадка эта никогда не будет разрешена; возможно также, что, прежде чем эта книга попадет в руки читателей, загадка перестанет быть загадкой. Отец яснее, чем кто-либо, представлял себе риск, на который он шел, и признавал, что шансы на его возвращение страшно малы.

«Если нам не удастся вернуться, — говорил он, — я не хочу, чтобы из-за нас рисковали спасательные партии. Это слишком опасно. Если при всей моей опытности мы ничего не добьемся, едва ли другим посчастливится больше нас. Вот одна из причин, почему я не указываю точно, куда мы идем.

Пробьемся ли мы, возвратимся ли назад или ляжем там костью, несомненно одно: ключ к древней тайне Южной Америки и, возможно, доисторического мира будет найден тогда, когда эти старые города будут разысканы и открыты для научного исследования. Что эти города существуют — я знаю...»

Английские меры, встречающиеся в тексте

Миля = 1, 6 км

Ярд = 91, 4 см

Фут = 30, 5 см

Дюйм = 2, 5 см

Унция = 28, 4 г

В поисках древних цивилизаций

Перси Гаррисон Фосетт, автор книги «Неоконченное путешествие», был одной из самых своеобразных фигур среди путешественников XIX века. Трезвый и опытный географ и топограф, стерший с карты Южной Америки не одно «белое пятно», и мечтатель, веривший в самые фантастические легенды испанских и португальских завоевателей о сказочных городах и богатых кладах, будто бы скрытых в глубине амазонских лесов. Однако не блеск золота, а жажда знаний, надежда открыть древнейшую цивилизацию нашей планеты были путеводной звездой Фосетта, далекий и призрачный свет которой давал ему силы для преодоления невероятных трудностей и материальных лишений. «Я не ищу для себя ни славы, ни денег, и в моих начинаниях нет корыстного расчета, а одна лишь надежда, что в конечном счете они принесут человечеству пользу, которой будут оправданы многолетние поиски», — писал о себе Фосетт незадолго до своей заключительной экспедиции.

Перси Фосетт родился в 1867 году в маленьком английском городке Торквей. Там же прошло и его детство. Оно было безрадостным. Школьные годы он провел в закрытом учебном заведении в Ньютон-Аббот. Наиболее ярким воспоминанием Фосетта о нем были частые порки, которыми подвергали учащихся.

После окончания школы Фосетт поступил в военное артиллерийское училище в Вулвиче. Все названные места, где будущий путешественник провел свое детство и годы учебы, расположены сравнительно недалеко друг от друга, в графстве Девоншир, на юго-западе Англии. Впервые родной край Фосетт покинул

девятнадцати лет, когда после окончания военного училища получил назначение в город и морской порт Тринкомали на северо-востоке Цейлона, который был тогда английской колонией. Сравнительно свободная жизнь на Цейлоне представляла собой резкий контраст с той муштрой, которой Фосетт подвергался в детские и школьные годы. Молодой офицер много ездил по острову, с интересом знакомился с новыми местами, своеобразными обычаями жителей острова, памятниками их культуры. Во время одной из поездок Фосетт познакомился с дочерью окружного судьи из Галле, города на юго-западе Цейлона, и женился на ней. Впоследствии Фосетт вспоминал, что был доволен своей жизнью на Цейлоне, деля свое время между работой, семьей и парусным спортом, энтузиастом которого он стал в такой степени, что даже сам сконструировал две гоночные яхты.

Фосетт пробыл на Цейлоне до 1904 года с несколькими, иногда длительными перерывами, во время которых он проходил повышенный курс артиллерийского дела в Шаубернессе в Англии, служил в городе Фалмуте в Корнуэлле на крайнем юго-западе Великобритании, изучал топографию в специальном училище на Мальте, занимался разведывательной работой в Северной Африке. В 1904 г. Фосетт вскоре после рождения своего старшего сына окончательно покинул Цейлон и был послан служить в Ирландию, на остров Спайк.

Жизнь маленького военного гарнизона острова текла очень однообразно. Она была лишена тех ярких впечатлений, которыми были полны первые годы службы Фосетта в британской армии. Кроме того, Фосетт не сумел сблизиться с другими офицерами гарнизона. По своему характеру Фосетт был человеком замкнутым, привыкшим во всем полагаться только на себя, и с большим трудом сводился с новыми людьми. Поэтому

легко представить себе, как быстро и сильно приелась будущему путешественнику рутинная армейская жизнь. По его словам, ему хотелось искать собственные пути в жизни, избегая проторенных дорог. Такая возможность совершенно неожиданно представилась в 1906 году, когда Боливия обратилась к Королевскому географическому обществу с просьбой прислать опытного топографа для того, чтобы от имени Боливии произвести демаркацию неясных и спорных участков границы между Боливией, Перу и Бразилией в бассейнах рек Абуна и Акри. До последних десятилетий XIX века этим районом, где сходятся границы трех названных стран, почти никто не интересовался, так как казалось, что он не имеет экономической ценности. Государственным деятелям представлялось несущественным, владеет ли их страна немного большей или немного меньшей территорией в зоне тропических лесов Амазонии. Поэтому ни Перу, ни Боливия, ни Бразилия не считали нужным тратить деньги и силы на уточнение своих границ в этой труднодоступной области. Однако в конце прошлого века положение резко изменилось. Начался так называемый каучуковый бум.

То, что в лесах на востоке Боливии и Перу и в Бразилии имеются каучуковые деревья, было известно уже ранним испанским и португальским завоевателям этих стран. В небольших количествах каучук добывался, индейцами еще до открытия Америки европейцами. В колониальную эпоху он вывозился из Амазонии португальцами наряду с другими видами лесного сырья. С 1770 года из каучука начали изготавливать ласты. В 1823 году Ч. Мак-Интош открыл способ растворять каучук в бензине и пропитывать этим составом материю для плащей, чтобы придать им непромокаемость. До настоящего времени эти плащи называются по имени их изобретателя макинтошами. В 1854 году Ч. Гудьир

открыл способ вулканизации каучука. Это резко расширило возможности его применения, в частности для изготовления шин для повозок. С того времени потребность европейской и североамериканской промышленности в каучуке стала быстро возрастать. Крупнейшие в мире запасы дикорастущих каучуконосов имелись в амазонских лесах, прежде всего на территории Бразилии, а также на сопредельных территориях соседних стран. Началась массовая миграция бразильцев из разных провинций страны в Амазонию для добычи каучука. Она стимулировалась не только ростом цен на каучук, но и тем, что в конце 70-х годов XIX века на северо-востоке Бразилии началась многолетняя засуха, вынуждавшая местных жителей покидать родные земли и отправляться в поисках заработка в Амазонию, где в это время ощущалась большая нехватка рабочей силы.

Сначала переселенцы с северо-востока, так называемые нордестинос, собирали каучук в низовьях Амазонки и ее притоков, но по мере истощения там запасов этого сырья они двигались все дальше вверх по реке. В последнем десятилетии прошлого века нордестинос колонизовали Акре — обширную территорию в 200 тыс. кв. км, находящуюся в верховьях юго-западных притоков Амазонки — Журуа и Пуруса. Граница между Бразилией и Боливией здесь не была демаркирована, и политическая принадлежность района оставалась спорной. До 90-х годов прошлого века здесь жили только индейцы. С началом массовой добычи каучука в Акре начались вооруженные конфликты между боливийцами и бразильцами-нордестинос, двигавшимися соответственно с запада и востока. Нордестинос численно преобладали, и конфликт между двумя государствами закончился подписанием 17 ноября 1903 года в городе Петрополисе договора, по которому Боливия уступила спорную территорию

Бразилии за 2 млн. фунтов стерлингов. Однако фактически этот договор не положил конец проникновению бразильских сборщиков каучука в пограничные районы Боливии... Потому-то правительство этой страны и решило провести демаркацию своих границ с Бразилией, а также Перу и поручить это сложное дело незаинтересованному лицу.

В этих-то условиях Королевское географическое общество и предложило Фосетту взять на себя выполнение такой миссии. Ему предстояло не только демаркировать границы, но и исследовать пограничный район в географическом и этнографическом отношении. Это предложение показалось Фосетту исключительно привлекательным и было принято им не только потому, что он мечтал избавиться от монотонной службы артиллерийского офицера в Англии, но и потому, что, как он писал впоследствии: «Романтика испанских и португальских завоеваний в Южной Америке, тайна ее диких неисследованных пространств представляли для меня неотразимый соблазн. Конечно, следовало считаться с женой и сыном, да к тому же мы ожидали еще ребенка, но само провидение остановило на мне свой выбор, поэтому я и не мог ответить иначе».

В мае 1906 года Фосетт отплыл в Америку, а уже в июле выехал из столицы Боливии Ла-Паса на северо-восток, в Бени, направляясь в свою первую экспедицию. Нельзя сказать, что в области, куда отправился Фосетт для демаркации границ, до него совсем не бывали исследователи. Так, еще за полвека до него английский гидрограф В. Чандлесс исследовал правые притоки Пуруса и среди них Акри и занимался поисками водного пути от нее на юг к реке Мадре-де-Дьос. Несколько лет спустя тот же Чандлесс поднялся по Мадейре до реки Бени. В середине 70-х годов XIX века Дж. Черч исследовал Мадре-де-Дьос от устья до впадения в нее Инамбари, а еще пять лет спустя Э. Хит описал реки

Бени, Мадидй и верховья Мадре-де-Дьос. В 90-х годах район, прилегающий к границам Боливии с Бразилией, изучал боливийский географ и будущий президент этой страны Хосе Пандо. Он провел гидрографические исследования рек системы Мадре-де-Дьос, особенно Инамбари и Тамбопаты, проводил съемки пограничных рек в области между Акри и Пурусом, а также проплыл по Жавари, где позднее была демаркирована граница между Перу и Бразилией.

Несмотря на все эти изыскания, президент Королевского географического общества не грешил против истины, когда говорил Фосетту, что на севере и востоке Боливии полно «белых пятен», многие реки нанесены на карту по догадке и большая часть границы недостоверна, так как топографически не определена. Все дело в том, что одни из названных нами исследователей работали в районах близких, но все же не в тех, где предстояло действовать Фосетту, другие интересовались реками как судоходными путями, пользуясь которыми Боливия могла бы получить выход к Амазонке и через нее к океану. Значительно меньше эти ученые интересовались мелкими, непригодными или малопригодными для судоходства притоками рек, а также их верховьями. Нередко первые исследователи Боливии и сопредельных областей Бразилии не обращали достаточного внимания и на изучение индейского и пришлого населения посещавшихся ими мест.

Фосетта же все это глубоко интересовало, и он смог подметить много нового даже там, где он не был первым исследователем, не говоря уже о тех глухих и труднодоступных районах, где он выступал как ученый-первопроходец в полном смысле этого слова. Маршрут первой экспедиции Фосетта, проведенной им в 1906–1907 годах и длившейся около пятнадцати месяцев, вкратце был таким: сначала по суше на мулах от Ла-Паса

до Сораты, затем до поселка Мадиди, далее водным путем по реке Мапире до реки Бени, вниз по Бени до впадения в нее реки Тауман, вверх по этой реке до поселка Порвенир, снова по суше до реки Акри и вверх по ней до ее истоков. Обратный путь в его начальной части был несколько иным: он шел по Акри до ее притока Шапури, далее последовал переход на реку Абунан, по ней вниз до ее впадения в Мадейру и затем вверх по Мадейре.

В ходе этой экспедиции Фосетт, как и предполагалось, сделал топографическую съемку и демаркировал границу по рекам Акри, Абунан и в их междуречье. Кроме того, по просьбе боливийских властей, он наметил трассу железной дороги, которую предполагалось построить между поселками Порвенир и Кобиха, чтобы соединить таким образом два пограничных водных пути — реки Акри и Абунан. Во время этой экспедиции Фосетт впервые обследовал и нанес на карту верховья Акри, бывшие до него неведомой страной, открыл и нанес на карту приток Акри реку Явериху, а также опять-таки впервые нанес на карту верховья реки Абунан и ее притоки.

Таковы собственно географические достижения первой экспедиции Фосетта, но не меньшую ценность представляют этнографические и социально-экономические наблюдения этого исследователя, позволяющие воссоздать жизнь боливийской «глубинки» в эпоху каучукового бума. Фосетт с возмущением пишет о зверствах и насилиях по отношению к индейцам, совершавшихся в это время, и подчеркивает, что «рабовладение, кровопролитие и всевозможные пороки царили на реках края, и ничто не могло противостоять им до тех пор, пока каучуковые монополии не потеряли почвы под ногами», то есть до 1912–1913 годов, когда в связи с ростом каучуковых плантаций в Азии цены на дикорастущий амазонский каучук резко упали и

большинство предпринимателей, занимавшихся его сбором и перепродажей, обанкротились.

Особое сочувствие Фосетта вызывают индейцы, жившие в районах промысла каучука. Их систематически истребляли или захватывали в рабство специальные отряды головорезов, находившихся на жалованье у каучуковых фирм. И надо сказать, все эти зверства были характерны не только для Боливии, но и для Бразилии. Бразильские источники того времени единодушно свидетельствуют, что сборщики каучука вовсе не были свободны от принуждения, сыты, хорошо одеты и вооружены — как пишет Фосетта, совсем напротив, находились в постоянной долговой кабале под надзором вооруженной стражи, жили в нищете и в условиях, мало чем отличающихся от рабства. В то же время отметим, что Фосетт вполне закономерно проводит параллели между зверствами эпохи каучукового бума в Латинской Америке и жестокостями европейских, в том числе британских, колонизаторов в Африке. С большим осуждением отзывается Фосетт и о сохранении телесных наказаний в Англии. Таким образом, то, что творилось в лесах Южной Америки, он воспринимает не изолированно, а как часть общей картины современного ему капиталистического общества, против которого он по сути дела и выступает с гуманистических антирасистских позиций.

Как только Фосетт вернулся в Ла-Пас из своей первой экспедиции, боливийское правительство, довольное ее результатами, предложило ему продолжить работы по демаркации границы, но уже не на севере, а на востоке страны. Фосетт принял это предложение, но, прежде чем отправиться в новую экспедицию, решил отдохнуть на родине в Англии. Кроме того, ему надо было получить разрешение его армейского начальства продолжить службу правительству Боливии.

Фосетту хотелось забыть о зверствах и болезнях, которых он так много видел в Америке, хотелось слушать «ежедневную болтовню священника, беседовать о погоде с соседями — словом, жить как все». Но где-то в глубине его существа «все время звучал какой-то тоненький голос. Поначалу едва слышный, он набирал силу, и скоро я не мог больше его игнорировать. Это был зов диких, неведомых мест, и я понял, что отныне он будет всегда жить во мне». Прошло рождество, миновала мягкая английская зима, и 6 марта 1908 года Фосетт сел в Саутгемптоне на пароход, направлявшийся в Буэнос-Айрес.

Маршрут новой экспедиции лежал через Буэнос-Айрес и Асунсьон в Корумбу, небольшой бразильский город на пограничной с Боливией реке Парагвай. В окрестностях этого города Фосетт провел топографические съемки, необходимые для уточнения границы между двумя странами. Затем предстояло уточнить границу дальше к северу по реке Гуапоре. Фосетт мог бы этим и ограничиться, и формально работа была бы выполнена. Но он решил пройти по притоку Гуапоре реке Верди, что позволило бы нанести ее на карту и существенно уточнить границу. Для этого Фосетт со своим спутником топографом Фишером сначала спустился по Гуапоре до устья реки Верди, а затем двинулся по суше вверх по течению этой реки, так как плыть по ней из-за многочисленных перекатов было невозможно. Путешествие оказалось очень тяжелым. Приходилось следовать за всеми изгибами реки, что существенно затрудняло и замедляло путь. Вскоре кончилось продовольствие. Надежды кормиться за счет охоты не оправдались. Путешественники голодали, но продолжали свой путь и топографическую съемку. Наконец 3 октября 1908 года они достигли, как им казалось, истоков реки Верди, а еще через две недели через водораздел между Гуапоре и Верди вышли к

старому бразильскому городу Мату-Гросу. Позднее Фосетт с ужасом вспоминал о лишениях, перенесенных им и его спутниками во время этого путешествия, но очень гордился тем, что смог нанести реку на карту. Как он писал впоследствии: «Теперь река была исследована, и выяснено, что ее фактическое течение совершенно не соответствует тому, какое приняты наобум в 1873 году. (Здесь Фосетт имеет в виду проведенную в указанном году демаркацию границы между Бразилией и Боливией. — Л. Ф.) Она брала начало в родниках, а не из озера, как раньше полагали. Серия наших наблюдений дала возможность точно нанести на карту каждую милю реки и этим самым спасти около 1200 квадратных миль ценной территории для Боливии. Наши тяжкие труды и мучения были полностью оправданы».

Практические результаты исследования реки Верди оказались несколько неожиданными. Предпринимая путешествие, Фосетт предполагал, что новая пограничная линия будет менее выгодна для Боливии, чем для Бразилии. При этом он исходил из тех показаний карт пограничной зоны, которые имелись в его распоряжении. Но так как они оказались ошибочными, то и результаты демаркации оказались противоположными ожидаемым. Поэтому было решено, что для проверки работы, проведенной Фосеттом, пограничные комиссии Боливии и Бразилии в 1909 году пройдут под его руководством по его маршруту. После того как проверка была проведена, были установлены новые пограничные знаки, — они и теперь молчаливо напоминают о работе Фосетта в этих районах Южной Америки.

Значительный интерес представляют и сделанные Фосеттом во время этой экспедиции описания городов и сельских местностей Аргентины и Парагвая, Бразилии и Боливии. Жаль только, что эти живые и хорошо запоминающиеся зарисовки увидели свет лишь спустя

несколько десятилетий после того, как они были сделаны.

Демаркация восточной границы Боливии с Бразилией была завершена, и Фосетт снова отправился в Ла-Пас для отчета о проделанной работе. Сразу же по прибытии в Ла-Пас он получил новое предложение. На этот раз надо было демаркировать границу не с Бразилией, а с Перу. Чтобы принять это предложение, Фосетту пришлось уйти из армии, так как британское командование не соглашалось, чтобы он, оставаясь английским офицером, и дальше служил иностранным государствам. Первая экспедиция по демаркации границ Боливии и Перу состоялась в 1910 году. В отличие от предыдущих экспедиций Фосетта она была многочисленной, в ней участвовали боливийские и английские офицеры и солдаты. Это, по мнению Фосетта, создавало много лишних сложностей.

Маршрут экспедиции проходил от северного берега озера Титикака на северо-восток, к устью реки Хит, и затем вверх по ее течению сначала на лодках, а потом пешком. Путешествие по реке Хит было наиболее интересным с научной точки зрения этапом этой экспедиции, так как эта река, ее берега и живущие на них индейцы ранее не были исследованы ни в географическом, ни в этнографическом отношении. Фосетт не только нанес на карту течение реки Хит и описал флору и фауну этого района, но и познакомился с одной из живущих здесь групп индейцев племени гуарайю. Характерно, что при встрече с гуарайю Фосетт следовал тем же принципам, каким следовал известный бразильский защитник индейцев Рон-дон: не стрелять, что бы ни случилось. И именно этот принцип помог Фосетту установить с индейцами мирные отношения и тем самым еще раз доказать, что в столкновениях с индейцами обычно повинны белые поселенцы, не считающие их за людей и охотящиеся за «дикарями» как

за животными. Незадолго, до окончания экспедиции ее участники встретились еще с одним индейским племенем, которое Фосетт называет эчока. С ним он также установил дружеские отношения.

В 1911 году Фосетт продолжает работы по демаркации границ между Перу и Боливией. На этот раз они ведутся к северу и северо-востоку от озера Титикака в районе поселений и маленьких городков Кохата, Пелечуко, Аполо, Санта-Крус, у истоков Тамбопаты и на ее притоках. Фосетт также еще раз проходит по реке Хит, чтобы проверить данные своей предыдущей экспедиции. Вернувшись в конце 1911 года в Ла-Пас, Фосетт решает отказаться от дальнейшей работы в пограничной комиссии, так как не хочет быть втянутым в сложные пограничные конфликты между двумя странами. Вернуться на кадровую службу в британскую армию он не может, да и не хочет. Им все больше овладевает уже давно появившееся желание самому, на свой страх и риск, заняться исследованиями в лесах Южной Америки. При этом Фосетта привлекают изыскания, которые, пользуясь современной терминологией, можно было бы назвать этноисторическими, включающими как археологическое, так и этнографическое изучение Американского континента.

Стремление заняться подобными проблемами возникло у Фосетта, по-видимому, под влиянием его предыдущих путешествий по Боливии, Бразилии, Перу, во время которых он встречался с самыми различными людьми. От многих из них он слышал рассказы о том, что где-то в глубине лесов есть затерянные города, хранящие несметные сокровища. Надо сказать, что подобные рассказы были созданы уже первыми испанскими и португальскими завоевателями Южной Америки, все помыслы которых были обращены на

поиски золота, будто бы спрятанного индейцами в неприступных лесных крепостях.

Фосетт верил подобным рассказам. И это не так странно, как может показаться нам сегодня. Ведь во времена Фосетта в Бразилии, Перу, Боливии оставалось немало мест, куда не ступала нога исследователя, а истоки древних индейских культур этих стран были еще во многом загадочны.

В мифических оплотах древних цивилизаций Фосетта интересовали не скрытые там богатства, а сокровища знаний, которые он рассчитывал найти. «... Я ставил своей целью поиски культуры более ранней, чем культура инков, и мне казалось, что ее следы надо искать где-то дальше на востоке, в еще неисследованных диких местностях... Я решил посвятить себя в будущем исследованиям и с помощью уже накопленных сведений попытаться пролить свет на мрак, окутывающий историю этого континента. Я был уверен, что именно здесь сокрыты великие секреты прошлого, все еще хранимые в нашем сегодняшнем мире».

Что же это были за сведения, о которых упоминает Фосетт? Он имеет в виду не только слышанные им самим легенды и предания, не только отчеты испанских конкистадоров и португальских бандейрантов, хранящиеся в архивах южноамериканских республик и изученные им, но и книги, которые он прочел, готовясь к своим поискам. Читал же Фосетт не только научные, но и псевдонаучные и дилетантские сочинения о геологической истории Америки, заселении ее человеком, антропологическом типе и культуре древних и современных ему коренных обитателей континента. Многие из этих вопросов в начале XX века были плохо изучены и вызывали ожесточенные споры специалистов, а на карте Южной Америки, особенно в области тропических лесов, оставалось немало районов, о

населении которых — древнем и современном — ничего не было известно.

Среди книг, прочитанных Фосеттом, были и такие, авторы которых не стояли на уровне науки своего времени и приобрели известность лишь как создатели «диких» теорий о затонувших материках и тайнах исчезнувших племен. Как справедливо отмечает известный американский археолог и этнограф Р. Уокер, было бы неверно считать всех авторов подобных теорий преднамеренными лжецами, это скорее были мистики, одержимые навязчивыми идеями. И далее он замечает, что «профессионалы считают этих людей опасными лишь потому, что их бредовые книги кружат головы многим читателям и внушают превратное представление о самом процессе научного исследования»^[170].

На основании прочитанного Фосетт сформулировал свои собственные взгляды на древнюю историю Американского континента. К сожалению, приходится констатировать, что представления Фосетта о древней истории Америки носят ошибочный характер. Так, Фосетт считал, что уже в эпоху существования в Америке человека ее физико-географический облик совершенно отличался от современного: она состояла из нескольких островов, одним из которых была восточная или, точнее говоря, северо-восточная Бразилия. Одни из населявших эти острова народов имели белый цвет кожи, а другие были по своему антропологическому типу негроидами. Древний белый народ, условно называемый Фосеттом тольтеки (это имя одного из древних народов Мексики), создал древние цивилизации не только в Мексике, но и в Андах. По этим же представлениям индейцы языковой семьи тупи происходят из Полинезии и когда-то имели белый цвет кожи; кечуа говорят на языке, настолько родственном языку китайцев, что понимают последних. Эти и

подобные им утверждения отвергались большинством археологов и этнографов уже в начале XX в., а отчасти и еще раньше — в конце XIX века. Не случайно, заканчивая изложение одной из своих гипотез, Фосетт горько сетует, что ученые не верят, будто в лесах Восточной Бразилии могут быть обнаружены древние города; однако он продолжает верить в то, что дает смысл его жизни, составляет ее цель. Поэтому понятно, что и в той книге, которую Вы только что прочли, тоже встречаются не совсем верные утверждения историко-этнографического или антропологического характера. Правда, в интересах истины надо признать, что ошибочность некоторых из гипотез Фосетта была окончательно доказана лишь в последние десятилетия.

Сегодня ни один специалист — антрополог или геолог не стал бы, например, утверждать, что существуют белые и черные индейцы, различающиеся по своему происхождению, или что в период существования человека в Америке там имели место какие-либо крупные геологические изменения, совершенно менявшие лицо континента. Совместной многолетней работой ученых разных профилей: геологов, антропологов, географов, этнографов и других к настоящему времени установлено, что Америка не была колыбелью человечества и что первые люди пришли туда сравнительно недавно, скорее всего 30–40 тысяч лет назад. В позднейший период (две-три тысячи лет назад), может быть, имело место очень небольшое по размерам переселение из Полинезии, не оказавшее существенного влияния ни на расовый тип индейцев, ни на их культуру и языки. Подавляющая же масса индейцев переселилась в Америку из Азии, перейдя туда, вероятнее всего, по так называемому берингоморскому сухопутному мосту, соединявшему еще 10 тысяч лет назад эти два континента. Все эти люди, несмотря на некоторые частные различия в своем

антропологическом типе, принадлежат к одной, а именно к монголоидной расе. Никаких индейцев европеоидного облика, о которых пишет Фосетт в своей книге, в Америке нет. Тем более там нет и не могло быть индейцев-полуобезьян, еще не людей в полном смысле этого слова, а лишь человекоподобных. Не только питекантропы, но, по-видимому, и неандертальцы никогда не жили в Америке, которая, очевидно, была впервые заселена людьми уже современного физического типа. Индейцы Америки, как и все люди земного шара, принадлежат к одному виду «человек разумный» (*homo sapiens*), и ни один народ, ни одно племя не стоит ближе к обезьянам, чем другое. Что касается негроидов, о которых также неоднократно упоминает Фосетт, то хотя, как мы уже отмечали, никаких черных индейцев нет, в лесах Южной Америки, особенно в Гвиане, живут группы так называемых лесных негров, потомки рабов, бежавших от европейских плантаторов. Насколько можно судить по тексту книги, сам Фосетт не встречался с лесными неграми, так как не бывал в районах их проживания, но слухи о них, возможно, способствовали возникновению у него представлений о темнокожих индейцах.

Разделение индейцев на разные расы служит Фосетту одним из обоснований его идеи о том, что когда-то в Америке были высокие цивилизации, созданные людьми с белой кожей и связанные исторически с древними культурами Египта, Передней Азии, а также легендарной Атлантиды. И так глубоко владела Фосеттом эта идея, что люди одних племен казались ему почти белыми, а других — почти неграми.

В Америке действительно существовали высокие цивилизации ацтеков, майя, инков, но создатели их были такими же индейцами, как те, кто сегодня идет за плугом в мексиканской деревне, трудится на оловянных

рудниках Боливии или, следуя традиции далеких предков, выслеживает зверя в амазонской сельве.

Сейчас несравненно лучше, чем при жизни Фосетта, известны и древние культуры индейских народов и племен Америки и их происхождение. В прошлом высокие цивилизации индейцев Мексики, Гватемалы, Перу, Боливии, Эквадора казались некоторым исследователям неожиданно расцветшими среди мрака первобытности и как будто не имеющими местных корней. Лишь систематические археологические раскопки, планомерно проводящиеся уже несколько десятилетий и сопровождающиеся тщательным анализом всего накопленного материала, доказали, что высокие цивилизации не чужеземные гости на американской почве, а закономерное порождение длившегося тысячи лет развития хозяйства и культуры коренного населения, и творцы этих цивилизаций — сами индейцы, а не позднейшие пришельцы с других континентов.

Из сказанного не следует, что никто из обитателей Старого Света не побывал в Америке до Колумба. Мы уже упоминали о связях полинезийцев с индейцами. А недавно выяснилось в результате археологических исследований на южном побережье Эквадора, что на рубеже 4–3 тысячелетий до н. э. жившие там племена рыбаков и собирателей моллюсков изготавливали керамические изделия такого же в точности облика, как изделия японской культуры дземон, чьи создатели также были рыбаками. По-видимому, японские рыбаки были унесены ветрами и течениями к берегам Эквадора и, обнаружив здесь людей с культурой, близкой к их собственной, но только не владевших керамикой, научили местных жителей этому искусству. В первых веках нашей эры имело место несколько плаваний и через Атлантический океан. Об этом свидетельствуют находки кувшина с римскими монетами, зарытого на

берегу Венесуэлы, римской терракотовой статуэтки в Центральной Мексике и т. п. В то же время подавляющее большинство подобных вещей при проверке оказываются подделками или предметами, специально привезенными из Европы или Ближнего Востока различного рода «делателями сенсаций». Те же действительные контакты между индейцами и жителями Старого Света, какие имели место до Колумба, были редки и не оказали существенного влияния на развитие высоких цивилизаций древней Америки. Однако 60 лет назад, когда Фосетт начал свои поиски древних городов, все это было далеко не так ясно, как теперь.

Переход к поискам древних цивилизаций знаменовал собой начало нового этапа в жизни Фосетта. Он прекращает географические исследования и в 1921 г. совершает путешествие по маршруту Баия — Жекие — Канавиейрас, которое приносит ему разочарование. Этот район был уже освоен бразильскими колонистами, и здесь негде было затеряться целому городу. Что же касается его двух путешествий на север штата Мату-Гросу, во время второго из которых он исчез, то это действительно глухой и труднопроходимый район. Фосетт был совершенно прав, считая этот район одним из последних оплотов индейской культуры. Как писал современный английский исследователь А. Кауэлл, в 1925 г. «эти края оставались единственной на земном шаре неисследованной областью, достаточно обширной, чтобы в ней могла укрываться целая цивилизация»^[171]. И лишь много лет спустя, в середине XX века, полевые исследования географов и этнографов опровергли столь дорогую сердцу Фосетта гипотезу о существовании здесь древней цивилизации.

Новейшие исследования подтвердили, что сюда, в бассейн верховьев реки Шингу, в течение нескольких столетий стекались индейские племена, не желавшие

покоряться европейским колонизаторам и противостоявшие им. Однако эти племена защищали самих себя, свою жизнь и культуру, а не какую-то древнюю высокую цивилизацию городского типа.

Вот уже три десятилетия бразильские исследователи и знаменитые защитники индейцев братья Вилас-Боас изучают тот район, в котором, хотя и неизвестно точно где и когда, оборвалась жизнь Фосетта. Совсем недавно здесь прошла автомобильная дорога, связавшая новую столицу страны г. Бразилия с Амазонкой.

Мечте Фосетта открыть неведомую цивилизацию не суждено было сбыться, а сам Фосетт заплатил за нее жизнью. Прошло полвека с тех пор, как экспедиция Фосетта исчезла в амазонских лесах, но новые исследователи Южной Америки продолжают хранить память об этом замечательном человеке, чье мужество, самоотверженность и готовность жертвовать всем ради пользы человечеству не могут не вызывать восхищения. Имя Фосетта до сих пор упоминается почти в каждой монографии об исследованиях в Центральной Бразилии, и до сих пор не прекращаются попытки узнать о его судьбе.

Книга Фосетта, как Вы могли видеть, — это не только повесть о поисках «затерянного мира», о природе и населении глубинных районов Южной Америки в начале нашего века, но и произведение, разоблачающее «цивилизаторскую» деятельность колонизаторов и местных дельцов, страстный монолог в защиту коренного населения Америки — индейцев, к которым автор относился с глубокой симпатией.

Л. А. Файнберг

notes

Примечания

1

Джунгли — заросли деревьев и кустарников с примесью грубостебельных злаков, преимущественно бамбуков. Распространены в предгорьях Гималаев. Как и многие другие, автор этой книги неправильно применяет термин «джунгли» при описании любых густых лесов, в данном случае — тропических лесов Южной Америки.

2

Штат в Бразилии. Прим. перев.

З

Потоси — в прошлом крупнейшие серебряные рудники в Боливии.

4

Бандейрас (португ. bandeira — «знамя») — военные экспедиции во внутренние районы Бразилии, предпринимавшиеся в XVII-XVIII вв. с целью поисков золота и захвата в плен индейцев.

5

Сертаны — глубинные районы северо-востока Бразильского плоскогорья, покрытые большей частью редколесьем или кустарниковой саванной.

6

Минас-Жераис — штат Бразилии, центр горнорудной промышленности.

Хозяин (португ.). — Прим. перев.

Инки не народ, а господствующее племя в государстве древнего Перу. Это раннеклассовое государство возникло в начале XV в. и объединило под своей властью племена всего Андийского нагорья. В XVI в. инкское государство было разрушено конкистадорами.

9

Тапуйя — обобщающее название, под которым португальские колонисты XVI–XVIII вв. объединяли различные по происхождению племена, жившие в лесной глуши вдали от побережья.

10

Саксауаман — крепость, защищавшая подступы к древней столице инков Куско.

Автор ошибается. Куско и Саксауаман были созданы именно в период существования инкского государства.

Рис появился в Южной Америке в XVII в.

13

Тушканчиков в Америке нет. По-видимому, описываются сходные с ними мешетчатые крысы (Sacomyidae).

Под дикими собаками, возможно, подразумеваются, карасиси (*Canis cancrivorus*) буровато-серого цвета или черно-серая кустовая собака (*Urocyon venaticus*).

В начале XX в. древняя история народов Бразилии была настолько плохо изучена, что еще можно было искать на территории этой страны какую-то забытую цивилизацию и видеть в ней ключ к разгадке тайн позднейших местных культур. В настоящее время археологические исследования в Южной Америке продвинулись достаточно далеко и необходимость в ссылках на какую-то мифическую древнюю цивилизацию отпала. Идея о ней ныне полностью отвергнута всеми исследователями индейских культур Бразилии.

Имеется в виду Теодор Рузвельт, президент США, совершивший с 1901 по 1909 г. исследовательскую экспедицию в Центральную Бразилию.

Хаггард, Генри Райдер (1866–1925) — английский писатель, автор исторических и приключенческих романов. Некоторые из них переведены на русский язык («Дочь Монтесумы», «Копи царя Соломона», «Прекрасная Маргарет» и др.).

К настоящему времени сколько-нибудь достоверных иероглифических надписей в Бразилии не обнаружено. Многократно открывавшиеся там «финикийские» и другие надписи при тщательном анализе либо оказывались подделками, либо чисто художественными узорами, не имеющими отношения к письменности.

От лица «психометриста» Фосетт изложил здесь распространенные в его время идеи о гибели легендарного материка Атлантиды. Подробнее об этом см.: Я. Ф. Жиров. Атлантида. М., 1957; Е. Андреева. В поисках затерянного мира. Л., 1961. Журнал «Техника молодежи», 1956 г., в № 9—12 провел дискуссию об Атлантиде; точку зрения противников Атлантиды четко сформулировал и развил Ю. В. Кнорозов в журнале «Советская этнография», 1960, № 4. См. также Р. Уокоп. Затонувшие материки и тайны исчезнувших племен. М., 1966.

1923 год. Прим. мл. сына Фосетта

Площадь (испан.). — Прим. перев.

«Большие», «Королевские» или «Императорские»
(испан.). — Прим. перев.

Франсиско Писарро (1470–1541) — знаменитый испанский конкистадор, завоеватель Перу.

Уильям Прескотт (1796–1859) — английский историк, автор ряда работ, в том числе по истории испанских завоеваний в Америке.

Гуаякиль — порт и город в Эквадоре.

Род *Sciaena* spp. Насчитывает около 30 видов рыб, распространенных в субтропических и тропических водах всего земного шара.

В день прибытия в Лиму отец получил телеграмму, извещавшую о моем рождении. Вряд ли он в то время думал, что его новорожденный сын менее чем через восемнадцать лет приедет в Лиму и будет работать на Центральной железной дороге Перу под началом мистера Моркилла. Опять-таки вследствие того же случайного стечения обстоятельств тот самый вагон, в котором отец путешествовал на Рио-Бланко, стоял уже много лет в качестве караульной будки как раз напротив окон конторы при паровозном депо, в котором я работал. Прим. мл. сына Фосетта.

Мисти (выс. 5821 м) — действующий и Чачани (выс. 5815 м) — потухший вулканы, расположенные к северо-востоку от Арекипы.

Чиримойа, чиримола, или анона (*Anona cherimola*, *A. squamosa* и другие виды),? — невысокие деревья с сочной кремообразной мякотью соплодия, напоминающей по аромату ананас с земляникой. Родина их Южная Америка, распространены в культуре в Индии и других странах Юго-Восточной Азии и Океании. Гренадилья, гренадилья — сладкий сочный плод *Passiflora ligularis*, распространенной и культивируемой в горах на выс. 1–3 тыс. м от Мексики до юга Перу.

Каменные плиты (испан.). — Прим. перев.

Автор допускает ошибку. Род лам (дикие виды — гуанако и викунья, или вигонь, домашние — собственно лама и альпака) принадлежит к семейству верблюдов, с которыми и имеют много родственных черт. От овец ламы весьма далеки и входят лишь в один подотряд жвачных животных.

Сората, Ильимани (6462 м) и другие вершины поднимаются в Кордильере Реаль; его наиболее высокий хребет Центральных Анд, обрамляющий их с востока. Главной же Кордильерой называют Западную Кордильеру Анд.

Тиауанаку — группа памятников архитектуры доколумбовой Америки. Тиауанаку расположена в 20 км к юго-востоку от озера Титикака (Боливия). По-видимому, Тиауанаку было религиозным центром, возникшим около середины первого тысячелетия н. э. Таким образом, памятники Тиауанаку гораздо моложе, чем египетские сфинксы, которые датируются вторым и третьим тысячелетиями до н. э.

Старинная бразильская мера, равная 43, 56 кв. км.
Прим. перев.

Здесь, как и в некоторых других местах, автор преувеличивает роль катастрофических сейсмических движений в формировании современного рельефа Анд и недооценивает общие сводовые поднятия и плейстоценовое оледенение, во время которого и был выше уровень озера Титикака. Как уже отмечалось, Фосетт ошибочно предполагал, что геологические катастрофы уничтожили древнейшую цивилизацию Южной Америки.

Альтипано (испан. alto — «высокий», piano — «плоский», «ровный») — пониженная часть плоскогорья Центральных Анд — днища бывших плейстоценовых озер. Иногда, как и автор, распространяют это название на все внутреннее плоскогорье Центральных Анд.

«Юнгас» в Боливии называют засушливые межгорные понижения с саванновой растительностью в восточных предгорьях Анд. Иногда это название употребляют для всех предгорий, покрытых влажнотропическими лесами.

Здесь, как и в некоторых других местах, автор преувеличивает роль катастрофических сейсмических движений в формировании современного рельефа Анд и недооценивает общие сводовые поднятия и плейстоценовое оледенение, во время которого и был выше уровень озера Титикака. Как уже отмечалось, Фосетт ошибочно предполагал, что геологические катастрофы уничтожили древнейшую цивилизацию Южной Америки.

Слово «гринго» принадлежит к латиноамериканскому жаргону и означает вообще любого иностранца светлой расы. Происхождение этого слова не установлено, но считают, что в старину иностранные матросы с таким пылом пели песенку: «Green grows the grass...» (растет зеленая трава...), что первые слова были взяты как прозвище для них. Прим. авт.

Эвкалипты в диком виде произрастают в Австралии и на прилегающих островах; в Южной Америке имеются только искусственные насаждения. Альгарробо — виды *Prosopis* — ксерофитные деревца со съедобными семенами, широко распространенные в Южной Америке.

За ваше здоровье, сеньоры! (испан.). — Прим. перев.

Кока (*Erythroxylon coca*) — низкорослые деревья, содержащие в листьях кокаин. Растут на восточных склонах Анд в Перу и Боливии; культивируются на плантациях.

Капустная пальма — в Бразилии называемая «асаи» — *Euterpe oleracea*; из ее молодых побегов готовят овощное блюдо пальмито, а из плодов — освежающий и возбуждающий напиток и масло. Магнолии растут в субтропиках Северной Америки и в Южной и Юго-Восточной Азии; вероятно, автор подразумевает какой-то вид семейства магнолиевых.

Праздник (испан.). — Прим. перев.

Дерево бальса (*Ochroma grandiflora*), произрастающее в Северных Андах, обладает легчайшей древесиной (в шесть раз легче древесины ивы, иногда даже легче коры пробкового дуба) и достигает за 10 лет 30–45 м высоты. Применяется в авиамоделировании и самолетостроении. Издавна из бальсы индейцы строили плоты, откуда название дерева *la balsa* (исп.) — «плот». Из бальсы был построен и знаменитый плот Тура Хейердала «Кон-Тики».

46

Качаса — водка из сахарного тростника.

Пекари (подотряд нежвачных) — свойственное только Центральной и Южной Америке семейство, близкое к свиньям, почему автор в дальнейшем часто называет их дикими свиньями.

Ла-Монтанья — восточные предгорья Центральных Анд в Перу и северной Боливии, покрытые влажными вечнозелеными лесами.

День независимости — национальный праздник Боливии. Отмечается ежегодно 6 августа по случаю провозглашения независимости страны в 1825 г.

Пауки-птицеяды, род *Mugale*, туловище которых достигает 5 см длины, а с ногами — 18 см. Питаются помимо других членистоногих мелкими птицами и земноводными.

Жестокие, варвары (испан.). — Прим. перев.

Папайа — дынное дерево, или мамон (*Carica papaya*), дает плоды, напоминающие дыни весом до 2-3 кг; млечный сок содержит алкалоид папаин. Родина — Центральная Америка; ныне широко распространено в тропиках всего земного шара.

Табаны — слепни, пиум, маригуи — мелкие мушки.

Поселок сборщиков каучука. Прим. перев.

Специальные органы, дающие разряды до 300 вольт, расположены у электрического угря в брюшной, нижней части хвоста.

Кандиру, или канеро, — сомик (*Vandella cirrhosa*) — небольшая рыбка семейства Trichomycteridae, или Pugnidiidae, водится только в Южной Америке. У нее не «кожа покрыта зубринами», а на жабрах имеются загнутые назад «крючки», из-за которых рыбу невозможно извлечь без хирургического вмешательства.

Кандиру, или канеро, — сомик (*Vandella cirrhosa*) — небольшая рыбка семейства Trichomycteridae, или Pugnidiidae, водится только в Южной Америке. У нее не «кожа покрыта зубринами», а на жабрах имеются загнутые назад «крючки», из-за которых рыбу невозможно извлечь без хирургического вмешательства.

Равнины Мохос, или Льянос Мохос, — заболоченное междуречье низовий рек Бени и Маморе, затопляемое во время сезона дождей.

Рифленое железо. С декоративной точки зрения оно является проклятием Южной Америки, так как портит то, что иначе могло бы показаться привлекательным. Tejas — испанская черепица — более прочна и является отличным украшением, но она дороже и требует больших усилий от кровельщиков, поэтому дешевая, но отвратительная salamina получила всеобщее признание. Прим. мл. сына Фосетта.

Бери-бери действительно авитаминоз, но не род водянки.

61

Бери-бери действительно авитаминоз, но не род водянки.

Пирайи, или пираньи, небольшие плотоядные рыбы, нападающие стаями и способные за несколько секунд снять мясо о костей живого существа. Они держатся по соседству с прибрежными бойнями и привлекаются издали запахом крови или открытой раны. — Прим. мл. сына Фосетта.

Папайа — дынное дерево, или мамон (*Carica papaya*), дает плоды, напоминающие дыни весом до 2-3 кг; млечный сок содержит алкалоид папаин. Родина — Центральная Америка; ныне широко распространено в тропиках всего земного шара.

Разносчики, торгоши (испан.). — Прим. перев.

65

Управляющий, администратор (испан.). Здесь — начальник гарнизона. — Прим. перев.

Гевея (виды *Hevea*, в частности *H. brasiliensis*) — основной каучуконос экваториальных лесов — гилей на равнинах Южной Америки, называемый автором просто каучуковым деревом.

Капибара — водосвинка (семейство полукопытных) — самый крупный грызун, имеющий длину 1, 2 м; обитает только в Южной Америке. Тапиры — единственное американское (неотропическое) семейство непарнокопытных; достигают 2 м длины, питаются растениями.

Бразильская выдра (*Lutra brasiliensis*) — самая крупная, тело ее достигает свыше 1 м в длину, а хвост 70 см.

Все южноамериканские обезьяны принадлежат к свойственному только неотропикам подотряду широконосых обезьян; к ним относятся и мирикины (*Nycticebus*) — ночные обезьяны. Лемуры же составляют особый отряд полуобезьян, обитающих на Мадагаскаре, в Африке и Юго-Восточной Азии. Небольшие серые обезьяны — возможно, *Callithrix donacophilus*.

Маниока, или маниок (*Manihot utilissima*),? — важнейшая клубневая культура тропиков, родом из Восточной Амазонии; Клубни маниоки достигают 5 кг веса, очень богаты крахмалом (до 40 %), употребляются в отварном или поджаренном виде; из них же готовится мука — тапиока и множество различных блюд и напитков; в сыром виде клубни ядовиты.

71

Речь идет об аппаратах с узкоплёночной лентой.

В то время когда отец писал эти строки, на Центральной железной дороге Перу в сезон дождей в окрестностях главной вершины (16 806 футов над уровнем моря) приходилось часто пускать снегоочиститель. Я помню старый, в виде клина, снегоочиститель, хранившийся на станции Тиклио, но никогда не видел его в действии, а в 1926 году этот плуг был снят и отправлен на побережье в качестве металлолома. Я работал в службе тяги на горной секции дороги в течение многих лет и отметил неуклонное снижение количества годовых осадков, выпадавших в виде снега. В 1924 году, помнится, глубина снега была около двух футов, а в 1946 году всего несколько дюймов, даже после самых жестоких снежных бурь. — Прим. мл. сына Фосетта.

Студенческая (испан.). — Прим. перев.

Род трубачей — *Psophia* из отряда журавлей.

Обычно под названием palo santo известно растущее в Гран-Чако дерево *Bulnesia sarmienti*, дающее душистую смолу и дубильные вещества. Судя по описанию П. Г. Фосетта, он говорит об одном из видов *Caecropia*, или имбаубы (возможно, *C. paraensis*), в полых стволах и ветвях которого поселяются муравьи.

В разных местах лесного района сейчас разрабатываются нефтяные месторождения, однако отсутствие транспорта является главным препятствием для их интенсивной эксплуатации. — Прим. мл. сына Фосетта.

Обычно под названием palo santo известно растущее в Гран-Чако дерево *Bulnesia sarmienti*, дающее душистую смолу и дубильные вещества. Судя по описанию П. Г. Фосетта, он говорит об одном из видов *Caecropia*, или имбаубы (возможно, *C. paraensis*), в полых стволах и ветвях которого поселяются муравьи.

«Огненными» называют многие виды муравьев, в том числе красных, за болезненные укусы, напоминающие ожоги.

У мух нет жал. Мухи катуки (возможно, идентичны мухам мотуко) принадлежат к семейству табанид — слепней, имеющих длинные хоботки с острыми роговыми ланцетиками, которыми они и наносят болезненные уколы.

Лодка (браз.). — Прим. перев.

Орнеро — птица печник (виды Furnariinae, семейство древолазов — Anabatidae), распространена в Южной Америке, преимущественно в саваннах и степях.

Кукушки не «захватывают» чужие гнезда, а лишь откладывают в них яйца.

Ламантины — водные млекопитающие из отряда сирен, обитающие в устьях крупных рек, в том числе в бассейне Амазонки; в Южной Америке представлены двумя видами, питаются растениями. Обычно буфео южноамериканцы называют не ламантинов, а речных дельфинов (подотряд зубатых китов); мясо их невкусно.

Когда известие об этой змее достигло Лондона, мой отец был объявлен отъявленным лгуном. — Прим. мл. сына Фосетта.

Достоверно известно, что анаконда достигает 11 м длины; приводимые здесь (19 м) и ниже (24 м) размеры требуют проверки.

Автор говорит о муравьях эцитонах, или фуражирах, местное название «тауока». Они не «издают звуки» — шум возникает от движущейся массы особей, а также при разрыве добычи челюстями насекомых.

Villa Bella — «прекрасный поселок» (испан.). — Прим. перев.

Фосетт здесь подразделяет индейцев в соответствии со своими ошибочными представлениями о их происхождении. Подробнее об атом см. в послесловии.

Хотя автор и говорит о кобре, в Южной Америке она не водится. Вероятно, это был один из видов гремучих змей.

Фолклендские, или Мальвинские, острова расположены в южной части Атлантического океана, в 450 км к востоку от Магелланова пролива. Уже более века эти острова являются предметом территориального спора между Аргентиной и Великобританией.

Парагвай — единственная страна Южной Америки, где фактически два государственных языка: испанский и гуарани.

Здесь имеется в виду война Парагвая с Бразилией, Аргентиной и Уругваем (1864–1870). Война была вызвана стремлением этих трех стран захватить пограничные территории Парагвая, а также рядом других причин. В этой войне погибло около 75 % населения Парагвая. Страна лишилась значительной части своей территории и была отброшена далеко назад в экономическом отношении.

То, что все индейцы Парагвая знакомы с крестом, не вызывает удивления. Ведь страной более полутора столетий (с конца XVI в. до 1768 г.) правили монахи-иезуиты.

Это полужесткокрылое насекомое *Laternaria servillei*.

В научной литературе не имеется сведений о змеях, «подражающих зову птиц» или каких-либо иных животных и издающих скулящие звуки.

Представители рода *Lachesis* — бушмейстер, называемый в Южной Америке сурукуку, или покарайа (*L. imitus*), и жарарака (*L. lanceolatus*) — одна из наиболее распространенных в Южной Америке ядовитых змей, как и собственно гремучие змеи (род *Crotalus*), принадлежат к подсемейству гремучников, или гремучих змей,? — *Crotalinae*.

Ни пантер, ни тигров в Южной Америке нет. Черными пантерами, или черными тиграми, называют более редких ягуаров, имеющих черную окраску.

Парагвай — единственная страна Южной Америки, где фактически два государственных языка: испанский и гуарани.

Глава муниципального управления (испан.). — Прим. перев.

100

Лейтенант (испан.). — Прим. перев.

Скотоводческое и вообще земельное поместье
(испан.). — Прим. перев.

Летучие лисицы и летучие собаки, принадлежащие к подотряду плотоядных рукокрылых — крыланов, обитают в тропиках лишь восточного полушария.

103

Кампос — саванны Бразильского плоскогорья, обычно с ксерофильными деревьями и кустарниками.

«Затонувший собор», одна из двадцати четырех прелюдий Клода Дебюсси. — Прим. перев.

105

Телеграфон — вышедший из употребления аппарат, воспроизводящий звуки при посредстве намагниченного стального провода.

По-видимому, речь идет о водяных гиацинтах
Eichornia crassipes, *Eichornia azurea*.

Пальма чонте, персиковая пальма, браз. пупунья (*Guilielma speciosa* syn *Bactris speciosa*) с мучнистыми плодами, напоминающими вареные каштаны. Издавна культивировалась индейцами и ныне выращивается в тропиках Центральной и Южной Америки.

Горы Рикардо Франко ныне называются Серрания-де-Уанчако, выс. до 1995 м, «Затерянный мир» Конан-Дойля навеян в основном более впечатляющими песчаниковыми массивами (Ауян-Тепуи и др.) на Гвианском плоскогорье.

Звери (португ.). — Прим. перев.

Мой командир (искан.). — Прим. перев.

После всех испытанных здесь мучений мой отец был бы горько разочарован, если бы узнал, что он принимал за исток реки Верди то, что на самом деле им не было. Он следовал по тому притоку, который, как он полагал, является основным руслом реки, но у Верди множество мелких ответвлений, и одно из них впадает в широкий приток неподалеку от ее устья. Настоящий исток реки Верди был открыт полковником Бандейра Коэльо в 1946 году, несколько юго-западнее места, указанного отцом. Тем не менее и поныне истоком реки Верди официально считается тот, который был указан отцом в 1909 году. — Прим. мл. сына Фосетта.

То, что Фосетт здесь и в других местах книги называет революциями, в действительности обычные пронунсиаменто — военные перевороты, которые столь часто происходили в странах Латинской Америки.

Member of the Royal Victorial Order (англ.) — кавалер ордена королевы Виктории. — Прим. перев.

Вождь, старейшина (испан.). — Прим. перев.

По описанию, возможно, речь идет о дереве асаку (*Sapium aucuparium*): имеются и другие ядовитые виды, используемые в рыбной ловле, например лиана тимбо (*Paullinia pinnata*).

Жаргон простого лондонца (англ.). — Прим. перев.

117

Дорадо, или корифена (*Coryphaena hippurus*).

118

Соответствует 44, 4° Цельсия. — Прим. перев.

Минус 5, 6° Цельсия. — Прим. перев.

Вискача (семейство шиншилловых) живет на равнинах юго-востока Южной Америки. Вероятно, автор описывает другого представителя этого семейства — крупного пушака, действительно обитающего на плоскогорье Центральных Анд.

Южноамериканских грифов (Cathartidae) раньше иногда называли обобщенно кондорами. К ним принадлежат и самый крупный настоящий кондор (*Sarcorhamphus gryphus*) с черным оперением и светлый королевский гриф, или пара (*S. para*); размах крыльев у первого достигает не 4 м 27 см (14 футов), а 2 м 75 см, у второго до 2 м. Настоящий кондор обитает в Андах, обычно между 3–5 тыс. м, королевский гриф — на равнинах, редко поднимаясь выше 1500 м.

В 1780 г. касик Тунгасуки Хосе Габриэль Кондорканки стал во главе восстания, целью которого было восстановление независимого инкского государства. Сам Кондорканки принял имя последнего верховного инки — Тупак Амару. Через два года восстание было жестоко подавлено, а его вождь казнен.

123

Речь идет о хроническом инфекционном заболевании лошадей, вызванном трипаносомой.

Так оно и оказалось. В настоящее время (1951 г.) специалисты США серьезно изучают это заболевание, и можно надеяться, что скоро ута, так же как и ужасная «Verruga», будут окончательно побеждены. — Прим. мл. сына Фосетта.

Мачу-Пикчу — инкский город — святилище, открыт в 1911 г. Что же касается развиваемых здесь Фосеттом идей о древних культурах, то об этом см. в послесловии.

Смола копал копаибы, южноамериканского вида *Copaifera langsdorfii*, как и африканских видов *Copaifera*, применяется в медицине под названием копайский бальзам.

Sanguinaria canadense растёт только в Северной Америке. Вероятно, автор подразумевает какой-то сходный вид.

Возможно, что это один из подвидов оцелота, или пардовой кошки, туловище которой имеет до 1 м длины, а окраска может сильно варьировать.

Никаких достоверных сведений о наличии в настоящее время в Южной Америке гигантских животных (например, тихоходов, бывших еще современниками первобытного человека) не имеется.

Этнографическое и антропологическое изучение индейцев бассейна Амазонки в последние десятилетия показало, что индейцы этой области довольно однородны и по своему физическому типу и по культуре.

Современное воздушное сообщение превратило Арекипу в популярный туристский центр, и те, кто хоть раз посетит «Белый город», возвращаются сюда снова и снова. С тех пор как отец написал эти слова, постановка гостиничного дела в Арекипе и повсюду в Перу заметно улучшилась. — Прим. мл. сына Фосетта.

Автор ошибается. Бухта Писагуа не расположена в кратере вулкана.

Malstrom (швед.) — «водоворот». — Прим. перев.

Bultos буквально означает «тюки, узлы». На мой взгляд, это очень образное определение привидения. — Прим. мл. сына Фосетта.

Неясно, кого имеет в виду Фосетт, так как среди инкских правителей известны Льоке Юпанки, Памакути Юпанки и Тупак Юпанки.

136

Кровососущих тараканов не бывает; тараканы могут лишь разъесть имеющиеся на теле ранки.

Винный луч (испан.). — Прим. перев.

Имеется в виду война 1914 года. — Прим. мл. сына Фосетта.

139

В Бразилии нет такого племени.

Хлопчатниковое дерево, или сейба (*Seiba pentandra*),? — одно из самых крупных деревьев тропиков. Обладает легкой и прочной древесиной, а в плодах-коробочках содержит шелковистое волокно капок. Родина — Южная Америка, культивируется в тропиках и восточного полушария, особенно в Юго-Восточной Азии.

Норденшельд, Эрланд (1877-1932) — известный шведский этнограф, исследователь индейцев Боливии, Аргентины и Перу.

142

Сообщаемые здесь Фосеттом сведения носят фантастический характер.

Вождь максуби, восхищенный фотографиями нашей семьи в Лондоне, которые отец показал ему, снабдил его большим сетчатым мешком, полным огромных земляных орехов, предназначенных для нас, детей. Этот мешок достиг Англии в целостности и сохранности; даже муки голода не смогли заставить отца почать его. И сейчас я со стыдом вспоминаю, как беззаботно мы, детвора, поедали орехи. Этот мешок и поныне у меня; некоторое время несколько орехов сохранялось, но, к несчастью, позже, в Перу, их уничтожили термиты. — Прим. мл. сына Фосетта.

1 ноября 1914 г. у мыса Каронель у побережья Чили произошло сражение между английской эскадрой, возглавлявшейся адмиралом Кредоком, и немецкой эскадрой во главе с адмиралом Шпее. Бой закончился потоплением двух английских броненосных крейсеров.

21 апреля 1960 г. столица Бразилии была перенесена из Рио-де-Жанейро в город Бразилия, специально выстроенный в глубине страны, недалеко от верховьев рек Сан-Франсиску, Параны и Токантинса. Перенос столицы мотивировался тем, что это будет способствовать развитию внутренних малозаселенных и экономически слаборазвитых частей страны.

Бродяга (искан.). — Прим. перев.

147

Боксклот — толстое грубое сукно, обычно идущее на костюмы для верховой езды.

Колдун (португ.). — Прим. перев.

Политический вождь, глава (португ.). — Прим. перев.

150

Каатинга, множ. каатингас — опустыненное редколесье на северо-востоке Бразильского плоскогорья. Характерно обилие суккулентов (кактусов, бутылкообразных деревьев и др.) и колючих, жгучих, почти безлистных кустарников при очень скудном травяном покрове.

В Америке не было аборигенного негритянского населения. Негров привозили в Америку европейцы в качестве рабов. Что касается негроидной внешности некоторых индейцев северо-восточной Бразилии, то она объясняется имевшим место смешением индейцев с неграми, бежавшими в леса от своих хозяев.

Пальма кузи — *Orbignia phalerata*.

К 1920-м годам племя паташо уже почти вымерло, и поэтому район Гонгужа никак не мог находиться в его владении.

Волокно получают из молодых листьев пальмы пиассава, или пиассаба (*Attalea funifera*).

Таков маршрут, по которому мой отец направился в 1925 году. Специалисты по Бразилии утверждают, что пройти таким путем невозможно, и, так как отец не вернулся, возможно, они правы. Местность, где, по предположению отца, находилась его цель «Z», с недавних пор регулярно просматривается при полетах по бразильским авиалиниям, и ни о каких следах древнего города не сообщалось. Кроме того, эта часть страны не такая уж неисследованная, и трудно себе представить, что она была таковой в то время, когда отец писал эти строки. Бесспорно, что в тех местах — на границе штатов Гояс и Баия — найдены памятники далекой древности, только не город. Однако вот уже более ста лет известен один такой город в штате Пиауи, который зовут Sete Cidades (Семигра-дье) по его семи крепостным сооружениям. Я сам обследовал пункт с координатами, которые отец дает для города 1753 года, и о полной ответственностью могу утверждать, что его там нет. — Прим. мл. сына Фосетта.

Тем не менее, судя потому, что я видел сам, француз был прав. В Баии я много слышал о странствиях этого француза — он действительно побывал в неисследованных районах штата. — Прим. мл. сына Фосетта.

Индоевропейский метис (испан.). — Прим. перев.

В 1924 году, когда отец писал эти строки, ему было пятьдесят семь лет. — Прим. мл. сына Фосетта.

Гояба, гойяба, или гуйява (*Psidium goyava*), — семейство миртовых, невысокое дерево, дающее кисло-сладкие сочные плоды. Родина — Южная Америка; разводится и в других тропических странах.

160

Будьте добры (португ.) и благодарю (португ.). —
Прим. перев.

Житель сертаны (португ.). — Прим. перев.

Чападас, или шападас, — столовые плосковершинные останцовые массивы — плато на Бразильском плоскогорье; сложены песчаниками, лишены поверхностных вод и имеют разреженную растительность из засухоустойчивых кустарников.

Саубе, точнее сауба (*Oecodoma cephalotes*) — муравьи-листорезы, называемые также зонтичными. Вырезают куски листьев, которые несут, как зонтики, и используют в качестве удобрения для грибного мицелия. Наносят большой ущерб не только дикорастущим, но и культурным деревьям; по ночам нередко опустошают запасы продовольствия в жилищах. Индейцы употребляют их в пищу.

Вино из ягод кажу (португ.). — Прим. перев.

Кажу — деревце *Anacardium occidentale*, родина — Бразилия. Культивировалось до прихода европейцев также в Мексике и Вест-Индии, ныне и в тропиках Азии и Африки, где называется кэшью. В пищу употребляется сочная кисло-сладкая плодоножка, исключительно богатая витаминами, и собственно плод-орешек, содержащий в ядре до 57 % масла.

165

Мука из маниоки (португ.). — Прим. перев.

166

21,1 °С. — Прим. перев.

Джон Престер, или пресвитер Иоанн, — легендарный правитель могущественного христианского государства, якобы существовавшего в средние века где-то в Азии или Африке. Легенды о пресвитере Иоанне в течение многих веков (начиная с XII в.) были широко распространены в Европе.

В феврале 1952 года, уже после того как были написаны эти строки, правду о Дулипе напечатали в «Diario da Noite» и «O Jornal» — двух крупнейших газетах Рио-де-Жанейро под заголовком «Сумерки богов». Мальчик действительно оказался альбиносом. Его родители известны, кровь белого человека в нем не течет. Из-за физических недостатков, обычных для альбиносов, он не мог быть полноправным членом племени куйкуру и других дружественных им племен, живущих в районе Шингу. Отверженный и презираемый, он стал добычей журналистов, хотевших использовать его для мистификации. Бывший «Белый бог Шингу» живет в Куябе; последние новости о Дулипе гласят, что он вступил на дурной путь, стал плохим, никчемным человеком.

Мне передавали, что в жилах самого Изарари текла белая кровь. Его сын Ярулла, застенчивый красивый юноша, превосходный представитель племени калапало. Когда я спросил сеньора Вильяс Боас, верит ли он в то, что Ярулла мой племянник, он ответил, что ему доподлинно известно, что это не так.

Р. Уокоп. Затонувшие материки и тайны исчезнувших племен. М., 1966, стр. 136.

А. Кауэлл, В сердце леса. М., 1964, стр.20.